

СМОНА

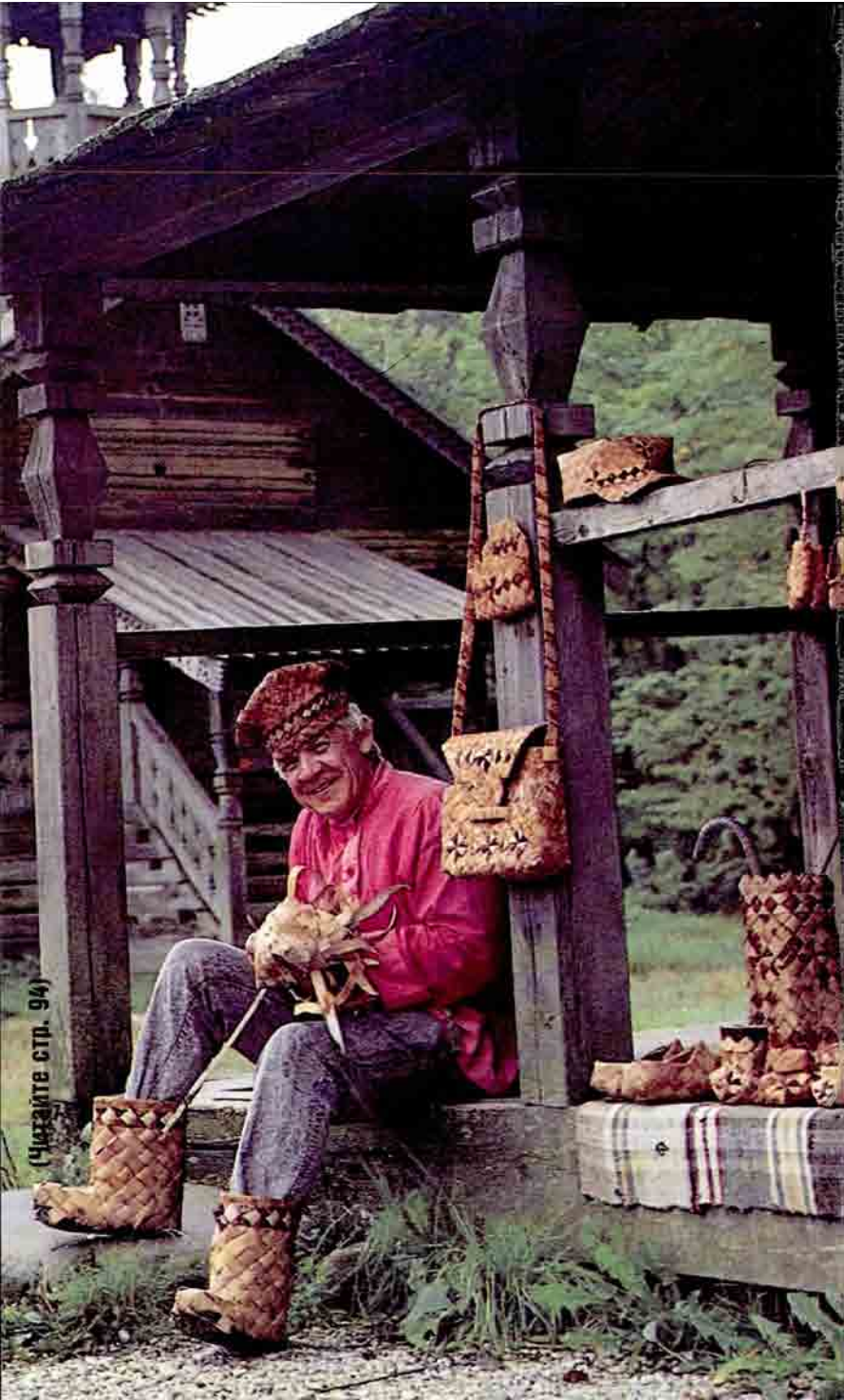
ISSN 0131 — 6656

СЪЮЗЕН ХИЛД ■ ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ ■ МЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО

1 / 96

(Читайте стр. 94)

1996

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
*Художественно-
технический редактор*
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 30.10.95.
Подписано к печати 23.11.95.
Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага «Офсетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 72 800 экз.
Заказ № 778.

Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации.
Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака
обращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

1 (1575) ЯНВАРЬ

© «Смена», 1996.

32 ПРОЗА

*Николай Леонов***ИЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВО** *Криминальная повесть*

132

*Рада Полищук***ЛЮБИТЬ ХОЧЕТСЯ** *Рассказ*

146

*Эллери Куин***СЕМЬ КОТОВ** *Детективный рассказ*

226

*Сьюзен Хилл***ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ** *Мистическая повесть*

104 ПОЭЗИЯ

Иван Переверзин

143

Михаил Василевский

4 ВРЕМЯ И МЫ

*Галина Брынцева***ШАНЕЛЬ И ШИНЕЛЬ**

24

ПРИНЦ И НИЩЕ*Беседа с академиком Натальей Римашевской*

94

*Александр Пьянков***УЦЕНЕННЫЙ «ГОСПОДИН»**

180

*Светлана Колосовская***«ХАББАРДИЗАЦИЯ» ВСЕЙ СТРАНЫ**

195

Игорь Гамаюнов

ГРЕХОПАДЕНИЕ

14 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

«**РУССКАЯ МУЗА**»

Конкурс знатоков отечественной поэзии

108

Татьяна Горбачева

ТРАГИЧЕСКИЙ КЛОУН

114

Уолтер Патер

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

210

Иван Кокорев

В БЕЛОКАМЕННОЙ...

На I-й обложке: певица Татьяна Петрова.
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ. (Читайте стр. 192)
На II-й обложке: народный умулец из Новгорода Василий Вихров.
Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Шарль Эксбрайя

ПОМНИТЕ ЛИ ВЫ ПАКО?

*Действие романа
известного
французского*

*беллетриста происходит в китайском квартале
Барселоны.*

*Инспектор полиции Мигель Льюхи ведет непримиримую
борьбу с воровской бандой, заправляющей преступными
делами квартала. Смерть юного Пако, волею
обстоятельств вовлеченного в эту борьбу, еще больше
убеждает Мигеля идти до конца в достижении цели,
ставшей почти маниакальной...*

Иван Зюзюкин

НАД ПРОПАСТЬЮ ЛЮБВИ

*Первый очерк новой
рубрики «Драмы
великих сердец»*

*откроет читателю один из самых трагических
эпизодов в семейной жизни знаменитого русского
писателя Александра Герцена.*

ГАЛИНА БРЫНЦЕВА

ШАНЕЛЬ И ШАНЕЛЬ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Один миллион девятьсот тысяч людей в погонах — от маршала до рядового — такова численность Российской армии сегодня. Сюда входит и сто тридцать одна тысяча женщин — солдат, сержантов, матросов и прапорщиков. И полторы тысячи женщин-офицеров, из которых около трехсот имеют звание старшего комсостава — не ниже майора. Шесть

дослужились до полковников. А вот генеральские звезды достались лишь одной представительнице слабого пола: звание генерал-майора присвоено Валентине Терешковой.

И хотя это общее количество женщин-воинов составляет примерно всего одну четырнадцатую долю личного состава Вооруженных сил России, согласитесь, что сама по себе цифра сто тридцать две с половиной тысячи впечатляет и позволяет говорить о женщине в армии уже не как об исключении, а как о социальном явлении, реальности наших дней.

Что привело прекрасную половину человечества в армейский строй, и кто они, эти женщины?

Феминистки? Романтики? Или...

Признаться, когда только приступала к теме, хотелось чего-нибудь «эдакого»: увидеть бравых девчат, легко поражающих из пистолета навскидку условного противника, владеющих техникой рукопашного боя и с ничем не истребимой женской грациозностью взлетающих на танковую броню. Надеялась услышать подтверждения тому, что феминистские настроения не чужды и нам, россиянкам.

Однако, прибыв в знаменитую Гвардейскую танковую Кантеми-

ровскую дивизию, очень быстро убедилась: все куда прозаичней и ...сложнее.

Последнее, проводившееся с 1989 года, большое сокращение армии привело к тому, что недокомплект личного состава, и прежде имевшийся, стал совсем уж нетерпимым (сегодня он составляет сорок процентов!). Чтобы хоть как-то выправить положение, было решено на должности солдат, сержантов, прапорщиков приглашать гражданских на контрактной основе. Контрактниками могли стать и женщины. Это, весьма кстати, позволяло властям предержавшим одним махом убить и второго зайца: ослабить напряженность, связанную с растущей женской безработицей. «И в первую очередь помочь трудоустроиться женам офицеров, безработица среди которых особенно велика», — добавляло армейское начальство.

В самом деле: мотаясь за мужем-офицером по городам и весям, попробуй-ка найти работу, если ты, к примеру, специалист по промышленным холодильным установкам или художник-модельер. Однако прежде со статусом «мужней жены» (устраивавшим, кстати, далеко не каждую) все же можно было мириться: стабильность положения офицерского сословия и достаточно высокие, по советским меркам, заработки мужа позволяли. Сегодня же, когда и стабильности больше нет и воинские оклады безудержно отстают от галопирующей инфляции, не работать офицерским женам стало попросту не по карману. И тут уж не до профессиональных амбиций — хоть какую-нибудь, мало-мальски оплачиваемую работу подыскать. Но сделать это в том же Наро-Фоминске, где расквартирована Кантемировская дивизия, почти нереально.

Остается одно: служба в армии по контракту. В Кантемировке три-

ста пятьдесят контрактниц. Большая часть из них члены семей военнослужащих, остальные — жительницы Наро-Фоминска и ближних подмосковных городков. Отнюдь не юные и настроенные вовсе не романтически матери семейств. Одна из контрактниц — бывшая жительница Сахалина. Оставшись после недавнего землетрясения без крова, с трехлетним сынишкой и старенькой мамой, она приехала в Подмоскovie к единственным имевшимся на Большой земле дальним родственникам. Куда им троим было деваться? В «хрущевке» у родни на веки вечные не поселишься. Спасибо, добрые люди подсказали, а командир Кантемировской дивизии пошел навстречу, позволив заключить контракт в порядке исключения (по положению на военную службу берут либо бездетных женщин, либо имеющих детей не младше школьного возраста). Дали сахалинцам и комнатку в дивизионном общежитии.

Дополнительная информация. Процедура оформления армейского контракта достаточно проста. Женщина, решившая стать военнослужащей, обращается в местный военкомат, где имеются заявки воинских частей о наличии у них вакансий для контрактников. Если в списке вакансий она находит подходящую должность, контракт заключается либо с военкоматом, либо непосредственно с командованием части, где она намерена служить. Существует возрастной ценз для женщин-контрактниц: не моложе двадцати и не старше сорока лет.

Решение государственной власти о привлечении на воинскую службу по контракту женщин наравне с мужчинами неожиданно оказалось весьма удачным еще и вот почему. В Главкомате сухопутных войск — самых многочисленных из пяти родов войск — они со-

ставляют нынче сорок процентов всех Вооруженных сил России, — мне назвали цифры, которые и комментировать, кажется, не нужно. Половина неофицерского состава — контрактники, сорок процентов из них — женщины. Дело в том, что контрактная служба в том виде, в котором она существует сегодня, по своим условиям труда и заработкам, как я уже говорила, вполне приемлема и выгодна женщине. Но, увы, не мужчине... Кормильца она устроить вполне не может. Так что не будь женщин-контрактниц, и малую толику прорех в комплектовании армии не удалось бы закрыть. Солдаты из женщин получают хорошие: они дисциплинированы, добросовестны, надежны в исполнении распоряжений и приказов. Так, во всяком случае, говорили мне все мужчины — кадровые офицеры и в штабе дивизии, и в ее полках.

Дополнительная информация. Подавляющее большинство контрактниц занимают должности писарей, делопроизводителей, санинструкторов, поваров, связисток — в соответствии с разработанным Министерством обороны Перечнем должностей, которые могут занимать женщины. Как сказали в Главкомате сухопутных войск, самая «боевая» должность у сухопутчиков, дозволенная женщинам в артиллерийских частях и дивизионах, — вычислитель, занимающийся подготовкой данных огневого поражения. И тут же похвастались, что на последних учениях в Подмоскovie женщина — оператор-наводчик противотанковых управляемых ракет — произвела восемь боевых пусков, и все ракеты легли точно в цель. А вот, к примеру, женщин — водителей танка в Российской армии нет ни одной, заверил меня руководитель пресс-центра сухопутных войск полковник Николай Малышев: «посадить»

на сорок тонн металла с дизельным двигателем женщину было бы нарушением всех законов и международных конвенций об охране женского труда.

Гвардии рядовая

— Оля, а что это за штука такая — станция ближней разведки?

— Прибор, позволяющий засечь противника, здоровенная такая бандура весом в пятьдесят килограмм. Да мне с ней за все время пару-тройку раз только в поле выходить пришлось, солдатик так-так помогал...

Гвардии рядовая Ольга Гаврилова — оператор станции ближней разведки 3-й стрелковой роты. Ее гражданская профессия пишется гораздо короче: экономист. Но «надо же как-то выкручиваться в этой жизни»: когда пять лет назад мужа-капитана перевели в Кантемировку, работы по специальности в Наро-Фоминске не нашла. Когда в обвальном девяносто втором перебиваться на съезжившуюся от растущих цен мужнину зарплату стало совсем туго, пошла служить в дивизию.

Сейчас общий заработок (оклад, надбавки за звание и выслугу лет, пайковые) капитана Гаврилова, имеющего тринадцать лет выслуги, чуть больше семисот тысяч рублей. Может ли семья из трех человек прожить на такие деньги?.. Стаж контрактной службы Ольги три года, и сегодня ее доля в семейном бюджете (также со всеми надбавками и пайковыми) около пятисот тысяч. Уже легче! Хотя, призналась она, если бы не помощь родителей...

— И смех, и грех: нам с Геной обоим за тридцать, Анечке нашей уже девять лет, а все на родителей приходится надеяться. Женщина

такое все-таки легче переживает, а вот кормилец-мужчина... Нам, слава Богу, хоть с квартирой повезло! У многих постоянного жилья как не было все десять-пятнадцать лет переводов-переездов с места на место, так и нет...

Дополнительная информация. Сформированная в июле 1942 года Гвардейская танковая Кантемировская дивизия в военных кругах всегда считалась образцовой, элитной. Около четырехсот офицерских семей дивизии, сказал начальник отделения штаба подполковник Александр Белецкий, не имеют сегодня жилья. Живут в общежитии, в учебном корпусе, в типографии, в санчастях... Сам Белецкий служит в Кантемировке год и лишь недавно отважился перевести с прежнего места службы в Забайкалье семью: жену, шестнадцатилетнего сына и двенадцатилетнюю дочь. Разместились в казарме.

Квартиру — первую за семейную жизнь, «настоящую», свою, не временную — Гавриловы получили год назад. До этого четыре года квартировались в учебном корпусе. Там же, в классе учебного корпуса, с женой и трехлетней дочкой живет сейчас Павел — брат Ольги. Старший лейтенант разведбата, бывший суворовец и совсем недавний выпускник военного училища, командир разведроты, не потерявший за шесть страшных боев в Чечне ни одного своего солдата и гордящийся этим больше, чем досрочно присвоенным ему весной званием «старшего».

— Есть классы маленькие, есть побольше, — разъясняет мне Ольга «жилищный вопрос». — Паше достался в семьдесят квадратных метров. Они его разгородили мебелью: тут у них детская, тут — спальня, тут — гостиная, кухонька с ведрами воды вместо крана. Понятное дело, один туалет на десять

семей. То воды нет, то света... А знаешь, люди и в таких условиях свой мирок, свой уют создать стараются. Ковры приколачивают, кухонные гарнитуры ставят. Только вот военная техника все портит!

— ?..

— Ну, классы-то ведь учебные, в них учебная техника стоит. Брату «шилка» досталась. Это зенитная установка со здоровущим таким локатором... А у нас пушка от БМП стояла. Ничего, для сушки белья очень даже хорошо все приспособлено было!..

Я так подробно говорю о бытовой стороне жизни дивизии, потому что, только побывав в этой не так давно «показательной» дивизии, я по-настоящему поняла, что имеют в виду российские военные, говоря о кризисе армии и униженности ее офицерского состава.

— Оля, а это трудно, наверное, подчиняться, не рассуждая и не возражая, выполнять любой приказ? Встречаются ведь дураки-командиры... И хамы в армии, прямо скажем, попадают?

— А где «не попадают»?.. Но когда соберешься в армию пойти служить, перво-наперво запомни армейское правило номер один: «Пункт первый: начальник всегда прав. Пункт второй: когда начальник не прав, смотри пункт первый». А если серьезно — я стараюсь не дожидаться приказов: мне бывает достаточно просто сказать, попросить. Позвонил комбат уже вечером домой: нужно срочно прийти отпечатать план-задачи к утренним стрельбам. Нужно — значит, нужно! И никаких тут «разговорчиков в строю», на мой взгляд, быть не может.

Ольгина солдатская служба часто напоминает рутинную работу секретаря-машинистки: перепечатывать приходится много бумаг, их и в армии предостаточно. Планы, отчетность, конспекты к учебным

занятиям. Занятия — по тактике ведения боя, по общеполитической ситуации, правам военных, теории разведдействий — обязательны для контрактниц, как для любого солдата. Обязательны и наряды — какая же без них солдатская служба. Хотя в Кантемировской дивизии женщин в ночной наряд не ставят (в иных же воинских частях, где кадровый голод еще острее, рассказывали офицеры, — случается). Поэтому он длится для них двенадцать часов — с девяти утра до девяти вечера: дежурства по штабу полка или на дивизионном контрольно-пропускном пункте, в хоздворе на заготовке и консервировании продуктов на зиму или в солдатской столовой. Что ж, и без таких работ в армии не обойтись.

Дополнительная информация.

Трижды в неделю во всех батальонах дивизии проходят занятия по строевой, физической и огневой подготовке. Женщины-военнослужащие участвуют в них наравне с солдатами срочной службы. Послабление для них Минобороны сделало лишь по части физкультуры: «Наставления по физической подготовке и спорту для женщин» содержат более низкие нормативы. Дамы старше сорока лет от физзанятий могут быть освобождены.

— Лично мне, — Ольга легонько пожала плечами, — служба несколько не в тягость. Говорить же за всех невозможно. Ну да, кому-то не по нраву наряды, кому-то, кто давно потерял свою, так сказать, «девичью спортивную форму», трудно маршировать на плацу или бежать стометровку. Однако я что-то не припомню случаев досрочного расторжения контрактов...

Гвардии рядовая Ольга Гаврилова — все же «особый случай», когда решающий для подавляющего большинства контрактниц мотив «пошла служить, потому что надо как-то выкручиваться в этой жиз-

ни» удачно совместился с ее характером, психологией. Оля по самой природе своей очень активна, деятельна и, как мне показалось, принадлежит к той категории женщин, которые в детстве с большим азартом играли в «казаки-разбойники», предпочитая их «дочкам-матерям». Да и выросла она в армейской атмосфере: с детства кочевала с родителями по военным городкам. Не поменяло этот «модус вивенди» и замужество. Так что армейская служба, ее каноны и атрибуты, порядки и установки для Ольги естественная среда обитания.

Армейская арифметика

Чего уж никак не скажешь о Татьяне Андреевой, тоже гвардии рядовой того же мотострелкового батальона. Еще три года назад к армии она имела только то отношение, что долгие годы проработала в ведомственном детсаду Кантемировской дивизии завхозом. И до девяносто второго года ей и в голову не приходило, что она наденет в один прекрасный день солдатскую камуфляжную форму, будет стрелять по мишеням из боевого автомата и вскидывать к виску ладонь при виде офицера. Однако, когда знакомый подполковник из штаба 13-го полка, видя, как мыкается она вдвоем с сыном-подростком на свою завхозовскую зарплату, сказал: «Вот что, Татьяна Анатольевна, идите-ка вы к нам служить. Нам как раз на полковой баланс офицерское общежитие передали, будете там вроде коменданта», — это оказалось просто спасением. «Мы к тому времени с Андреем уже совсем дошли, как говорится, — вспоминает Татьяна, — в пору на паперть было выходить».

Сегодня молоденькие бессмей-

ные лейтенанты из общежития называют гвардии рядовую Андрееву «мамой Таней». Уставная субординация при этом терпит, конечно, убытки, но что тут сделаешь, если эти мальчишки на самую малость постарше ее семнадцатилетнего Андрея?

Вместе с Татьяной решили подсчитать все плюсы и минусы армейской службы для женщины. Начали с плюсов.

Во-первых, армия — это все же стабильность. Да, задержки с выплатами случаются и в Кантемировской, а в отдаленных гарнизонах — еще чаще, чем здесь, в Центре. Но ситуации, в которой, к примеру, в последние годы оказывались многие мои коллеги-журналисты, когда газеты, где они работали, закрывались в одночасье из-за финансовой несостоятельности, в военных структурах не возникнет.

Погоны дают женщине чувство все же большей, чем в гражданской жизни, социальной защищенности, уверенности в завтрашнем дне. Взять хотя бы страхование жизни и здоровья, которое в соответствии с контрактом оформляет бесплатно для своих контрактников армейское командование. На мое скептическое «Да уж — большое социальное завоевание!..» Татьяна ответила просто: «Большое ли, маленькое, но, когда я сломала в прошлом году ногу, десять должностных окладов, полученных по той страховке, пришлось очень в пору — кухонный гарнитур тогда смогла наконец купить».

Во-вторых (и «в главных», о чем, увы, мне приходится вновь и вновь повторять в этом очерке), служба в дивизии позволила Татьяне вновь ощутить совсем было ушедшую из-под ног материальную почву. Оклад у нее двести пять тысяч, надбавка за трехлетнюю выслугу еще семьдесят пять; двести пятьдесят четыре тысячи составляли

так называемые «пайковые»; раз в три месяца она получает сто семьдесят тысяч рублей квартальной премии. Ко всему надо добавить шесть минимальных российских зарплат, получаемых Татьяной при уходе в отпуск на себя и три на сына — «санаторно-курортные», как их тут называют. Раз в год ей положен бесплатный проезд на поезде в любую точку России и обратно. Бесплатен для нее и городской общественный транспорт, включая электрички.

Ну и, наконец, обмундирование. Я не буду приводить здесь полный перечень военной одежды и обуви, выдаваемых контрактникам: он слишком длинен и включает даже нижнее белье. И поскольку на службе женщины-солдаты обязаны быть одеты по форме (которая, замечу, определяется на тот или иной период приказом командира полка: надлежит ли явиться в полевом камуфляже или в кителе с юбкой), проблема экономии на «элегантных английских костюмах для деловой женщины» отпадает сама собой.

О «минусах» своей солдатской службы Татьяна говорила короче. Ничего такого, что отравляло бы ее утренние сборы досадливым «О, Господи! Опять!..», она в своей работе не находит.

Могут ночью поднять по тревоге? Ну, это случается настолько нечасто, что и рассуждать-то про то не стоит. Дважды в год, весной и осенью, бывают полевые походы на день-на три в учебный центр в Головеньках, что за пятнадцать километров от Наро-Фоминска. При этом вещмешок (где и прорезиненная плащ-палатка, и котелок, и сухой паек, и много чего еще положенного по Уставу) неподъемный, а условия жизни женщин — известно какие — походно-полевые? Ходили же мы все в школьные

годы в походы, и ничего, нравилось...

«Работа как работа. Главное, в такое трудное время она позволяет не скатиться за черту бедности, позволяет прокормить детей», — вслед за Татьяной Андреевой говорили и абсолютно все женщины-солдаты, с которыми я встречалась в Кантемировской дивизии.

То, что в армию они пошли служить наравне с мужчинами отнюдь не по романтическому призванию, а лишь *вынуждаемые* к тому обстоятельствами, никто из моих собеседниц в качестве принципиального — исходного — «минуса» своей армейской бытности даже не рассматривал. Милые, замечательные наши женщины, сильные бесконечным своим терпением, основанным на неизбалованности, и умением при любых жизненных раскладах сказать себе как приказать: «Худа без добра не бывает!» И то сказать — работой сегодня Татьяна Андреева по-прежнему в детском садике, разве смогла бы она купить себе кухонную мебель, да еще после случившегося несчастья? Детсадовских-то работников бесплатно никто не страхует, а самим оплачивать страховой полис им неподъемно...

Женский взгляд на мужское достоинство

Мотострелковый батальон отправился на стрельбы. Учебный полигон находился километрах в трех. Вместе с комбатом майором Василием Фастовцом и его заместителем майором Виктором Балабаном мы и добрались до места минут на десять раньше батальона. Этого времени хватило, чтобы узнать, что:

РПГ — это ручной противотанко-

вый гранатомет, «шайтан-труба», как прозвали его афганские моджахеды; женщины из РПГ сегодня стрелять не будут, этот вид оружия им еще предстоит освоить;

на один подход к огневому рубежу с АК — автоматом Калашникова — солдат получает двенадцать боевых патронов, которыми надо поразить три мишени: две ростовые — ближнюю и дальнюю, и самую удаленную и сложную, которую называют «пулеметный расчет»; сегодня будет отрабатываться стрельба из положения лежа;

для того, чтобы заработать «отлично», стреляя из пистолета Макарова, необходимо на круговой мишени выбить с трех выстрелов двадцать пять баллов, для оценки «хорошо» — не менее двадцати одного, набрав меньше восемнадцати, получишь «неуд».

И в конце этого маленького «вводного курса» я услышала то, что обязательно говорил мне каждый из уже встреченных дивизионных офицеров: «Женщины почему-то стреляют лучше мужчин».

Подошедшая Ольга пожаловалась:

— Опять я вату не взяла...

— Господи, а вата-то тебе здесь зачем?

— Знаешь, какой «калашников» громкий! У меня после него весь день звон в ушах стоит, вот я ватой уши и затыкаю. Хотя из автомата я все-таки больше люблю стрелять, из пистолета у меня хуже получается.

Забегая вперед, скажу, что Ольга и Татьяна и «по пистолету», и «по автомату» заработали в тот день «четверки». Их «товарищи по оружию», солдаты-мужчины, по большей части получили «уды» и «неуды».

Из автомата женщины стреляли, улегшись на постеленную на землю плащ-палатку, — хорошо, что еще стояла осень. Где-то далеко в поле

поднимались и через несколько секунд опускались управляемые оператором с пульта мишени. Даже самая ближняя ростовая мишень — вырезанный из фанеры человеческий силуэт — казалась недосягаемой.

Но маленькие женские хитрости выручают и на учебных стрельбах. Когда неожиданно прозвучала обращенная уже ко мне команда «Получить боеприпасы, занять огневой рубеж!», Ольга успела шепнуть: «Целься в мужское достоинство!» И, знаете, на обеих ростовых мишенях сработало! А вот «пулеметный расчет» не дался. Видимо, потому что майор Балабан непонятно посоветовал целиться под неведомый мне «обрез»...

Мужской взгляд на женские погоны

У каждого офицера, с кем довелось говорить в Кантемировской дивизии, я спрашивала про его личное отношение к появлению в Вооруженных силах России женщин-военнослужащих. В армии командир — царь и Бог. А для солдата любой офицер — уже командир. Поэтому от отношения офицерского корпуса более всего зависит, как живет и служит солдатам женского рода сегодня.

Ответы моих собеседников были настолько похожи, что, приведя здесь монолог лишь одного из них, заместителя командира батальона разведчиков майора Игоря Доцюка, смогу, как мне кажется, передать и общее отношение кантемировских офицеров к своим подчиненным-контрактницам:

— Сначала давайте определимся с исходным тезисом: не от хорошей жизни стали набирать в армию женщин в таком количестве; не от

хорошей жизни женщины — вечерашние учителя, инженеры, домохозяйки — пришли служить в армию. Конечно, мы их понимаем. И режим службы у них все же щадящий. Я, например, никогда не пошлю своих женщин мыть солдатскую казарму или расчищать снег на плацу. И в полевые выходы батальона стараемся их брать ограниченно — выезжая, оставляем дежурить при штабе женский наряд. Во-первых, полевые учения все же тяжеловаты для женщины, а, во-вторых, для нас самих наличие женского состава — сплошная головная боль: им же надо создать условия, поставить отдельную палатку, отдельный санузел. Короче, себе дороже — женщин в поле выводить...

Офицеры с полным пониманием относятся к присутствию в строю женщин, — продолжал майор-разведчик. — Их появление смягчило армейские нравы. Они более, чем мужчины, исполнительны, старательны, добросовестны в своих служебных делах, особенно хозяйственных и касающихся оформления бумаг. Но говорить про то, что женщины-военнослужащие укрепляют армию, имеют хоть какое-то отношение к ее боеспособности — увольте, не стану. И не стоит нам сравнивать себя с армиями западных стран. Мы с ними, извините, находимся на разных стадиях развития: то, что у них от сытости, у нас — от бедности. Россия не Израиль и не Франция, где женщина-капитан, сознательно *выбравшая* в свое время воинскую профессию из ряда других хорошо оплачиваемых и классно к ней подготовленная другими профессионалами, гоняет по плацу мужиков, и все у нее прекрасно получается. Русская женщина, я уверен, к такому не готова. Другой у нее менталитет, если хотите.

Дополнительная информация.

С 1991 года шесть российских медицинских вузов стали принимать на свои военно-медицинские факультеты женщин, которым по окончании института присваивается звание лейтенанта военно-медицинской службы. Их дальнейшая профессиональная судьба связана с армией.

В прошлом 1995 году Саратовское военное инженерное училище химической защиты и Московский военный институт пограничных войск впервые произвели набор групп девушек-курсанток. И в том, и в другом учебном заведении конкурс среди поступавших абитуриенток составил не менее десяти человек на место. Около половины сегодняшних курсанток — школьные медалистки.

Как видите, уважаемый читатель, майор Доцюк, говоря о менталитете российских женщин, не вполне прав. В новейшей истории Российской армии процесс «феминизации» на профессиональной основе все-таки начался. И о девушках в форме военных курсантов вряд ли можно сказать, что они не мечтают о генеральских погонах...

Русская Муза

ПЕРВЫЙ ТУР

1

*Однажды наш поэт Пестов,
Неутомимый ткач стихов
И Аполлонов жрец упрямый,
С какою-то ученой дамой
Сидел о рифмах рассуждал,
Свои творенья величал,—
Лишь древних сравнивал с собою,
И вздор свой клюквенный водою,
Кобенья в креслах, запивал...*

Пусть и горько это сознавать, но не очень-то и далеки окажемся мы от истины, смея предположить, что нынешнее наше время — пора разрушения традиций. Однако ни на единую йоту не удалимся мы от той же самой истины, утверждая без малейших сомнений, что в этом же мире тотального разрушения остаются все же ценности, ни временами лютыми, ни правами лихими необоримые. Одна из них — поэзия. Она, как живая трава, пробивается сквозь мертвые камни и дышит, передавая живое свое дыхание каждому, кто способен его воспринять. Сознавая это и не нарушая наших журнальных традиций, решили мы и нынешний год начать очередным творческим конкурсом, предметом которого на этот раз станет русская поэзия.

Составляя задания конкурса «Русская муза» и памятуя более чем обнадеживающие результаты предыдущего — «Знаете ли вы русскую литературу?», когда из предложенных шестидесяти вопросов девять первых призеров сумели ответить на пятьдесят восемь, — мы пришли к выводу, что не очень-то переборчим, доведя количество вопросов на этот раз до 99. Однако мы отдаем себе отчет в том, что ответить на все 99 — вещь мало реальная; впрочем, согласитесь, итоги конкурса предыдущего заставляют и в этом весьма сильно усомниться. Но поживем — увидим.

Итак, перед вами — разделенные на три тура 99 стихотворных отрывков из русской поэзии. Вам предстоит дать по возможности наибольшее число правильных ответов, каждый из которых должен включать в себя имя, фамилию автора, а также точное название стихотворного произведения. За каждый правильный ответ будет начисляться одно очко. Победители определятся по наибольшей сумме набранных очков в трех турах, и, как всегда, их ждут призы — подарочные издания поэзии, прозы и годовые подписки на журнал «Смена».

Ответы на вопросы январского тура с пометкой «На конкурс «Русская муза», 1-й тур» следует отправлять в редакцию до 15 апреля (срок отправки — по почтовому штемпелю).

Успехов вам!

2

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...
Умывается Микола
Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

3

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

4

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

5

«Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятия железнодорожные;
Банки тоже не бойко идут:
«Половину закрыть не мешало бы!»
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое.
Честь имею проект предложить:
Все обдуманно — дело готовое,
Стоит только устав сочинить...

6

Мы не поняли начала
Наших снов и песнопений.

*И созвучье отзвучало
Без блаженных испуглений.*

*И на улицах угрюмых
Было скучно и морозно.
Было полночь в наших думах.
Было поздно, поздно, поздно.*

7

*Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.*

*Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая прекрасны!*

*Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый.*

8

*Я бродяга и трущобник, непутевый человек,
Все, чему я научился, все забыл теперь навек,
Ради розовой усмешки и напева одного:
Мир лишь луч от лика друга, все иное тень его!*

9

*Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.*

*Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.*

.....
*Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.*

10

Лесная ночь была темна!
 Теней и ужасов полна!..
 Не смела выглянуть луна!
 Как гроб, молчала глубина!
 У них в руках была страна:
 Она во власть им отдана..
 И вот с арканом и ножом
 В краю, мне, страннику, чужом,
 Ползя изгибистым ужом,
 Мне путь широкий залегли,
 Меня, как птицу, стерегли...

11

На берегу пустынных волн
 Стоял он дум великих полн.
 Был бешен шквал. Песком сгущенный,
 Кровавился багровый вал.
 Такой же гнев обуревал
 Его, и, чем-то возмущенный,
 Он злобу на себе срывал.

12

О, вот они, минуты счастья,
 Когда, как зорька в небесах,
 Блеснет внезапно луч участия
 В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
 Растет на сердце, как напев,
 И с языка слететь готово,
 И замирает, не слетев...

13

Чем солнце зимнее теплее,
 Тем ослепительней снега;
 А нагота ветвей в аллее
 Все так же мертвенно строга.

Хоть не сдают еще морозы,
 Но жизни чуется прилив,
 И светлые роятся грезы,
 Печаль унылую сменив.

Назло зиме, где в полдень жарче,
 Уж тает ледяной наряд,

*И капли с крыши алмазов ярче
Слезами счастья горят.*

14

*Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои, страдая...*

*Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятья заслужил
Убийца — брат святого Глеба.*

15

*Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.*

*И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И вет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.*

16

*Ты Рассея — лихая теща!
Только будут, будут стократы
На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедра,
Олочане песнями щедры,
Только б месяцу, рядясь в дымы,
На реке бродил по налимы,
Да черемуху в белой шали
Вечера как девушку ласкали!*

17

*«Пара гнедых» или «Ночи безумные» —
Яркие песни полночных часов, —
Песни такие ж, как мы, неразумные,
С трепетом, с дрожью больных голосов!..*

*Что-то в вас есть бесконечно хорошее...
В вас отлетевшее счастье поет...*

*Словно весна подойдет под порошею,
В сердце — истома, в душе — ледоход!*

*Тайные встречи и оргии шумные,
Грусть... неудача... пропавшие дни...
Любим мы, любим вас, песни безумные:
Ваши безумия нашим сродни!*

18

*Рано мы похоронили Блока,
Самого достойного из нас,
Менестреля, скептика, пророка
Выручил бы голос или глас...
А его лиловые стихи
С ней и с Ней (уввы, «она» была
Отвлеченной) и любовь к России,
Даже и такая, не спасла...
Разве «та, кого любил ты много»...
Но молчу, не надо эпилога.*

19

*От ветра в ивах было шатко.
Река свивалась в два узла.
И к ней мужицкая лошадка
Возок забрызганный везла.*

*А за рекой, за ней в покосах,
Где степь дымила свой пустырь,
Вставал в лучах еще раскосых
Зарозовевший монастырь.*

20

*Помнишь ли, бывало, —
Ночи те далёко, —
Тишиной встречала
Нас заря с востока.*

*Из намеков кратких,
Жизни глубь вскрывая,
Поднималась молча
Тайна роковая.*

*То, чего в то время
Мы не досказали,
Записала вечность
В темные скрижали.*

21

Как сорок лет тому назад,
 Сердцебиение при звуке
 Шагов, и дом с окошком в сад,
 Свеча и близорукий взгляд,
 Не требующий ни поруки,
 Ни клятвы. В городе звонят.
 Светает. Дождь идет, и темный,
 Намокший дикий виноград
 К стене прижался, как бездомный,
 Как сорок лет тому назад.

22

Он с детства не носил подтяжек;
 Любил простор, любил покой
 И лень; но странен был покрой
 Его затейливых фуражек.
 Любил он жирные блины,
 Боялся черта да жены;
 Любил он, скушав пять арбузов,
 Ругнуть и немцев, и французов,
 Читал лишь изредка, с трудом,
 Служил в архиве казначейства
 И был, как следует, отцом
 Необозримого семейства.

23

Синий купол в бледных звездах,
 Крест червонней поздней ржи.
 Летом звонким режут воздух
 Острокрылые стрижи.

А под маковкой за уши
 Кто-то Темный из села,
 Точно бронзовые груши,
 Прицепил колокола.

И висят они, как серьги,
 И звонят к Христову дню.
 В меловой живя пещерке,
 Голубь сыплет воркотню.

24

Люби питомца вдохновенья
 И гордый ум пред ним склоняй,

Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Немного истинных пророков
С печатью тайны на челе,
С дарами выпренных уроков,
С глаголом неба на земле.

25

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам, как прежде, верят,
Как прежде, все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно...

26

Стихнул ропот непогоды.
Тишины незримый дух
Спеленал морские воды,
И, как ложа мягкий пух,
Зыбь легла легко и ровно,
Без следа протекших бурь,
И поникла в ней любовно
Неба ясная лазурь.

27

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не скорей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык светел, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом

Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летел с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

28

Воеет ветер, плачут ели,
Вьются зимние метели,
Бесконечной пеленой
Виснет хмара над страной.
Ни ответа, ни привета!
Лишь порою глыба света,
Дивной радуги игрой,
Вспыхнет тихо за горой;
Лишь порою, дея чары,
Гланет месяц из-за хмары,
Словно в повязи венца
Лик холодный мертвеца.

29

Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным Устюгом Москва,
Валдай — ямщик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамыли,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславлем белокрыльям.
За ними Новгород и Псков —
Зятя в кафтанах атлабасных,
Два лебедя на водах ясных —
С седою Ладогой Ростов.
Изба резная — Кострома,
И Киев — тур золоторогий
На цареградские дороги
Глядит с Перунова холма!

30

Далёко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе.
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осытает
Небес красавица-луна.

**В России нынче —
две России.
Одна недовольна,
что в супермаркет
не завезли омаров,
другая рада
лишнему ведру
картошки.
Богатые и бедные...
О них беседуют
директор
Института
социально-экономических
проблем
народонаселения РАН,
академик
НАТАЛЬЯ РИМАШЕВСКАЯ
и корреспондент «Смены»
СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ.**

— Скажите, Наталья Михайловна, где проходит та черта, за которой бедность?

— Границу бедности Госкомстат определяет (на август прошлого года. — С.Л.) как 230 тысяч рублей «на душу» ежемесячно. На самом деле она, эта граница, примерно в 2,5 раза выше. Стало быть, около 600 тысяч.

— А начиная с какого дохода человек может считать себя богатым?

— Наш институт проводил исследование, посвященное богатым в России. Один из вопросов, которым мы задавались, был таким: а где, собственно, проходит граница богатства? Мы опросили свыше полутора тысяч экспертов — в их числе были ученые, предприниматели, менеджеры, работники культуры... Интересная закономерность: чем меньше зарабатывал сам эксперт, тем ниже, считал он,

**ПРИНЦИПЫ
НАШЕГО**

пролегал «граница богатства». Самая скромная оценка оказалась 6 тысяч долларов на человека ежемесячно. А в среднем, суммируя мнения экспертов, этот порог сверхзажиточности составил около 12 тысяч долларов в месяц на человека.

— Сколько же в России богатых и бедных?

— Оценки такие: 3—5 процентов населения — богачи, 15—20 процентов — «средний класс», остальные — беднота.

— Кто и по какому принципу прочерчивает пресловутую «черту бедности»?

— Бедные есть во всех странах. И у нас они были при социализме — просто мы слова этого избегали, называли нищих «малообеспеченными». Все государства озабочены проблемами бедности, потому что это источник социальной напряженности, криминала... Каким образом эти проблемы всюду решают? Пытаются перераспределить национальный доход так, чтобы малообеспеченным жилось полегче. Но если среди граждан государства бедных больше половины, социальными методами им не можешь. Когда экономика слабая, не из чего им помогать. Это — Эфиопия, Руанда...

Раньше, при социализме, мы подсчитывали уровень малообеспеченности, исходя из минимального набора необходимых человеку продуктов, товаров, услуг. Затем полученную стоимость минимального набора (допустим, сорок рублей в месяц) увеличивали в полтора раза: чтобы один работающий мог прокормить «половину иждивенца». Получали 60 рублей и определяли эту цифру как минимальную зарплату...

Начались реформы. В 1992 году все реальные доходы населения упали примерно в 2,5 раза. Тогда

говорили, что у нас — 80 процентов бедных, и это было правильно, если исходить из того прожиточного минимума, что был раньше. Однако правительство установило новый прожиточный минимум, но сделало его таким минимальным — дальше некуда, чтоб только человек не умер. Рассуждали примерно так: пока у людей есть запасы — соль, тапочки, пальтишко для ребенка... Сейчас, мол, идет «острый» период реформ, хватит им и того, что отложили. А там, глядишь, доходы повысятся. Поэтому около семидесяти процентов минимального набора заняли расходы на питание. Тридцать оставшихся — квартира, транспорт, одежда...

— Знаю, что одним из показателей уровня жизни человека является то, на какие нужды он тратит свои заработки. Чем меньшую долю доходов он расходует на еду, тем больше остается ему на одежду, обстановку, развлечения, тем лучше он живет. Когда зарплаты столь высоки, что на питание семья, ни в чем себя не ограничивая, тратит четвертую — и меньше! — часть своего заработка, она входит в «средний класс»... А какую долю доходов расходует на еду российская семья?

— Даже после гражданской войны в России семьи тратили на еду меньше половины своего бюджета!.. Оставалось и на одежду, и на книги... А сейчас среднестатистическая семья расходует на питание примерно 60 процентов суммарного заработка. Нынче, по прошествии пяти лет, структура «минимальной корзины» не изменилась. Черту бедности лишь повышают в соответствии с инфляцией. Но соль, запасенную перед реформой, уже съели, тапочки износили, ребенок из пальтишка вырос... Подорожали и транспорт, и услуги, и

связь, и жилье... Приходится на это тратить все больше и больше. А «минимальная корзина» как была «временной», «экстренной», так и осталась.

— Сколько же у нас бедных было и сколько стало?

— До 1990 года границу малообеспеченности все время повышали. Поэтому доля людей, считавшихся в советской стране бедными (несмотря на то, что уровень жизни рос), оставалась неизменной: около 25 процентов. Теперь, при черте бедности, опустившейся почти в три раза, ниже нее оказываются, как считает Госкомстат, около 30 процентов россиян или примерно 46 миллионов человек. На самом деле подсчеты Госкомстата неточны, и наш институт настаивает на другой цифре: даже за такой «опущенной» чертой находится около 40 процентов соотечественников. Если же иметь в виду прежний уровень жизни, то бедных — 70 процентов или даже 80.

— Простите, а не лукавят ли цифры? Сколько людей получают сейчас деньги, не расписываясь ни в каких ведомостях! Что, частник, подвезший меня от метро, будет отчитываться за пять полученных тысяч перед Госкомстатом? А потом та же статистика свидетельствует: в доходах населения месяц от месяца увеличивается доля, полученная от предпринимательской деятельности...

— Да, эта доля увеличивается, но не только из-за того, что люди стали разворотливее! Растет она во многом потому, что налог на зарплату огромный, и умные руководители предприятий ее, зарплату, прячут от статистики и налогов: выплачивают в виде дотаций на питание и транспорт, ссуд, кредитов... Даже Госкомстат стал приспосабливаться к этому: теперь к цифрам средней зарплаты, что

предоставляют ему предприятия, он накидывает 26 процентов — «поправку на обман». На самом же деле деньги от предпринимательства, как показывают наши исследования, не превышают 10 процентов в структуре доходов средней семьи.

— И все-таки разговоры о всеобщей бедности кажутся мне преувеличением. Вы посмотрите, как люди одеты, сколько машин на улицах!

— Это в Москве. А Москва еще не вся Россия. Столица все больше отделяется от страны и по уровню жизни, и по ее укладу. Белокаменная — город дорогой, город для богатых. Так было всегда. Именно о дороговизне столичной жизни в былые времена сложили поговорку «Москва бьет с мыска, а Питер бока повытер». И сейчас в первопрестольной примерно 65 процентов всех российских банков, финансовых корпораций. Здесь — огромная армия чиновников, которые тоже не бедствуют. Люди, что обслуживают обеспеченных, тоже стараются урвать свой кусок: и продавцы в валютных магазинах, и официанты в ночных барах, и обслуга в казино... Даже водопроводчик в центре Москвы может запросить за то, чтобы поменять прокладку, сто долларов — и получить их!.. С другой стороны, несладко в столице живет тем, кто, как прежде, работает на заводе или в НИИ. Цены в белокаменной примерно в два раза выше, чем в среднем по России. А средний доход москвича — 1 миллион 401 тысяча рублей.

— В месяц на человека?!

— В месяц на человека. И это сильно разнится с другими регионами. В Петербурге — 500 тысяч рублей, в Мурманской области — 653, в Ставропольском крае — 210, в Карачаево-Черкесии — 185 тысяч

рублей на «душу» ежемесячно... Разница между богатыми и бедными регионами чуть ли не в десять раз! Но цены в разных городах России тоже очень разные. И если мы будем учитывать их разброс, реальные доходы в различных регионах, в общем, будут сопоставимы.

— Но почему по стране такой разлет в ценах и доходах?.. По моему, нигде в мире этого нет. И, я слышал, в Америке цены в разных штатах практически одинаковы...

— Чем больше в регионе частных производителей и торговцев, тем цены ниже. Частники, в отличие от государства, живей реагируют на спрос и борются с конкурентами, уменьшая цены. И, конечно, продукты и товары стоят меньше там, где люди мало зарабатывают, и поэтому там невысокий спрос... А разница между регионами у нас так заметна еще и потому, что уровень доходов низкий. Жителю Нью-Йорка с заработком 100 тысяч долларов в год не придет в голову ездить за сметаной в Нью-Джерси, хотя в этом штате все дешевле (налоги ниже...)

— По моему, куда заметней, чем различия между регионами страны, разница между бедными и богатыми людьми...

— В 1985 году десять процентов самых богатых наших соотечественников получали в 5,3 раза больше десяти процентов наименее обеспеченных, в 1990-м это соотношение увеличилось до 7,3 раза, в 1991-м — до 7,6 раза. Потом началась реформа, и показатель неравенства стал расти как на дрожжах: 1992-й — 14,2, 1993-й — 18,6, 1994-й — 37,4, первый квартал 1995 года — 39,1 раза!.. В былые годы тоже усиливалась социальная дифференциация, но потихоньку-полегоньку: на один пункт в течение десяти лет. Теперь — на десять пунктов в течение года!

Реформы идут во всех бывших социалистических странах, неравенство углубляется везде, но нигде с такой скоростью. Нигде оно не становится столь глубоким. Теперь в России словно две страны. Одна, меньшая, — богачи, кичащиеся своими миллионами. Другая — бедная, нищая. Это особенно тяжело психологически потому, что семь десятилетий мы жили с идеалами равенства, и потому, что беднеет большая часть населения, и потому, что те, кто разбогател неправедно, любят выставлять свое непомерное богатство напоказ. Никто в мире не тратит деньги так нескромно, так по-хамски, как наши новоявленные богачи. Сорят долларами «капиталисты русского разлива» от того, что состояния их не заработаны. Они плод жульничества, или злоупотребления властью, или удачной спекуляции. Не больше двадцати процентов богачей сделали свои деньги трудом. Вахханалия трат — «мерседесы» последней модели, золотые цепи, особняки в Ницце — происходит от того, что «новые русские» не хотят и не умеют вкладывать средства в дело, развивать его. У настоящего капиталиста на личном счету порой ни цента, зато за ним — заводы, фирмы, магазины, за ним — капитал. Форд ходил в ботинках на резиновой подошве, но создал грандиозную производственную империю, процветающую до сих пор. Многие ли отечественные фирмы и фирмочки связаны с производством? Делают ли реальное дело, которое через десяток лет вырастет в подобную империю?.. Не случайно эксперты, опрошенные нами в исследовании о богатых (о котором я упоминала), только в трех случаях из десяти связывают с богатыми надежды на процветание России. Да и как на них надеяться? Принято говорить: «Богатые люди — богатая страна». И это

верно, потому что в нормальных государствах за счет налогов, взимаемых с обеспеченных (а они достигают 90 процентов от личного дохода!), содержат бедных. Но у нас «натуровики» достигли такой изворотливости, а налоговая служба столь слаба, что триллионы рублей укрывают от налогообложения. За границу на свои личные счета наши капиталисты вывезли, по некоторым оценкам, от 30 до 100 миллиардов долларов. Значит, благодаря им богатеет не наша страна — богатеют Швейцария, Англия, Франция.

— Но, может быть, мы заблуждаемся, когда говорим, что раньше было равенство? А спецбуфеты, санатории для избранных, депутатские залы?..

— А разве сейчас всего этого нет?.. Вспомните — именно на «борьбе» с привилегиями взойшла сегодняшняя власть. Но нынешние привилегии, по-моему, прежней номенклатуре не снились... И мы опять знать не знаем, ведать не ведаем, какие это льготы и блага. И не понимаем, из чего складывается вознаграждение чиновника: неужели он живет на зарплату, которая в среднем по министерствам едва переваливает за пятьсот тысяч? И недоумеваем, отчего на Западе депутаты и бюрократы высшего ранга соглашаются на проверку их спецслужбами, на тестирование «детектором лжи», а у нас один-единственный депутат опубликовал свою декларацию о доходах...

— Почти все «горбачевские годы» не уставали повторять, что неравенство — благо, что хорошо, когда талантливый и сильный может зарабатывать больше пьяницы и лодыря...

— Теоретически все было красиво... Но, осуществляя реформы, опять, как в тридцатые годы, как в сороковые, в пятидесятые, не при-

няли во внимание одного — человека. Человек — это в России не ценность. Помните, как американцы всей страной спасали сбитого над Балканами одного своего летчика?.. А для нас и несколько миллионов не имеют значения... Во время нынешней «революции» снова не взяли в расчет: кто в результате реформ пострадает? В какой степени пострадают? Естественная убыль населения (превышение числа умерших над родившимися) составила за три года (с 1992-го по 1994-й) около двух миллионов человек. Эти люди, преждевременно умершие или не появившиеся на свет, — вот та цена, которую мы уже заплатили за реформы.

— Академик Лихачев писал, что особенность русского человека в том, что ему всегда не по душе настоящее. Сегодняшний день он ругает, а идеал видит в «прекрасном прошлом» или же пытается приблизить «светлое будущее». Мне почему-то кажется, что пройдет лет двадцать и о сегодняшних днях станут вспоминать чуть ли не как о «золотом веке»: ломились полки магазинов, можно было о чем угодно без боязни говорить, любую книгу или газету издавать, или затевать любое новое дело...

— Хорошее в дне сегодняшнем, конечно, есть, но... Но если на одну чашу весов положить все «плюсы», а на другую — «минусы», отрицательное, по-моему, перевесит... В эти «светлые», как вы говорите, годы растет число самоубийств (с 1992 года по 1994-й включительно с собой покончили больше 160 тысяч человек). Родители не хотят заводить второго или третьего ребенка. Увеличивается младенческая смертность (с 17 умерших малышей в 1990 году до 20 в 1994-м). Посмотрите данные о зарплате в сопоставимых ценах: если декабрьскую 1991 года

принять за 100 процентов, то в январе 1992-го она составила 35, а в мае 1995-го — 28 процентов. И это — «золотой век»?!

— По-моему, каждый человек — сам кузнец своего счастья. И если он бедный — значит, ленивый. (Я не веду речь о больших и стариках.) Есть у меня знакомая, которая перебивается на пособие по безработице. Почему бы не пойти мыть подъезды — предлагают хорошо платить. Да ты что, говоришь, у меня же высшее образование! А на рынке торговать? «Считать не умею — меня обжулят!» Так она и сидит на пособии. Да вдохобок пить начала...

— Сейчас мы — на крутом вираже... Кто-то, сжав зубы, может вписаться в этот поворот, другого, не сумевшего собраться, выбрасывает на обочину. Во всех обществах, во все времена были такие несчастные. Но очень уж много людей, вышвырнутых из жизни, в сегодняшней России. На языке социологии это называется: усилилась маргинализация общества. Но мы, относительно благополучные люди, этих наших с вами соотечественников — чьего-то брата, чьего-то сына — выводим за скобки, как бы не считаем живущими... А ведь сейчас в России примерно 5—7 миллионов алкоголиков, 2,5—5 миллионов наркоманов, 3 миллиона бомжей, 2,5—4 миллиона душевнобольных и 1,5—2 миллиона человек, связанных с криминальным миром... Нас окружает, по самому мягкому счету, примерно четырнадцать миллионов неустроенных соотечественников...

— А вы, Наталья Михайловна, нищим подаете?

— Есть «нищие» — и нищие! Всегда видно, просит ли человек на бутылку или «на хлебушек»... Во всех странах, во все времена были «профессиональные бомжи». Им

по душе такая жизнь: ночевать на скамейках, просить подаяния или воровать по мелочам... Но сейчас у нас какое-то особо благоприятное время для того, чтобы стать нищим. В два счета можно продать мошенникам квартиру или, покинув «места не столь отдаленные», не «вписаться» в нормальную жизнь... Другое дело, что в России зарегистрировано, оказывается, около полутора тысяч благотворительных фондов! Где они все? Кто помогает бездомным? Кто хоть изредка дает им кров, лечит, наливает миску бесплатного супа?.. Или эти «благотворительные» фонды глубоко законспирировались, или служат крышей для «прокручивания» миллионов...

— В разных источниках по-разному определяют, сколько же в России безработных. А вы знаете точную цифру?

— Есть разные оценки численности незанятых, и результаты в зависимости от этого получаются разные — от пяти до двадцати миллионов человек. Мои коллеги провели исследование, которое убедительно доказывает: на российских предприятиях около тридцати миллионов персонала избыточны. Если бы наши директора стремились к эффективной работе любой ценой, все эти люди должны быть уволены, а оставшиеся взять на себя их нагрузку. Однако директора не спешат сокращать штаты. Чем больше работающих, тем легче им, директорам, отстаивать свои интересы перед правительством и местными властями, тем они как директора выглядят весомее. Главная забота наших лидеров-промышленников — не об эффективном производстве, а о социальном мире. И это пока что в интересах общества. Если бы в погоне за прибылью «лишних людей» в самом деле уволили, страна бы

такого не выдержала. Сейчас в России демографическая ситуация сложилась так, что один работник содержит двоих иждивенцев — ребенка и старика. Еще одного «нахлебника» — безработного — он никак не прокормит...

— Мы говорили о том, какие перемены происходят в жизни всей страны. А как, по вашим наблюдениям, переменялась жизнь друзей, знакомых, родственников? Неужели все они стали жить хуже?

— Я никогда не доверяю своим личным ощущениям — только научным наблюдениям. И вот о том, как изменилась жизнь «отдельно взятой семьи», я могу рассказать на примере исследования в Таганроге. Скоро сорок лет, как мы ведем социологические наблюдения в этом городе. Раз в десять лет обследуем десять тысяч семей. Таганрог очень хорошо репрезентирует (представляет) все городское население России. В застойные годы прошло три исследования: «Таганрог-1» (в 1968—1970 годах), «Таганрог-2» (1978—1979) и «Таганрог-3» (1988—1989). После третьего случились столь крутые перемены, что мы не стали дожидаться конца следующего десятилетия, и провели в 1994 году работу, названную «Таганрог-3 1/2». Если сравнить это исследование с предыдущим, пятилетней давности, «Таганрогом-3», можно понять, как много переменялось в России после «шоковой терапии».

Возьмем среднестатистическую таганрогскую семью: ее реальные доходы упали в два — два с половиной раза. Появились «новые бедные». Это люди, которым задерживают зарплату, а такое безобразие происходит больше чем на тридцати шести тысячах предприятий в стране! В «новые бедные» попали и те, кому «посчастливилось» трудиться в «бюджетных» отраслях:

учителя, врачи, библиотекари... Это, наконец, те, у кого в семье не один ребенок, а больше. Власть имущие ведут лишь «разговоры в пользу бедных»: людям, дескать, надо дать не «рыбу», то есть помощь, а «удочку». Что за блеф! Какую такую «удочку» вы дадите пятидесятилетней учительнице?! Или двенадцатилетнему подростку? На валютного дилера их выучите, что ли?.. Государство обязано обеспечить этим людям, несущим свою бедность молча и с достоинством, нормальную жизнь. Как? Я не знаю. Социологи не лечат, не выписывают рецепты — только ставят диагноз. И о диагнозе «бедность» — у тех, у кого раньше никогда такой «болезни» не было и быть не должно, — свидетельствуют многие симптомы.

— Какие же?

— Например, средняя семья в Таганроге стала получать меньше доходов со своего личного участка: доля доходов от него упала с 4,4 процента (шесть лет назад) почти до нуля. Значит, урожай с огородов перестали продавать: все съедают сами... Сильно изменилась у средней семьи и структура расходов. Намного выросла доля затрат на питание: было примерно 55 процентов — стало 67. Увеличились расходы на медикаменты — в больницу нынче приходится идти со своими лекарствами... Снизилась доля трат на услуги (хотя она и раньше была маленькой). Цены растут, поэтому люди сами стирают, шьют и чинят обувь. И, наконец, уменьшилась по сравнению с 1989 годом доля накоплений в семейном бюджете.

— Уменьшилась?! А официальная статистика говорит, что никогда россияне не сберегали так много, как сегодня: чуть не 25 рублей с каждой сотни доходов...

— Но кто сберегает? 60 процен-

тов россиян вообще не имеют никаких накоплений. Еще у 35 процентов сбережения — это пресловутые «похоронные», «гробовые»... А богачи — они, конечно, откладывают. Если человек в год имеет миллиард, естественно, весь он его не потратит, девятьсот миллионов отложит... При такой дифференциации доходов, как у нас, статистика накоплений вообще никакого смысла не имеет.

— *Есть ли зажиточные люди в «отдельно взятом городе»?*

— Мы интересовались, как люди сами оценивают свое благосостояние. И вот что любопытно: доля тех, кто, по их оценкам, «ограничивает себя даже в питании», по сравнению с 1989 годом практически не изменилась. Зато тех, кто ответил «зарабатываю достаточно, чтобы не экономить», шесть лет назад было 22,5 процента, сейчас — 4,9 процента. Раньше «богатых» (по собственным ощущениям) было столько же, сколько и бедных, теперь уменьшилось почти в пять раз. Люди, считающие себя обеспеченными, относительного благополучия достигают сверхинтенсивным трудом. Около пяти процентов таганрогцев (такая же цифра, обратите внимание, как и доля богатых!) работают свыше 70 часов в неделю, то есть без выходных, по десять и больше часов в сутки! Вот и осуществился, казалось бы, принцип: «Чем лучше мы будем работать — тем лучше будем жить». Можно радоваться? Но перенапряжение подрывает здоровье, ухудшает отношения в семье.

— *Неужели социология и по поводу здоровья «знает все»?*

— Вот что показали наши исследования. В 1980 году у 21 процента таганрогцев было отличное здоровье, в 1989-м этот показатель снизился до 9, а в 1994-м — до 6 процентов. Интегрированная (ус-

редненная) оценка здоровья за девять лет, с 1980 по 1989-й, упала на 7 пунктов, а за четыре года, с 1989 по 1994-й — еще на 9.

— *А по поводу семейного микроклимата что вы узнали?*

— «Хорошие, дружные» (как их определили) отношения в богатых семьях встречаются примерно в два раза чаще, чем у бедных. Думаю, понятно, почему... Однако, оказывается, ссоры и конфликты тоже чаще всего бывают именно в обеспеченных семьях... Так что богатые тоже плачут...

— *Вы говорите, что социологи только диагноз ставят... Но, может быть, у вас, Наталья Михайловна, все-таки есть хоть какой-нибудь рецепт?*

— Наивный, может быть, но есть. Я бы для начала запретила все престижные расходы. На чьи средства построили тридцатипятиэтажный небоскреб «Газпрома»? На наши, вырученные от продажи газа, принадлежащего всем россиянам достояния. На чьи деньги возводят грандиозный Храм Христа Спасителя? За чей счет — огромный комплекс на Поклонной горе, многомиллионные парады и праздники? Все за наш с вами... Неужели государство не может вести себя поскромнее, без этой «азиатской роскоши»? А там, глядишь, посматривая на то, что модным становится экономить, и банкир не новый «мерседес» себе купит, а перечислит денежки престарелым... Впрочем, лекарство можно выписать. Захочет ли «больной» его принимать?..

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

МСТИ СПРАВЕ

«Не мсти».

Из Священного Писания

ПРОЛОГ

32

Он сидел за письменным столом в своем домашнем кабинете и бездумно наблюдал, как пузырится и тает в стакане таблетка аспирина. Голова болела несколько суток, не очень сильно болела, но постоянно, без передыха. В телевизионной рекламе аспирин помогал безукоризненно. Реклама существует для отъема денег у людей доверчивых, к которым он не принадлежал, однако растворимый аспирин распорядился купить. Теперь смотрел на пузырьки и понимал, что лишь совсем ничемный, наивный человек может рассчитывать, что голова, заболевшая от мыслей об убийстве, может быть излечена столь примитивным способом. Совершенно некстати вспомнилась пошлая шутка, что безотказное средство от головной боли — лишь гильотина.

Он залпом осушил стакан, вкуса не почувствовал, пригубил из рюмки коньяка и включил лежавший перед ним магнитофон.

— На Руси, коллеги, издревле все действия начинались от печки, — услышал он спокойный, слегка насмешливый голос полковника Гурова. Запись была сделана, когда старший уполномоченный по особо важным делам Главного Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России, полковник милиции Гуров выступал, если угодно, читал лекцию, в Высшей школе МВД.

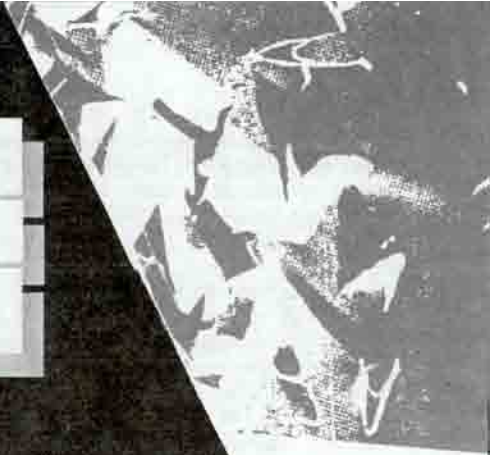
Перед началом своего выступления полковник сказал:

— Уважаемые коллеги, попробуем разобраться в причинах, которые не дают нам разыскивать наемных убийц...

Он выключил магнитофон, вспомнил самоуверенного полковника, который говорил четко, рублеными фразами, порой повто-

ЖИЩЕ

ДЛИВО

ря некоторые слова, видимо, придавая им особое значение, посидел некоторое время в состоянии прострации, вновь нажал клавишу магнитофона.

— Для сыщика, работающего по розыску наемника, крайне важно точно определить, что именно в конкретном деле следует принять за «печку». Для примера мы возьмем убийство, когда проведенные оперативные мероприятия успеха не принесли. Период — хватай мешки, вокзал отходит — закончился. Начальство разъехалось по теплым кабинетам, эксперты собрали свои чемоданы, следователь прокуратуры дал вам соответствующее поручение... Труп в морге, родственники убитого в трауре, накрывают столы. Вы на свой общарпанный стол выкладываете стопочку бумаги и начинаете сочинять план оперативно-розыскных мероприятий. К черту план! Я не лектор, вы не ученики, мы с вами сыщики. Мы отлично знаем, что бумага нужна начальству для отчета...

Он хлопнул по магнитофону ладонью, сыщик заткнулся. Запись была сделана неделю назад. Ему доставили эту пленку свои люди из МВД, он неоднократно прокручивал ее, выучил выступление сыскаря наизусть. Он никогда не держал в руках оружия, разве что в тире парка отдыха. Он и дрался лишь в детстве и не слишком успешно. Убить человека? Моральная сторона дела его не волновала. Как человек на земле организовался, так и начал убивать, убивает по сей день и будет убивать, пока существует. Дело не в морали. Он знал себя, понимал, что убить не сумеет, и не от того, что струсит, не хватит ловкости, силы

воли, решительности. Он кран водопроводный, штепсель починить не может, не рукастый от рождения. Не боги горшки обжигают! Верно, не боги. Но и не пианисты или, к примеру, не математики. Каждый должен заниматься своим делом. А когда кухарка начинает управлять государством, мы имеем то, что имеем, конкретно — Россию. Вроде все есть, а на самом деле ничего нет.

Ты финансист, политик, короче, Головастик. А убивать должен убийца! Так где его взять? Правильно этот чертов мент говорил, мол, газеты, телевидение, радио неустанно повторяют: наемный убийца — человек обреченный, его ликвидируют непосредственно после выполнения задания. Данную истину постигла даже тетя Маша из Херсона. Все знают! А наемники этого не знают и продолжают убивать! Откуда же они берутся, недоумки?

Здесь полковник сделал паузу, а затем продолжил в том духе, что самое простое и есть наиболее сложное. Возьмите хоть колесо телеги, хоть таблицу умножения. И говорил полковник еще часа два.

Жизнь загнала Его в тупик, выход существовал, но его переграживал один человек, обойти которого не представлялось возможным, следовало убить. Читаешь газеты, так в Москве убивают ежедневно, практически убийц не находят. Бандиты стреляют в бандитов, что естественно. Но убивают и людей солидных, не имеющих прямого отношения к преступным группировкам. Вот и Он к преступной среде отношения не имеет, а убить необходимо, так как самому жить хочется, причем жить красиво и свободно, а не существовать.

И Он, Головастик, обязан вопрос решить. Все-таки не зря Он так старательно слушал выступление этого сыщика, кое-что Гуров сообщил поучительного. Сколько раз прослушал пленку, но так и не понял, как совершить убийство, главное, где найти исполнителя, не узнал. Но Он понял четко, чего в таком деле совершать не следует.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полковники Гуров и Крячко занимали один кабинет, столы их стояли торцом к единственному окну, таким образом сыщики сидели друг против друга, глаза в глаза. У каждого за спиной, в углу, стоял сейф, еще один письменный стол находился у стены, слева от входной двери, за которым «гости» и подчиненные писали рапорты, объяснения, заявления и, конечно, бесчисленные жалобы.

— Если на сыщика не «каты бочки», значит, он не сыщик, а сторож садового участка, — философствовал порой Крячко и следил, чтобы на гостевом столе всегда лежали папка с чистой бумагой и шариковая ручка, которая регулярно исчезала.

Обнаружив очередную пропажу, Станислав записывал подозреваемого в краже на страничку отрывного календаря, грозился привязать шариковую ручку к ножке стола и клал на «жалостливую» папку новую ручку, собственноручно «позаимствованную» в чьем-нибудь кабинете.

Кабинет оперов находился в одном коридоре с генеральским, и когда секретарь по телефону сообщила, что сам «просит заглянуть», сыщики через минуту вошли в «предбанник». Хозяйка приемной взглянула на вошедших строго и сочувственно, словно предупреждая, что ничего хорошего друзей не ждет, и молча кивнула на дубовые двери.

Крячко распахнул перед Гуровым тяжелую дверь, состроил секретарю «рожу», демонстративно одернул пиджак и вошел вслед за другом.

Орлов был в мундире, который надевал в случаях крайней необходимости. На погонах сияла вторая генеральская звезда, полученная месяц назад. Гуров понял, что Петр только что вернулся с выволочки, переодеться не стал — значит, торопится.

Настроение у друга паршивое, видимо, не только из-за недавнего разговора в верхах, но и потому, что предстал перед друзьями при полном параде, вроде хвастается повышением в звании. Стараясь разрядить обстановку, Гуров сказал:

— Добрый день, Петр Николаевич. — В официальной обстановке они разговаривали на «вы».

Однако Крячко, хотя тоже все понял, не сдержался и построеному четко произнес:

— Здравия желаю, господин генерал-лейтенант!

Орлов махнул короткопалой рукой:

— Располагайтесь. Не знаю, кто из вас хуже: один хитер и неискренен, второй не способен даже из вежливости прикинуться тактичным.

— Что выросло, то выросло. — Гуров прошел к окну и пристроился на любимом подоконнике.

Крячко занял «свой» стул, оглядел скромный кабинет, не соответствующий должности хозяина, и задушевно произнес:

— Петр Николаевич, разрешите мне в хозу словечко замолвить? Вам вмиг надлежащие апартаменты выделят.

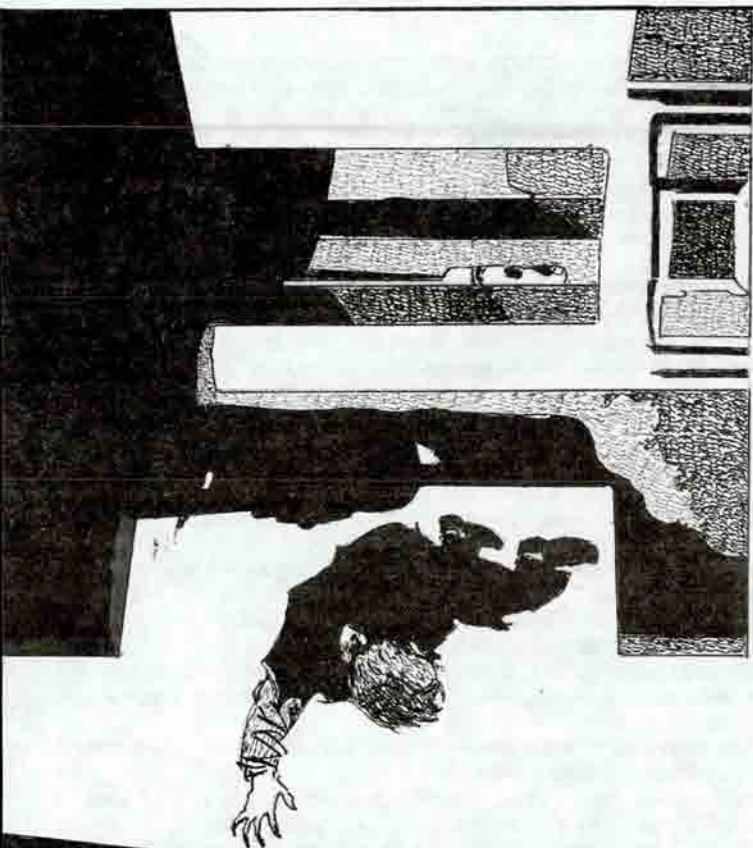
Орлов даже не взглянул на Крячко, ослабил узел галстука, вздохнул:

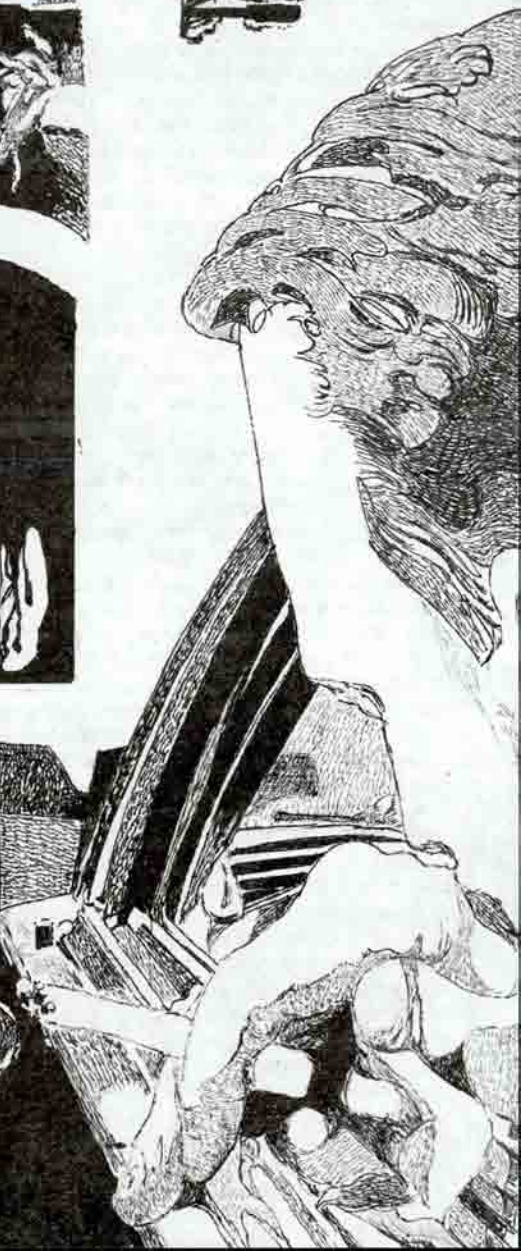
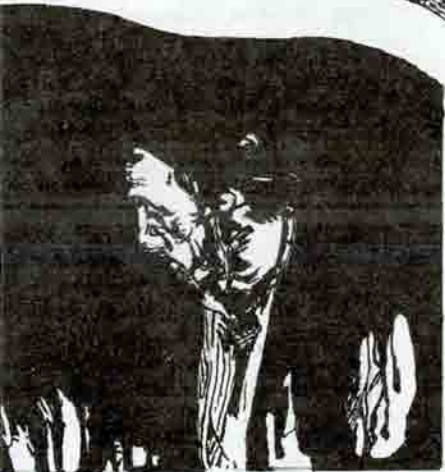
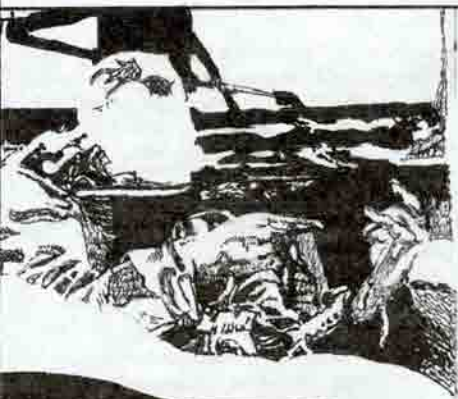
— Шестьдесят... И никуда не денешься. Сколько по утрам утюгами ни махай, какой водой ни обливайся, меньше годков не станет. — Он грузно повернулся к Гурову. — Ты, парень, который день из отпуска возвратился, а о своих родителях ни слова. Вроде не чужие. Все там же, в деревне, под Херсоном? Здоровы? Ты привет от меня передал?

— Обязательно. — Гуров кивнул. — Отец к дому веранду собственноручно пришпандорил, горд до ужаса... Кланяться велел. Мама просила целовать, она такая же красивая, только совсем седая.

— Да, жизнь. — Орлов провел по лицу ладонью. — Как и следовало ожидать, ФСК в деле по убийству Скопа Игоря Михайловича уперлась. — Он выругался, что случалось редко. — Решили, что к делу должны мы подключиться.

— Что значит подключиться? — возмутился Крячко. — Налетели, теперь обратный ход? Дело изначально было наше. Теперь уже ихний поезд ушел, а не наш.

— Кто ведет следствие в прокуратуре? — спросил Гуров.

— Гойда, дружок твой, — усмехнулся Орлов. — Ему и поклонись. Когда коллеги, отчитываясь, в словах путаться начали, старший следователь прокуратуры твое имя назвал.

— Игорь Федорович не худший следователь, считай, нам повезло.

— Кому повезло? — возмутился Крячко. — Хоть какая-то справедливость должна существовать?

— Это вряд ли, — ответил Гуров. — И не плюйся вслед ушедшему поезду. Решение уже принято, потому не наезжай на Петра Николаевича. Защитить нас обязан был министр, а не начальник главка. Министр наверняка рта не раскрыл. И никого в верхах не интересует, что со дня убийства прошла неделя, время упущено. Как мы будем с тобой кувыркаться, всем, кроме Петра, наплевать.

— Ты отпуск не догулял, считай, на работу еще не вышел, а Петр Николаевич может внезапно заболеть. Вы оба меня старше и кругом главнее, но в житейских делах я вам обоим фору дам. В это дело лезть нельзя. В контрразведке ребята битые, раз они отступились, значит, точно петля. Когда Скопа грохнули, ты, гений, грядки в деревне копал. Ты основных свидетелей знаешь? Заместитель начальника Управления охраны Президента, председатель Думского комитета и вице-премьер. Он же хозяин фермы, на веранде которой и уложили трупик. Тебе это надо? Нас всех перевешают!

— Станислав, веди себя прилично, не тарыхти, — поморщился Орлов. — Никого не тронут, в России не принято наказывать виновных. Меня отправят на пенсию, и только. Кстати, давно пора. Они и дело нам передали потому, как заранее определили, кого отдать легче. Множество заказных убийств не раскрыто, будет еще одно. Конечно, время у нас украли, затем подставили, но в политике такие правила. Ты же не удивляешься, что в футбол играют только ногами и головой, хотя руками удобнее. Парни, вы бы видели, как они на меня поглядывали. Я и слова не сказал, только чтоб удовольствия им не доставить. Они ожидали, что я попытаюсь сопротивляться.

— Нам передали розыскное дело? — Гуров подошел к столу Орлова, закурил. — Успеха они не добились, но семь дней оперативники чем-то занимались, отсутствие результата — тоже результат. Важно знать, что ребята проделали, и не топтать проторенные дорожки.

— По-моему, ты учишь меня жить. — Орлов взял лежавшую на углу стола тоненькую папочку, протянул Гурову. — Осмотр места, заключение врача, фотографии, опросы трех охранников. Да, вот еще поручение прокуратуры и заключение эксперта по баллистике.

— За семь дней? — Гуров взял тоненькую папку.

— Лев Иванович, не прикидывайся недоумком, не получится, — разозлился Крячко. — Дело казалось легким, дилетантским. А так как «соседи» курируют зону и оказались на месте первыми, то и захотели отличиться.

— Пять минут назад ты утверждал, что оно было изначально

наше, ментовское, теперь вроде как защищаешь гэбэшников.

— Я не защищаю, а подчеркиваю, что каждый служивый желает выслужиться, — огрызнулся Крячко. — И папочку ты взял напрасно.

— Прекратите. — Орлов тяжело поднялся, начал стаскивать мундир.

Крячко подскочил, взял его у начальника, взвесил на руках.

— Тяжел ты, хоть и не шапка Мономаха...

— Могу дать напрокат сфотографироваться, — любезно предложил Орлов. — А сейчас, будь другом, повесь его в шкаф и подай мой пиджачишко. Лева, следовательно прокуратуры просил тебя срочно позвонить. Ты, кажется, ладишь с ним...

— Я с каждым приличным мужиком лажу. Игорь Федорович в порядке, мы с ним в фазенде бывшего спикера работали.

— Вот и ладненько... Удачи! Докладывать ежедневно.

— Обязательно. — Гуров направился к дверям.

— А вам, Петр Николаевич, большое спасибо. — Крячко распахнул перед Гуровым дверь.

— Полковник Гуров, надеюсь, вы понимаете? — Орлов многозначительно кашлянул.

— Если не понимают, мы им объясним. — И Крячко поспешно прикрыл за собой тяжелую дверь.

Когда сыщики вернулись в свой кабинет, Гуров бросил папку на стол Крячко, сел в кресло, подвинул телефон.

— Господин полковник, назначаю вас старшим по розыску преступника, совершившего данное убийство. Ознакомьтесь с материалами, доложите свои предложения, а я пока переговорю с прокуратурой. — И начал набирать номер.

Крячко уселся напротив Гурова, раскрыл папку, вытряхнул из конверта фотографии.

Гуров, услышав в трубке знакомый голос, сказал:

— Здравствуй, Игорь Федорович. Гуров беспокоит. Спасибо за протекцию, материал получил.

— Здравствуй, Лев Иванович. Не стоит благодарности, свои люди.

— Прокуратура и розыск свои люди? — Гуров вздохнул. — Это нечто новое... Игорь Федорович, ты в деле с первого дня?

— Производил осмотр места.

— Прекрасно. Когда встретимся?

— Сейчас. Подъедешь в прокуратуру?

— Лучше ты к нам. У тебя будут мешать: заходить, звонить. Машина есть, или за тобой заехать?

— Выделили. — Гойда никогда не ругался матом, потому проормотал что-то нечленораздельное. — Сейчас выезжаю.

— Ждем. — Гуров положил трубку. — Со следователем нам повезло.

— Мы вообще счастливики. — Крячко сложил документы, фотографии в папочку и перебрал ее на стол Гурова.

Старший следователь горпрокуратуры Игорь Федорович Гойда познакомился с Гуровым около двух лет назад, работая по убий-

ству горничной на фазенде тогдашнего спикера Парламента. Особо они не сдружились, но симпатизировали друг другу, что во взаимоотношениях сыщика и прокурорского чиновника случалось нечасто.

Когда Гойда вошел, Гуров уступил ему свое место, так как, слушая, любил расхаживать по кабинету, а Станислав уже приготовился все записывать.

— Здрасьте-здрасьте, орлы-сыщики,— сказал Гойда, зябко потирая свои маленькие ладошки и усаживаясь на предложенное кресло. — Значит, в такой обстановке вы и творите свои беззакония. — Он ловко открыл портфель, выудил из него канцелярскую папку с тесемочками.

— Творим, Игорь Федорович, кто без греха? Знакомься, мой напарник Станислав Крячко,— кивнул Гуров на друга. — А это, Станислав, наш новый начальник, следовательно-важняк, зануда и буквоед, но дело знает.

— Да, мы знакомы. Ты, Лев Иванович, обеспамятовал. И то, скажи, почти два года минуло... А делов-то провернулось: Парламент разогнали, новую Думу собрали, Чечню изничтожили. — Он встретился взглядом с Гуровым, замолчал и продолжил деловым тоном: — Заместитель министра финансов Скоп Игорь Михайлович убит выстрелом из карабина в 19 часов 12 минут 24 марта 1995 года на веранде загородной виллы, принадлежащей на правах личной собственности вице-премьеру Правительства России Барчуку Анатолию Трофимовичу. Пуля пробила лобную кость, застряла в черепе. Смерть наступила мгновенно. Выстрел произведен с расстояния сорока восьми метров, СКС брошен на месте выстрела. После изъятия пули и проведения соответствующей экспертизы доказано, что найденный СКС является орудием убийства.

Гойда собрался было добавить, что картина в принципе знакомая: выполнена простенько и со вкусом. Но, заметив хмурые лица сыщиков, запнулся.

— Продолжай, не стесняйся. — Гуров присел на край ничейного стола.

— В момент убийства на веранде находился хозяин, президент коммерческого банка и сопредседатель множества всякой всячины, миллионер Якушев, имя, отчество запоматывал, председатель одного из комитетов ЛДПР Олег Кузьмич Еркин.

— Где-то я такую фамилию слышал, — пробормотал Крячко.

Это была фамилия министра МВД. Гуров подозрительно взглянул на друга.

— Извини его, Игорь Федорович.

— Свои люди, — кивнул Гойда и продолжал: — Помощник Президента Юрий Олегович Ждан и заместитель начальника Управления охраны Президента Егор Владимирович Яшин. Жены отсутствовали, мальчишник собрали по случаю обмывания данной дачи. В доме находились еще две прислуги, четыре охранника сидели на кухне. Выстрела никто не слышал, СКС был с глушителем. Никто ничего не видел, у всех стопроцентное алиби.

— Следствие закончено, забудьте! — сказал Крячко, положив подбородок на скрещенные ладони.

- Ты заткнешься? — тихо поинтересовался Гуров.
- Младшего обижают, я лишь вспомнил название итальянского фильма.

Гуров повернулся к Гойде:

- И что у тебя имеется?
- Труп и начальство, что же еще?
- Мои коллеги неделю копали...
- Какие-то машины проверяли, ничего конкретного. Когда поедешь смотреть?

— Завтра поутру. А чего ФСК вцепилась? Почему не вызвали сразу территориальных розыскников?

— Лев Иванович, разве у них поймешь? В чем дерьмо — сам догадайся. Высоких гостей надо допрашивать, а они — «да», «нет», «не знаю», «занят». Ясно, стрелок пришел со стороны, а работать не дают. Потому и контрразведчики отступили.

— Теперь нужен мент-говновоз, который бы эту ароматную кучу на себя взвалил и тащил до упаду. А чуть погода все спустят в канализацию, вместе с ментом.

— Ты в трубу не пройдешь, у тебя плечи широкие. — Крячко поднялся из-за стола и неожиданно застучал костяшками пальцев по столу. — Этих людешек надо заставить исповедоваться. Нужен железный характер. А железнее тебя только отбойный молоток!

— Знаешь, за что я тебя особенно люблю? — усмехнулся Гуров.

— Знаю! — Крячко успокоился, вновь уселся за стол. — А вот ты знай, что для них гениальный сыщик — никто. Надеюсь, понял, они Петра хоронят, а он первый сыщик России. И вообще дискуссия закончена. С самолета мы прыгнули, не хочешь открывать парашют — не открывай, я тебя на себе донесу.

Гойда неуверенно сказал:

— Мне нравится ваш оптимизм, но сложность в том, что эти люди в прокуратуру не являются, а уж в милицию точно не придут.

Гуров задумчиво улыбнулся:

— Исповедоваться, конечно, никого не заставишь. Говоришь, не те люди?

— Все вежливо, Лев Иванович. Звонит помощник, приносит извинения, мол, готовят срочный документ для Президента или другое вранье, и просит встречу отложить.

— Понимаю. Мы люди не гордые — сами залетим на огонек.

— Не примут, — вздохнул Гойда. — У них все варианты отработаны. Позавчера я в приемной вице-преьера Барчука попытался шуметь, так он сам, лично, из кабинета вышел, извинился. Я чуть со стыда не сгорел.

— Ничего, у нас предохранители крепкие, выдержим, — заметил Крячко.

— Игорь, у высокопоставленных свидетелей просматривается одно слабое место, — сказал Гуров. — Если все расставить по местам, они в прокуратуру начнут рваться, словно в церковь на исповедь.

— Какое место? Докладывай, следствие ведет прокуратура.

— Обязательно. Вот ты и дай мне поручение повторно провести осмотр места преступления.

— Что ты там найдешь?

— Вдохновение.

— Сейчас не скажешь?

— Без вдохновения не получится, — серьезно ответил Гуров. — Они тебя так закрутили, что ты ослеп. Завтра поутру мы со Станиславом выезжаем на ферму Барчука. Ты, господин полковник, на своем ворованном «мерседесе» заезжаешь за мной в семь.

— Подаренном, — отгрызнулся Крячко.

— Известно, жулик никогда не признается в содеянном.

У Гурова, видимо, созрел некий план, который с каждой минутой сыщику нравился все больше, и он весело продолжил:

— Игорь Федорович, тебе известно, что мы отсюда сбежали в частный сектор? Решили обогатиться за счет знаний, полученных на службе Отечеству. И хотя остатки совести пробудились и мы возвернулись, но корысть уже заела. Я, как более скромный, прихватил у капиталистов «Жигули», новенькую седьмую модель, а господин Крячко, истинно русская душа, упер «мерседес-190».

— А двухкомнатную квартиру с клопами и крысами кто на трехкомнатные апартаменты поменял?

— Стас, закладываешь друга по-черному. Грешно, — строго сказал Гуров. — Значит, договорились, завтра поутру выезжаем.

Крячко поднялся ни свет ни заря и заявился к Гурову, когда тот, издеваясь над организмом, делал гимнастику.

— Завтрак готовь, не люблю, когда меня разглядывают, — сказал Гуров и затолкал друга в кухню.

Крячко послушно загремел посудой, но время от времени подсматривал, как начальник «качался» на тренажере, как затем, проделав серию кувырков, начал новое упражнение — падение на пол. Эта часть гимнастики всегда потрясала Крячко: Гуров падал виртуозно, словно каучуковый, резко переворачивался и моментально вставал в полный рост, затем вновь опрокидывался. И это при росте сто восемьдесят и весе свыше восьмидесяти килограммов... Крячко завистливо вздохнул. Спортом он почти не занимался, и хотя от природы был здоров на удивление, но тугий животик уже заметно округлился.

После душа, запахнув на бедрах махровое полотенце, Гуров заглянул в кухню. Увидев в глазах друга иронию, он поиграл тугими мышцами, принял позу культуриста и рекламно оскандился.

— Меняй коньки на санки, шлепай прямо в Голливуд, — пропел Крячко.

— Насчет Голливуда не уверен, но у меня отец пашет на земле, как конь двужилый, а рядом борозда всегда найдется. Так что мы с тобой действительно не пропадем.

Крячко взглянул на шрам на груди Гурова, знал, что под лопаткой у него рубец значительно толще, и спросил:

— А мне скажешь, что конкретно учуял в деле?

— Некогда! — Гуров надел халат и принялся за яичницу. — Начни тебя с ложечки кормить, ты вообще мышшей ловить пере-

станешь. Думай, шевели ушами, мы с тобой историю убийства одновременно слышали.

Фазенда вице-премьера находилась всего в нескольких километрах от окружной и неподалеку от Клязьминского водохранилища. Здесь строилось одновременно десятка три кирпичных уродцев самой причудливой формы. Несколько крепостей были уже построены, среди них и четырехэтажный замок Барчука.

Над стройплощадками мотались разноцветные журавлиные шеи кранов, под ними месили весеннюю грязь мужики в телогрейках. Работа шла споро, весело. Судя по всему, здесь хоть и не шахта и не дальний Север, но платили достойно, а может, еще и приплачивали.

Измызгавшись по дороге, «мерседес» Крячко среди других чумазных иномарок внимания не привлекал.

— Хозяева заглядывают, проверяют строительство родового имения, — кивнул Крячко на иномарки.

— Для имения земли маловато, тут соток по тридцать — сорок, не более, — задумчиво ответил Гуров. — Я, конечно, не большой знаток Руси, но и спяну в старину таких уродов не громоздили. Ведь для себя строили, детям, внукам. Из таких башен удобно лишь круговую оборону держать.

— Капитал зарывают. Торопятся, пока у кормушки стоят, а шуганут, так на зарплату нынче и шалаш Ильича не построишь.

Гуров вышел из машины, повернулся к бледному, но уже пригревающему мартовскому солнцу.

— Нормальный российский мужик к воровству давно пообвык. — Крячко выбрался из машины, прихватил рюкзак, где лежали две бутылки водки, стаканы, шмат ветчины и длинные парниковые огурцы. — А ведь просто как! Проверка яйца выеденного не стоит. Спросить декларацию о доходах, положить рядом строительную смету и поинтересоваться, откуда дровишки?

Замок, «принадлежавший на правах личной собственности» господину Барчуку, был обнесен двухметровым железным забором, только красной звезды не хватало и КП с часовым — типичная воинская часть. Но одна стена у забора отсутствовала, на соседнем участке громоздился здоровенный кран.

Оперативники неторопливо обошли участок.

— Мужики, чего потеряли? — окликнул их ладный мужчина в телогрейке, с обветренным лицом. — Тут не музей, может по голове так шлепнуть, что она враз с тапочками сравняется.

Крячко ответил в тон:

— Мы верткие, в нас сразу не попадешь. Приехали глянуть, чего у вас получается?

— Нормально. А вы кто такие, если не секрет? — Мужчина подошел вплотную, достал пачку «Явы», закурил. — Не угощаю, вы наши не курите. — Он взглянул на Гурова, угадывая в нем старшего.

— Прохожие мы, — усмехнулся Крячко. — Хотели домишко себе построить. Да больно у вас тут все размашисто, нам бы поскромнее.

— Как быстро строите? — отодвигая Крячко в сторону, дело-

вито спросил Гуров. — Вон тот домик, к примеру, за сколько поставили? — указал на четырехэтажный замок Барчука.

— Как понимать — поставили, господин хороший? — Рабочий сильно затянулся и бросил себе под ноги недокуренную сигарету. — Если фундамент, коробку под крышу и накрыть голый кирпич — это одно...

— Работаете в две смены, в три? — перебил Гуров.

— Как платят, так и работаем. — Строитель смачно сплюнул, собрался уходить. — Небось секретарем обкома служили? Так то время кончилось, надо денежки на бочку...

— Не плюйся, еще попить попросишь. — Гуров ухватил его за рукав телогрейки. — Сколько дней от нулевого цикла до последнего плафона? Вопрос уяснил?

Мужик взглянул на Гурова с пониманием.

— Строитель?

— Вроде того.

— Сейчас все изменилось, не поймешь. Я вроде сменного мастера. Семеном звать.

— Гуров, — пожал протянутую руку полковник. Затем перевернул пустой ящик из-под цемента, усевшись, пригласил присесть рядом. — Станислав, плесни мне чуток, зябко стало.

Крячко распорядился быстро, аккуратно.

— Тебе не предлагаю, Семен, у тебя служба. — Гуров ловко выпил, хрустнул огурцом. — Бригады постоянные, комплектуется в фирме?

— Так, — кивнул Семен и с тоской взглянул на бутылку в руках Крячко.

— Налей человеку, только не светись, — сухо приказал Гуров. Когда Семен выпил, продолжил: — За сколько эту уродину поставили?

— Мы там не работали. Фундамент закладывали, а они уже отделочные работы начинали.

— Что же вы фундамент клали зимой?

— Копали осенью, потом перерыв сделали...

— Сезонных рабочих брали?

— Я же говорю, зимой у нас простой был. Тут пара сторожей ошивалась...

— Огляди подъездные пути. — Гуров кивнул Крячко, вновь повернулся к Семену. — Говоришь, все свои, знакомые?

— У них свои, у меня свои. Ты, видать, с головой, соображаешь, такой объект сколько людей требует?

— Понятное дело. — Гуров еще плеснул в стаканы. — А заболит кто или по пьянке не выйдет? Ты можешь подсобника со стороны взять?

— У меня денег нет, чтобы из своего кармана платить. — Семен выпил и поднялся. — У нас с этим строго. Вчера на свадьбе гулял, оттого и позволил.

— На воздухе вмиг оттянет. — Гуров убрал бутылку и стаканы. — Вижу, организовано у вас серьезно.

— Так тут каждая бригада сама по себе. Никто не знает, сколько соседу платят.

— Не обижают?

— Думаю, нет. Народ кругом трезвый, за место держатся. Капитализм в действии.

— И со стороны не берут? — вновь поинтересовался Гуров.

— Растрепался с тобой, спасибо за угощение. — Семен кого-то увидел и заспешил к крану.

Как следовало из записей Гойды, у основания этого крана и нашли карабин. Гуров сидел почти на месте стрелка. Собственность вице-премьера, казалось, громоздилась рядом. Сыщик понимал, что такое ощущение возникало из-за размеров дома. Сейчас веранда, через которую стреляли, забранная витневатой решеткой, была закрыта, жалюзи опущены. Но в тот вечер окна были открыты, жалюзи раздвинуты, хотя погода расслаиваться на веранде не располагала. Гости вышли на веранду якобы на несколько минут, хозяин решил похвастаться обустройством и вывел одного из них под пулю. А решетка-то довольно густая, прикинул Гуров, и наверняка не съемная, сквозь такую помеху может только настоящий мастер стрелять.

Подошел Крячко, тоже взглянул на дом и веранду.

— Для снайпера смешное дело, — заметил он. — Шоссейка, по которой мы подъехали, огибает строительство и возвращается на Дмитровку. А в принципе сюда подъехать и уехать можно по-разному. Машину оставить за любым поворотом или у брошенной бытовки, или у неработающего крана.

— Спасибо, ты настоящий сыщик. — Гуров кивнул на рюкзак с посудой и закуской. — Возьми, и пошли, а то мы слишком долго тут светимся.

— Один пьет, другой убирает, все по справедливости.

— И где ты встречал справедливость? — удивился Гуров.

— В дом не пойдем? Так зачем мы сюда пилили?

— За вдохновением, Станислав. — Гуров широко зашагал к машине.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Финансист, сопредседатель коммерческого банка Виктор Иванович Якушев сидел за фигурным столом своего офиса и разговаривал по телефону. Слушая абонента, он кисло морщился, затем, не выдержав, прервал собеседника:

— Чуть собачья, даже слушать не желаю. — И положил трубку.

Лет под сорок, холеный, элегантный, почти всегда спокойный, он был обыкновенным русским гением. Задержись перестройка лет на десять, сидеть бы Витьке Якушеву безвылазно в остроге, так как неумная страсть делать деньги преобладала в нем сильнее остальных чувств. А Якушев умел делать деньги. Русский рынок — дикий, непредсказуемый — сильно смущал финансиста, но другой родины у него не было, что, собственно, он и раньше знал, а недавно вновь убедился. Будь то Рим, Париж, Берлин, везде едино — финансист без корней, эмигрант в первом поколении, стало быть, второй сорт. А для Якушева существовал лишь один сорт — высший, он же и последний.

Офис Якушев себе построил шикарный, не забыв предупредить

художника и архитектора, чтобы все было по самому высшему классу и ни в коем случае не бросалось в глаза. Только настоящий знаток мог оценить качество мебели и прочий неброский интерьер помещения.

За подковообразным столом хозяина, почти в углу, стояла статуя девушки, казалось, она смотрит в окно и одновременно лукаво поглядывает на присутствующих. Мраморная прелестница стоила миллион долларов, но большинство посетителей Якушева не обращали на девушку внимания, считая статую блажью хозяина, данью моде и преклонением перед Западом. Однажды французский банкир отвлекся во время беседы, отошел к окну, небрежно взглянул на мраморную девицу. Постепенно улыбка исчезла с его тонких губ, он взглянул на статую внимательно, не поленился даже нагнуться, чтобы получше рассмотреть клеймо автора.

Через год многие иностранцы знали, что в кабинете господина Якушева стоит подлинная статуя одного из учеников Микеланджело, входит она в каталог такой-то, а цена ее вот эдакая.

...Разговор по телефону вывел Якушева из себя. Что сильно его огорчило. Он был лучшего о себе мнения... Позвонил секретарь, Якушев нажал на кнопку, пригласил войти.

Массивная дверь приоткрылась, бесшумно вошла девушка, негромко, но отчетливо произнесла:

— Виктор Михайлович, вас хочет видеть сотрудник милиции. Я сказала, что существуют приемные часы, но он настаивает.

Якушев бросил недовольный взгляд на телефонный аппарат, словно тот был виновником сегодняшних бед, и заставил себя улыбнуться:

— Ну, если господин пристав лично пожаловал... Просите.

Опытным взглядом хозяин оценил и осанку вошедшего, и великодушную спортивную фигуру.

— Полковник Гуров. — Гость поклонился, а так как освещение в кабинете не давало вошедшему сразу увидеть лицо хозяина, то сыщик на Якушева и не взглянул, осмотрелся. — О вашем кабинете, Виктор Михайлович, наслышан. Редкий случай, когда люди сплетничают не зря. А вот о знаменитой девушке у окна ничего не смогу сказать — не знаток.

— Здравствуйте... Лев Иванович, кажется. — Якушев обогнул крыло стола, протянул руку.

— Лев Иванович. — Гуров пожал хозяину руку. — Вроде того.

Якушев отодвинул одно из стоявших перед столом кресел, нажал на педаль, выдвинулся сервированный для кофе столик.

— Присаживайтесь, господин полковник, — указал он на кресло.

— Благодарю. — Гуров сел лицом к двери.

— Ловок, цену, — рассмеялся Якушев, пытаясь сохранить тон превосходства хозяина, принимающего гостя, который пришел без предупреждения.

— Простите, вы давно были знакомы с покойным? — спросил Гуров.

— Нет, почти нет, хотя и оба занимались деньгами. Вы,

конечно, читали протокол моего допроса и не станете начинать сначала?

— Дело получил позавчера... Просмотрел, но не читал, плохо разбираю чужой почерк.

— Значит, я с вами намучаюсь.

— Обязательно.

— А если я откажусь повторно отвечать на одни и те же вопросы? — Якушев не сдержался и постучал выхолещенными пальцами по инкрустированному столику.

Гуров впервые посмотрел хозяину в глаза, улыбнулся:

— Это вряд ли, уважаемый Виктор Михайлович.

Якушев налил в рюмки коньяк:

— Здоровья, и со знакомством. Крайне редко встречаю столь интеллигентного и уверенного в себе человека.

— Здоровья. — Гуров пригубил коньяк. — А знакомство одностороннее. Я вас, Виктор Михайлович, больше года знаю. Впервые услышал о Якушеве после заказного убийства Михаила Михайловича Карасика. Затем обратил на вас внимание, когда улетели из Москвы непосредственно перед покушением на господина Бисковитого. Кстати, а еще перед этим ныне покойный киллер Галей застрелил депутата Сивкова.

— Выходит, я крупный мафиози, — усмехнулся Якушев, но голос его дрогнул.

— Вы умный человек, потому я к вам первому и пришел. Дураки, признаюсь, утомительны.

— Ни о каких убийствах мне не известно... — Якушев смешался. — Конечно, известно... Только я не имею к ним никакого отношения. И мне странно слышать, когда столь опытный сыщик упоминает о делах недоказуемых и годичной давности.

— Кто конкретно и когда пригласил вас в гости к Барчуку?

— К Барчуку? — Якушев зябко передернул плечами. — Ужасный дом, фантазмагория, в нем невозможно жить. Сначала позвонил Олег. — Он пояснил: — Еркин Олег Кузьмич, он...

— Знаю, продолжайте.

— Так вот, Олег спросил, не соглашусь ли я в мужской компании обмыть это страшилище, именуемое домом. Я согласился. Затем позвонил Барчук и пригласил официально.

— А почему вы согласились, ведь были едва знакомы?

— Во-первых, я мало знаком с убитым, а не с вице-премьером, во-вторых, сами понимаете, приходится бывать не только там, где желаешь.

— Вы на веранде фотографировались?

— Мы фотографировались во многих местах...

Гуров достал из кармана блокнот и ручку, нарисовал стрелку, пояснил:

— Стрелка указывает на окна. — Он поставил пять крестиков в ряд, один поодаль. — Чуть в стороне человек с фотоаппаратом. Не откажите в любезности, напишите, кто где стоял. — И протянул хозяину блокнот и ручку.

Якушев задумался. Он прекрасно помнил, кто где стоял на веранде, когда внезапно упал заместитель министра. Сейчас же судорожно прикидывал: ясно, полковник не блефует, знает точно,

что и самовлюбленный Сивков, и глупый Карасик убиты по указаниям и за деньги его, финансиста Якушева. Только доказать ничего не может.

— Не думайте о глупостях, Якушев,— сказал Гуров.— Я назвал Сивкова и Карасика не для того, чтобы вы решали, каким способом от меня избавиться.

— Шантаж?

— Возможно. Вам звонили вчера или сегодня?

Якушев понял, о каком звонке спрашивает полковник, и как можно беспечнее усмехнулся:

— Мне звонят сотни людей в день.

— Я редко задаю вопросы без серьезных оснований. Хочу напомнить, что о Сивкове, Карасике и Галее знает еще один человек из контрразведки. Вас нельзя посадить на скамью подсудимых, но уничтожить как банкира и крупного бизнесмена очень даже возможно. Правда, материалы против вас хранятся у меня, а не у контрразведчиков.

— Что вы хотите?

— Господин миллионер, я просил вас пометить на листочке, кто где стоял, когда застрелили Скопа.

Якушев быстро написал против каждого крестика фамилию. Гуров долго смотрел на листок, затем спросил:

— Когда вы вышли на веранду, окна были открыты?

— Открыты. Хозяин сказал, что рамы свежепокрашены, их нельзя закрывать...

— Вы встали, хотели сфотографироваться... Местами не менялись?

— Я стоял спокойно, знаете ли, бесконечные снимки так надоедают. Кто-то толкался, маленький Еркин не хотел встать рядом с высоким Яшиным. Впрочем, не уверен.

— Проверим.— Гуров убрал листок в карман.— У меня к вам большая просьба, Виктор Михайлович.— В голосе Гурова зазвучали металлические нотки, и Якушев мгновенно насторожился.

— Упомянув об убийствах, вы решили, что можете шантажировать меня, хотите начать...

— Я сказал — просьба, Виктор Михайлович,— осадил его Гуров.— Насколько мне известно, эти люди считаются с вашим мнением. Позвоните каждому из них, посоветуйте принять меня без всяких шуточек-дрючек, без ссылок на занятость и прочее вранье.

— С Еркиным и Барчуком будет не сложно, мы связаны деньгами, а Яшин — человек с норовом, работает в охране Президента. Не уверен.

— Вы позвоните, а там посмотрим.

— Я завтра должен лететь в Цюрих.

— Надолго?

— На два-три дня.

— До того, как увлеклись фотографией, вы обедали?

— Ну, поели что-то, выпили.

— Сидели за одним столом или разбились на группы?

— Нас всего было пятеро.— Не понимая смысла вопросов, Якушев начал раздражаться.

— Значит, двое могли сесть в сторонку и поговорить о своем.
— Насколько я помню, все находились за столом. Когда подали кофе, хозяин принес фотоаппарат.

— Вы были выпивши?

— С чего бы это? Я никогда не бываю выпивши.

— Но если в вечер убийства вы оставались абсолютно трезвы, то почему употребляете выражение «насколько я помню».

— Не придирайтесь, у меня просто такое выражение.

— Деловые разговоры за столом велись?

— Не без того, — пожал плечами Якушев.

— Виктор Михайлович, сосредоточьтесь и скажите ваше мнение. Люди собрались, чтобы просто виллу посмотреть и отдохнуть, или у кого-то была цель? Например, встретиться с определенным лицом, обсудить серьезный вопрос, обратиться с просьбой?

— Вы неправильно понимаете взаимоотношения деловых людей. Некоторые задачи, конечно же, были даже у меня. Но каждый решал свои вопросы по-своему и по обстановке.

— Спасибо, что просветили. Хорошей погоды и счастливого пути. — Гуров поднялся, оглядел кабинет. — Здорово, очень красиво и удобно. Вы, безусловно, умный человек и не станете совершать необдуманные поступки.

— Что вы имеете в виду, черт побери? — Якушев тоже встал. — Мне не нравится ваша манера как бы между прочим ронять угрозы.

— Не нравится? Что же, дело ваше. Но запомните, если вам позвонит неизвестный и попросит крупную сумму денег, а вы данный факт от меня скроете, то сделаете первый шаг из своего прелестного офиса в небытие.

Крячко сидел за рулем «мерседеса», ждал Гурова. Когда сыщик вернулся и молча сел рядом, Крячко ничего не спросил, а так как маршрут был оговорен заранее, поехал с Полянки, где находился офис Якушева, на Петровку. Гуров хотел взглянуть на оружие убийцы и поговорить с экспертами.

— Если тебе интересно, могу сообщить, мужик он головастый. Что-то скрывает, но это не удивительно, у такого человека должны быть секреты.

— Как у сучки блох, — добавил Крячко. — Надеюсь, ты не осуществил свою безумную идею и не вспомнил смерть Карасика и Сивкова?

— Вспомнил. Обязательно.

Крячко так обомлел, что встал на желтый свет.

— Оборзел! Ты на что же рассчитываешь?

— Хочу завербовать и вынудить на нас работать, — засмеялся Гуров, затем серьезно сказал: — Я против силового давления, но с Якушевым иначе невозможно.

— Он заказчик двух убийств.

— Наши догадки, не более того. Якушев — финансовый туз. Потом, я же не собираюсь брать с него подписку о сотрудничестве, присваивать псевдоним, заводить дело, ставить на учет. Пусть бегаёт, комбинирует, ворочает своими миллионами, но при этом

знает, есть люди, подсчитывающие его ошибки, а возможно, преступления.

— Он улетит, и с концами.

— Вернется. Якушев — человек с гипертрофированным самолюбием. В России он личность. За кордоном всего лишь богатый человек, каких множество. Такое положение его никогда не устроит.

— Я не говорю, что ты свихнулся, все равно в спорах с тобой выигрываю редко. Но сам посуди, таких богатых людей не убивают. Миллиардеров шантажируют, крадут с целью выкупа, слушается, пытаются, чтобы получить деньги, но никто не убивает золотого тельца.

— Возможно, ты и прав, — неохотно согласился Гуров.

Крячко въехал между стоявшими у ГУВД машинами, чуть не поцарапав «Волгу» с милицейским «галстуком». Из нее высунулся капитан и обложил Крячко трехэтажным матом.

— Я по-русски не понимаю. — Крячко вышел из машины и ждал, пока Гуров тоже выйдет и захлопнет дверцу со своей стороны.

— Сейчас объясню, сразу поймешь! — Капитан тяжело выбрался из-за руля. — «Мерс» засранный приобрел, думаешь, и власть твоя?

Крячко поскущел, взглянул на Гурова. Тот любовался стоящей рядом церквушкой, словно увидел ее впервые, а не ходил мимо десятков лет.

Капитан вмиг сообразил, кто водила, а кто хозяин, и что тот встревать в ссору не намерен, значит, не велика птица.

— Да ты поддатый здорово, документы! — распалился он.

Гуров почувствовал запах от офицера, который, видно, вчера выпил, а сегодня потушил похмелье пивом. Старому сыщику стало тоскливо. У здания Главного управления милиции, среди бела дня, нетрезвый сотрудник хамит, сейчас попытается получить взятку. Господи, и ведь ничего с этим не поделаешь. О каком авторитете милиции можно говорить?

— Товарищ капитан, да этот «мерс» числится в угоне! — На помощь начальнику подбежал старшина.

Гуров нагнулся, выдернул из замка зажигания «Волги» ключи и предъявил свое удостоверение.

— Я иду в научно-технический отдел, если ваше начальство торопится, пусть найдет меня. А нет, так ждите здесь. — Он зашагал к подъезду.

Старшина, судя по всему, был абсолютно трезв, а потому, чувствуя себя увереннее, догнал Гурова.

— Удостоверение разверните, красная книжечка у каждого имеется. Я при исполнении. — И начал хвататься за кобуру.

Гуров коротко ударил старшину ребром ладони по бицепсу, рука того повисла. Полковник вновь вынул удостоверение, развернул, поднес к самому его носу.

Предупрежденный заранее о приезде Гурова, вечно занятый эксперт принял полковника сразу. Карабин, из которого убили вице-премьера, лежал на столе. Пришел и начальник НТО, некогда хорошо знавший Гурова.

— Приветствую орла-сыщика! Какие вопросы к скромным труженикам науки?

— Привет, Алексей.— Гуров пожал руку начальника, указал на карабин.— Что можете рассказать об этой штуке? Документы я читал.

— Этот карабин, СКС, находится на вооружении у спецназа,— пояснил начальник отдела.

Распахнулась дверь, и в лабораторию ввалился капитан милиции, за ним появился Крячко.

— Вы табличку на двери видели? — рявкнул начальник НТО. Гуров сунул ключи от «Волги» Крячко и пробормотал:

— Станислав, убери их всех отсюда.

Крячко потянул за собой капитана, прикрыл дверь и гаркнул:

— Смирно!

Гуров подмигнул эксперту, зашептал:

— Сейчас будет цирк.

Шаги и голоса в коридоре удалялись. Крячко было уже едва слышно:

— Ваши ключи, и молитесь Бога...

— Он большой начальник? — спросил у Гурова эксперт.

— Обязательно. Простите, как ваше имя?

— Александр.

— А я Лев Иванович.— Гуров осторожно взял карабин.— Саша, как специалист, что вы можете сказать об этом оружии? Например, из него часто стреляли?

— Не думаю.

— Хозяин ухаживал за ним, часто чистил?

— Карабин тщательно чистили непосредственно перед выстрелом. Может быть, скажу глупость, но мне кажется, что стреляла женщина, причем женщина физически очень слабая.

— Давай-давай,— подбодрил его Гуров.— Чем парадоксальнее, тем интереснее.

— Спусковой механизм обрабатывали, видимо, вручную и довели до такого состояния, что достаточно лишь тронуть спусковой крючок, как раздастся выстрел. Никакого усилия не требуется. А ведь стрелять из такого оружия крайне сложно, нужны определенные навыки. Многие спецназовцы жалуются, уж больно у карабина тугой спуск. Но здесь,— эксперт погладил оружие,— все выполнено так, словно стрелял ребенок или очень слабая женщина.

— Интересно, очень интересно,— засуетился Гуров.— Чувствую, Александр, у вас имеются и другие соображения.

— Скорее предположения, Лев Иванович,— неуверенно произнес эксперт.— Неизвестно, имеет ли оно какое-либо отношение к роковому выстрелу.

— Смелее, выкладывайте, затем решим, что к чему имеет отношение,— поощрительно улыбнулся Гуров.— Вся сыскная работа основана на предположениях, порой чудовищных по своей несуразности.

Эксперт вновь погладил карабин:

— На ложе имеется вмятина, в этом месте обычно его поддерживают левой рукой в момент прицеливания и стрельбы. Прове-

дите кончиками пальцев, иначе вы не увидите, а лучше я вам лупу дам.

Гуров осмотрел в лупу указанное место и увидел на полированном дереве небольшую вмятину.

— Вижу, ну и что? — Гуров пожал плечами. — Могли ударить об железку.

— В случае удара повредили бы так, а здесь просто вмятина. Обратите внимание, Лев Иванович! — Эксперт осторожно перевернул карабин. — На обратной стороне аналогичная вмятина. Мое предположение: карабин зажимали в тиски, предварительно обернув фланелевой тряпочкой. Не хотели царапать дорогую вещь. Стало быть, зажимали карабин не во время стрельбы. Ведь убийца знал, что после выстрела карабин выбросит, так ему все равно, будут на ложе царапины или нет, потому фланельку подкладывать не стал бы.

Эксперт взял одну из пробирок, стоявших в штативе, показал Гурову:

— Несколько волосков, которые я обнаружил на карабине в месте сжатия. Установлено, волоски от ткани типа вельвет, у меня где-то и артикул записан.

— Молодец, очень хорошо. — Гуров проникся к эксперту искренней симпатией. — Возможно, из этих волосков и суп сварим. Продолжаем фантазировать. Допустим, что, готовя убийство, карабин закрепили в тисках, но ведь тиски тоже надо прищипандорить к чему-то. — Он вспомнил махину подъемного крана, к которому можно было привинтить не только карабин, но целую пушку. — Значит, от них должен отходить металлический стержень, а на его конце тоже тиски либо другое крепление. Как ты такую железку представляешь? Нарисуй.

Остро отточенным карандашом эксперт начертил простое крепление, пояснив:

— Вот тиски. Они держат карабин, от них отходит металлический палец длиной сантиметров тридцать, на его конце скобы типа щипчиков для сахара и винт с ушками; поворачивая ушки, можно зажать такую штуковину насмерть. — Он пририсовал и карабин, а в отдалении — голову человека с рожками. — Карабин можно нацелить заранее, как чертик появится. Стоит только спусковой крючок тронуть, как появится покойник.

— Умница, только рожки ты не тому нарисовал. Рожки над карабином торчат, а не под пулей.

На обратном пути от Петровки до министерства Крячко возмущенно рассказывал, каким гнилым оказался капитан, с чьей «Волги» они забрали ключи.

— Успокойся, Станислав. Пока ты занимался воспитательной работой, я кое-что интересное выяснил, — перебил возмущенного друга Гуров.

— Тебе хорошо! — не унимался Крячко. — А эта гниль мне четыре новеньких баллона предлагал. Взятку совал, чтобы мы лишнего не болтали. Конечно, тебе взятку может только душевнобольной совать. А такой харе, — он оттянул тугую щеку, — каждый норовит в душу плюнуть.

— Да успокойся! Твоя внешность лишний раз подтверждает, что она не у каждого человека соответствует содержанию.

— Философ! — Крячко проехал на желтый свет и погрозил кулаком гаишнику, который стоял к ним спиной. — А ты знаешь, как мне новые колеса нужны? А сколько они для моей тачки стоят? Да мне до исподнего надо раздеться, чтобы купить.

— Не переживай, не взял взятку сегодня, возмешь завтра.

— Ладно, черствая твоя душа, — успокоился Крячко, — рассказывай, что ты в лаборатории раскопал?

Сыщики сидели в своем кабинете напротив друг друга. Дурашливая беспечность исчезла с лица Крячко, он смотрел на Гурова хмуро.

— Это как понять? Нам предлагается что-то новенькое?

— К чему нам новенькое, когда со стареньким в дерьме по уши? Мне интересно, что ты по данному поводу думаешь?

Крячко возмутился:

— Я думаю? С пятидесяти метров в человека из винтовки с оптическим прицелом даже я не промахнусь.

— Хорошо, дальше, — ободрил Гуров.

— А чего ты еще хочешь?

— Чтобы ты думал, Станислав. Хорошо, подтолкну лентяя. Зачем убийца свою систему разобрал? Оставил бы все как есть, какая разница?

— Чтобы сбить со следа, — быстро ответил Крячко.

— Ну, при твоей версии далеко не убежишь. Кстати, на меже участков стоит подъемный кран, а там без всяких приспособлений было обо что опереться. Но убийца пошел на дополнительный риск, развинтил крепления и только затем выбросил карабин. Значит, для него было очень важно, чтобы никто не догадался, что карабин находился в креплении... Надо снова ехать на дачу.

— Верно, следов никаких не оставлено, слишком жидкое месиво под ногами, а вот найти крепление можно. Убийца систему разобрал, карабин в одну сторону бросил, крепление в другую, а строительного мусора там выше головы, никто и внимания не обратит.

— Да, из тебя идеи, как из дырявого мешка сыпятся, только тряхни. Ладно, утром и поедем. Но к крану не пойдем, железку будем искать не мы. Если убийца увидит, что менты что-то вынюхивают, сразу насторожится, а нам это ни к чему. Попросим Мишку Захарченко, помнишь такого?

— Ну как же, забыл! — огрызнулся Крячко. — Когда ты начинаешь из себя профессора изображать, мне стукнуть тебя хочется.

— Неужели! — Гуров подвинул телефон, начал набирать номер. — У Мишки вид босяцкий, приблатненный, на него и внимания не обратят.

— Какой же ты порой неродной бываешь. Тебя только Петр да я терпеть могут, остальные просто не переваривают. И как я их понимаю. Даже самую простую мысль произносишь таким тоном, что сразу становится ясно, вот ты такой весь из себя умный, а остальные так, прохожие, на чашку чая зашли без приглашения.

— Не топчи, ботинки изотрешь, — усмехнулся Гуров, хотя

слова приятеля его задела. Он поднял палец, давая знак, что соединился, и хрипло спросил: — Мишаня, ты? Во повезло, с первого захода в козыря попал. Не узнаешь? — И уже нормальным голосом продолжил: — Здравствуй, Михаил, здоровье в норме? Молодец, верно подметил. Друзья жить не мешают? Что? Может, ты не один и тебя слушают? Точно-точно? Сам видел? Ну, раз за руку здоровался, так верю. Я к тебе по другому делу, но раз так, тем более свидимся. Ты где работаешь? Ну не важно... Поутру к «Варшаве» подскочить можешь? Тринадцать? Жду!

Гуров положил трубку, но руку от аппарата не отнимал, в глазах у него металась сумасшедшинка.

— Ну, что? Что? Говори, мать твою! — Крячко шарахнул кулаком по столу.

— Галей... Борис... Сергеевич, — с трудом выговорил Гуров. — Галей Борис Сергеевич, живой и здоровый, вернулся домой, живет в собственной квартире с родным братом Александром. Масловка гуляла неделю. Галей рассказывает, что пребывал в «подполье», так как ментовка на него чужие трупы вешала. Сейчас, мол, все выяснилось, невиновность его установлена, он в законе, открывает свое дело.

— Господи, какое дело? Прошлой осенью Галей автогеном вырезали из его «шестерки».

— Ты тело видел?

— Нет, конечно, мне покойники не интересны. Полагаешь, полковник контрразведки Ильин инсценировал смерть Галей? Заслал его в тьму-таракань до лучших времен, теперь расконсервировал?

— Не думаю, — ответил Гуров. — Раз «горячий» «Вальтер», принадлежавший Галею, сунули в руки Ионе Доронину, значит, от услуг Галей отказались. А если от киллера отказываются, его убирают. И по дошедшим до нас сведениям, гаишники обнаружили тело Галей в принадлежавшей ему машине, которая врезалась в опору моста. Таковы факты. Теперь мои предположения. Галей решили сохранить, а подсунули какой-то труп. Нет, не верю. Опытный разработчик, полковник Ильин, не мог оставить его в живых. Киллер, сорвавшийся хоть раз, уже непредсказуем.

— Теперь Галей не скоро возьмет в руки оружие, — заметил Крячко.

— Возможно, — согласился Гуров. — Ему сейчас, после воскрешения из мертвых, первым делом надо свои отношения с контрразведкой урегулировать. Иначе они его быстренько в морг вернут. Ты представляешь, сколько он о наших коллегах знает?

— Все это интересно, однако чужая головная боль. Чем занимаемся мы? — спросил Крячко.

— Разыскиваем убийцу заместителя министра Игоря Михайловича Скопа. Завтра у кинотеатра «Варшава» я встречаюсь со своим крестником Мишей Захарченко. Дам ему задание поискать на стройке, неподалеку от дачи вице-премьера, интересующую нас железку. А мы сами туда прибудем в понедельник, познакомимся с обстановкой.

— Веранда пустая.

— Вот я и хочу убедиться, что она действительно пустая. Сда-

ется мне, Игорь Гойда так ошалел от правительственных чиновников, что кое-что, и очень даже важное, на веранде просмотрел.

— Ну, флаг тебе в руки и попутного ветра!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день после убийства на даче вице-премьера, полковник Игорь Трофимович Ильин сидел за столом в своем кабинете и пребывал в сумеречном настроении. Убийство — уголовное преступление, и заниматься им должны прокуратура и уголовный розыск, а не контрразведка. Однако с начальством не поспоришь.

Ильин лениво подвинул папку с неразобранной почтой. Вздыхнул. Прошли те золотые денечки, когда каждый иностранец имел номер, известный маршрут, вылизанные связи. И в изысканных ресторанах, которые посещали привередливые иностранцы, контрразведчик всегда кушал неподалеку, и еще неизвестно, кого с большим вниманием обслуживал официант — помощника посла солнечной Гваделупы или великого лейтенанта Пупкина.

Да, было время, только глянул — все дышать переставали. А сегодня практически с рядовыми ментами сравнялись, по одним помойкам лазаем, ни чести тебе, ни уважения.

— Игорь Трофимович, — раздался из динамика голос выписывающей пропуска девицы. — К вам тут какой-то гражданин рвется. Документов у него нет и ведет себя вызывающе. Ваше имя-отчество называет.

Ильин собрался послать вызывающего гражданина куда подальше, но пересилил себя и миролюбиво сказал:

— Скажи дежурному прапорщику, чтобы проводил ко мне.

Ильин отодвинул газеты, гадая, кто сейчас явится. Видно, кто-то из бывших стукачей освободился, паспорта нет, а справку показывать не хочет.

В дверь тихо постучали, заглянул дежурный.

— Здравия желаю, господин полковник! Разрешите завести?

— Заводи, — усмехнулся Ильин да так и остался с прилипшей к губам усмешкой.

Отстранив дежурного, в кабинет вошел Борис Галей.

Ильин, вцепившись в подлокотники кресла, замер от охватившего его ужаса.

— Присутствовать? Или обождать за дверью? — спросил прапорщик.

Галей взглянул на опешившего полковника, спокойно повернулся к сопровождающему:

— Иди, сынок. Я с того света вернулся. Видишь, Игорь Трофимович переживает. — И закрыл за охранником дверь.

Готовясь к предстоящей встрече с полковником, Галей очень волновался. Боялся сорваться и наделать глупостей, даже зашел в аптеку, выпил валерьянки. Но, увидев знакомое лицо с легким прищуром светлых глаз, легко улыбнулся и сказал:

— Да не бери ты так к сердцу, Игорь Трофимович! Чего только в жизни не случается.

— Ну раз зашел, присаживайся, — наконец-то придя в себя, сказал Ильин. — Признаюсь, не ко времени, у меня без тебя забот уйма.

— Знаю, вчера вечером на даче большого начальника застрелили. Пишут, выстрел был хорош, в центр лба залепил. Я хотел попозже, где-нибудь через недельку, к тебе заглянуть. А новость прочитал, понял, следует явиться, засвидетельствовать почтение и сказать, что это дело не мое. Рано или поздно узнаешь, что Борис Галей живой, пошлешь своих пацанов обувку изнашивать. Так ты, полковник, запиши, в момент убийства этого лоха, раб Божий Галей Борис Сергеевич находился в кругу друзей и двух ментов из отделения милиции, которые отмечали его, Галей, возвращение в отчий дом. Чего не пишешь?

— Запомню.

— Вот-вот, у меня тоже память отличная. Хотел я тебя закопать... — Голос у Галея сорвался, он тяжело сглотнул, достал пачку сигарет. — Курить выучился, даже рюмку могу выпить, а ведь знаешь, раньше такого со мной не случалось.

Ильин почувствовал, как сердце резко сжалось. Он пошарил в ящике стола, достал бутылку коньяка, сделал крохотный глоток прямо из горлышка.

— О! Да ты совсем плохой. Чужими жизнями распоряжаешься, как дерьмом! А свою сохранить — проблема! Но ты береги себя, я серьезные виды на тебя имею. Опять же обидно, если не сам тебя прикончу, а ты от дряхлого сердчишка завалишься.

Ильин убрал бутылку в стол, заставил себя подняться из кресла и прошелся по кабинету. Оказавшись за спиной Галея, с ненавистью взглянул на его затылок.

— Некачественно твои пацаны сработали, поленились вывести из машины, в салоне ударили. А замаха-то нет, да и удар чуть выше положенного места пришелся, потому и живой, — словно угадав мысли полковника, произнес Галей.

— Халтурщики, простого дела не выполнили, — в тон Галею сказал полковник и вернулся на свое место. — Теперь с тобой мороки не оберешься.

— Господин полковник, давайте расставим все точки над «i»! — Галей перешел на «вы», заговорил деловито. — Я от власти не борзею, меру знаю, мне такой могущественный противник не нужен. Я вашу школу закончил, опыт страховки имею, потому вы меня тронуть не можете.

— Ни твои дела не доказываются, ни мои.

— Это в суде они не доказываются. Но для служебного расследования и увольнения без выходного пособия на вас, Игорь Трофимович, вполне хватит. Я материал по разным норкам рассовал, все не разыскать. Да и людей у вас таких, кому могли бы довериться, нет и быть не может. Так что, ежели я под троллейбус случайно попаду, то телеги на вас в тот миг и поедут. Все, Игорь Трофимович! Я не угрожаю, и больше вы от меня ни одного непочтительного слова не услышите. Шантаж — дело опасное.

— Так чего ты хочешь?

— А ничего. Живут же люди спокойно, каждый сам по себе, и друг друга не трогают.

— Больно ты прост.— Ильин недоверчиво посмотрел на него.
— Да не совсем...
— Тогда говори.
— Я за эти месяцы много чего передумал, решил со стрельбой кончать. Иное хлебное дело нашел. Половина ваша.

— Нет!— быстро ответил Ильин.
— А вы, Игорь Трофимович, не зарекайтесь. Держать деньги в дальнем банке — это прекрасно. Но ведь банк-то далеко. А наличные — они всегда наличные. Я работаю один. Сашку моего можно не считать, ничего не знает и знать не будет. Я быстренько обернусь, потом вы решите, идете в долю или в стороне от денег останетесь.

Полковнику и раньше Галей нравился, сейчас Ильин понял, что парню цены нет. И надо же такому случиться, что малый оказался на другом конце веревки.

— На что жить будешь, пока обернешься? Мы же твой тайник нашли и доллары изъяли.

— Малость осталось. В одно место все яйца только кретин кладет. У вас сейчас одна задача: дать мне надежный канал связи. Естественно, никаких посредников. У вас наверняка имеется конспиративная квартира, вот там мы и встретимся, я объясню суть дела. Если согласитесь, то, ничего не делая, вы в доле...

— Если я ничего не делаю, зачем же нужен?

— Законный вопрос. В вашу контору может обратиться высокопоставленный человек, который скажет, что его шантажируют убийством и требуют деньги. Об этом сигнале я должен знать.

— Наконец-то,— облегченно вздохнул Ильин.— Значит, ты хочешь сделать из меня осведомителя.

— Я?— искренне удивился Галей.— Господь с вами, Игорь Трофимович! Наша беседа и ваше согласие вас ни к чему не обязывают. Желаете — предупреждаете, не желаете — я без претензий.

— Сейчас я тебе не отвечу, так как ничего не понял.— Ильин продиктовал адрес.— Запомнил?

— Ну?

— Если я позвоню и спрошу, состоится ли сегодня пуля, то ответишь, ошиблись номером. На следующий день, в двенадцать, приходишь по этому адресу. Там решим, если перестанешь темнить, конечно.

— Всего наилучшего, Игорь Трофимович. И не будь дураком, сотри запись нашего разговора.

Ильин выпил еще коньячку, чего раньше никогда себе не позволял на работе, бутылку держал исключительно для представительства, откинулся на спинку кресла и задремал.

Сквозь дрему лениво рассуждал, чего только черт ни делает, когда Бог спит. Разберем варианты. Отказываться и денег не брать. Галей ошибается. Многоопытный гэбэшник отлично понимал, что на предложение бывшего киллера соглашаться нельзя. «Что мне могут предъявить со слов уголовного?»

Ильин резко выпрямился, сонливость пропала. Может раскрутиться вся история с неудачной вербовкой уголовного и выплыть его указание ликвидировать Галея. Авария и изъятие тела зафи-

ксиваны. Подчиненных потрясут, и хоть один, да посыпется, за ним расколются остальные. Отмывая себя, оперативники все свалют на полковника Ильина. Газеты поднимут дикий вой. Это уже не отставка, а суд и тюрьма.

Вариант второй. Принять предложение. Галей считает, что у полковника Ильина счет в далеком банке. Господи, да в том банке у полковника даже кучи дерьма не найдешь.

Вряд ли такой ловкий и осторожный парень сыпанется на первом же деле, да еще при его, Ильине, страховке. Один раз обернется, можно получить тысяч двести, о меньшей сумме Галей не начинал бы разговора. А человек, имеющий в кармане двести тысяч долларов, уже совсем другой человек, и возможности у него совершенно иные.

Итак, полковник Ильин сделал выбор. Но если бы он знал, что разговор идет не о тысячах, а о миллионах, то все его выкладки и рассуждения оказались бы значительно короче.

Март шел к концу. Погода стояла промозглая, ветреная. На асфальте расплзались лужи, снег давно превратился в темную жижу.

На Галее были добротные ботинки с толстой, рифленой подошвой, но ногам все равно зябко, кажется, что промочил.

Следовало поесть, спокойно обдумать, чем же закончился разговор с гэбэшником. Он открыл дверь неприметного с виду кафе. Отодвинув портьеру, навстречу вышел охранник. Окинув цепким взглядом Галея, безошибочно определил — мужик опасен. Такому не укажешь на табличку «Мест нет». Вышибала молча провел Галея в зал, удивляясь про себя, что так его насторожило в этом неказистом с виду человеке.

Из шести столиков занят был лишь один. За ним гуляли две шумные пары, явно при деньгах и из местных. Галей занял столик в углу, лицом к дверям и подальше от уже пьяной компании.

— Здравствуйте, господин хороший! — прощебетала подбегавшая официантка и протянула меню. — Я вас слушаю.

— Сто пятьдесят «Абсолюта» в стакане, пачку «Мальборо», салат с мясом, бифштекс с кровью и картошкой, чашку кофе.

Официантка замаялась, затем тихо спросила:

— Простите, вам наши цены известны?

— Не хватает, у тебя, красавица, займу.

Настроение у Галея было отвратительное, хотя и без особой причины. Он живой, здоровый, голова давно не болит, встреча с гэбэшником прошла нормально, скорее всего тот согласие даст, мужик головастый, сообразит, что деваться ему некуда.

Вернулась официантка, ловко накрыла стол. Галей выпил водку одним глотком, затем достал пачку долларов, отслюнил сотенную, положив на стол, указал на стакан:

— Повтори, пожалуйста.

— Мы вообще-то валюту не берем. — Девушка смахнула бумажку в карман передника и исчезла.

Галей ел, не ощущая вкуса, а перед глазами проносились последние месяцы его жизни.

Галей слишком поздно понял, что оплошал: выставился перед

полковником слишком умным и хватким. Гэбисту это не понравилось, понял: такого коня сколько в узде ни держи, все равно понесет куда не следует.

Когда Галей догадался, что решили обойтись без его услуг, достаточно его «засвеченного» ранее «Вальтера», он не отдавал пистолет, пока не понял — все, дальше тянуть нельзя. Но и тут промашку допустил. Шикарным жестом выложил пистолет перед полковником. Хотел доказать свой класс, мастерство, а вышло наоборот. Полковник лишний раз убедился, что киллер спецслужбе не по зубам. «Вальтер» забрал, а Галея приказал ликвидировать.

Через два дня, когда стемнело, охранники предложили киллеру поехать взглянуть на место предстоящей «работы». Но усадили не в свою машину, а в «Жигуль» Галея. И он понял, его везут убивать. Посадили его рядом с водителем, не побоявшись, что выбросится из машины на ходу. Скорее всего, прикинул Галей, ударит по затылку, затем пересадят за руль и спустят машину под откос. Он как бы невзначай обернулся. Один из парней держал стакан, второй открывал бутылку водки.

— Жаль, не пьешь, а то бы как раз на троих, — сказал один, старательно отворачиваясь от взгляда Галея.

— Давай, раз такое дело, попробую, — хохотнул Галей.

— Неужто и впрямь в жизни не пил? — Парень повернулся, из-под его бедра показалась монтировка.

«Значит, бить будет он. Когда начнет пить водку, я могу выпрыгнуть. Но справа от шоссе тянется ровное поле, спрятаться негде. Как ловко ни упаду, но, пока поднимусь, они догонят и добьют. Или пристрелят».

Все правильно просчитал Галей, а момент удара пропустил. Позже понял, амбал ударил, передавая товарищу стакан. Они и возно с выпивкой устроили, чтобы создать максимально мирную обстановку.

Сознание к нему вернулось, когда в машине уже никого не было, а она летела по шоссе. Затем последовал удар, «Жигули» врезались в опору столба.

...Очнулся он, услышав мужской голос:

— Повезло парню, ноги, руки вроде целы...

— Затылок видел? Наверняка шейные позвонки поехали, если выживет, урод на всю жизнь.

Галей шевельнул пальцами ног, получилось. Он приоткрыл глаза, понял, что находится в «Скорой».

В приемном покое он окончательно пришел в себя. Сел, коснулся запястья в крови затылка. Здесь на Галея никто не обращал внимания. Он потихоньку слез с каталки и примостился на стул, между двумя мужиками, такими же, как он, окровавленными, к тому же пьяными.

Рядом стояли две женщины, одна в белом халате, другая в пальто и, не обращая ни на кого внимания, оживленно разговаривали. Галей присмотрелся к женщине, одетой в пальто, и понял — это его шанс. Дождавшись, когда медсестра попрощалась и скрылась в операционной, собрав все свои силы, поднялся и подошел к женщине.

— Выйдем.

Она внимательно посмотрела на него и решительно направилась к выходу. Они вышли на крыльцо. Галей замутило, он еле удержался на ватных ногах. Переборов слабость, вынул из кармана пачку денег, сунул женщине:

— Помоги, сестра.

— Меня зовут Настя.— Она взяла его под руку жестко, по-мужски.

Счастье улыбнулось Галею, как в голливудской комедии. Настя оказалась душевной, в меру корыстной, по-русски крепко пьющей. Жила она одна в отдельной квартире.

— Станный вы какой-то,— заметила официантка, подходя к столику.— Вроде не больно молоды, не фигуристы, а чувствуется в вас мужицкая сила.

Галей нахмурился. Волк не должен выглядеть волком, могут пристрелить.

— Тебя как зовут?

— Душечка, милочка, лапочка.— Девушка кокетливо улыбнулась.

— Разведенная, ребенку сколько?

— Пацан, в школу ходит, живет у матери. Я абсолютно свободна.

— Ты мне нравишься, лапочка, только я девкам деньги не плачу. Умная меня так полюбит, а дурочка мне ни к чему.

Официантка фыркнула и отошла. Галей проводил ее взглядом. Ему нужна была женщина, но не для постельных дел, а женщина с квартирой, где можно было при необходимости отлежаться.

Медсестра Настя, с которой Галею поначалу так повезло и у которой он прожил несколько месяцев, почуяв у мужика деньги, начала чудить. Пить и много болтать. И однажды, когда Настя дежурила, Галей исчез из ее дома.

Галей помахал рукой, когда девушка подошла, сказал:

— Счет, пожалуйста.

— Все в порядке, вы уже заплатили.

— Черкни свой телефончик, лапочка. Я парнишка не ленивый, найду...

— Грубиянов не люблю.— Девушка вырвала из блокнота листок, записала свой номер.

— Спасибо и до скорого!

Гуров остановил «семерку» за квартал от кинотеатра «Варшава», где назначил встречу с Михаилом Захарченко, и направился к кинотеатру пешком, с трудом проталкиваясь среди торгующих москвичей. Неожиданно его толкнули под локоть и негромко спросили:

— Господин, вас что конкретно интересует?

Гуров узнал голос Мишки, но голову не повернул, продолжал смотреть под ноги:

— Меня интересует, когда ты поумнеешь, да, видно, не дожить. Иди за мной, в машину сразу не лезь.— Сыщик сделал небольшой круг и вернулся к своим «Жигулям».

Он сел за руль, подождал, пока усядется Мишка, и поехал прочь от опасной толкотни, где не поймешь, кто тебя видит. Свернул в переулок, затем в другой, въехал во двор, где стояло две машины, остановился рядом.

— Здравствуй, парень, рад видеть, — повернулся он к Михаилу.

Мишка молча кивнул, глядя в серьезные глаза Гурова, в глубине которых мелькали то ли чертики, то ли смешинки.

— Как живешь? Рассказывай.

— Вот, Борис Галей объявился, долго отсутствовал...

— О Галее потом, сам-то как? В криминале не увяз? На что живешь, чем занимаешься? Куда тебя «Батя» определил?

— Бойтесь, не увяз ли ваш агент в мокрухе?

— Миша, не присваивай себе званий, — усмехнулся Гуров.

— Лавка у меня, торгую. Еще по заказу «Бати» за соседними лавками приглядываю, гляжу, чтобы чужие не лезли, не обижали. Ну, когда в «законе» укрепился, «Батя» решил меня к серьезному делу пристроить. Я, честно сказать, перетрухнул, так как мне сразу пушку дали. К Галеям пошел, младшему говорю, мол, так и так, пушку показываю. А Сашка своим костылем мне по горбу как въедет. Закричал, аж белый стал: «Брось немедленно!» Я ему, как бросишь, когда пистоль сам «Батя» передал. Сашка говорит, передай, что Борис Галей запретил. Знаете, Лев Иванович, — продолжал Михаил, — я имел понятие, что старшой Галей в авторитете, но чтоб в таком громадном — даже не подозревал. С того дня со мной вся округа низко раскланивается. Сам «Батя» к моей лавке подошел, пачку сигарет купил, я от денег отказывался, а он скривился: «Бери, парень, иначе проторгуешься». — Сигаретку зажег, пыхнул разок и говорит: «Торгуй беспощинно, палатки, что по этой стороне улицы — под твоим приглядом. Если толковища начнется, на меня сошлись. А у Галеев будешь, Борису Сергеевичу поклон передай». Понятно, Борис меня неспроста прикрыл, он Сашку любит, а я его дружок. Опять же в магазин сгонять для его брательника, пьянчугу с квартиры выкинуть. Но за такую мелочь стальную крышу получить — великий фарт. На мне теперь ни кражонки, ни кровинки, авторитет в округе, хоть в церковь на исповедь.

— Молодец, рад за тебя. — Гуров оглядел ладную фигуру парня, кожаное пальто, водолазку под горло. — Из сопливого гоп-стопника в коммерсанта превратился. А когда Галей исчез, тебя не тронули?

— Он и раньше отъезжал. — Михаил замаялся, увидел смешинку в глазах полковника, затем продолжил: — Сперва дня три его не было, ночью объявился на иномарке в мужской компании. Тетка Авдотья, форточница, она водкой ночью алкашей поддерживает, видела. Приехал, говорила, Бориска, как фон-барон, два мужика спереду идут, два в сопровождении. Пробыл он дома всего ничего, так же фасонисто и укатил.

«Это габэшники Галея за «горячим» «Вальтером» привозили», — понял Гуров.

— Но потом Галей надолго исчез, болтали, что разбился на своих «Жигулях».

— Было дело. У нас тоже шептали разное, к Сашке и участковый заглядывал, интересовался, звонит брат, или как? Сашка в ту пору почернел, будто мертвяк. Вскоре я ему продукты приволок. Сашка прыгает по квартире, насвистывает, сказал, что старшой звонил, занят сильно, просит паспорт подвезти. Ну, мне не трудно, я паспорт отвез. Борис братану тысячу зеленых передал и мне два столыка баксов сунул.

— Это когда было?

— В конце ноября вроде.

— Чего же ты мне не звякнул?

Михаил прикрыл глаза, затем оскалился и зло зашептал:

— Вы, Лев Иванович, меня за стукача держите? Я от Галеев, кроме доброго, ничего не видел. Закладывать их не буду! Что хотите делайте, желаете — старое подымайте! Там, если пошарить, кое-чего найти можно!

— Ты погоди пылить, — улыбнулся Гуров. — Стук разный бывает, в мою дверь — так всегда дело доброе.

Михаил съежился, сник. Гуров закурил, опустил стекло. Долго молчал. Наконец, сказал:

— Я тебя стучать на Галеев не подталкиваю. Учти только, братья они родные, а люди совершенно разные. Сашка, судя по всему, человек душевный. А когда ты с Борисом рядом стоишь, помни: для него твоя жизнь плевка не стоит. Думал, говорить тебе, не говорить... Видишь, как жизнь хитро карты кладет, вроде предупредил, доброе дело сделал. А загляни в меня поглубже, увидишь, старый опер не от доброты предупредил, покой свой оберегал. Если теперь тебя Борис убьет, я не в ответе.

— Кончай рубашку рвать, Лев Иванович, я и раньше в глазах Бориса смерть видел, — усмехнулся Михаил. — Улица знает, Борис в ЧК ликвидатором работал.

— ЧК так ЧК, а к тебе просьба не велика. Если увидишь, что у Галеев с деньгами напряженка возникла, позвони. Договорились?

— Это запросто!

— Теперь слушай задание. — И Гуров объяснил Михаилу, куда надо подъехать, где и какую железку поискать, и дал чертеж предполагаемого крепления.

— Плевое дело, — облегченно вздохнул Михаил. — У меня теперь тачка имеется. Борис братану подарил, мне дает на рынок сгонять, другие какие дела. Оденусь поплоче, все облазаю, ежели ваша железка там имеется, доставлю в лучшем виде.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В понедельник утром Гуров по «вертушке», которую якобы отменили, позвонил вице-премьеру Барчуку.

— Доброе утро, Анатолий Трофимович, вас беспокоит полковник Гуров Лев Иванович. Я не ворвался на совещание?

— Здравствуйте, я один, но занят, — вежливо, но сухо ответил Барчук.

— Оно и понятно. Как у вас складывается день? Мне нужно с вами подъехать на вашу дачу.

— Сегодня отпадает, завтра тоже...

— Тогда давайте через час прямо на даче и встретимся.

Сидевший напротив Гурова Крячко наблюдал за другом с любопытством.

— Я все уже рассказал, добавить мне нечего, а свободного времени у меня нет.

— А минуточка имеется? Я вечером встречаюсь с газетчиками. Они, как вам известно, ребята разные, могут вас не понять.

— Это шантаж.

— Ну что вы, всего лишь гражданский долг.

— Хорошо, буду.

— Они нервничают, очень сердиты, — прокомментировал Гуров, опуская трубку. — Странно, давно уже назначили... И чего это он так самоутверждается?

— Наживаешь врагов на ровном месте, — недовольно сказал Крячко. — Зачем он тебе нужен? Что ты у него будешь спрашивать?

— Понятия не имею, — легко соврал Гуров.

Барчук крепко пожал Гурову руку, доброжелательно кивнул Крячко.

День выдался солнечный, весенний. Когда хозяин и оперативники прибыли, у дома стоял грузовик, разгружали мебель.

— И зачем я такую махину отгрохал? — искренне удивился Барчук. — Я не хотел, но «половина» загрызла: «На людей взгляни, что мы, хуже?» — Он махнул рукой.

«Половина», с испариной на круглом лице, блестя голубыми азартными глазами, командовала грузчиками. Увидев мужа, крикнула ему:

— Ты чего приперся? Думаешь, без тебя не справимся? — Женщина собралась исчезнуть в доме, но Гуров ловко подхватил ее под руку:

— Роскошный дом, мадам, какая прелесть! Сколько вкуса, фантазии... — И прошел с ней в дом.

— А ваш полковник — мужик не промах, знает, с какого бока к женщине подъехать. Но, честно сказать, пустые хлопоты. Моя лишь выглядит провинциалочкой, на самом деле — хитрющая бестия. Она ведь и мебель прямо со склада, мимо магазина, приобрела, и доставку задарма выбила.

— Что бы мы без наших жен делали? — пробормотал Крячко, отметив во фразе чиновника слова «приобрела», «задарма» и «выбила». А не заигрывает ли высокий чиновник с обыкновенными ментами? Не разыгрывает из себя эдакого рубаху-парня? Если так, то к чему бы это? — рассуждал Крячко, простодушно улыбаясь.

Войдя в дом, бойкая хозяйка, которая просила называть ее запросто Асей, сразу же рванулась к одному из «бандитов»-грузчиков. По ее мнению, тот пытался изувечить крышку письменного стола. Под ее визги стол поволокли в кабинет хозяина. Гуров остался в холле один. Осмотревшись, он вышел на веранду через кухню. На полу еще остались меловые полосы. Это эксперты очертили контуры тела.

Веранда была огромная. Гуров на глаз определил, что в длину она метров девять и в ширину не меньше пяти. Он закурил, отодвинул жалюзи. В момент выстрела окна были открыты, но кованая решетка, конечно, сильно затрудняла стрельбу. Убитый был на пять сантиметров ниже Гурова и получил пулю в лоб. Сыщик подошел вплотную к задней стене веранды, вынул из кармана загодя приготовленную пятисантиметровую палочку, отмерил высоту и поставил на ней авторучкой отметку. Затем прошел вдоль стены в направлении места, где убили человека, и внимательно осмотрел стену. Особой зоркости не понадобилось. Круглая дырочка, диаметром миллиметров пять, соответствующая калибру пули, изъятый из черепа трупа, отыскалась довольно быстро. Ее уже чем-то замазали, но для Гурова это значения не имело.

— Ну-с, о чем же мы будем беседовать, господа? — открывая бар, спросил Барчук. — Чем вас разрешите угостить?

— Минералочкой, Анатолий Трофимович, — сказал Гуров. — Сама понимае, служба.

— Я-то понимаю, да выпить хочется. Тем более благоверная занята, и к начальству мне сегодня не ходить. — Барчук вздохнул, открыл бутылку воды, наполнил три бокала. — Будем соблюдать протокол.

Гуров улыбался, наблюдая за вице-премьером, пытавшимся держаться непринужденно.

— Лев Иванович, хотя график сегодняшнего дня у меня уже полетел к чертовой матери, но время все равно ограничено. — Барчук сменил дружеский тон на официальный. — Если вы решили меня снова допрашивать, приступайте.

— Убитый был вашим другом? — спросил Гуров.

— Нет, Игорь Михайлович Скоп не был моим другом. Мы не встречались вне службы, да и в моем кабинете Скоп бывал лишь два или три раза. — Барчук счел необходимым пояснить: — Чиновничья иерархия, вице-премьер и заместитель министра встречаются нечасто. Из присутствовавших в тот вечер я лично пригласил лишь Якушева, к которому имел деловое предложение, и Яшина, из охраны Президента. Инициатива пригласить Еркина и Скопа исходила от супруги. Она, кажется, с их женами знакома, в общем, уговорила.

Гуров согласно кивал, смотрел понимающе, действительно, жене отказывать в пустяковых капризах не по-мужски. Но Крячко заметил, что друг не слушает хозяина, думает о своем.

— Анатолий Трофимович, а чья идея была собраться в узком мужском кругу? — спросил Гуров.

— Если честно, супруга настояла. Она постоянно обвиняет меня в недальновидности, в том, что я не расширяю круг личных знакомств. Убедила пригласить влиятельных мужиков, выпить, поговорить за жизнь. Вот так. — Он развел руками.

— Надеюсь, вы понимаете, что один из гостей прямо или косвенно причастен к убийству?

— Абсолютно исключено! — воскликнул Барчук. — Как вам подобное в голову пришло?

— Ну, если вы так уверены, что никто из гостей к убийству непричастен, значит, снайпера организовали вы, Анатолий Трофимович, — задумчиво произнес Гуров.

У Барчука отвисла челюсть. Вены на его висках вздулись. Он походил на человека, вынырнувшего из-под воды на последнем издыхании.

Гуров взял со стола бокал с минералкой, вложил в ладонь Барчуку и крепко прижал его пальцы к стеклу.

— Выпейте, сейчас пройдет. Любое убийство — сильный удар по нервной системе.

Барчук послушно сделал несколько глотков, поперхнулся, наконец с трудом выговорил:

— Вы понимаете, что говорите?

— Такова моя профессия...

— Аудиенция окончена! До свидания, господа полицейские! — Поставив бокал, Барчук направился к дверям, но Гуров схватил его за локоть. Вице-премьер неловко дернулся и закричал: — А за это вы ответите!

— Вряд ли.— Гуров подвел Барчука к большому кожаному креслу, заботливо усадил. — Прежде чем вы, Анатолий Трофимович, нажалуетесь премьеру, я переговорю с журналистами. Газеты и телевидение за несколько дней приготовят из вас такое блюдо, что не только кресло вице-преьера, но даже стульчик завканцелярией никто вам не доверит. Я сейчас набросаю конспект своего выступления, вы его выслушаете, подумаете и решите, как жить дальше.

Гуров прошелся по гостиной. Говорить начал негромко, отчетливо выговаривая слова и делая многозначительные паузы.

— В загородной резиденции члена Правительства собрались несколько высокопоставленных чиновников якобы для того, чтобы отметить окончание работ по строительству замка. После обеда хозяин предложил гостям сфотографироваться на память и, достав аппарат, начал делать снимки. Что ж, обычная история. Но здесь начинаются некоторые странности, которые заканчиваются трагедией. Казалось бы, самое разумное сделать пять снимков, чтобы впоследствии каждому гостю вручить по фотографии, оставив один снимок для семейного альбома.— Гуров вновь выдержал паузу.— Но хозяин так увлекся фотографированием, что начал водить гостей из комнаты в комнату, непрерывно щелкая аппаратом, и наконец вывел всех на веранду. Отметим, что уже стемнело, снимок качественным получиться не мог, да и погода не располагала к пребыванию на открытой веранде. Не располагала, — подчеркнул Гуров.— Даже если учесть количество выпитого. Один из гостей, можно уточнить у следователя прокуратуры, кто именно, воспротивился выходить на воздух, но хозяин настоял, включил дополнительное освещение, приготовленное заранее.

Гуров вынул сигареты, вопросительно взглянул на хозяина. Барчук вяло махнул рукой, и сыщик закурил.

— Вы хотите сказать, что я организовал покушение и умышленно вывел гостей под выстрел? — растерянно спросил Барчук.

— Я лишь воспроизвожу события, предшествующие убий-

ству, — ответил Гуров. — Уже заканчиваю, лишь подчеркну, что фотограф довольно тщательно устанавливал гостей...

— Не хватало света! — воскликнул Барчук.

— Кому не хватало света? Фотографу или снайперу? — Гуров пожал плечами. — Я подскажу данный вопрос следователю прокуратуры, уверен, что журналистов он тоже заинтересует. Вы, Анатолий Трофимович, утверждаете, что обед супруга организовала, как говорится, экспромтом, на скорую руку. Гости впервые пришли к вам в дом. Но указать киллеру нужную позицию может лишь человек, который знает расположение вашего дома, знает, что веранда выходит на стройплощадку соседей. Кто может иметь отношение к убийству? Так вот, я, полковник Гуров, сыщик с более чем двадцатилетним стажем, отвечаю, что при данном раскладе убийство организовал хозяин шалаша, фотограф, который темным ненастным вечером вывел жертву под пулю киллера. Если у вас есть вопросы, я попытаюсь на них ответить.

В это время на пороге появилась мадам.

— Раз ты изволил приехать, подыми жирный зад, взгляни на кабинет, который тебе отгрохала твоя женушка!

— Будь любезна, выйди отсюда и прикрой за собой дверь поплотнее.

Супруга исчезла, громко хлопнув дверью. Барчук поднялся с дивана, одернул пиджак. Движения его стали неторопливыми, четкими. Хозяин на глазах превратился в чиновника высокого ранга, человека волевого и умного.

— Лев Иванович, вы нарисовали мрачную, но достаточно реалистичную картину. У меня к вам лишь один вопрос.

— Слушаю вас внимательно.

— Вам, опытному сыщику, не кажется, что против меня улик слишком много?

— Извините, Анатолий Трофимович, но улик, как и денег, слишком много не бывает, — неожиданно вмешался Крячко.

Барчук брезгливо поморщился, Станислав же решил, что Гурову полезно передохнуть, а потому продолжил:

— Подброшу вам пустяшный вопрос. Сегодня привезли мебель для вашего кабинета.

— И что же? — удивился Барчук.

— А то, что женщина никогда не станет приглашать в дом гостей, пока дом не обставлен окончательно. Так что утверждение, что инициатором вашего мальчишника была она, вызывает серьезное сомнение. Мальчишник организовали вы сами, почему-то спешили... Может, живой Скоп вам уже поперек горла встал? А мертвый, он тихий, никому не мешает.

Барчук выпрямился, казалось, сейчас сорвется, закричит. Но он сдержался, спокойно произнес:

— Интересно, чем гэбэшники неделю занимались, если у вас, сыщиков, на второй день столько вопросов?

— Они жопы свои берегли, — ответил Крячко.

— Я приношу свои извинения, Анатолий Трофимович. — Гуров взглянул на Крячко недобро. Он недолго любил «соседей», так повелось истари, но говорить об этом считал возможным только между своими. Кроме того, Гуров знал, ФСК за последние

годы понесла огромные потери специалистов. К сожалению, первыми всегда гибнут лучшие. — Среди ваших гостей находился сотрудник из охраны Президента. И мне непонятно, почему, когда Скоп упал с пульей во лбу, вы бросились в сад с криками: «Машину угнали!» И пробежали весь участок.

— Ну! — Барчук пожал плечами. — Эмоциональный срыв! У вас каждый день трупы, а я впервые...

— А карабинчик-то у крана вы первым заметили, — усмехнулся Гуров. — И то, что вы карабинчик платочком обернули, чтобы на оружии пальчики не оставить, это уже не срыв, а расчет.

— Да не убивал я! Что вы мне дело вяжете? Если хотите, это я ему поперек пути стоял, а не он мне. Вы же умный человек, должны понимать: зампремьеры не убивают замминистров.

— Я не подозреваю вас, Анатолий Трофимович, — сказал Гуров. — Иначе мы бы с вами разговаривали в другом месте.

— Это точно, — вставил Крячко. — Убийство — история серьезная, и никакой премьер вас бы не спас.

— Допрашивать всех следует тщательно, придется задавать неудобные вопросы. Ребята из контрразведки достаточно опытные, и вопросы у них были бы те же, что и у меня. Видимо, некто наверху сказал им — не лезьте, не умничайте... Как видите, все очень просто.

— Значит, контрразведчиков остановили, дело передали в МВД, а ментов приструнить невозможно? — насмешливо произнес Барчук, в голосе его вновь зазвучали начальственные нотки.

— Ну почему же, можно и приструнить. Действительно, зачем разыскивать убийцу, если процесс розыска доставляет неудобства высокопоставленным чиновникам?

— Лев Иванович, вы неправильно меня поняли, — быстро сказал Барчук. — Я выразился неудачно.

— Неосторожно, — поправил Гуров. — Станислав, у тебя пленка не закончилась?

— Проверим. — Крячко поднял стоявший у его ног кейс, раскрыл, вынул магнитофон. — Еще минут на сорок имеется, потом заменим кассету.

— Сорок минут нам хватит. Верно, Анатолий Трофимович?

— Нарушаете закон, дело привычное? — насмешливо спросил Барчук.

— Иметь при себе магнитофон никому не запрещено. Я передам запись нашей беседы в прокуратуру, следователь решит, какой из моих вопросов внести в официальный протокол. Вы запомнили, Анатолий Трофимович, что на веранде вашего дома убили человека, и я вам объяснил, что некоторые ваши поступки в вечер убийства вызывают недоумение. Я умышленно показал вам магнитофон, и вы вправе потребовать, чтобы его выключили, вправе попросить нас удалиться. Но мне хотелось бы задать вам еще несколько вопросов. Решайте.

— Выключите! — воскликнул Барчук.

Крячко нажал на клавишу, остановил запись. Барчук прошелся по гостиной, долго молчал, затем махнул рукой:

— Включайте, у меня нет гарантий, что магнитофон имеется в одном экземпляре.

— Разумная мысль, — прокомментировал Гуров.

— Вы настоящие бандиты...

— Свежая мысль. А беспредел — это когда убивают людей, или беспредел начинается в тот момент, когда милиция записывает на пленку рассуждения вице-премьера?

— Лев Иванович, давайте ваши вопросы, перечислите их сразу, чтобы я мог сосредоточиться.

Гуров с Крячко переглянулись и рассмеялись. Крячко сказал:

— Анатолий Трофимович, ну никак вы не можете забыть, что являетесь большим чиновником!

— Вопросы? Извольте! Характеристики каждого из ваших гостей, включая убитого, и ваши личные и служебные взаимоотношения с ними. С какой целью вы организовали обед? Почему в данный день, а не выждали, пока особняк будет полностью обставлен? С какой целью вы проводили фотографирование? Почему вы фотографировали сначала в спальнной комнате, которая расположена на втором этаже, и только потом на веранде, на первом? Пожалуй, все, — закончил Гуров.

Пока Барчук излагал свою складную историю, он окончательно пришел в себя, и закончив отвечать, спросил:

— Почему вы не интересуетесь главным? Кому я рассказывал о предстоящем обеде, как киллер узнал о том, что мы собираемся, где и когда?

— Если вы имеете отношение к выстрелу, то правду никогда не скажете, — ответил Гуров. — Если не имеете, то ничего интересного для нас не знаете. Зачем задавать пустые вопросы?

Вежливо попрощавшись, сыщики направились к машине. Крячко заметил:

— А кабинет мы так и не посмотрели.

В «мерседесе» они молчали, и, только вырвав на шоссе, Крячко сказал:

— Мне представляется, что Барчук каким-то краем в этой истории замазан.

— Или его подставляют, — добавил Гуров. — Я бы с тобой согласился, но интересы вице-премьера не пересекаются с интересами замминистра.

— Не скажи, финансы, то есть денежки, тугрики и прочие пфенниги... Ни на какую зарплату подобную махину построить и обставить невозможно. — Крячко по-блатному цыкнул зубом. — Иной вопрос, каким образом такой чиновник может выйти на киллера?

— Здесь как раз очень просто, — усмехнулся Гуров. — Никакого киллера не было.

— Присядь, Игорь Федорович. — Орлов указал на стол для совещаний. — Сейчас распоряжусь. Тебе кофе, чай?

— Едино, — ответил Гойда, усаживаясь и раскрывая папку с материалами. — Мое руководство ворчит, что-то к ментам зачистил, не поймешь, кто руководит следствием и кто кому подчиняется. Много твои парни накопили?

Орлов попросил секретаря принести кофе и чай, позвать Гурова и Крячко.

— У меня Станислав, — усмехнувшись, сказал он, — умница, хитрец и балагур, время от времени вводит в обиход различные словечки, которые прилипают, словно репей. Так вот, сейчас Станислав бы выдал: «Накопали, мало не покажется».

— Здравствуйте. — В кабинет вошел Гуров.

Следом появились секретарь Верочка с большим электрическим чайником и Крячко с подносом, заставленным чайной посудой и вазочками с печеньем. Верочка тут же ушла, а Станислав принялся хозяйничать, расставлять приборы и, предвзято серьезный разговор, трепаться:

— Лев Иванович, обратил внимание, какая суета в вестибюле? Я решил, какие иностранцы прибыли или из самой Думы соизволили заглянуть. Оказывается, прокуратура нагрнула. Игорь Федорович, вам чай, кофе?

Орлов сел во главе стола, подвинул чашку:

— Мне кофе, пожалуйста.

Гуров вынул из полиэтиленового мешка крепление, которое разыскал Михаил Захарченко, и положил его перед Гойдой.

— Игорь, у тебя одна попытка понять, что это за железка и где найдена.

Гойда с любопытством повертел самодельное крепление, прокрутил винты на обоих концах:

— Я такую штуку искал... Признаю, силен ты, Лев Иванович. Но данное крепление к делу не приложишь, ведь его обнаружение юридически не оформлено, потому и доказательством оно быть не может.

— Мы ребята простые, не ленивые. Вернемся, положим, где нашли, соберем табор свидетелей. И оформим, как прикажете, — сказал Крячко.

— Доказательством в деле крепление карабина к стойке крана не будет никогда, — лениво ответил Гуров. — Факт существования такого крепления только сужает круг розыска убийцы. И только.

— Что является доказательством, решает следствие, затем суд, — насупился Гойда. — Неужели было трудно оформить по-человечески?

— Потому мы прокуратуру и не любим, — заметил Крячко. — Значит, вмятины на карабине вы видели, существование зажима предполагали. Гэбэшников посылали искать, те не нашли. Сейчас, когда вам этот чертов зажим преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, вы недовольны каемочкой.

— Доволен, Станислав, доволен. — Гойда вновь покрутил винты. — Однако непорядок, и мне непонятно...

— Оформить находку надлежащим образом не было возможности, — перебил Орлов. — И хватит об этом. Хотите — берите, не нужна — выбросите. — Он набылчился, голос его загремел.

— Непонятно. Железку нужную нашли, а оформить находку не сумели. И объяснить не можете? Или не там нашли? Или распорядились изготовить по своему чертежу? Это не я говорю, — торопливо добавил Гойда. — Лично я вам верю, как себе. Но прокурор и судья на ситуацию могут взглянуть иначе. Об адвокатах я уж не говорю.

Орлов дернул воротник, чтобы не давило, верхняя пуговица

рубашки отскочила, галстук съехал набок. Гуров предупреждающе выставил ладони, мол, не стоит пороть горячку, сейчас разберемся.

— Игорь, объясняю в первый и последний раз. Сумеешь понять, на тебя розыскники будут пахать, не сумеешь, начнут просто выполнять твои поручения. Эту железку отыскал не я и не Станислав, а мой агент. Я ему объяснил, что следует искать, где конкретно, и он нашел. К делу приобщать крепление нельзя. Свидетеля у тебя никогда не будет. Я железку сюда притащил, чтобы ты знал: карабин крепился. От данной печки и танцуй.

— Если танцевать умеешь, — вставил Крячко.

Орлов успокоился, вытягивая губы дудочкой, пытался вернуть галстук на место. Гойда пробормотал извинения, но тут же заметил, что милицейским агентам не верит, они врут, сообщают лишь то, что оперативник желает услышать.

— Верно, — кивнул Крячко. — Крохотный нюансик существует, господин старший следователь по особо важным делам. Каков оперативник, таков и агент.

— Закончили, вопрос сняли. — Гуров поднялся, взял лежавшую перед Гойдой железку и убрал в свой пакет.

— Тебе крепление ни к чему, а нам может пригодиться. Мы не в суде. Для нас ясно, что карабин был намертво прикреплен, следовательно, стрелять мог лишь в одну точку.

— Вот именно, Лев Иванович, вот именно, — оживился Гойда. — Когда я, осматривая карабин, заметил следы зажима, сразу подумал о креплении. Но, поразмыслив, понял, если карабин намертво зажать, то прицеливаться из него уже нельзя. Потому я идею крепления и отбросил.

— Ты умница, Игорь Федорович, — одобрил Гуров. — Рассуждай дальше.

— Если поставить жертву в нужном месте и произвести выстрел, промах исключен. — Гойда радостно потер руки. — Ты был на веранде, но и я там был. Естественно, оттуда карабин не виден.

— К тому же было темно, как у негра в желудке, — вставил Крячко.

— Я встал на место, с которого предположительно произвели выстрел, и в бинокль посмотрел на веранду, — продолжал Гойда. — Место поражения заранее определить можно лишь приблизительно. Выставить же на веранде человека, чтобы ему шлепнули в центр лба, невозможно, головой ручаюсь.

— У тебя голову заклинило, дорогой, потому и ручаешься.

— Нужен контрольный выстрел, — сказал Орлов. — Поставить «жертву» затылком к отверстию в стене и тогда определить, получит ли он пулю в лоб с того места, где нашли крепление.

Гуров незаметно для остальных показал Орлову большой палец. Генерал довольно улыбнулся.

— Ну, Лев Иванович, чего молчишь? Ты след от пули в стене веранды нашел?

Гуров кивнул:

— Покрытие на стене модное, шероховатое, дырочку зашпаклевали, но точно цвет подобрать не удалось. Уверен: пулю не извлекали, она в стене.

— Ну, господа, мое время истекло, — поднялся Орлов. — Дела иные ждут. Продолжите свои беседы в кабинете сыщиков. — Он пожал руку Гурову и Крячко, а следователя обнял за плечо. — Задержитесь на минуточку.

Когда подчиненные вышли, Орлов потянулся было за печеньем, но нащупал только дно вазочки:

— Станислав, сукин сын, печенье упер! Ты после рукопожатия с Крячко свои пальцы пересчитывай. И вот еще. — Генерал, подыскивая слова, запнулся. — Извини старика за совет, но с Гуровым лучше не соревноваться. Я его, пацана, воспитал, мое самолюбие больше твоего, однако смирился. Ну, такой он, не виноват, что от природы умен до неприличия. Да и черт с ним! Его жалеть и беречь следует, и в первую очередь от него самого.

— Спасибо, Петр Николаевич, я постараюсь. — Гойда попрощался и отправился к оперативникам.

— Таким образом, Лев Иванович, вы предлагаете версию, что убийство совершил один из присутствовавших на вилле, — устало произнес Гойда.

— Мы имеем, — Гуров прошелся по кабинету, — укрепленный карабин, нацеленный на веранду, пулю в стене, сточенный спусковой механизм, который дает возможность произвести выстрел, лишь коснувшись спускового крючка.

— И не шибко понятное фотографирование на холодной, темной веранде, — добавил Крячко.

— Как нажали на спусковой крючок? — спросил Гойда. — Можно предположить, что протянули обыкновенную нитку и, когда жертва оказалась в нужном месте, дернули. Конечно, все это из области предположений... Доказательств нет. Я вас понимаю, друзья, вы работали, а я критикую. В полном праве заявить: не нравятся — предложи что-нибудь получше. А вот у меня получше-то ничего и нет. Но то, что вы построили, уж больно шатко, честно сказать, соплями склеено.

— Ты же запись нашего разговора с Барчуком слышал? Допроси его официально по существу каждого вопроса, — предложил Крячко. — Почему собрались в еще не обставленной даче? Кто был инициатором организации обеда? Почему делали снимки сначала на втором этаже, только позже на веранде?

— И ваши вопросы останутся без ответа. Скажут, что они не имеют отношения к происшедшему. — Гойда замолчал, о чем-то задумавшись, затем произнес: — Если ваши предположения верны, то осуществить столь хитро задуманный план мог только хозяин виллы. Потому следует копать в служебных отношениях, пересечениях интересов между вице-премьером и замминистра. В каком вопросе, в проведении какой финансовой операции замминистра встал на пути Барчука, встал столь прочно, что лишь убийство последнего...

— Извини, Игорь, — перебил Гуров. — Нам в финансовых комбинациях не разобраться. Твое предложение не годится. В данном случае главное — не кому выгодно, а кто конкретно организовал убийство.

Гойда возмущенно посмотрел на Гурова. Тот рассмеялся:

— Игорек, расстегни на время свой прокурорский мундир! Мы не собираемся творить беззаконие. Не мальчишки. Когда узнаем, кто убийца, будем добывать доказательства.

— Согласен,— кивнул Гойда.— Сколько у нас подозреваемых? Пятеро.

— Я бы оставил троих,— вмешался Крячко.— Исключил бы самого Барчука, уж слишком много против него косвенных улик. Якушева, у него такая уйма денег, что нет смысла мараться с фигурой масштаба замминистра.

— Два дня назад ты рассуждал иначе,— заметил Гуров.

— Я поумнел...

— С вами не соскучишься.— Гойда сделал пометки в своем блокноте.— Остаются Яшин Егор Владимирович, замнач Управления охраны Президента. Начальник Яшина нам глотки перервет. Еркин Олег Кузьмич, председатель комиссии у Бисковитого. Тут слов не надо, сами понимаете. Ждан Юрий Олегович, помощник Президента. Ни один из них в прокуратуру больше не придет. И вы при всей вашей ловкости к ним не подберетесь.

— Обижаешь, начальник! — Крячко лукаво взглянул на Гурова.

— А мы им деликатно намекнем,— начал Гуров,— что к нашему величайшему сожалению, господа хорошие, убийство совершил один из вас. Подозрение в убийстве — не обвинение в воровстве...

— Меня повесят, содрав прокурорский мундир вместе с кожей,— прокомментировал Гойда.

— Ты слишком высокого мнения о власти имущих. Они не мушкетеры: «Один за всех и все за одного!» Ни один начальник не захочет держать рядом с собой возможного убийцу. И не сомневайся, Барчук у тебя в ближайшее время объявится, пусть даже с двумя адвокатами. Вот тогда ты, вежливо улыбаясь, благодаря и извиняясь, затем мягко, с болью в сердце, заикаясь, сообщаешь о вновь вскрывшихся обстоятельствах, которые свалились неподъемным грузом на твои хилые плечи.

— Выгонят из ментов, в поэты пойдешь.

— Станислав, меня за долготерпение живым на небо возьмут,— завздыхал Гуров и вновь повернулся к следователю: — После чего приглашаешь Барчука, обязательно с адвокатом, эксперта НТО и едешь в знакомый замок. Место, где вошла контрольная пуля в стену веранды, найдешь без особого труда. Эксперт извлекает пулю. И ты все оформляешь должным образом.

— Адвокат заявит протест. Ведь неизвестно, каким образом пуля туда попала.— Гойда не протестовал, явно предлагая Гурову развивать свою мысль дальше.

— И будет прав. Действительно, неизвестно. Но именно здесь убили человека, и твоя обязанность пулю изъять и отправить на сравнительную экспертизу. Ты, следователь прокуратуры, обязан выполнять свой долг. И вот здесь, Игорь, можешь исполнить классный номер. Пригласи Барчука с адвокатом пройти от веранды к месту, где был укреплен карабин. Скажи: предполагаешь, что была натянута нитка, убийца нитку оборвал, но кусочек мог где-нибудь зацепиться.

— Даже если нитку найдем, все равно ничего не докажем.— Гойда уже понял, к чему клонит сыщик.

— Конечно, не докажете,— согласился Гуров.— Но господа правители замучаются сомнениями. А убийца может предпринять некоторые шаги. Мы же будем ждать!

— Спасибо за совет.— Гойда сложил свои бумажки в кейс и поднялся.— Барчук придет, а остальные — не уверен.

Гуров доверительно произнес:

— Думаю, что в ближайшие дни у вас появятся все герои. Я попрошу Станислава «проговориться» какому-нибудь журналисту, что расследование остановилось из-за того, что высокопоставленные чиновники отказываются давать показания.

— А тут выборы на носу. Ой, что будет! — Крячко схватился за голову.

Оставшись вдвоем, Гуров и Крячко облегченно вздохнули. Гуров сел за свой стол. Крячко занялся уходом за чахлым кактусом, который, скукожившись, мерз на подоконнике.

— Ты обещал, найдем крепление, отметим,— сказал Крячко.

— Вечером.

— А сейчас пошлешь меня собирать материалы на героев? К Яшину и Ждану не подойти. В Кремль не пустят, соседи по дому, убежден, со мной разговаривать не станут.

— Не прибедайся, пролезешь и подходы найдешь. Но только позже. Сначала Гойда тряхнет Барчука, когда пойдут круги, тогда твой черед настанет. А сейчас я тебя действительно пошлю, только совсем в иную сторону.

— Хозяин — барин, холоп готов служить.

— Отправляйся в картотеку, найди нам парочку серьезных авторитетов. Они должны отвечать следующим требованиям. Чтобы их имя знал каждый бандит в Москве. Кровавая суть обязательна. Лучше, если занимают официальную должность. Ну там, генеральный директор, президент, соучредитель, не важно. Желательно сидевшие или хотя бы привлекавшиеся. Чтобы о них писали, говорили по ящику. Короче, нам нужны хорошо известные, кровавые, располагающие огневой защитой.

— Ты и размахнулся. Может, сразу с министров начать...

— Я сказал: уголовные авторитеты, для которых официальное прикрытие лишь забава. И обязательно список ближайших родственников: отец, мать, дядья, деды, если есть, взрослые дети, малолетних не надо. Где родственники живут, чем занимаются.

— Сделаю, только на кой черт — не понимаю! Если они в законе, их не тронешь...

— Видится мне, скоро нам понадобится серьезная охрана. Защита от беспредела.

— Ты пойдешь на связь с убийцами? — Крячко даже побледнел.

— Не говори глупостей, выполняй.

Крячко пожал плечами и направился к двери. На пороге столкнулся с женщиной: мужчина, стоявший за ней, громко произнес:

— Извините за непрошенное вторжение. Проходи, Танечка, Гуров красивых женщин не ест.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гуров поднялся из-за стола, узнал Александра Турина, популярного телеведущего, поклонился незнакомой женщине.

— Лев Иванович Гуров.

— Татьяна Евгеньевна Ташкова. — Она протянула руку.

— Александр, каким ветром занесло?

— Ехали мимо, я и предложил Татьяне заглянуть к человеку-легенде... Кстати, Татьяна — режиссер, в некотором роде мой начальник.

— Располагайтесь. — Гуров обвел рукой скудную обстановку кабинета, затем позвонил секретарю Орлова. — Верочка, приготовь кофе, пожалуйста, у меня гости.

— Знаю, я же им пропуска заказывала! — весело ответила девушка.

— Кто разрешил?

— Петр Николаевич. Они позвонили ему из бюро пропусков.

— Целую и жду кофе.

— Простите, Лев Иванович, но печенье Станислав украл, так что ищите у себя, кофе сейчас будет. Рюмки?

— Валяй, спасибо.

Гуров подошел к вешалке, тряхнул свой плащ, из кармана вынул горсть печенья.

Вошла Верочка с подносом, подмигнула Гурову и, стрельнув взглядом на гостей, удалилась. Гуров достал из письменного стола початую бутылку коньяка, наполнил две рюмки.

— Лев Иванович, а вы?

— Мне нельзя, вечером в засаде, сам понимаешь. — Гуров с сожалением покачал головой.

— Да все-то вы врете! Танюша, смотри на этого человека, еще молодой, а уже легенда. Давай за него выпьем, он того заслуживает. Даже не потому, что спас меня в прошлом году, а потому как Лев Иванович — мужик настоящий.

— Согласна! — Татьяна подняла рюмку.

— Александр, выкладывай, зачем явился?

— Нас интересует убийство замминистра финансов. Пытался обратиться в пресс-центр контрразведки, все бесполезно. Вчера узнал: дело передано вам — потому и пришел.

— Что интересного? Убийство как убийство. Помешал кому-то человек, его и застрелили. Нормально.

— У вас такой юмор?

— Лишь констатация факта. — Гуров впервые внимательно посмотрел на гостью.

Не сказать — красива, но мимо не пройдешь. Главное, конечно, глаза, миндалевидные, с густыми длинными ресницами, смуглая кожа с персиковым пушком, нос короткий, прямой. Возраст определить сыщик не решился бы, тридцать с небольшим, возможно, около сорока...

— Смотрите, словно прицениваетесь, будто к вещи, которую собираетесь купить, — с легким вызовом произнесла Татьяна.

— Кстати, Александр сказал, что вы режиссер, а документов ваших я не видел. Извольте! — Гуров протянул руку.

— Как? — Татьяна покраснела. — Вы требуете мои документы?

— Прошу.

— Лев Иванович, прекратите, — попытался вмешаться Турин, но Гуров жестко повторил:

— Извольте предъявить ваше удостоверение.

Татьяна открыла сумочку, достала красную книжечку, швырнула ее на стол. Гуров внимательно изучил удостоверение.

— Извините, Татьяна Евгеньевна, профессия приучила к осторожности.

Она опустила ресницы, что-то тихо пробормотала. Гуров повернулся к Турину:

— Что у тебя, выкладывай.

— Найдете убийцу замминистра?

— Убийца не гриб. Его не находят, а разыскивают. Да и куда он от меня денется?

— С экрана так можно сказать?

— Говори, коли не терпится. Только прежде подумай. Разыскать — не значит обязательно в тюрьму упрятать. Вон сколько убийц по Москве в черных лимузинах да под охраной раскатывают, ни одного судить и не собираются. Может, я такого убийцу разыщу, что не его, а меня посадят. А еще проще — убьют.

Борис Галей вновь обошел двухкомнатную квартиру, отремонтированную и шикарно обставленную еще в прошлом году. Киллер тогда провернул гениальную операцию. Получив с заказчиков, ныне покойных, двести тысяч долларов, Галей долго решал, под каким соусом начать тратить такие деньги? Ответ подсказал телевизионный агент «МММ» Лея Голубков, по несколько раз в день рассказывавший телезрителям, как он обогатился за счет щедрой компании «МММ», вложив в нее свои трудовые сбережения. Галей не верил ни в какие компании, лотереи, отлично понимая, что все это сплошное надувательство, отъем денег у дураков. Но ведь продажу таких бумажек никто не регистрирует. Галей купил десяток акций, нарезал по формату кипу бумаги, изготовил несколько «кукол». Брату наказал, покажи невзначай друзьям, скажи: Борис скупал еще по копеечной цене, сейчас мы богатенькие. Через два дня вся Масловка знала, что братья Галеи выиграли в «МММ» «миллиард».

Таким образом Борис Галей «отмыл» доллары, не прибегая к сложным банковским операциям. Знай столь простой способ отмыывания черных денег, зачуханные наркобароны переходили бы от зависти. Но западные мафиози не знают законы и обычаи старой Москвы...

Теперь, решив вернуться в отчий дом, Борис который день раздумывал, как жить дальше. У Бориса возникло много забот. Первое — кончались доллары, так как значительную часть их забрали гэбэшники, когда Галей засветил свой тайник, отдавая «горячий» «Вальтер». «И дурак же я, — клял он себя. — Ну из головы вон, что вместе с «Вальтером» зеленые лежат». На оставшиеся деньги он купил себе новую «семерку», подержанную «шестерку» братану, которого обслуживал серьезный, непьющий,

чему в доме придавали большое значение, Мишка Захарченко. Сейчас он с Сашкой играл в карты на кухне. Парни помалкивали, прислушиваясь к шагам Бориса, мерно расхаживавшего по квартире.

— Братан, есть будешь? — спросил Сашка, тасуя колоду. — Михаил мировые пельмени купил, сварить — одна минута.

— Валяйте, — ответил Борис, останавливаясь у окна и глядя на опостылевший двор. Вначале деньги придется слупить с Якушева, размышлял он. Почему-то подумалось, стоит ему объявиться, как Якушев выложит «лимон», глазом не моргнув. Сегодня он возвращается из Цюриха, так сказала секретарша. Очень хорошо, вот сегодня Галей на туза и надавит, да так, что сок пойдет. А уж затем деньги можно получить с других фраеров, стоявших в вечер убийства на веранде. Хотя и посложнее будет. Фамилии и прочие их данные Галей узнал из газет, адреса и прямые телефоны назвал полковник Ильин. Конечно, с холуем из охраны Президента придется повозиться, наверняка считает себя «крутым», захочет подловить, благо люди у него есть. Но тут Галей решил просто проверить место первой явки и, если заметит наружку, а при его опыте он засечет «ребят» наверняка, то уйти на дно. Переждать и «крутого» охранника ликвидировать. А его долю поделить поровну между оставшимися в живых, объяснив, что надбавка появилась в связи с кончиной их сотоварища.

Как он ликвидирует Яшина, киллер еще не думал, но не сомневался в успехе. Надо решить первый вопрос: получить деньги с Якушева. Купить винтарь с оптикой, найти тир, проверить себя, чуть выждать. Обдумывая все детали, Галей все больше убеждался, что необходим напарник. Опытный, смелый, главное — верный. Где такого взять?

Бывший курсант школы КГБ Галей отлично помнил наставления «Старца», ликвидатора, работавшего еще за железным занавесом. «Старец» появлялся перед курсантами в парике, гриме, темных очках, порой сам подшучивал над этим маскарадом. Но в его остротах постоянно звучала насмешка над птенцами: «Мол, я старый, трусливый перестраховщик, уже не бойцовский петух, лишь карикатура. Верно-верно. Поживем и увидим, кто из вас вообще доживет до моего возраста».

Так вот, «Старец» неоднократно повторял, что при любых условиях ликвидатор, если хочет остаться в живых, должен работать в одиночку. Если вас двое, опасность провала увеличивается во много раз. Приобретая партнера, вы приобретаете врага номер один. Уже не контрразведка и охранники объекта становятся вашими основными врагами, а ваш партнер. Но если ситуация вынудит брать партнера, выбирайте спокойного дебила, такого легче ликвидировать.

— Братан! — крикнул Сашка. — Пельмени готовы! Тебе подать или ты здесь присядешь?

— Слова какие освоил. — Борис вошел на кухню. — Где прикажете?

Мишка Захарченко подвинул хозяину стул, поставил тарелку с пельменями, солонку, перечницу. Галей впервые обратил внимание на красивую, явно дорогую посуду.

— Подарок чей? Или на харчах экономишь? — спросил Галей и заметил, что меньшей внезапно покраснел. Борис отодвинул тарелку: — Пусть поостынут, горячо. Михаил, возьми в баре стакан, плесни...

— Поберегись, братан! — недовольно буркнул Сашка. — Или память отшибло, благоверных забыл? Они, когда нас с тобой делали, наверняка пьяные были. Если с тобой чего — я ведь тоже не жилец!

— Не боись, Сашок, я помру не от водки. — Галей взял у Мишки стакан, вновь подвинул пельмени. — Мишаня, скажи, у моего младшего деваха завелась?

Мишка взглянул невинно:

— Не замечал, Борис Сергеевич.

— Что друга не выдаешь, молодец. А такую посуду, — он стукнул вилкой по тарелке, — только женщина может купить. И хорошо, когда в доме женщина есть...

Михаил сидел в сторонке, слушал рассуждения Бориса о женщинах и думал, как хитро в человеке переплетается гладкое и колючее. Борис — убийца, и сколько на его совести вдов, сирот, старух безутешных? Наверняка сам не знает, ему такое и неинтересно. А брата любит, факт ясный, как погожий день. Послушаешь, так и женщин любит, говорит о них уважительно...

— Я, Борис, не темню, ходит ко мне молодая, — сказал Сашка. — Так увечный я, стесняюсь. Когда платные заскакивают, мне моя нога не мешает. Они за деньгами приходят, и у кого какая нога, их не касается. А вот она приходит, я не могу...

— Ты это брось! — перебил Борис. — После войны такой мужик, как ты, для любой краше ордена был.

— Сейчас не война.

— Это у тебя не война, в тереме живешь.

— Слушай, никогда не просил. — Сашка кусал губы, говорил через силу. — Ты меня с Мишкой на пару недель к морю под солнышко отправил бы. Или не по деньгам нам? Ты не думай, что я с жиру. Уж больно загореть охота...

— Кончай тарактеть, сделаем. Сейчас не могу, а через недельку один человек должок вернет — и отправлю.

Значит, сейчас у Галея денег нет, невольно отметил Михаил. И вспомнил Гурова, его просьбу. Да что же я за сука? Сижу в доме, ем, пью, на чужой машине катаюсь, а думаю, как человека в ментовку заложить! Не буду звонить!

— Ну, ребятки, за кормежку спасибо. — Борис поднялся. — Ты, Сашок, готовься один жить, я думаю семьей обзавестись. Видеться, конечно, будем, зелень я тебе подброшу. Нам с билетами «МММ» подфартило, я кое-что в оборот пустил, до конца жизни хватит.

В дверь позвонили, Борис пошел открывать. Он распахнул дверь, но на площадке никого не было, а с лестницы доносилась дробь каблуков убегающего человека. В дверной ручке торчал смятый конверт.

— Конспираторы хреновы! — выругался Галей, забрав конверт, вернулся в квартиру. — Внизу ящик для писем имеется.

Он разорвал конверт, достал лист плотной белой бумаги. Отметил: конверт дешевый, замусоленный, а бумага дорогая, с водяными знаками, текст написан не шариковой ручкой, а пером. Почерк твердый, уверенный. Отметив все это, Галей прошел в гостиную, опустил в низкое кресло и лишь затем прочитал:

«Привет, Борис!

Не могу дозвониться, потому пишу! Мы знакомы, но не встречались лет сто. Я учился с тобой в одной школе, в параллельном классе. У меня кликуха была — Леньчик, так как фамилия Леонтьев, звать Аким. Я о тебе, Борис, наслышан, полагаю, нам имеет смысл встретиться, тему для разговора найдем. Я живу в области, позвонить мне трудно, но, если имеешь желание и время, заскочи на Речной вокзал в кабак, спроси Акима, нас сведут.

С дружеским приветом одноклассник».

— Михаил! — позвал Галей. Когда Захарченко вошел, он спросил: — Ты в кабаке на Речном бываешь?

— Редко, но ребят местных знаю, не всех, конечно.

— Аким Леонтьев? Леньчик? Слышал?

— Слышал, — потупился Михаил. — Он из солнцевских, в «Речнике» у него то ли невеста, то ли жена.

— Ну?

— Борис Сергеевич, я его не видел ни разу. Знаю, что есть такой, вашего возраста.

— Еще что? Ну, Михаил, телись, что из тебя каждое слово силком вытягивать?

— Слышал, два парня с месяц назад в «Речнике» трепались, что Леньчик им долю должен и не отдает. Тем парням и до тачки дойти не дали, раскрошили из «Калашникова». А может, все вранье? Кто знает?

— Ладно, разговор забудь. — Борис поднялся. Вскоре, сказав брату, что будет звонить, он ушел.

Гуров появился в кабинете лишь к двенадцати дня злой и сосредоточенный. С утра у него состоялась встреча с агентом, но прошла она впустую. Гуров понял, что агент устал и хочет устроиться, а замены ему не было.

Крячко сидел за своим столом и просматривал газеты. Когда Гуров вошел, Станислав вскочил.

— Вольно! — Гуров снял сырой плащ, повесил на приоткрытую дверцу шкафа. — У меня день не заладился, так что береги начальника, докладывай только о приятном.

— Новостей навалом, и все розовые.

— Ну-ну. — Гуров закурил, подошел к столу. На самом видном месте лежала тоненькая папочка.

— Гойда с Барчуком и евойным адвокатом выехали в имение.

— Молодец, Станислав, — похвалил Гуров, словно выезд следователя прокуратуры с вице-премьером на место преступления — заслуга полковника Крячко.

— Всегда рад. — Крячко щелкнул каблуками и деловито продолжил: — Из болота криминальных авторитетов по вашему указанию выловлено два достойнейших. Их данные на вашем столе. Оба разрабатываются МУРом. Вы будете смеяться, господин

полковник, но одного из них вербуют. Кого в МУР набрали? Они, по-моему, умом двинулись.

Крячко добился своего, заставил Гурова улыбнуться.

— Конечно, Станислав, мы с тобой ушли, вот два ума и убыло... Остальные двинулись.

— Вам смешно, а мне за державу обидно.

— А что авторитета на вербовку готовят — тебе компьютер подсказал?

— У меня свои источники.

— Так ты, старый волк, предупреди молодых.

— Я начальнику отдела позвонил. Предложил заглянуть, мол, хочу от ошибки уберечь. Но этот майор говорил так, словно я не старый сыщик, а сопляк, который его, битого опера, собирает розыскному делу учить.

— Какой обидчивый. Они там совсем измордовались.

— Начальство всегда право, — тяжело вздохнул Крячко. — Тебе звонила мадам с телевидения. Как я понял, та, что посещала наемни, велела кланяться. И вот только что звонил парень, себя не назвал, но мне кажется — Мишка Захарченко. У него наверняка что-то есть по Галею. А теперь, Лев Иванович, скажи, зачем тебе данные на авторитетов понадобились?

— Все тебе расскажи да объясни. — Гуров сел за свой стол, открыл папку, начал изучать. — Так, привлекался за убийство, не доказано... Еще убийство... Освобожден... Работает, женат, взрослый сын... Отец... Дядя... Прекрасно, наличие родственников очень важно. А второй? Мухтар Азимов? Этого я не знаю. Узбек. Наркотики. Золото. Разве он в Москве?

— Там адресочек записан, даже телефончик, можешь позвонить, — съязвил Крячко. — Отца с матерью перевез, себе квартиру купил, родителям купил, дочка подрастает, замуж выйдет, ей тоже купит.

— Завидуешь, значит. — Гуров позвонил секретарю Орлова. — Верунчик, загляни на секунду.

Когда Верочка зашла, протянул ей папочку.

— Извини, что сам не зашел, не могу оставить телефон. Тут всего две неполные странички. Сделай, пожалуйста, два экземпляра. Только быстро. Генерал это видеть не должен.

— Хорошо, Лев Иванович. — Верочка взяла документы. — За соучастие какая статья?

— Верка, у тебя телефон! — Гуров даже привстал, словно сам собрался бежать в приемную.

— Подчиненного и генерала ты используешь втемную, — начал рассуждать Крячко, когда дверь за Верочкой закрылась. — Вице-премьера при свидетелях шантажируешь. От следователя прокуратуры важные сведения утаиваешь. Получается, как говорила покойная мама, «букет моей бабушки».

— Ты забыл приплюсовать в бабушкин букет, что вчера я обещал поставить тебе вышивку, — напомнил Гуров и снял трубку зазвонившего телефона: — Да, вас слушают. Надеюсь, ты из автомата? — Он подвинул настольный календарь, взял ручку. — Понял. Молодец. Как у него с деньгами? Что? — Гуров рассмеялся. — Ты, приятель, за него не волнуйся. Борис себя обидеть не

позволит. Будь здоров и спасибо.— Он положил трубку, сделал запись в календаре.

— Михаил? — спросил Крячко.— Что нового?

— Мало не покажется. Аким Леонтьев, слышал?

— Леньчик? Крутой, грамотный, осторожный. Торчит между ворами и нынешними отморозками. Мне казалось, он завязал, подался в коммерцию.

— Тогда Борис Галей председатель коммерческого банка. Леньчик ищет с ним связи.

— Ух ты! Ну коли свяжутся, нам действительно мало не покажется.

— Странно... Я Бориса Галея хорошо знаю. Он к себе чужака не допустит да и своего-то стороной обойдет.

— На мой взгляд, Галей перепрофилируется. Человек, заглянувший в свой гроб, хочет стать другим человеком.

— Это вряд ли, Станислав. Человек, выросший в нищете и поднявшийся к большим деньгам, назад в нужду не пойдет. А в нынешнем рынке Галею достойной ниши нет, да и Аким в коммерцию звать не станет. Если Леонтьев ищет Галея, значит, в торговле не преуспел, а из банды ушел... Ищет равноправного партнера.

— Банк вдвоем не взять.— Крячко почесал в затылке.— Они оба стрелки, чего еще могут придумать? Твой парень к ним приблизиться, конечно, не может.

— Да и я не позволю. Все! — Гуров хлопнул ладонью по столу.— Информации недостаточно, будем ждать.

— Там ждать, здесь ждать! — возмутился Крячко.— Допустим, сегодня прокуратура грянет Варчука. Он замандражит, начнет звонить, советоваться. С кого начнем мы? Яшин? Еркин? Ждан? Куда ни сунься, везде получишь по рогам.

— Я начну с Якушева, он сегодня вернулся из Цюриха. Думаю, что и Галей начнет именно с него.

— Возможно, возможно... Однако Якушева не расколоть и помощника из него не сделать,— возразил Крячко.— Ты великий сыщик, однако силенки соизмеряй. На Якушева не надавишь, не напугаешь. Он десяти вице-премьеров стоит.

— Но жизнь у него одна? — спросил Гуров.— И Галей он знает, как мы с тобой. Должен понимать, что, кроме нас, его никто не защитит.

— Откупится.

— Верно. И совершит ошибку.— Гуров поднялся.— Зайдем к Верочке, заберем свои бумажки и едем ко мне.

— Но сегодня только среда.

— Зато мы будем работать в субботу, а я и в воскресенье.

Гуров взял у Верочки плотный конверт с отпечатанными материалами, сказал, что они с полковником Крячко отбывают в неизвестном направлении и уже не вернуться. Но в случае крайней необходимости его можно найти по домашнему телефону.

Секретарь понимающе кивнула.

— Эта дама с телевидения, якобы режиссер, вас нашла? — В голосе Верочки зазвучали ревнивые нотки.

— Бог миловал! — Гуров поцеловал Верочку в щеку и напра-

вился к выходу. Крячко же остановили два офицера и стали о чем-то расспрашивать.

— Всех интересуют наши успехи в розыске киллера, ликвидировавшего замминистра, — сказал Крячко, подходя к Гурову. — Кто у нас служит, не пойму? Подходят прямо в коридоре, начинают задавать вопросы...

Двери лифта раздвинулись. Гуров посторонился, пропуская выходящую из кабины женщину, хотел было войти в лифт, но почувствовал, что его взяли под руку.

— Здравствуйте, Лев Иванович. Вы на удивление рассеянны.

— Здравствуйте, — машинально ответил Гуров и взглянул на остановившую его женщину. — Извините, Татьяна Евгеньевна, задумался. — Гуров смешался.

— Меня представлять не надо. — Станислав поклонился. — Я друг, подчиненный, напарник и соратник по кличке Станислав.

— Очень приятно. — Татьяна пожала Крячко руку. — С утра ищу вас, бегаю по министерству, собираю материал для передачи. Вдохновляюсь, так сказать.

Гуров собрался ответить, что вдохновляться следует не в министерстве, а в отделении милиции или патрульной машине, но в коридоре неожиданно появился генерал Орлов.

— Лев Иванович, зайдите! — приказал он.

— Засыпались. — Крячко беззастенчиво разглядывал Татьяну. — Хотели сорваться с уроков, да налетели на директора. Ваша вина, Татьяна Евгеньевна. Будем ждать здесь или пройдем в наш кабинет?

— Этот генерал — ваш начальник?

— Обязательно, иначе Лев Иванович никогда бы не бросил столь очаровательную женщину.

— Как вы думаете, это надолго?

Крячко заглянул женщине в глаза:

— Гуров — великий сыщик и отличный парень. Его следует изучать детально, в различной обстановке.

— Вы сводник?

— Каждый женатый мужик — сводник, потому как одновременно и завидует, и сочувствует. В общем так, Танечка. Вы мне нравитесь, я вас приглашаю в гости к Льву Ивановичу. А кухня! А ванная, с ума можно сойти!

Татьяна рассердилась. Она не позволяла разговаривать с собой в подобном тоне.

— Отложим знакомство до следующего раза, — сухо произнесла она и нажала кнопку лифта.

— Как скажете, мадам! — Крячко поклонился. — Только другого раза может не представиться.

Татьяна смотрела задумчиво, решая, чего ей больше хочется. Поехать с этими странными мужиками или отправиться домой? Вчера Гуров произвел на нее двойственное впечатление: раздражал и притягивал одновременно.

— По коням! — подлетел Гуров. Он стремительно взял Татьяну и Крячко под руки. — Надо убраться из этого здания немедленно.

Татьяна Ташкова несколько растерялась под быстрым и мощным напором сыщиков. Не успела она опомниться, как оказалась на Никитском бульваре, в квартире Гурова, сидящей в огромном низком кресле.

Крячко пронес привезенные пакеты на кухню, вернулся в гостиную с бутылкой водки.

— Мы с тобой сбежали! Молодцы!

— Не сбежали, а выполнили приказ своего начальника. Он велел нам убираться с глаз и не показываться до особого распоряжения. Наливай, господа сыщики отдыхают!

— Слушаюсь, шеф! Как в лучших домах! — Крячко расставил высокие стаканы, разлил водку.

Татьяна взглянула на стакан, прикрыла глаза.

— Станислав, вы налили щедро. — Она осторожно взяла стакан, тяжело выдохнула и выпила до дна.

— Во! Я сразу понял, что ты свой человек, Танюша! Умница! Пошли готовить ужин, я тебе такое про Гурова расскажу, ахнешь!

— Татьяна Евгеньевна, простите парня! — Гуров закурил. — Тяжелое детство, кругом уголовники, генералы, кошмар!

— Да уж ладно, мы тоже Кембриджей не кончали, — рассмеялась Татьяна, протягивая руки. — Помогите мне выбраться из кресла.

Гуров помог женщине подняться, прошел с ней на кухню.

— У нас равноправие, готовим вместе! — заявил Крячко, показывая Гурову большой палец.

Борис Галей и Аким Леонтьев устроились в ресторанчике «Айя-стан», который несколько лет назад был моден, особенно у приезжих армян, а сейчас почти пустовал.

Они заказали бутылку водки, закуску. Поглядывали друг на друга изучающе.

— Я тебя узнал, — сказал Аким. — Сколько лет минуло, а узнал.

— А я тебя никогда и не видел, — равнодушно ответил Борис. — Школу, детство оставим. Какие у тебя ко мне дела?

— Какие дела? Так сразу и не скажешь. Понимаешь, Борис, доверчивые в наши дни долго не живут. Я давно ищу партнера. — Аким широко улыбнулся. — Отлично понимаю, ты мне не доверишься, это естественно. Борис, мы нужны друг другу, кто-то должен сделать первый шаг.

Подошел официант, принес долму, которую они заказали на горячее.

Аким слышал о Галее и его брате, об их потрясающей удаче с «МММ», отлично понимал, что это номер для отмывания денег. А как он деньги добыл? Слухи о том, что Борис в КГБ был ликвидатором, конечно, полное фуфло. Возможно, и шуток тот пустил сам Борис, чтобы шпана не доставала. В прошлом году Бориса брали гэбэшники, это Акиму известно точно. Один из парней, что охранял Галея, имел связь с Акимом и проболтался. Он сказал: с Борисом работал какой-то крупный гэбэшный чин, потом поступил приказ Бориса Галея ликвидировать. Но где-то сработали

плохо, мужик жив, арестовать его не могут, значит, предъявить ему нечего.

Официант разложил долму и пошел к единственному занятому столу, за которым шумно гуляла компания кавказцев.

Борис наполнил свою рюмку, молча выпил.

— Я слышал, ты не пьешь, — сказал Аким.

— Старею. Скучно. — Борис оглядел зал, задержав взгляд на шумной компании, отвернулся.

— Я расскажу, зачем искал встречи с тобой.

— Валяй, только лишнего не говори.

— Но вначале о себе, чтоб ты лучше понял. Побывал я в Афгане. Что это такое, сам знаешь. После дембеля вернулся в Москву. Родители померли, живу один. Ну, парни ко мне тянутся, ты сам лидер, знаешь. Только ты одиночество предпочитаешь, а я команду собрал. Без крови не обошлось, два раза меня брали, освободили за недоказанностью.

— Вербовали? — неожиданно спросил Галей.

— Подкатывались пару раз, но за горло не брали. Я, конечно, на всех учетах состою и всем конторам известен.

— И сколько под тобой стукачей обретает? — задумчиво поинтересовался Галей.

— Рядом со мной два человека, они вне подозрений. — Аким, заметив усмешку Бориса, возмутился: — Я твоей агентурной подготовки не имею, но кое-что знаю. Они гуляют за недоказанностью, а доказательства в моих руках. Шлепнуть меня могут, сдать — никогда.

— Это серьезно, — согласился Галей. — Команда у тебя собрана, на хлеб хватает, чего ко мне тянешься?

— Объясню. Извини, Борис, ты в стороне, расклад не знаешь. Воры, со своими законами, особо к нам не лезут. Я с ними контактирую, но они тюрьмы и зоны в основном держат.

— Понятно. — Галей немного оттаял, тут и выпитое сказалось, и Акима прочувствовал. Чутье подсказывало: парень не конторой подослан, вышел на связь в поисках личной выгоды, а это нормально.

— Все неприятности от молодых, которые любят хватать и стрелять. Я лично просто так человека не обижу, а эти отморозки беспредел творят. Могут последнюю дойную корову зарезать, чтобы сей минут нажраться, а завтра хоть трава не расти. Хотели на меня наехать, да мои ребята тоже стрелять умеют. К тому же среди моих авторитетки подрастают, самостоятельности хотят.

— Так твоя держава распадается? — Галей вновь выпил. — Понимаю, надоело тебе вожак ходить, воли захотел.

— По сути так. — Аким решил пить с Галеем вровень, тоже опрокинул рюмку. — Когда стаю ведешь, так ведь и она тоже тебя ведет. Борис, верных, умных людей нет, куски спибаем. Хочу дела и одного партнера, за которого не надо думать, решать, контролировать, бояться.

— В этой жизни ты всегда будешь бояться, — усмехнулся Галей. — Инстинкт самосохранения. Только кто же из серьезных людей тебя в партнеры возьмет, когда ты кругом засвеченный, на всех учетах состоишь?

— У тебя один окрас, у меня совсем другой. Нас ни одна служба не соединит.

— Какой у меня окрас? — Галей взглянул остро, пытливо.

Аким понял, что все ранее сказанное — лишь общий треп, вот он, главный вопрос. Неверный ответ — иди гуляй. Борис захлопнется в раковине, не подпустит.

— Откуда мне знать? — улыбнулся он. — Тебя прошлым годом гэбэшники брали, значит, твой окрас им известен. Они знают, что ты объявился, знают твой почерк, потому сам ты двинуться не можешь. Что я могу предложить? Десяток шустрых ребят, которых можно по мелким поручениям использовать втемную. К примеру, наружку за кем понадобится установить. Не станешь же ты сам мотаться. Да одному такое и не под силу. Ребята тебя не знают. Ты мне задачу поставил, я ее по каналам передал, пацаны на скоростных тачках все выполнили и довольны.

— Кто парней оплачивать будет?

— Мои должники. Такие пустаки — не твоя забота.

— А тебе какой профит мои дела решать?

— Если ты дело задумаешь и поставишь, то исполнителем меняпустишь. Я тебе весь кусок отдаю, а ты мне долю выделяешь. А сам хоть на Багамы махнешь. Служба кинулась искать, чует, что Галей тут должен быть, так как больше некому. В это время ты в Шереметьево загорелый прилетаешь. И дело, поставленное тобой, не привлечет внимания спецслужб к авторитету Леньчика. Потому как масть совсем иная.

— За какую сумму ты меня скатишь?

Аким взглянул на Бориса оценивающе:

— Если велишь передать тебе миллионов пять баксов, могу не выдержат, скатить.

— Пять «лимонов»? — Галей искренне хохотнул. — Высоко себя ценишь. А если всего два, отдашь?

Аким задумался, вновь взглянул на Бориса и твердо сказал:

— Лучше один. Тогда точно передам. А дорого ценю я не себя, а тебя. С тобой выгодней пять раз по миллиону сделать, чем схватить один и сбежать.

— Допустим, я тебе поверил. Только вот где взять тот миллион?

— Кабы знал, не сидел бы тут, не уговаривал.

— Ты парень открытый, честный?

— Не скажу, не знаю. Может, не продавался потому, что мне мою цену не давали.

— Стреляешь хорошо?

— Смотря из чего, на каком расстоянии. Точно не снайпер, а в ближнем бою из пистолета стреляю быстро.

— Тир имеешь?

— Имею. Хочешь потренироваться?

— Возможно. Хорошую винтовку для снайперской стрельбы достанешь?

— В таких делах не мастак, надо проконсультироваться, — признался Аким.

— Хреново. — Борис долго молчал, затем сказал: — Подготовь мне тир, «Вальтер» или «Беретту»-девятку, патронов для трени-

ровки. Потом позвони брату, скажи, что Бориса ждут завтра утром. А сам подъезжай к этому кабаку через день, в восемнадцать.

— Понял, — кивнул Аким.

— Будь здоров, поезжай. Я тут маленько задержусь.

— Удачи. — Аким поднялся, неторопливо вышел из ресторана.

Галей велел официанту убрать со стола, подать чашку кофе и счет. Вынул из внутреннего кармана пиджака магнитофон, перемотал пленку, надел специальные очки и начал слушать разговор с Акимом с самого начала.

Проснулся Гуров, как обычно, в семь. Приподнялся на локте, взглянул в лицо спящей рядом женщины и вспомнил вчерашний вечер до мельчайших подробностей.

Обедали втроем, затем Станислав уехал домой, а Таня осталась, словно так и должно быть.

И вот вчерашний вечер и ночь уходят в прошлое, наваливается новый день. Гуров прошел в гостиную и начал делать гимнастику. Занимался халтурно, для очистки совести, но незаметно увлекся. Приняв душ, громко скомандовал:

— Подъем! Ванная свободна.

— А кофе дадут? — спросила Татьяна, проскальзывая в ванную.

Она говорила что-то еще, но Гуров не слушал, удивленно оглядывая чисто убранную кухню, вымытую, стоявшую на своих местах посуду.

«Значит, пока я спал, Татьяна поднялась, убрала и все вымыла». — Гуров не мог понять, приятна ему такая забота или нет.

За завтраком Татьяна взглянула на Гурова, загадочно улыбнулась:

— Ты прекрасно восстанавливаешься. Вчера я чуть было тебя не пожалела, такого замордованного, потерянного.

— Нельзя мужчине говорить о его слабостях.

— Почему? Глупости! Да слова от Льва Ивановича отлетают, как от стенки горох. Я рада, что встретила тебя, благодарна, что ты о любви не говоришь и планов в отношении меня никаких не строишь.

— Сколько тебе понадобится на макияж и прочие женские хитрости?

— Минут тридцать.

— Не торопись, мне надо поговорить по телефону.

Татьяна принялась убирать со стола, мыть посуду. Гуров позвонил Орлову домой:

— Добрый день, Петр. Надеюсь, сегодня ты отошел?

— Здравствуй, Лева. Приказ ясен и прост: убийство раскрыть, свидетелей не беспокоить.

— Убийство мы раскроем, только не докажем...

— Раз не докажешь, значит, не раскроешь, — перебил Орлов. — Можешь бросить все к такой-то матери, изображать активность и писать длинные бумаги?

— Могу, мой генерал. Но есть один нюанс: вернулся к жизни

Борис Галей. Оплачивал его работу Якушев, команду о ликвидации Галея давал полковник Ильин. Деньги у киллера на исходе, по имеющимся у меня данным, он собирается получать долги.

— Ты сам большой и умный, думай, как лучше. Я вас прикрою. До понедельника со Станиславом в конторе не появляйтесь. Якобы ищите подходы к воскресшему киллеру, косите на него, как на убийцу замминистра.

— Интересная мысль, Петр, только кто в нее поверит?

— Никто и вникать не станет. Лева, я тебя Христа ради прошу, не беспокой ты в эти дни героев, пусть они от тебя отдохнут. Пока. — И Орлов положил трубку.

— Я готова. — Татьяна вошла в гостиную, в макияже и на высоких каблуках она чувствовала себя значительно увереннее.

— Какие дела на сегодня? — из вежливости поинтересовался Гуров, вновь набирая номер.

Татьяна поняла, что ее ответа не ждут, присела на валик дивана, взяла со стола сигареты. Она не курила, порой дымила из баловства.

— Проснулся? Дома нормально? — спросил Гуров, услышав в трубке голос Крячко.

— Дочь ушла в школу, жена на работу, я домываю посуду! — рапортовал Крячко. — Готов служить без страха и упрека!

— Тебе дали гулять до понедельника. Но это у Петра душа генеральская, широкая, а я, начальник, известный жлоб. Потому приезжай ко мне...

— От меня привет, — сказала Татьяна, неумело прикуривая.

— Вчера вечером Татьяна Евгеньевна передавала тебе привет.

— Польщен. Я через пять минут выезжаю. Да, Танюше скажи, чтобы дождалась меня, я ее подброшу в телецентр или куда надо.

— Передам. — Гуров положил трубку. — Станислав велел передать, что если требуется, он тебя подбросит.

— Странные вы, менты, люди. — Татьяна взяла свой плащ, сумочку. — До двери проводишь?

— Обязательно. Даже до лифта. — Гуров поднялся, открыл стальные двери. — Я не хам, Танюша, но и не хочу выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Если будет настроение, вечером позвони.

— Обязательно, — передразнила Татьяна, чмокнула его в щеку и вошла в подъехавшую кабину.

Полковник Ильин вышел из генеральского кабинета в приподнятом настроении. Казалось, к нему вновь вернулось потерянное ощущение свободы. Ильин уже давно не мучился угрызениями совести, многолетняя служба отучила. Циничный, при необходимости жестокий, он, будучи человеком умным, считал, что на нем давно клейма негде ставить. Неожиданно все оказалось значительно сложнее.

До визита Галея полковник был убежден, что давно работает исключительно за деньги, никаких идейных убеждений у него нет, как нет их давным-давно ни у кого из окружающих. Существует лишь один интерес — личное благополучие, все осталь-

ное — от лукавого. Поступать надобно, как все. Прослыть чистулей и умником значительно опаснее, чем быть заподозренным в мелком взяточничестве. О какой морали тут говорить?

После встречи с Галеем Ильин понял, что схвачен. Поначалу, лишь прикинув возможное служебное расследование и примерно зная, кто его будет вести, Ильин соглашался стать информатором, получить солидные деньги. А дальше, размышляя он, жизнь подкажет. Можно укатить за рубеж, там тоже обласкают и денюжат подкинут...

Прошли сутки. Ильин с удивлением отметил, что стал хуже спать. Еще через несколько дней он вовсе перестал спать. Лежал с закрытыми глазами и вспоминал почему-то о провалах и совершенных им подлостях. Однажды утром попросил жену вызвать врача, позвонил секретарю, сказал, что заболел.

— Аннушка, сколько лет мы женаты? — спросил он у жены.

— Действительно заболел. — Жена приложила к его лбу сухую ладонь. — Аннушкой ты меня не называл лет сто.

— А где альбом с нашими первыми фотографиями?

Жена внимательно взглянула на него, но пакет с карточками все-таки принесла.

— В те годы у нас не было альбома, Игорь. — Она присела на диван, на котором лежал Ильин. — Ты что-то скрываешь от меня?

— Я всю жизнь скрываю от тебя. — Ильин хотел пошутить, но понял, что сказал правду, и нахмурился.

Потом он долго рассматривал фотографии, вспомнил высшую школу, присвоение первого офицерского звания, дурные мечты о работе за рубежом, по молодости мечтал работать нелегалом. Это с его-то способностями к языкам? Вспомнил первый орден, который получил не к юбилею, а за настоящее дело. Собственноручно задержал шпиона. Не липу, не оступившегося человека, а настоящего, активного шпиона. С группой прикрытия что-то случилось, произошла какая-то накладка, и он брал опытного агента один на один. Потом было много орденов, о которых лучше не вспоминать...

Когда же он скурвился, стал подлаживаться к любому начальнику? Они приходили из парторганов и комсомола, уходили, отбывая в богатые страны, а он, тогда еще порядочный парень, капитан Ильин, пахал и пахал.

Его начали обходить в званиях и по должности. Вспомнил: он сломался на диссидентах. Его вызвал начальник отдела, сунул тоненькую папочку, сказал: твой час пришел, разберись с этими жидами — пойдешь наверх. Он честно изучил материал, понял, что имеет дело с сопливыми мальчишками, организованными в институте литкружок. Читают запрещенных тогда Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, в общем, занимаются ерундой. И он, идиот, даже не выписал повестки, не доложил руководству, а пригласил «любителей русской словесности» по телефону и, встретившись с ними, сказал: «Кончайте, ребята, ерундой заниматься. Сказано — нельзя, значит — нельзя!» Что тогда началось! Папочку с доносами у него забрали, собрались уволить. Тут ему повезло, он взял группу валютчиков. Ильина оставили в покое, а над литкружковцами устроили показательный процесс. После

того случая он и «поплыл». Значит, честная, принципиальная служба не нужна? Будем служить, как вам угодно!

Потом Горбачев... Демократы... Службу трясли и перетряхивали. Памятник Железному Феликсу сломали и уволокли, но контрразведку закрыть невозможно, не форточка. И тут вспомнили, что когда-то Ильин был в оппозиции репрессиям, защищал каких-то поэтов. Хотя какой из него оппозиционер. Господи, да ему бы голову оторвали, посмей он кого-нибудь защитить. Но Службе нужны были и положительные примеры, и тут выяснилось, что один из мальчишек-рифмоплетов, которых Ильин отказался разрабатывать, а фактически предупредил об опасности, сегодня известный поэт, живет в Америке. Ильину дали полковника и отдел. Но было поздно, он уже ссучился.

Сломавшийся, готовый служить информатором у ловкого уголовника и убийцы Ильин неожиданно, в первую очередь для себя самого, выпрямился, словно бы налился упрямством и силой.

Он вышел на работу. Сдал бюллетень раньше срока. Надел лучший костюм и белоснежную рубашку, стал выглядеть моложе, увереннее. Ильин позвонил секретарю генерала, хотя обычно соединялся с ним напрямую, и записался на прием, предупредив, что просит принять по личному вопросу.

Генерал принял в тот же день. Увидев вошедшего Ильина, заулыбался:

— Удивляешь, Игорь Тимофеевич! Записался на прием, словно и не родной вовсе! Молодой, красивый... Ты, случаем, не замуж собрался?

— Как решите, господин генерал: можно замуж, можно в крематорий.

— Ну, присядем, потолкуем по личному. — Генерал указал на мягкую мебель в углу большого кабинета. — Может, по рюмочке?

— Обождем, господин генерал, — ответил Ильин. — Доложу, потом решим. Может, мне рюмку мышьяка следует выпить.

— Ну-ну! Только без мелодрам, уважаемый. Мы чекисты. Пусть их отменили, но старая закваска осталась.

Сухим военным языком Ильин объяснил ситуацию. Доложил, что по его вине ликвидация киллера, чей пистолет использовался при покушении в прошлом году, не удалась. Борис Сергеевич Галей — убийца, преступления которого на данный момент не доказываются, — явился в кабинет полковника Ильина и предложил ему стать платным осведомителем.

Ильин опустил тот факт, что повторно встречался с Галеем на своей конспиративной квартире и сообщил ему номера домашних и рабочих телефонов Ждана, Яшина, Барчука и Еркина.

— Что бы мы не решили, следует подать рапорт.

— Я писать, естественно, ничего не стану, господин генерал, — уверенно произнес Ильин. — Задерживался Галей негласно, пистолет у него изъяли незаконно. Заговори мы сегодня о «Вальтере», очень многим эта история не понравится.

Генерала не волновали воскресшие киллеры, «горячее» оружие, покушения и пустяковые убийства. Чья рука легла на плечо этого старого гбзшника? Что означает явка полкаша, вроде бы с повинной? Какого решения ждут от него, генерала, который уже

присмотрел себе подходящее место в окружении Президента?

— Какие же будут соображения у опытного чекиста? — Генерал поднялся из мягкого кресла, пересел за служебный стол.

— Выслуги у меня более чем достаточно, возраст подходящий. Я подаю рапорт об отставке, прохожу полагающееся медобследование. Вы подыскиваете мне замену. Когда Галей решит с полковником Ильиным свести счеты, то выяснит, что такого человека в аппарате нет. Насколько я понимаю психологию Галея, он от меня откажется. Таким образом я уйду, а вас, господин генерал, данная ситуация не коснется.

— Благодарю, но о своей персоне я способен и сам позаботиться. — Генерал пытался говорить беспечно.

— Недооцениваете гласность, — возразил Ильин. — Кто же вас защитит? Не тот ли ферт, что сидел тут прошлой осенью, когда решался вопрос с Галеем? Сегодня этот сосунок на волне, завтра от него и следа не останется.

— Начнем с того, что я, Игорь Тимофеевич, не из пугливых. Никакого рапорта об отставке я от вас не приму. Вы мне сказали, что киллер жив, собирается активизироваться, пытался оказать на вас давление. Так заведите на него разработку, обставьте агентурой. Когда убийца будет арестован, делом займется прокуратура. Галей волен писать хоть в ООН... Все, благодарю вас за искренность. — Генерал встал, давая понять, что разговор окончен. — Такие люди, как вы, господин полковник, лишний раз доказывают, что среди чекистов остались сильные, порядочные бойцы.

Ильин вернулся в кабинет чуть ли не насвистывая. Закрыв за собой дверь, вынул из нижнего ящика стола бутылку коньяка, зубами выдернул пробку... И задумался. Эйфория медленно уходила. Почему эта падала не приняла отставку? Казалось бы, всем удобно и спокойно... «Сильные, порядочные бойцы?» И на такую дешевку он клюнул? Подлюге нужен козел отпущения. А он и есть козел! Ты хочешь меня подставить? Не годится. Полковник Ильин скорее тебя завалит. Но мертвый Ильин никого не завалит! Портрет в рамочке... Подушечка с орденами... Скорбные лица... Слова...

Подожди, подлюга, пока еще Ильин живой. Как в старые, добрые времена, чувство опасности не выбило полковника из седла, а добавило злости и силы.

Первым делом перестраховаться. Нужен честный и сильный парень. Услужливая память сразу же выдала: Гуров! Но не впрямую. Необходим связник, обязательно чекист. Где же взять такого, не продажного?

Перебирая фамилии, Ильин убедился, что в его окружении подходящий человек отсутствует. Достукался! Окружил себя подлизами и двурушниками... Хорошо, нет среди друзей — ищи среди врагов. Майор Кулагин... «Пашка меня терпеть не может и в приятелях у полковника Гурова. Вот он-то мне и нужен», — решил Ильин. Позвонил секретарю и распорядился вызвать майора.

— Он на задании, — попыталась возразить секретарь.

— Знаю я ихние задания! Немедля!

Кулагина разыскали на удивление быстро.

— Здравия желаю, господин полковник, — произнес майор, входя в кабинет. — Как здоровье? Слышал, вы слегка приболели?

— Присядь. — Ильин оглядел хорошо скроенную фигуру майора. — На здоровье не жалуясь. Может, тебе это и неприятно слышать, но ничем помочь не могу. — Ильин усмехнулся. — Скажи, майор, за что ты меня не любишь? — Коротко вздохнул и добавил: — Можешь не отвечать.

Кулагин насторожился, почувствовав в начальнике перемену.

— Я знаю, ты с Гуровым из главка в нормальных отношениях... — жестко произнес полковник. Он открыл лежавшую перед ним папку, вынул страницу, на которой было что-то написано от руки, и обычный почтовый конверт. — Прочти и хорошенько запомни. — И протянул через стол бумагу.

Майор прочел, хотя смысла и не уловил.

— Запомнил? Запечатай в конверт, убери в карман.

Полковник подождал, пока тот выполнил приказание, затем сухо продолжил:

— Конверт передашь в руки Гурова. Если с конвертом что-либо случится — всякое бывает, — тогда передашь содержимое на словах. Понял?

— Так точно, Игорь Тимофеевич. Когда передать? Сегодня?

— Нет. Когда со мной что-нибудь случится. К примеру, под трамвай попаду.

— За вчерашний день — гора бумаг и неприятностей, — произнес Гойда, сидя за своим столом в прокуратуре. — Как я и ожидал, повторный выезд на виллу ничего существенного не дал.

— Ты пулю из стены вытащил? — поинтересовался Гуров.

— И уже отдал на экспертизу. Судя по всему, пуля выпущена из того же карабина. Официальное заключение будет к вечеру.

— А говоришь, ничего существенного! — удивился Крячко. — Неужели размечтался, что кто-то из господ с повинной заявится?

— Желал бы! — с вызовом ответил Гойда. — Но они бросились не в мой кабинет, а к своим начальникам. И началось...

— Сочувствую, — перебил Гуров. — К начальству и прочей ерунде мы еще вернемся. Как Барчук вел себя на выезде?

— Как и предполагалось. Он был с адвокатом.

— Ну и что? Почему не пресек? Ведь никакого обвинения ему не предъявлено. Или для высших чиновников законы иные? — разозлился Гуров.

— Понимаешь, Лев Иванович, лично я не шибко верю в вашу версию, каким образом произвели выстрел, — занудливо начал говорить следователь. — Вам лучше меня известно: если решили убить — делают все просто. Однако в силу того, что у меня иной версии нет, я попытался вернуться к вопросу, кто из присутствовавших на веранде на каком месте стоял. Возникают некоторые разночтения, но не в том, кто где конкретно стоял. Последнее зафиксировано точно, все действующие лица в своих показаниях

едины. — Гойда нацепил очки, стал подглядывать в бумажку. — Меня интересовал вопрос, подсказанный Львом Ивановичем. Когда все наконец вышли на веранду и собрались фотографироваться, то почему они менялись местами? Барчук вынес лампу, направил свет. Но, судя по его показаниям, он никому не указывал, где конкретно стоять, лишь произнес: «Плотнее». Но тем не менее все местами поменялись.

— Не тяни! Кто менялся? По чьей инициативе? — взъерепенился Крячко. — Говори, прокурорская твоя душа!

Гойда невозмутимо подождал, пока Станислав успокоится, и продолжил:

— Видите ли, что странно. — Следователь неторопливо откашлялся. — Активность непосредственно проявил депутат Еркин. Он дважды переходил с места на место и даже просил приятелей подвинуться. Тогда Яшин, здоровенный мужик, встал с краю и как двинет всех, крикнув что-то вроде «куча мала». Кто-то ойкнул, все расступились, и у Скопа образовалась дырка во лбу. Так вот, — замаялся Гойда, — когда я попытался связаться с господином Яшиным, все телефоны словно взорвались. Кто мне только не звонил! Короче говоря, я получил указание следствие по делу прекратить. Но... розыск преступника продолжить.

— И такое указание дал я, — пробасил, входя в кабинет, помощник прокурора Федул Иванович Драч. — Так что, дорогие сыщики, как говорится, «до побачиня». Будут новости — заходите, а лясы точить мне с вами недосуг. — Он скептически посмотрел на Гурова.

Высоченный жилистый мужик, с лохматыми бровями и руками-граблями, больше походил на деревенского старосту, даже на вора в законе, который держит зону намертво, и даже зам по оперчасти старается пройти мимо «законщика» побыстрее, но уж никак не на блюстителя закона высокого ранга, коим Драч являлся по уму, совести, а не только по должности.

— Зайдите, хлопцы, ко мне, я вам мозги прочищу. — Он широко прошагал в свой кабинет, прикрыл дверь, кивнул на стулья.

Некоторое время Драч молчал, скреб небритый подбородок, судя по всему, такую щетину следовало брить дважды в день. Драч давным-давно знал Орлова, сам некогда работал в розыске, знал и Гурова с Крячко, считал их сыскарями классными, но никогда не показывал своего расположения. — Ты сегодня, Лев Иванович, какой-то пришибленный, без привычного лоска и гонора. Ой, Станислав, ты что, приболел?

— С чего взяли? — недовольно буркнул Крячко.

— А чего молчишь? Начальники по хвостам надавали? Так привычное дело. Не будешь получать, не узнаешь, кто начальник.

— Имел я всех их..

— Правильно. Мы приходим и уходим, а сыщики остаются. Кто Игорьька Скопа грохнул, знаете?

— Знаем, знаем, — заверил его Гуров.

— Вот как? Куда же вы свои грязные ментовские руки суваете? И в такой момент! Когда каждый либо в кресле усидит,

либо живот положит! А вы со своими глупостями все порушить желаете? А чего же вы в такой ситуации хотите? Какой реакции? Я ваших фигурантов знаю. Кого бы ни дернули, затрагиваете интересы самых высоких чинов. У вас остается лишь бедный и несчастный Якушев. Но он единственный, кто на вас действительно плевать хотел. У него серьезные деньги, может в любой момент покинуть Россию и не возвращаться, пока вы не состаритесь и не забудете смешную историю с убийством Игорька Скопа.

— Я в этой импрессионистской или, как она называется, живописи ни хрена не понимаю, — сказал Крячко. — Я человек старомодный, консервативный. Привык, если человека нарисовали, чтобы ноги, руки, голова находились на месте и в положенном количестве. Так что натюрморт ваш, господин Драч, я абсолютно не воспринимаю. Человека убили? Плохо, но понятно. Убийцу требуется разыскать, снабдить необходимыми уликами и сопроводить в данный кабинет. Верно? Ясно излагаю? А кто у него начальник, какие у начальника интересы? Тут я совсем плохой, смотрю дурнем, будто на картину, где девица с тремя грудями и четырьмя руками изображена. Я дивлюсь, а мне слюнявым шепотом сообщают, какой великий маэстро ту девицу соорудил. Я вас, господин хороший, хочу спросить: тот великий с энтой дивой в койку лечь рискнет? — Драч с вызовом взглянул на Гурова. — Ты понял, куда попал?

— А мне это ни к чему, Федул Иванович. Ведь они попались, а не я. У меня сон хороший.

— Пояснить не желаешь? — Драч набычился.

— Можно. Только лишнее вам ни к чему.

— Ты хвост не подымай! Убийцу разыскать не можешь...

— Могу. Да власти не разрешают. Вы в частности. И все-таки вам, Федул Иванович, не как чиновнику прокуратуры, а как другу моего любимого начальника, скажу. История круто заворачивается. Вся пятерка, что стояла на веранде, — прекрасный объект для шантажа. Деловые люди об убийстве узнали из газет, имена известны. Умный человек рассудит здраво: имею пять жирных гусей, если я по перышку у каждого выдерну, то всем будет хорошо. Вот тогда ваши «неприкасаемые» сок дадут. И прибегут они ко мне.

— И когда ты такую интересную историю сочинил?

— На досуге, Федул Иванович. Исключительно в личное время. Разрешите идти?

— Яшин, заместитель начальника Управления охраны Президента, никогда не пойдет к менту. Попытается разобраться сам, благо люди и техника у него имеются.

— Вот Яшина и убьют первым...

Галей не решил, будет он использовать Акима или оставит про запас. Но одно предложение Акима было очень соблазнительно — использовать его пацанов для наружного наблюдения. Держать ребят втемную — дело нехитрое. Получив задание, они решат, что авторитеты выбирают жертву для ограбления. И даже если такого «наружника» задержит ментовка — неопасно. Где получится — откупятся, а если доставят в отделение, подержат да

выгонят, предъявлять нечего. Разве что штраф за превышение скорости, так с этим выгоднее разбираться на месте.

Всем четверым Галей (Якушева он исключил) выслал на домашний адрес совершенно одинаковые письма такого содержания: «Уважаемый господин! Я не знаю причин, по которым очень метко стреляющий человек решил свести с Вами счеты. Убийство И. М. Скопа произошло в Вашем присутствии. Если желаете избежать столь печальной участи, предлагаю Вам передать мне миллион долларов наличными. Обращаться в органы не рекомендуется. Я даю на размышление двое суток, после чего позвоню Вам домой. Отсутствие прослушивающих устройств, а также записи нашего разговора гарантируются Вашей стороной. Если предложение принимается и деньги выплачиваются, я беру Вас под свою охрану. В Вас не станут стрелять. Если мое предложение Вас не устраивает, Вы мне сообщите об этом по телефону.

Предупреждение. Если попытаетесь захватить меня в момент получения денег, то смерть Ваша предрешена.

Оплата гарантирует жизнь. Попытка предательства — смерть».

Галей заклеил конверты, написал адреса. Затем разобрал машинку, выбросил в мусорный ящик, туда же отправил и перчатки.

Окончание следует.

УЩЕНЕННЫЙ

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

„ГОСПОДИН“

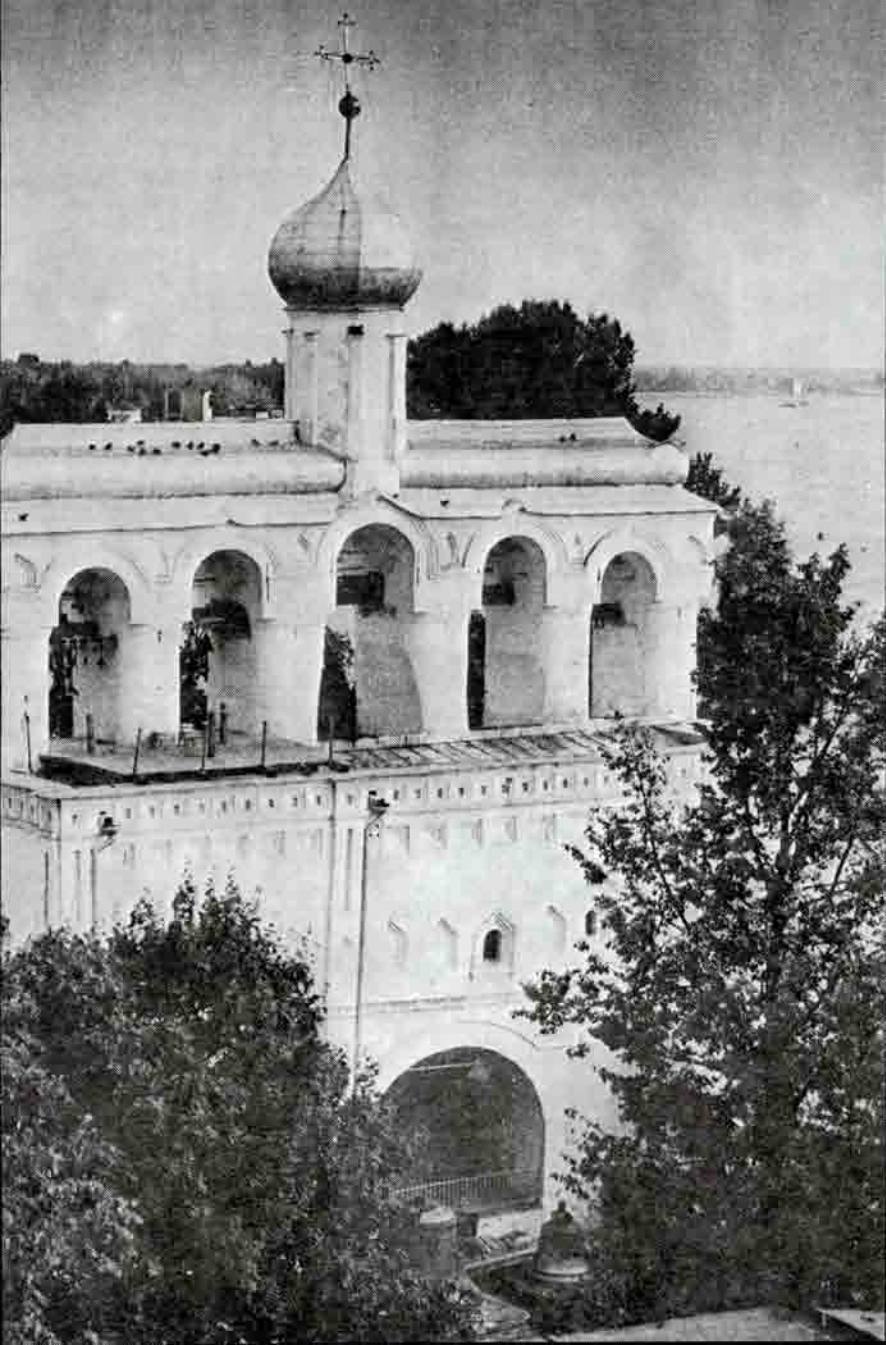
В Новгороде мне довелось прожить почти пять лет — пока учился в институте. Может быть, тот возраст придает воспоминаниям несколько романтическую окраску. Во всяком случае, в памяти город остался очень светлым, чистым и каким-то, как это ни покажется банально, духовным.

Там живут мои друзья, подруги, масса хороших знакомых и просто интересных людей. Естественно, знаю каждую улицу, чуть ли не каждый уголок...

Некогда перекресток торговых путей, в том числе знаменитого «из варяг в греки», Новгород нынче мало чем похож на Господина Великого. Вокруг коммерческих палаток снуют задрипанного вида мужички с жизненно важной целью — опохмелиться. Денег у них явно нет даже на пиво, поэтому лица полны безнадеги.

Еще лет пять назад Новгород был славен на всю страну и как город высококлассной отечественной электроники. Помните знаменитый видеомэгафон ВМ-12? Первый советский массовый «видик» производился именно в Новгороде. В начале девяностых страна еще не была завалена всевозможными «тошибами» и «панасониками», и Новгород стал своеобразной Меккой для любителей домашнего видео. В надежде купить

«двенадцатый» сюда съезжался люд со всего Союза.

Теперь же и сами новгородцы предпочитают обзаводиться техникой импортной. Все-таки, как это ни прискорбно, но по этой части мы, наверное, и вправду отстали от тех же японцев «навсегда». Так что продукция «Спектра» — предприятия, выпускающего видеоаппаратуру, — спросом почти не пользуется. Не помогло даже сотрудничество с южнокорейским «Самсунгом». Теперь здесь собираются установить линию по производству жевательной резинки «Стиморол». А квалифицированные электронщики пойдут, да и уже не первый год идут, кто торговать, кто на биржу труда, где с каждым годом регистрируется все больше и больше безработных, а кто-то, увы, окажется возле коммерческих палаток...

Беда коснулась не только «Спектра». Производственное объединение «Квант», выпускающее телевизоры «Садко» (прекрасного, кстати, качества), завод «Волна», производящий высокоточные мониторы для оборонки и профессиональные телекамеры, на которых работало даже «Останкино», сейчас могут занять свой персонал лишь два-три дня в неделю. В вынужденно свободное время кто-то подхалтуривает, а кто-то пьет горькую от абсолютной безысходности и невостребованности. (Вот, оказывается, почему так много помятых физиономий по утрам у коммерческих палаток.)

Кстати, если кто и не свернул, а даже расширил свое производство, так это местный ликеро-водочный завод. Более того, здесь освоили массу горячительного по старинным русским рецептам. «Садко», «Любава», «Чародейка» и еще много чего неизменно вкусного в ассортименте завода, за свои напитки занимающего первые места в

соревновании предприятий компании «Росалко».

Впрочем, не только ликеро-водочный работает стабильно.

Двухэтажный дом с вывеской «Строительный кооператив «Волхов» был наглухо закрыт и не подавал признаков жизни. Оказалось, «Волхов» не так давно переехал в новое здание, и он давно уже не кооператив, а акционерное общество. Вывеску не сняли, памятуя о необычной судьбе дома.

Когда в конце 1987 года знаменитый ныне предприниматель Марк Масарский со товарищи пришел в обком партии с идеей создания строительного кооператива, смотрели на него, мягко говоря, скептически. Но перестройка уже набирала обороты, и отмахнуться от «странных» ребят местная администрация не решилась. Дали им помещение — почти полностью разрушенный дом на третьестепенной городской улочке.

— Сколько будете ремонтировать? — не скрывая усмешки, спросил Масарского один из чиновников, показывая этот «офис».

— Полтора месяца, — не моргнув глазом заявил Марк. Его товарищи ушам своим не поверили.

— Это невозможно! — в голос твердили они, когда городские мужи удалились.

— Слово вылетело, и его надо сдержать, — был тверд Масарский.

Через полтора месяца дом был готов. Делегация во главе с первым секретарем обкома приехала, осмотрела здание, поудивлялась и дала столь скорому на руку кооперативу «путевку в жизнь». Не успели черные «Волги» отъехать, в комнатах, как по команде, постлали обои, наспех приклеенные к промерзшим плитам.

Эту байку рассказал мне председатель правления АО «Волхов» Сергей Фролов, непосредственный участник описанных событий. Те

Памятник «Тысячелетие России».

забавные времена давно канули в Лету. Проблемы сегодняшние гораздо серьезнее, чем отклеившиеся обои.

— В 1987 году нас было пять человек, бывших работников артели «Печора». Я, правда, в ней не состоял, но, работая на севере в геологоразведке, имел с ребятами самые тесные контакты. Привлекали организация работ, дисциплина. И когда Марк Вениаминович пригласил меня в «Волхов», не раздумывал ни секунды.

Почти все, что планировали, к 1992 году было реализовано. Крупное предприятие по строительству дорог и домов работало превосходно. Все у нас получалось. Мы даже расширили круг своих интересов — взяли в аренду чахлый кирпичный завод (на котором до того времени работали заключенные) и довели его до проектной мощности... Апогеем нашего развития стал 1991 год. Мы проложили тогда 60 километров дорог, построили в области базы, оснащенные асфальтобетонными заводами, ремонтными мастерскими, бытовками.

Следующий год, — продолжал Фролов, — оказался для нашего предприятия очень болезненным. Мы-то ориентировались на госзаказ, а он начал мало-помалу умирать. Финансирование дорожного строительства сократилось. К 1994 году мы практически перестали строить дороги, занимались только ремонтом. Предприятие вроде становилось ненужным. Но мы вовремя сориентировались, вплотную занялись жилищным строительством. Первый комплекс коттеджей сейчас заканчиваем в поселке Деревяницы. Есть проект на застройку одного из микрорайонов Новгорода.

Наш разговор с Сергеем Яковлевичем продолжился в его «девятке» — он повез посмотреть, что делается в Деревяницах.

— Четыре года назад у нас было 1100 человек. Сейчас всего 250. Изначально принимали на работу только иногородних — такое условие поставила областная администрация, дескать, нечего наших строителей к себе переманивать, их и так не хватает. Были у нас люди с Урала, из Молдавии, Башкирии, Грузии, Белоруссии, Киргизии. Дисциплина у нас железная, за пьянство выгоняем моментально.

А у новгородцев с этим проблема: примешь на работу пятерых, через неделю, после полочки, шестерых уволишь — они с собой еще и одного хорошего работника прихватят. Непьющий строитель для города, к сожалению, аномалия...

С тем мы и подъехали к красавцам коттеджам, действительно превосходным и по проекту, и по качеству. Цены на них около 60 тысяч долларов. У всех этих домов уже есть хозяева.

Бытие города определяет сознание его жителей (почти по Марксу). Тысячелетние традиции, многовековая культура Новгорода всегда в твоём распоряжении — только руку протяни. Правда, в нашей суетной жизни мало смотришь по сторонам. Но где-то в подсознании все равно сыщется уголок, где есть место и памятнику тысячелетию России, и старым иконам, и белокаменным церквям, за которые невольно цепляется взгляд, когда бежишь на работу или устало возвращаешься домой.

В 1991 году случилось несчастье — рухнула одна из кремлевских стен. Ее давно пора было реставрировать, но у властей руки не доходили, поскольку были заняты другим — постройкой роскошного отеля «Beresta», ну да о том мало кто вспоминает. Тем более что и стену недавно привели в божеский

вид, так что перед туристами уже не стыдно — и гостиница есть хорошая, и стена пусть новодельная, но в порядке...

— У нас сохранились уникальнейшие памятники, — рассказывает председатель областного комитета по культуре Юрий Александрович Шубин. — Самый древний собор — София, самый древний монастырь на Руси — Юрьев, фрески Феофана Грека, наконец, археологический культурный слой, каких в мире мало. Вся сегодняшняя жизнь сопряжена с этими памятниками, идет ли речь о реставрации или о туризме. На мой взгляд, в перспективе в Новгороде туристическая отрасль должна стать приоритетной — и кормить, и одевать, и создавать условия для нормальной жизни горожан. Это не свежая мысль, так живут многие исторические центры мира...

Трудно не согласиться с Юрием Александровичем. Принимая во внимание обвальный спад производства на новгородских предприятиях, поневоле приходишь к выводу, что город может выжить только благодаря творениям предков, которые, словно заглянув в будущее, оставили потомкам богатейшее и уникальнейшее наследство. Его бы поддерживать и подавать во всей красе, «раскручивать», как теперь говорят, поставить на службу горожанам. Но... Что имеем, не храним.

В кремле, помимо музея, библиотеки, церквей и филармонии, расположены реставрационные мастерские. В той, что занимается архитектурными памятниками, я разговорился с архитектором Ириной Безлаковской.

— Наша мастерская, как и другие бюджетные организации, сидит на голодном финансовом пайке. Из шестидесяти человек в ней осталось только двадцать восемь. Остальным пришлось уволиться. И

это в то время, как практически все памятники Новгорода в аварийном состоянии и им нужна не просто скорая, а очень скорая помощь.

В подтверждение своих слов Ирина Евгеньевна привела меня в Софийскую звонницу XVI века. Крыльцо, много лет назад огороженное веревкой с табличкой «Осторожно! Памятник в аварийном состоянии», перекошилось настолько, что диву даешься, как оно вообще стоит.

— Сама звонница тоже держится на честном слове, — предупредила меня Безлаковская. — Внутри нельзя нормально разговаривать, только вполголоса, а то не ровен час потолок на голову обрушится. У нас есть проект ее реконструкции, все детально проработано на бумаге, но...

Если бы все упиралось только в деньги, это еще полбеды. Варварское отношение к культуре, к ее памятникам порой доходит, извините, до idiotизма, — говорит Ирина Евгеньевна. И приводит два примера. — Благое дело — передали церкви Софийский собор. Только вот недавно вокруг него клали асфальт. И случайно, как это бывает у горе-работников, замуровали нижнюю часть ворот шестнадцатого века. Ворота перестали открываться. Вместо того чтобы асфальт снять, рабочие эти ворота... разрезали автогеном. А на празднование 50-летия Победы возле Вечного огня устроили артиллерийскую канонаду. И это в кремле, где и так все еле держится! Естественно, залпы не прошли бесследно — по кремлевской стене пошли трещины: не успели одну реконструировать, как за другую уже надо браться.

...В начале 1570 года опричники Ивана Грозного учинили в Новгороде погром, длившийся больше месяца. Погибло до десяти тысяч человек, были разграблены церкви,

Коттеджный поселок Деревяницы.

Первая новгородская гимназия.

Надежда Медникова — реставратор икон.

В музее старинных музыкальных инструментов.

сломано 227 дворов на Торговой стороне. Опричники разрушали собственной корысти ради. Ради чего разрушаем мы?

— На самом деле деньги на реставрацию отпускаются не такие уж и маленькие, хотя на все их, конечно, не хватает. Да вот исползуются они не совсем по назначению, — считает реставратор икон Надежда Медникова, член областной реставрационной комиссии. — По-моему, надо бы направлять средства на реставрацию самого ценного, древнего. Скажем, живопись XVI века могла бы и подождать, как и новая роспись церквей. Но их расписывают, чтобы там можно было проводить службы. В то же время фрески Феофана Грека в храме Спаса Преображения на Ильине поедает плесень, мы теряем живопись XIII века в храме Рождества Богородицы.

Кто знает, о чем думают чиновники разных рангов, коим поручено заниматься сбережением народного, то есть нашего с вами, достояния. Наверное, у них проблем достаточно. Но ни Софийской звоннице, ни церкви Андрея Стратилата XVI века, закованной в железные обручи (а то бы давно развалилась!), ни фрескам Феофана от этого не легче — гибнут они...

Но, пожалуй, хватит о грустном. Есть в Новгороде люди, для которых история и культура России не пустой звук и которые пытаются не потерять и даже возродить традиции предков.

Владимир Иванович Поветкин, создатель и руководитель «Центра музыкальных древностей», встретил меня в обычном для себя русском костюме. В этой одежде он напоминает средневекового новгородского ремесленника, явившегося в наше время из далекого прошлого. Русая борода и длинные волосы окончательно довершают сходство. Да и вся атмосфера цен-

тра, от лоскутных половичков до соленых сухариков к чаю, заставляет вспомнить пушкинское «Там русский дух, там Русью пахнет».

В просторном зале с деревянной балюстрадой, украшенной резьбой (творение самого Поветкина), среди столов, заставленных гусями разных размеров и конструкций, Владимир Иванович поведал мне немало интересного.

— При раскопках в Новгороде археологи находят массу свидетельств существования музыкальной культуры в Древней Руси. Оказывается, наши предки владели богатейшими знаниями в области музыки и умели играть на очень сложных инструментах. К сожалению, до последнего времени эта страница русской истории была практически закрыта — дошедшие до нас письменные и изобразительные материалы не давали полного представления о нашем музыкальном прошлом. Поэтому археологические находки стали настоящим открытием.

В прошлом сезоне, например, были найдены свидетельства того, что уже первые новгородские поселенцы владели самым сложным по конструкции музыкальным инструментом — трехструнным гудком. Подставка под него была обнаружена в слое X века. Значит, появился и использовался он еще раньше. Колотушка от блюда (то, что мы сейчас называем гонгом), обломок смычкового инструмента и подставка под него — по сути, это все сенсационные находки, которые открывают миру целый пласт древней культуры.

— Но найти обломки и после изучения положить их под стекло в музей было бы просто глупо, — утверждает Поветкин. — Поэтому я решил восстановить по ним инструменты такими, какими их использовали в древности. И не только вос-

становить, но и озвучить. Вот смотрите.

Владимир Иванович взял гусли и провел рукой по струнам. Чутко подстроил, и гусли запели... Такого я еще не слышал. Потом Поветкин сыграл на сопели (что-то вроде дудочки), гудке и прочих необычных, давно забытых инструментах. И подумалось: не приехал бы в Новгород в конце шестидесятых молодой скульптор по дереву Владимир Поветкин, может, до сих пор мы судили бы о них, инструментах этих, только по картинкам в детских книжках.

Раньше народных умельцев в области можно было пересчитать по пальцам. Теперь их очень много. Есть мастера, которые владеют приемами и секретами чисто новгородских ремесел. В центре народного творчества, что нашел себе пристанище в здании бывшего вытрезвителя (не ищите здесь, читатель, некой символики — мол, и пьянство на Руси народное «творчество»...), они обучают желающих и плетению из бересты, и ткачеству, и лоскутной мозаике, и вышивке. Кстати, туристы охотно покупают такие работы и неплохо за них платят.

Как город купеческий, Новгород испокон славился своими ярмарками — промышленными, продуктовыми, сельскохозяйственными. Русская ярмарка — это не только торговые ряды, но и скоморохи, и певцы, и народные гулянья. Центр решил возобновить эту прекрасную традицию. И ярмарки прижились — сейчас их проходит в области по шесть-восемь в год.

Есть идея вплотную заняться и возрождением русской кухни, древних семейных обрядов — свадеб, крестин. Собрали исторические материалы, скоро будет готово помещение. «Так что добро пожаловать на чай с пирогами!» — приглашали работники центра.

Но не торопитесь отведать новгородского чайку. Не стоит ехать сюда только ради этого, особенно если вы уже посещали город. За три года, пока я здесь не был, к лучшему Новгород почти не изменился. Жизнь течет неторопливо и размеренно, как, наверное, ей и положено течь в русском провинциальном городе. Студенты все так же работают летом на раскопках, а вечера коротают в многочисленных барах или в городском парке.

Люди постарше с наступлением сумерек предпочитают сидеть дома, глядя кто в телевизор, кто в рюмку...

Рассуждать о том, почему город со столь славными традициями докатился до такой скучной жизни, не возьмусь.

Старожилы, едва я задавал им этот вопрос, начинали ругать политиков и, как водится, вспоминать молодость. Соглашались, что жить стало не так интересно, как раньше. И в их глазах появлялась боль.

Ныне принято утверждать, будто возрождение России начнется именно с провинции. Но провинция — понятие не географическое, а скорее духовное. И вот тут-то обидно мне за Новгород, который величали когда-то Господином Великим... Ну, о «господстве» говорить не будем, оно повсеместно сегодня какое-то «уцененное», а вот величие славного града русского угасает.

Когда в 1991 году Софийский собор в Новгороде заново освящал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, тысячи собравшихся видели в небе, прямо над золотыми куполами, сияющий нимб — словно добрый знак, благословение на великие начинания и возрождение города.

Тогда в это хотелось верить...

РУБЕЖ

*Приходят новые рассветы,
уходит старая любовь,
но навсегда оставит меты
напрасно пролитая кровь.*

*И, горечь сердца с ней сверяя,
я говорю стране утрат:
«Хотела ты в ворота рая,
а распахнула двери в ад!»*

*Когда же нам придет охота
раздорам положить конец,
чтоб не погиб во время взлета
ни старый ворон, ни птенец?*

*И кто же он — судьба России,
ее спаситель, совесть, честь?
Пусть врут о гибели мессии,
всегда из крови выход есть.*

*Домой ведет меня дорога...
Зажгу свечу, тому служу,
кто умирал и славил Бога
и не оставил рубежа!*

*Бывает, черные печали
румянец гасят на лице,
бывает, думаешь вначале
о точке траурной в конце.
А что я сделал? Много ль стою?
Не проще ль враз поставить крест?
Но увлечешься красотой
родной земли, родимых мест.
И что-то с сердцем совершится:
преграды нет, и мир открыт
ударом месяца-копытца —
и самоцветами в зенит!
Есть за терпение награда,
начни, попробуй... И не пой!
И не ходи, куда не надо,
там темнота страшной ночной.*

ПИСЬМО

*Любовь, как свет, необычайна,
и потому, быть может, в ней
есть неразгаданная тайна
минувших лет,
летающих дней.*

*Огромный мир до точки сжался,
до бездны женского зрачка...
Умей прощать, над сердцем сжался,
начни письмо любви с клочка.*

*Пусть журавлиха в поднебесье
летит на юг,
а тут, гляди,
синица северною песней
свила гнездо в твоей груди.*

*За сорок мне, и лишь теперь,
почти что у черты,
я сознаю, что из потерь
была не главной ты.
Но отчего же по щеке
бежит горюнь-слеза
и ни в душе, ни в кулаке
ее зажать нельзя?
Конечно, здорово, что ты
сошла на нет, как боль,
но мне ли развести мосты,
сведенные тобой?
Они над топью пролегли,
над гибелью болот,
и от земли и до земли
по ним любовь идет.*

*Пока метель твоя крылатая
не пролилась слезой из глаз,
лети, зима, лети, проклятая,
лети, любимая, от нас.*

*И мы, неслыханные грешники,
в ушанках, сдвинутых на лоб,*

увидим, как легко подснежники
в ложбину сдвинули сугроб.

И улынулись так доверчиво,
что лед захохал у запруд,
и соловьи на ветке вечера
переглянулись и поют.

И неба даль, лучам открытая,
в сверканье праздничном с утра,
и песня, за зиму забытая,
и я у вешнего костра,—

мы все прошли сквозь стужу минную
и сердце вынесли на свет,—
смотрите, как пылает, милое,
и счастья лучше просто нет!

≡

Еду к черту на кулички
через сопки и леса.
Как сиреневые спички
пламенеют небеса.

На душе — вопросов мука:
это как же вновь и вновь
должен я тебя аукать,
заплутавшая любовь?

Ты блуждала между небом
и землю в час, когда
я пылал и мучил гневом
и напрасно жег года.

Знаю, будет теплый вечер,
на полнеба — синева,
удивительная встреча,
сокровенные слова.

≡

А за окном светло и зримо
встает малиновый закат.
Все тучи — мимо, ветры — мимо,
и я тебе, как прежде, рад.

*Не говори мне о печали,
она была, но вот — смотри —
ее, как ягоды, склевали
с ветвей рябины снегири.*

*Люби и рядом будь со мною —
и я тогда смогу в судьбе
наполнить время красотой,
что значит: песней о тебе.*

*Жизнь пройдет, а я останусь нищим,
что еще сказать о старике?
Лодкой, перевернутой вверх днищем,
время проплывает по реке.*

*Женщина, не плачь, еще не скоро
буду я свои итожить дни,—
бакены вселенского простора
зажигают звездные огни.*

*Там река небес течет и в стужу,
здесь и на течение толстый лед.
Женщина, вернись скорее к мужу,
он тебя простил и долго ждет.*

*Взор твой как туманом занавешен,
на прощанье слушай и смотри,
как звенят у брошенных скворечен
красные от стужи снегири.*

*Нет, не уходи! Не по ошибке
встретились мы, двое, на тропе.
Пусть поют сугробы, словно скрипки,
песню величальную тебе.*

*Женщина, о как же ты прекрасна!
Чистые глаза. И чистый снег.
Если поцелуешь, будет ясно,
что не обнищаю я вовек.*

ТРАГИЧЕСКИЙ

КЛОУН

Так называли Льва Дурова, известного и любимого нашего актера, на фестивале в Эдинбурге. Получить подобный титул в Великобритании, на родине Чаплина, дорогого стоит. Российскому же зрителю сразу приходят на память представители славной цирковой династии — и не зря: Лев Константинович — внучатый племянник знаменитых Владимира и Анатолия Дуровых. Да и сам Лев Дуров, так сказать, глава театральной династии: вся его семья, исключая пока разве что внуков, — актеры.

Честно говоря, я не очень люблю появившуюся в последнее время манеру мелькать в печати и на телевидении с описаниями своего генеалогического древа. Но раз вы спросили... Династия у нас древняя, и не только цирковая. Дуровы впервые упоминаются в 1540 году — был такой Афанасий Дуров, участвовал в Кольванском походе. Были среди Дуровых и стольник Петра I, и кавалерист-девица Надежда Дурова, участница Отечественной войны 1812 года, и петрашевец. С прошлого же века наша фамилия звучала чаще всего как цирковая. Мой отец, правда, ни к цирку, ни к театру никакого отношения не имел, работал взрывником, мама служила в военно-историческом архиве. И я уж как-то сам скомандовал себе, чем заниматься, — пошел в театральную студию Дома пионеров Бауманского района, где с нами занимался выдающийся педагог Серпинский. Прав-

да, попал я в эту студию по чистой случайности: просто пацан с нашего двора после драки затащил меня туда, а я за компанию с ним пошел и остался. Хотя поначалу это казалось невероятным — я был «человек голубятни», в Лефортове меня знали, драться умел вполне квалифицированно. Между прочим, и в Доме пионеров быстро разобрался с теми, кто мне не понравился, — «разогнал» половину студии. А теперь я художественный руководитель 4-го курса школы-студии МХАТ, которую сам окончил больше сорока лет назад. Все, как говорится, возвращается на круги своя.

— *Ваши лучшие работы в театре связаны с именем крупнейшего режиссера театра Анатолия Эфроса, увы, покойного. Сганарель в «Дон Жуане», штаб-капитан Снегирев в «Брате Алеше», Яго в «Отелло», Жевакин в «Женитьбе» — я перечисляю наугад только те работы, которые видела сама и хорошо помню, хотя была тогда еще совсем юным зрителем, — действительно золотой фонд нашего театра.*

— С Анатолием Васильевичем Эфросом я встретился еще в Центральном детском театре, куда после окончания театрального училища попал по приглашению Олега Ефремова. А дальнейшая история наша известна: сначала Центральный детский, потом Театр имени Ленинского комсомола, куда пять актеров, я в том числе, перешли к Эфросом. Из Ленкома (было это в конце шестидесятых годов) Эфроса уволили, сняв с должности главного режиссера, и тогда 20 актеров бросили на стол заявления об уходе — по тем временам событие почти невозможное. Это нынче хоть сто заявлений подавай, никто не заметит, а тогда наш поступок произвел просто шоковое впечатле-

ние. Эфросу предложили пойти в Театр на Малой Бронной и взять с собой 10 актеров. И вот «кровавой» ночью в результате жесточайшего отбора, когда взвешивалось все: и необходимость именно этого актера, и семейное его положение, и просто положение, — были названы эти 10 имен. С тех пор я и работаю в Театре на Малой Бронной, сперва с Анатолием Васильевичем, с которым в общей сложности мы трудились вместе 27 лет, а потом после его перехода на Таганку, без него...

— *Я помню, как году в 84-м известие о том, что Эфрос уходит из Театра на Малой Бронной и соглашается возглавить Театр на Таганке в отсутствие Любимова, взбудоражило «общественное мнение».*

— Вокруг этого ухода существует много легенд. Одна из самых распространенных — о предательстве учеников, которые отвернулись от своего учителя. Могу сказать, что все это досужие вымыслы. Просто к тому времени усложнились отношения по многим обстоятельствам, которые не должны быть достоянием миллионов — Эфроса уже нет с нами, а многие из тех, кто тогда были действующими лицами, живы. И сейчас кому-то разевать рот, доставляя боль живущим и тревожа память покойных, нельзя! Мне достаточно сознания того, что совесть моя чиста: я был верным солдатом, никогда из окопов не бежал — это известно многим. У меня есть собственные представления о чести, достоинстве и взгляды на защиту чести и достоинства тех, кто в такой защите нуждается. И тут для меня огромное значение имеют человеческие качества, а не только должностное положение — вот уж на что всегда было наплевать! А когда меня начинают подозревать в стремлении стать главным режиссером, мне

становится просто смешно! Это при Эфросе-то! Разве я не понимал, какого масштаба это художник? Или не знал, что, расставшись с Анатолием Васильевичем, буду просто доигрывать свою жизнь в театре?

— Вы тем не менее не только актер, но и режиссер, причем с режиссерскими курсами за плечами. Что подтолкнуло вас к тому, чтобы взвалить на плечи и эту ношу, даже принимая во внимание вашу фантастическую работоспособность?

— Еще в Детском театре Эфрос начал «втаскивать» меня в режиссуру. Я был у него ассистентом, позднее даже два спектакля совместно с ним выпустили. Анатолий Васильевич был очень серьезным моим оппонентом и весьма строго судил мои работы — они ему не нравились. Возможно, «Лес» по пьесе А. Н. Островского, один из моих последних спектаклей, ему бы понравился.

— В вашем «Лесе», очень живом и современном, без искусственного вульгарного осовременивания, спектакле пронзительно звучит тема театра и актерского ремесла (замечательно точно ведет свою партию Олег Вавилов — Несчастливцев) со всем высоким и низким, что есть в мире искусства, с вечными муками и радостями его служителей.

— Видите ли, часто в театре встречаются актеры, которым кажется, что им что-то недодали, недопризнали их. Но я уверен: не бывает загубленных талантов, а если и бывают, то очень редко! Значит, не очень хотелось или не очень вкалывал. Когда молодой актер приходит в театр, по крайней мере в наш, ему всегда предлагается большая роль. И уже в немалой степени от него самого зависит, состоится его путь или нет. Рассчитывать на щедрость к тебе театра не приходится. Великий трагический

актер Леонидов сыграл всего 7 крупных ролей, что уж говорить о других. Такова судьба. Театр — организация в этом смысле жестокая, он заботится не об актере, а в первую очередь о публике. Театр и мы сами как часть его надеемся на понимание этого зрителями. Ведь я очень хорошо знаю, сколько «съедено», разорвано в гнев зубами подушек ночью, как актеры репетируют по ночам монологи, мысленно обращенные к режиссеру, худруку, директору театра.

— В последние пять лет не прекращаются разговоры о кризисе театра, о том, что современная сцена поставлена прямо-таки на грань катастрофы. Впрочем, то же самое говорится и о нашей жизни...

— Сколько раз уже «закапывали» театр, и вдруг неожиданно начинался его ренессанс, потом вновь наступал дикий спад, как и во всем: в кино, в живописи, в жизни, наконец. Тут не угадаешь — накапливается критическая масса, и — взрыв! Не буду называть имени известного деятеля, который как-то сказал, что, мол, когда появится хорошая колбаса, тогда мы начнем ставить хорошие спектакли. Чушь! Колбасы теперь, что называется, в избытке, а вот по части хороших спектаклей сложнее. Во времена голода, во времена репрессий рождалось грандиозное искусство. Стало быть, сытая жизнь не определяет творческих взрывов, как не ведет она автоматически и к улучшению человеческой природы, тому мы все свидетели. Нет, я вовсе не призываю к голодной и полной лишений жизни — этого наша страна уже нахлебалась досыта, просто мне кажется, что не столько бытие определяет сознание, сколько сознание — бытие. А уровень сознания нашего общества действительно катастрофически упал... Что же касается

зрительного зала, я не вижу особой разницы между зрителями прошлых лет и нынешними. Может быть, у кого-то зрительный зал и изменился — у тех, к кому ходит «крутая» публика. Нас «крутая» публика не жалуется, к нам ходят нормальные люди. Вообще же очень сложно понять, что может сегодня иметь успех и найти отклик у людей. Сложно понять, так сказать, художественную конъюнктуру. Вот наш режиссер Сергей Женовач поставил «Идиота» по Достоевскому, я играю там генерала Иволгина. Народ с удовольствием идет на эту премьеру и принимает прекрасно, хотя Достоевский не самый простой автор, тут не развлечешься. И слава Богу! Но здесь же рядом валют на такую пошлость, что диву даешься. И машины заграничные к подъезду подъезжают, и люди толпятся...

— *Мы с вами все о театре говорим, но вы ведь для большинства населения нашей страны прежде всего актер кино, известный всем, от мала до велика. Около сотни киноролей да плюс десятки озвученных вами персонажей мультфильмов...*

— Да, что-то, наверное, сделано, но... В кино я ни разу не попал в этапную картину, а ведь в кино надо именно попасть — к Тарковскому, например, или Феллини, который и знать не знал о моем существовании, к сожалению. Хотя я снимался и у Ромма, и у Данелии, и у Шукшина, и у Климова — список известных режиссерских имен можно продолжить. Но роли-то были не крупные, не те, что становятся явлением. Были среди них дежурные работы, что называется, «позор семьи», когда можно было сниматься, а можно было и не сниматься. Правда, иногда смотрю сейчас свои старые работы и вижу, что и фильм так себе, и ролька

среденькая, а играю очень даже неплохо. Но есть и исключения. Вот, скажем, Клаус из «Семнадцати мгновений весны» — и картина хорошая, и роль ничего себе, чего уж кокетничать.

— *Что бы вы ни говорили и как бы строго ни оценивали свои киноработы, ваши герои из «Всей королевской рати», тех же «Мгновений», «Ксении, любимой жены Федора», «Станных взрослых», «Весенних перевертышей», «Процания», «Успеха», «Смирненного кладбища», «Села Степанчиково» и многих-многих других до сих пор любимых или даже полубытых картин продолжают волновать. Я думаю, разгадка тут в самом существе «вашего» героя, в том чаплинском начале, которое живет в ваших персонажах, будь они воплощением кротости и доброты, средними гражданами, тихо и незаметно тянущими ляжку повседневных служебных и семейных обязанностей, или мерзавцами по призванию...*

— Эк куда вы хватили, Чаплин — гений, а мы — так, разночинцы-подмастерья... Я много играл так называемого «маленького человека» — вы, вероятно, это имели в виду, говоря о моем герое. Хотя это ложное, надуманное понятие — «маленький человек»! Не устаю повторять, что всегда играл и буду играть протест человека против того, чтобы превратить его в «маленького». Это жизнь, обстоятельства или кто-то, будь то старые или новые хозяева жизни, стараются поставить нас на колени, унижить, сделать «маленькими». Но надо этому сопротивляться, потому что в конечном счете любой человек велик. Правда, и протест может принять уродливые формы, когда, стремясь доказать всему миру, что «я не тварь дрожащая, а право имею», некоторые «сверхче-

ловеки» становятся «сверхнегодьями». Тут есть опасность... В конечном же счете надо стремиться к тому, чтобы утвердить себя, и хотелось бы не превратиться при этом в подлеца. Ведь нам всем дали жизнь отцы и матери, которые, вне зависимости от происхождения и состояния, много труда и сил положили на то, чтобы воспитать своих детей и чтобы в каждом из нас возрождалось что-то свое. Все равно итоги надо подбивать... Жизнь кончается. Это не ропот, не кощунство — таков естественный порядок вещей. В России мужчины, как правило, редко доживают до 70. Так что у меня в запасе осталось — даже по-белому — от силы лет семь. Я спокойно к этому отношусь и совсем не за то, чтобы человек жил вечно. Раз уж так мы Богом созданы, то закончил свой век — и, будь добр, уходи, стань навозом, удобряй почву. А если ты и в творчестве, и в жизни что-то хорошее сделал и кто-то из твоего опыта что-то почерпнул — это не пройдет даром. Останется в памяти близких, а даст Бог, и далеких. Ведь мы помним и своих предков, и своих родителей, каким бы скромным ни был их след на земле. Растут на Бауманской улице деревья, посаженные отцом и мной, и они стали уже настолько большими, что как-то, когда я ездил показывать те места, где родился и вырос, милиционер, узнавший меня и решивший произвести впечатление осведомленностью по части истории, сказал: «Видите вон те два дерева? Они были посажены еще при Петре Первом». И, похоже, не поверил мне, когда я ответил: «Эту березу мой отец посадил, а вон ту — как раз я».

— *Лев Константинович, а на какой вопрос вы предпочли бы не отвечать?*

— О личной жизни. В самой

просьбе рассказать об этом заложен парадокс. Ведь если я начну рассказывать о личной жизни, она автоматически превратится в публичную. А я этого не хочу — моя жизнь принадлежит только мне и моим близким. Никто из нас никогда не сможет до конца понять чужую жизнь, что бы мы друг о друге ни слышали. Разве кто-нибудь знает о подлинных взаимоотношениях Пушкина и Натальи Николаевны? И никакие дневники, письма, воспоминания очевидцев, тем более донжуанские списки, все равно не откроют нам тайны личной жизни Александра Сергеевича. Потому что это интимность, это соединение двух людей, тем более в ту эпоху. Это сейчас все нараспашку. Я считаю, что вообще человек не должен до конца раскрываться. Особенно публично. У всех нас посвоему непростые характеры, далеко не всегда мы ведем себя правильно, но это должно быть укрыто от посторонних глаз. Тем более это касается людей творческих профессий.

**Беседовала
ТАТЬЯНА ГОРБАЧЕВА.**

ΛΕΟΗΑΡΔΟΣ

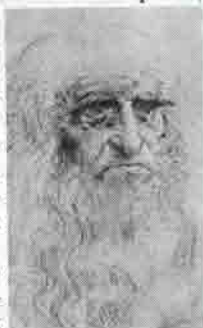

ДА ВИНЧИ

УОЛТЕР ПАТЕР

Его жизнь полна внезапных возмущений, с промежутками, в течение которых он почти совсем не работает или же работает в стороне от своей главной сферы. По несчастной случайности произведения, создавшие ему всемирную славу, очень скоро пропали, как, например, «Битва за знамя», или же затерялись в массе работ менее талантливых рук, как, например, «Тайная вечеря».

Его тип красоты столь экзотичен, что больше восхищает, чем нравится, и в большей мере, чем произведения других художников, отражает его мысли, взгляды и схемы внутреннего мира. Современники подозревали, что он обладает тайными и недозволенными знаниями; по мнению мно-

Уолтер Патер (1839—1894), английский писатель, художественный критик, историк искусства. Настоящий очерк, перепечатываемый нами с небольшими сокращениями и считающийся наиболее значительным в обширной литературе о Леонардо да Винчи, взят из книги У. Патера «Ренессанс», М. 1912 г.

**Битва при Ангиари
(1603—1605 г.г.).**

Копия Рубенса с оригинала. (1615 г.)

гих, он предвосхитил некоторые современные идеи. Он легкомысленно играет своим гением и втискивает свою главную работу в последние, беспокойные годы жизни; но он настолько во власти своего гения, что невредимо проходит через самые трагические события, постигшие его отчизну и друзей, как человек, явившийся случайно или с секретной миссией.

Жизнь его распадается на три главные эпохи: тридцать лет во Флоренции, около двадцати лет в Милане, затем девятнадцать лет скитаний, пока он наконец не обрел покоя под покровительством Франциска Первого в Chateau de Clou. Над ним тяготеет пятно незаконного рождения. Пьетро Антонио, его отец, происходил из благородного флорентийского рода Винчи из Val d'Arno, и Леонардо, тщательно воспитывавшийся вместе с законными детьми, как плод юношеской страсти своего отца, отличался сильной, необузданной натурой, свойственной таким детям. Он еще в юности очаровывал своей красотой окружающих, экспромтом сочинял музыку и песни, покупал и выпускал на волю плененных птиц, бродил по улицам Флоренции и любил причудливые яркие платья и резвых коней.

С ранней молодости он много рисовал и лепил модели; Вазари в особенности упоминает о фигурах улыбающихся женщин. Отец его, обратив внимание на таланты мальчика, взял его с собой в мастерскую Андреа дель Вероккио, в то время знаменитейшего художника Флоренции. Там была масса красивых предметов — дорогие ларцы, курительные приборы, серебряные фигурки угодников для папской капеллы в Риме, редкостная резьба и женские украшения средневековья в причудливой компании впервые тогда открытых обломков античного мира. Здесь Леонардо мог встретить другого ученика — юношу, душа которого была согрета ровным светом и воздушными иллюзиями итальянских закатов, — позднее он прославился под именем Перуджино.

Вероккио был художник раннефлорентийского типа — скульптор, резчик, живописец и работник по металлу в одном лице. Рисовальщик не только картин, но и всех предметов богослужебного и домашнего обихода: сосудов для питья, дарохранилищ, музыкальных инструментов — он делал их приятными для глаз, стараясь наполнить повседневную жизнь отражением далекого блеска. Годы терпеливой работы так усовершенствовали его руку, что произведения его раскупались в самых отдаленных местах.

Случилось так, что монахи Валломбросы поручили Вероккио написать «Крещение Христа» и Леонардо позволили закончить фигуру ангела в левом углу. Сомнений не было: в этом «Крещении» ученик превзошел учителя; и Вероккио отвернулся от светлого и одухотворенного ангела Леонардо да Винчи, как ошеломленный, словно его собственные, нежные работы стали ему с этой поры ненавистны.

Этого ангела и сейчас можно видеть во Флоренции — это блик солнечного света на холодной, тщательно разработанной картине; но легенда верна только в смысле чувства, ибо живопись всегда

была отраслью искусства, которой Вероккио меньше всего придавал значения. А Леонардо начинал постигать, что Искусство его, если оно вообще должно было стать чем-нибудь в этом мире, должно было ближе стоять к *духу природы* и к *целям человечества*.

Именно природа была «верной учительницей высших интеллектов». И вот он погрузился в изучение природы. При этом он следовал манере старинных ученых; он размышлял о сокровенных свойствах растений и кристаллов, о путях, описываемых светилами в небе, о соотношениях между различными группами живых существ, зоркому глазу объясняющих друг друга. Тем, кто окружал его, всегда казалось, что он прислушивается к голосу, неслышному другим людям.

Он научился искусству углубляться в себя, проследить источники выражения до самых отдаленных его разветвлений, познавать интимнейшее бытие вещей, которыми он занимался. Конечно, он при этом не тотчас же и не окончательно забросил свое художественное творчество; но он уже не был тем веселым объективным живописцем, сквозь душу которого, как сквозь прозрачное стекло, падали на белую стену несколько смягченные, более задумчивые, но все еще яркие фигуры флорентийской жизни.

Долгие дни занимался он любопытными упражнениями в рисовании, блуждая и запутываясь в сложной системе линий и красок. Его занимали невыполнимые проекты — прорытие гор, изменение речных русел и возведение колоссальных построек, вроде церкви Сан-Джовани. Ко всем этим подвигам, как ему казалось, могла дать ключ естественная магия. Позднейшие писатели действительно усматривают в этих попытках предвосхищение современной техники; но в нем это были скорее всего мечты и грезы не в меру напряженного и переутомленного мозга. В нем, как рефлекс самых сильных и цепких впечатлений детства, больше всего запечатлелись две вещи: улыбка женщин и движение больших масс воды.

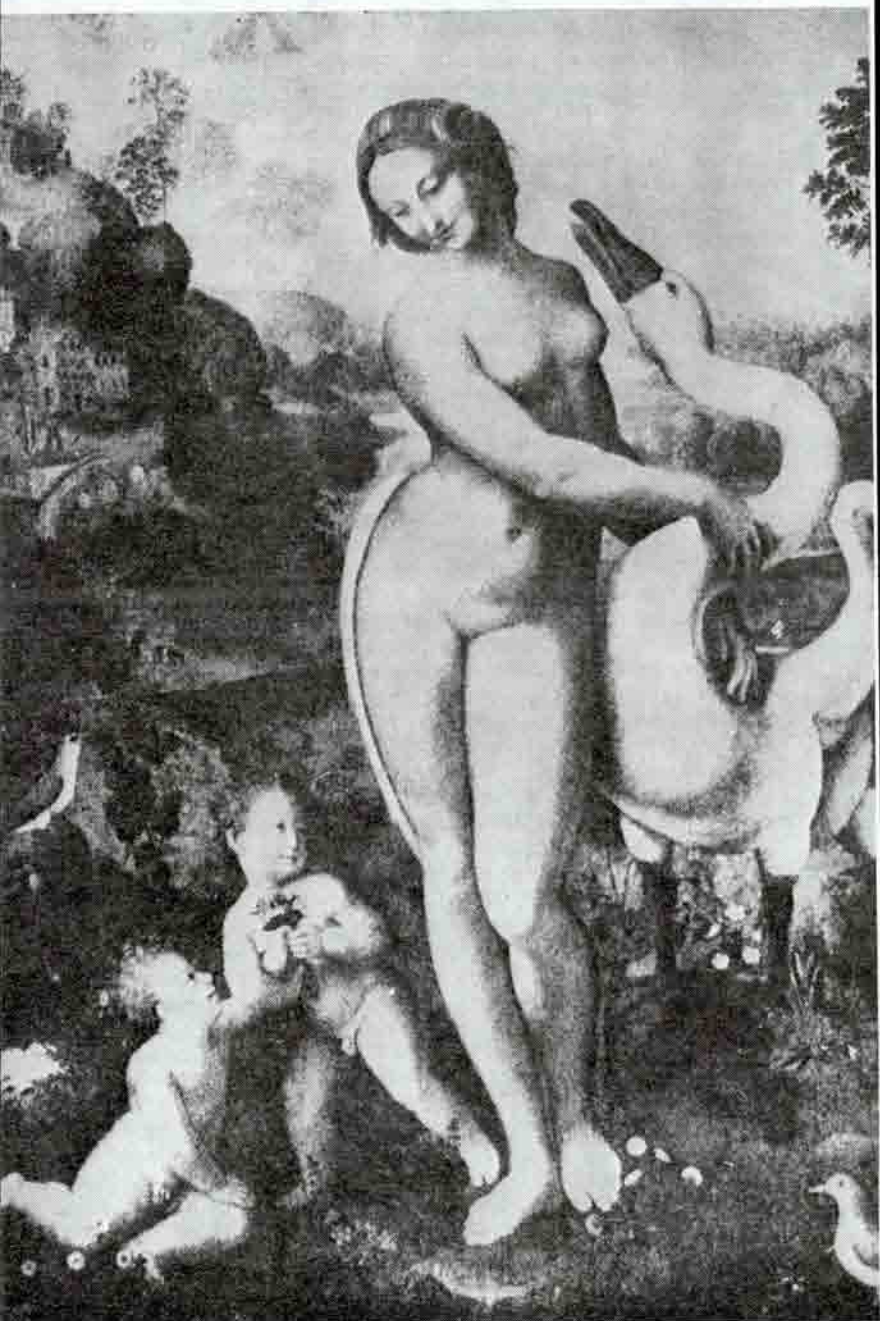
При этих занятиях в душе этого милого юноши прочно сочетались крайности красоты и ужаса как образ видимый и осязаемый, и чувство красоты не оставляло его всю жизнь. Если он открывал следы этой красоты в необыкновенных глазах или волосах встреченных людей, он преследовал их по улицам Флоренции до самого захода солнца. Многие из таких эскизов дошли до нас. Но с ними у него неразрывно связан и элемент насмешки, так что в насмешке или печали он всегда карикатурит Данте. Из-под его руки вышли легионы гротесков; не обладает ли и природа своими гротесками — потрескавшимися скалами, искаженными игрой вечерних теней на пустынных дорогах, сокровенной структурой человеческого тела в эмбрионе или скелетом?

Все эти причуды сочетались в «Медузе» (Уффици). Действительный предмет ее не столько серьезная работа мужа, сколько опыт ребенка. Ящерицы, светлячки и тому подобные мелкие твари, гнездящиеся в итальянских виноградниках, воскрешают перед нашими глазами картину детской жизни в окрестностях Тосканской усадьбы — наполовину замка, наполовину фермы — и столь же верны природе, как и изумление отца, для которого

мальчик приготовил сюрприз. (Рассказывают, один крестьянин, сосед Пьетро да Винчи, всегдашний спутник его на охоте и рыбной ловле, срубил однажды толстый пень фигового дерева и, сделав из него щит, попросил отца Леонардо заказать во Флоренции расписать его. Тот отнес его к сыну, который, предварительно выправив щит на огне, загрунтовал белым фоном и, приготовив, как ему было нужно, задумал изобразить на нем что-нибудь страшное в подражание Медузе древних. Он собрал у себя в комнате, в которую, кроме него, никто не входил, разных самых диких по виду тварей, каких только мог найти, — саранчу, летучих мышей, ящериц, змей, и, несмотря на ужасный запах, не бросил работы, пока не сделал самого отвратительного чудовища, выходящего из темной пещеры. Окончив работу и поставив свое произведение в выгодном свете, он позвал отца. Тот, забыв за чем пришел и увидав картину, бросился вон из комнаты от страха. «Отец! Отец! — кричал Леонардо. — Воротись, я вижу теперь, что я достиг впечатления, которого искал. Возьми картину и отнеси ее». Восхищенный работой сына, отец взял ее и, купив у торговца другой щит, на котором изображено было сердце, пронзенное стрелой, отдал его крестьянину, а щит Леонардо как человек себе на уме продал за 100 дукатов флорентийским кушцам, которые увезли его в Милан, где герцог дал им за него 300 дукатов. — *Ред.*)

Другую Медузу — единственная большая картина, оставленная им во Флоренции, — он, конечно, писал не в шутку. Этот сюжет подвергся обсуждению с самых разнообразных сторон. Один Леонардо исчерпывает его до дна. Он сам понимает его как голову трупа, могущественно действующего всей обстановкой смерти. То, что можно было бы назвать притягательной силой тлена, пропитывает каждую мелочь этой изысканной и законченной красоты. У тонких линий щеки незаметно притаилась летучая мышь. Нежные змеи буквально душат друг друга в безумном ужасе попыток высвободиться из мозга Медузы. Оттенок, который всегда приносит с собой насильственная смерть, лежит на всех чертах лица — этих странно массивных и крупных чертах, какие мы обыкновенно видим в ловком ракурсе, причем макушка обращена к зрителю, словно большой невозмутимый камень, о который разбивается волна змей.

Наука того времени была сплошь догадкой — ясновидением, свободным от наших нынешних точных формул; она словно пыталась в момент ясновидения концентрировать в себе тысячу опытов. Позднейшие писатели пытались найти в наблюдениях Леонардо строгое исследование, ибо перед их глазами был тот стройный трактат о живописи, который француз Рафаэль дю Френ составил столетием позже на основе спутанных заметок, ибо Леонардо по своей любопытной манере писал справа налево. Но такой строгий порядок мало гармонировал бы с беспокойным духом его натуры; и когда мы представляем себе его просто мыслителем, подчиняющим рисунок анатомии и художественную композицию — математическим правилам, то едва ли выносим то впечатление, которое Леонардо должен был оказывать на окружающих. Корпя над тиглями, делая опыты с красками и пытаясь в pendant к маньякам алхимии открыть не секрет эликсира, будто

Леда. Копия с оригинала Леонардо да Винчи.

бы дающего человеку бессмертие, но секрет увековечения тончайших и нежнейших эффектов живописи, Леонардо, конечно, должен был казаться своим современникам колдуном или магом, адептом темной науки, живущим в мире, ключом к которому обладал лишь он один.

До какой степени на этом пути была затуманена ясная художественная цель и нанесен ущерб мастерству художника, мы не можем отчетливо установить; тайна, облекающая жизненный путь Леонардо, здесь особенно глубока. Достоверно, однако, что в один из периодов своей жизни он почти перестал быть художником.

1483 год — год рождения Рафаэля и тридцать первый год жизни Леонардо — отмечает момент первого посещения Милана с тем письмом, в котором он рекомендует себя Людовико Сфорце и за определенную цену обещает ему раскрыть драгоценные тайны военного искусства.

Это был тот самый Сфорца, который умертвил младшего сына своего брата медленно действующим ядом; это не мешало ему быть столь чувствительным к религиозным впечатлениям, что он свои земные страсти облекал какой-то религиозной сентиментальностью и выбрал своим девизом шелковицу — дерево, поздно, но сразу расцветающее и приносящее плод, есть символ мудрости, накапливающей силы для быстрого и верного действия.

Слава предшествовала Леонардо, и ему поручено было изваять колоссальную статую Франческо, первого герцога Миланского. Но сам Леонардо прибыл совсем не в качестве художника по призванию или художника, которому нужна слава, но в качестве виртуоза игры на арфе, им самим сооруженной, — серебряной арфе, имевшей курьезное сходство с черепом лошади. Капризный дух Людовико был неравнодушен к чарам музыки, а натура Леонардо была полна очарования. Восхитительный — вот каким словом его всегда определяют. От него не сохранилось ни одного портрета молодых лет; но все заставляет думать, что он в эту пору производил чарующее впечатление своим голосом и наружностью, и этого достаточно было, чтобы стереть пятно его происхождения. Физическая сила его была огромна; говорят, он ломал железную подкову так же легко, как полоску свинца...

Здесь, в Милане, он увидел жизнь, полную блестящего греха и изысканнейших развлечений. Леонардо сделался в Милане знаменитым «рисовальщиком для торжественных процессий»; человеку, гений которого в равных долях был составлен из любопытства и из жажды красоты, вполне подобало брать вещи такими, каковы они есть.

Любопытство и жажда красоты — вот две главные пружины в жизни Леонардо; любопытство нередко во вред жажде красоты, но творящее в союзе с ней тип утонченнейшей и редкостной грации.

Движение пятнадцатого века носило двойкий характер: с одной стороны, ренессанс, а с другой — пришествие так называемого «современного духа» с его реализмом, с его обращением к опыту. Оно знаменовало собой возвращение к антикам и возвращение к природе. *Рафаэль знаменует возвращение к антикам, а Леонардо возвращение к природе.* Обращением к природе он пытался удо-

влетворить свою безграничную любознательность. Мастер был одержим постоянными открытиями, а вместе с тем и любовью к микроскопической отделке через внешнюю утонченность работы. Таким образом, мы его видим в интимных отношениях с людьми науки, с математиком Фра Лукка Паччоли и анатомом Марко Антонио делла Торре. Его наблюдения и опыты наполняют тринадцать томов рукописей; и сведущие люди утверждают, что он задолго предвосхитил быстрым наитием позднейшие идеи науки. Он дал объяснение пепельному свету на неосвященной стороне лунного диска, знал, что море некогда покрывало горы, на которых находят раковины, и что экваториальные воды стоят выше полярных.

Но он углублялся не только в природу, но и в человеческую личность, и больше всего был портретистом: его лица тоньше и законченнее, чем у кого бы то ни было раньше или позже, и на темном воздушном фоне воплощены с реализмом, доходящим до иллюзии. Передать характер таким, как он есть, осторожно нажав его клавиши, — подобная задача и была по плечу лишь такому любознательному и изобретательному наблюдателю, как Леонардо. Так, он написал портреты любовниц Людовико — Лукреции Кривелли и поэтессы Цецилии Галерани, самого Людовико и герцогини Беатриче, раннюю смерть которой Леонардо словно предчувствовал, ибо он написал ее строгою и важною, полною утонченности, свойственной покойникам, в землистом платье, осыпанном бледными камнями.

Иногда эта любознательность входила в конфликт с его жаждой красоты; она побуждала его слишком далеко уходить от внешней стороны вещей. Эта борьба между разумом с его идеями и чувствами, желанием красоты дает нам ключ к жизни Леонардо в Милане, его беспокойству, его бесконечным переделкам и опытам с красками. Сколь многое он должен был оставить незаконченным, сколь многое начинать сначала!

Он поставил себе задачей превращение мыслей в образы. Покуда он достиг лишь мастерства в раннефлорентийском стиле с его наивной и ограниченной чувственностью. Теперь он должен был вместить в эту тесную сферу предчувствия слишком широкой для нее человечности, широкое прозрение в новооткрытый мир, которое под силу было лишь могучему, беспорядочному искусству Шекспира; всюду в творениях его мы замечаем это усилие. Эта возбужденность, эта постоянная медлительность придают ему тон усталости и скуки. Другим кажется, что он стремится к невозможному эффекту, пытается достигнуть чего-то такого, чего не могут сделать искусство, живопись. Часто выражение телесной красоты искажается чрезмерным усилием в том или ином пункте картины, как, например, тяжкие немецкие лбы — они слишком тяжелые и немецкие, чтобы быть вполне красивыми. Ибо в существе того духа, о котором Гете говорил, что он «возмнил себя усталым», была германская черта.

Но между ним и немцем то различие, что немец при всей своей учености подумал бы, что больше уже ничего не нужно. Самое имя Гете напоминает нам, как велика может стать для художника опасность чрезмерной учености; сам Гете, в первой части

Музыкант.

Этюд голов
сражающихся воинов.

Голова молодой девушки.

«Фауста» действительно сумевший превратить мысли в образы, не во всех случаях находил магическое слово, и вторую часть своего «Фауста» обременил массой науки, едва ли имеющей художественную ценность. Леонардо же никогда не берется за работу до наступления счастливого момента, того момента блаженного самочувствия, *bien-etre*, которое для художественно настроенного человека есть момент изобретательности. Вот какой минуты он дожидается с большим терпением. Все другие моменты — лишь подготовка или предвкушение его. Немногие люди так ревниво разбираются в этих моментах. Отсюда и столь нередкие промахи даже в отборных произведениях искусства. Но для Леонардо это различие безусловно, и в момент *bien-etre* блаженного самочувствия волшебство совершается: идея приобретает окраску и форму; туманный мистицизм облекается сдержанной и грациозной тайной, и живопись, радуя глаз, утоляет душу.

Эта своеобразная красота больше всего проявляется в его рисунках, в особенности в чистой грации контуров. Рассмотрим поближе некоторые из них. Прежде всего один из рисунков, находящийся во Флоренции, — голова женщины и голова ребенка рядом, но в особых рамках. Заметьте, сколько трогательного в круглых линиях личика ребенка, в резких, более скромных линиях немолодого изможденного лица — они не оставят сомнения, что пред нами мать и дитя. Чуткое понимание материнства действительно характерно для Леонардо; и это чувство здесь усилено полукомическим подчеркиванием округлых, покатых плечиков ребенка.

124

Столь же трогательны рисунки молодого человека, который сидит, нагнувшись вперед, словно в горести, и прячет лицо в руках; также у раба, сидящего в неудобной, согнутой позе в короткий момент отдыха, равным образом и у маленькой Мадонны с Младенцем, который со страхом косится на огромного грифа — утонченнейший вымысел Леонардо — с крыльями нетопыря, внезапно спускающегося с небес, чтобы схватить проходящего поблизости огромного зверя. Но обратите внимание на то, что составляет здесь особо художественный элемент, — на контуры волос молодого человека, на то, как раб держит руку над его головой, и на круглые линии детской головки, обозначающие маленький череп, тонкий и хрупкий, как раковина, обветренная морскими бурями.

Но между юными головками во Флоренции есть голова, отмеченная Любовью, — голова юноши, которая может представлять собой портрет Андреа Салаино, любимого Леонардо за свои курчавые и волнистые волосы, а впоследствии ставшего его любимым учеником и слугою. Из всех отношений к мужчинам и женщинам, какие могли наполнять жизнь Леонардо в Милане, нам известна только эта глубокая склонность. И Салаино со своей стороны настолько полно растворился в Леонардо, что ему приписывали картину «Св. Анна» (Лувр). Это обстоятельство характерно для Леонардова выбора своих учеников: это люди благородного происхождения, с царственными привычками, как Франческо Мельци — люди достаточно гениальные, чтобы он мог посвятить их в свою тайну, за что они готовы были пожертвовать своей

Этюд головы в профиль.

индивидуальностью. В их среде большею частью в уединении виллы Мельци он и работал над своими беглыми писаниями и эскизами. Он работал только для минуты и для немногих, главным же образом для самого себя. Другие художники столь же мало интересовались своей настоящей или будущей славой, либо по самозабвению, либо потому, что ставили нравственные или политические цели выше целей искусства; у Леонардо же этот одинокий культ красоты, по-видимому, объяснялся своеобразным себялюбием, полным равнодушием в моменты художественного творчества ко всему, кроме искусства.

Ученики его настолько полно усвоили себе его манеру, что хотя число подлинных произведений Леонардо очень невелико, но зато существует множество картин других мастеров, в которых мы безошибочно узнаем его дух, и они приближают нас к его гению. Порою, как на небольшой картине «Мадонна с весами», где Христос взвешивает на груди своей Матери грехи человечества при помощи гольшей, набранных из ручья, мы видим сравнительно грубую по контрасту руку, работавшую по тонкому намеку мастера или по его эскизу. Порою, как в «Дщери Иродиады» и «Главе Иоанна Крестителя», утерянные оригиналы были возобновлены рукою Лукки и других или же изменены ими. В других случаях оригинал сохранился, но был лишь темой или мотивом, типом, аксессуары которого можно было видоизменять; и эти видоизменения лишь отчетливее выдвигали цель или выражение оригинала. Так обстоит дело с так называемым «Иоанном Крестителем» (Лувр) — одна из немногих нагих фигур, писанных Леонардо, — нежной коричневой кожи и женских волос которого, конечно, никто не стал бы искать в пустыне, и предательская улыбка которого выдает мысли, далеко не исчерпывающиеся внешним жестом или обстановкой. Мы здесь видим один из тех символических вымыслов, в которых сюжетом пользуются не как материалом для окончательного воплощения в картину, а как исходным пунктом для новой сферы чувства, столь же тонкой и неуловимой, как музыкальная пьеса.

Ни один художник не владел сюжетом полнее Леонардо, и никто с большей ловкостью не умел подчинять сюжет чисто художественным целям. Оттого-то, всегда трактуя священные сюжеты, он остается самым светским из живописцев; данное лицо или сюжет, будь то Иоанн Креститель в пустыне или Святая Дева на коленях у св. Анны, у него нередко составляют лишь предлог к картине, совсем выводящей нас из царства условных представлений.

На тему о «Тайной вечере», о ее быстром разрушении и реставрациях имеется целая литература; пожалуй, лучше всего проникновенное описание ее печальной судьбы, вышедшее из-под пера Гете. Ранняя смерть герцогини Беатриче от родов вызвала в Людовико один из тех припадков религиозного рвения, которые были ему врожденны. Низенькая, мрачная доминиканская церковь Санта Мария делле Грацие была излюбленной моленной Беатриче. Там она провела свои последние дни, полная мрачных предчувствий; в конце концов ее пришлось удалить оттуда чуть не силой. Теперь за упокой ее души сто раз в день служились

Автопортрет.

мессы. Здесь, на сырой стене монастырской трапезной, где отлагались минеральные соли, Леонардо стал писать «Тайную вечерю».

Об этой работе, о постоянных проволочках, перемалевках и т. п. сложились сотни анекдотов; говорят, он избегал работать, когда не чувствовал к этому внутреннего побуждения; он с презрением глядел на тех, кто думал, будто искусство — лишь дело прилежания и правил, он часто проходил весь Милан, чтобы наложить один какой-нибудь мазок. Он писал картину не «фреско», где все должно быть *impromptu*, но масляными красками по новой методе, которую он приветствовал одним из первых, так как она допускает поправки и делает возможным самое тонкое исполнение. Но на штукатуренной стене она оказалась самым непрочным родом живописи. Спустя полвека картина погибла. И теперь, чтобы восстановить ее, мы должны вернуться к собственным этюдам Леонардо, и прежде всего к центральной голове, исполненной чудесного сочетания нежности и суровости черт.

Это было еще одно усилие поднять данный сюжет над сферой традиционного круга ассоциаций. После всех мистических представлений средневековья странным казалось желание видеть в евхаристии не бледного агнца на жертвеннике, но человека, прощающегося с друзьями. Пять лет спустя молодой Рафаэль написал в трапезной Санто Онофрио во Флоренции «Тайную вечерю», исполненную милой торжественности, но отмеченную мистической бестелесностью школы Перуджино. Здесь голова Иисуса как бы концентрирует в себе основное настроение всего кружка, сидящего за столом; это духи, сквозь которых можно видеть стену, столь же бледные, как тени листьев на стене в осенний вечер; центральная фигура тусклее и призрачнее всех.

Последние годы жизни Леонардо были годами скитаний. Он ничего не скопил в блестящие дни своей жизни при дворе и вернулся во Флоренцию бедняком. Быть может, нищета поддерживала его дух в постоянном напряжении: следующие четыре года были одним длительным экстазом творческой работы. Он писал теперь Луврские картины — наиболее подлинные его работы, ибо они попали в Лувр прямо из кабинета Франциска Первого в Фонтенбло.

Одна из его картин «Святая Анна», — не Луврская «Святая Анна», но картон, ныне находящийся в Лондоне, — на время вызвала такое воодушевление, какое обычно было лишь в прежнее время, когда хорошие картины еще казались чудом. В течение двух дней разношерстная толпа с наивным изумлением теснилась в комнате, где висела картина. Но его живопись меньше имела дела со святыми, чем с живыми женщинами Флоренции.

Беатриче Д'Эсте. Париж, Лувр.

Благовещение. Фрагмент. Флоренция, Уффици.

Портрет Джиневры деи Банчи. Вена, собрание Лихтенштейн.

Св. Анна с Марией и младенцем Христом. Париж, Лувр.

Он все еще жил в утонченном обществе, которое так любил. Там, в знатных домах Флоренции, где после смерти Савонаролы мысли приняли несколько более легкомысленное направление, — в 1869 году появилось известие, будто в отдаленном углу бывшего Орлеанского собрания была найдена обнаженная Монна Лиза, — он встретил Джиневру деи Бенчи и Лизу, молодую третью жену Франческо дель Джокондо. Мы уже видели, что он брал события из священной истории не ради их самих или как сюжеты для картинного воплощения, но пользовался ими для символического выражения своих собственных идей; так и здесь он нашел язык для своих мыслей, когда возносил на седьмое небо символической красоты одну из этих томных женщин, либо в образе Леды или Помоны, либо в виде «Скромности» или «Тщеславия».

«Джоконда» была в самом подлинном смысле шедевром Леонардо, откровением его образа мыслей и творчества. По внушительности рядом с нею можно поставить разве только Дюреру «Меланхолию». Эффект ее кроткой и грациозной загадочности не нарушается грубым символизмом. Все мы знаем лицо и руки этой фигуры, сидящей на мраморной скамье, среди фантастических скал, словно в тусклом освещении морского дна. Из всех старых картин эта картина, пожалуй, меньше всего потеряла от времени. Как часто бывает с произведениями, где фантазия достигает кульминационного пункта, и здесь есть нечто, данное мастеру, но не изобретенное им. В драгоценной тетради рисунков, некогда находившейся в руках Вазари, содержалось несколько рисунков Вероккио — лица столь выразительной красоты, что Леонардо еще в отроческом возрасте неоднократно копировал их. Трудно удержаться от предположения, что с этими рисунками старинного мастера стоит в связи и та непостижимая улыбка, которая у Леонардо всегда имеет в себе нечто зловещее, словно в ней зародыш тайны. Впрочем, эта картина — портрет. Мы можем проследить, как этот образ с детства вырисовывается в его мечтах; не будь определенных исторических свидетельств противоположного свойства, мы могли бы подумать, что это найденный им наконец во плоти идеал женщины.

Каково было отношение живого флорентийца к этому созданию его мысли? По какому странному родству мечта и личность выросли отдельно — и все же вместе? Живя изначала бесплотной грезой в уме Леонардо, смутно очерченная в рисунках Вероккио, она обрелась наконец в доме Иль Джокондо.

Что мы здесь имеем дело с портретом, о том свидетельствует легенда, согласно которой тонкое выражение удерживалось на лице искусственными мерами — присутствием мимов и флейтистов, нанятых Леонардо и развлекавших ее во время позирования. И далее: возник ли этот образ в четыре года благодаря повторным, так и не завершившимся усилиям, или же он явился в четыре месяца, словно по мановению волшебной палочки?

Фигура, столь странным образом выросшая у воды, воплощает тысячелетнее желание людей. У нее голова, в которой «сошлись все концы света», а веки ее несколько утомлены. Это красота, действующая на тело изнутри, это как бы отложение, клетка на клетку, самых причудливых грез и фантазий, утонченнейших

страстей. Поставьте ее рядом с белыми греческими богинями или прекрасными женщинами древности — как бы их глубоко взволновала эта красота, в которую внедрилась душа со всеми ее большими муками!.. Все мысли, весь опыт мира врезались в эти черты, придав утонченную выразительность внешней форме: тут животность Греции, сладострастие Рима, мистицизм средневековья с его церковным честолюбием и романтической любовью, возвращение языческого мира, грехи Борджиа. Она древнее скал, ее окружающих, подобно вампиру, она много раз умирала, и ей ведомы тайны могилы, она ныряла в глубокие моря, и ее окружает полумрак отошедшего дня; она торговалась с купцами Востока за редкостные ткани; Ледой она была мать Елены Троянской; Святой Анной она была мать Марии; все это для нее было как звуки лир и флейт, все это живет в утонченности ее меняющихся линий, в мягких тонах ее рук и вежд. Представление о бесконечной жизни, сливающейся десять тысяч опытов, — очень древняя идея; в современной же философии идея человечества вобрала в себя все виды мысли и жизни. И, конечно, Монна Лиза может считаться воплощением древней мечты и символом современной идеи.

В эти годы пребывания во Флоренции история Леонардо вполне история его искусства; он сам растворяется в его светлом сиянии. Внешняя его история вновь начинается лишь в 1502 году бурным путешествием по Средней Италии, которое он предпринял в роли главного инженера Цезаря Борджиа. Биограф, собравший рассеянные листы его рукописей, мог проследить его путь день за днем к вершине причудливой башни Сиенской, эластичный, как согнутый лук, к морскому берегу Пиомбино, — везде он является неожиданно, словно в лихорадочном сне.

Ему суждено было создать еще одно великое произведение, все следы которого вскоре затерялись, — «Битву вокруг знамени»; здесь он вступил в соревнование с Микеланджело. Граждане Флоренции, хотевшие украсить стены огромной залы совета, устроили конкурс, причем для картины можно было избрать любую тему из эпохи флорентийских войн пятнадцатого столетия.

Микеланджело выбрал для своего картона эпизод из войны с Пизой, когда флорентийские солдаты, купавшиеся в Арно, встревожены звуками трубы и бросаются к оружию. Его рисунок дошел до нас лишь в старинной гравюре, которая может дать некоторое представление о том, как эти сверхчеловеческие фигуры выходили из воды и заставляли сильнее биться сердце старинного мира. Леонардо взял тему из битвы при Ангиари, когда два отряда солдат сражаются за знамя. Но его картон, подобно картону Микеланджело, затерялся и до нас дошел лишь в эскизах и в фрагменте Рубенса. Из описаний мы знаем, что на картоне изображались жестокие вещи, — там даже кони рвали друг друга зубами. Но один фрагмент картона на сохранившемся во Флоренции рисунке показывает нечто совсем другое — волнистое поле пышных доспехов, блестящие края которых перекатываются, словно нити солнечного света, из стороны в сторону. Микеланджело было тогда двадцать семь лет, Леонардо за пятьдесят, а Рафаэль, которому тогда было девятнадцать, впервые прибыл во

Флоренцию и видел этих двух художников за работой.

Далее в 1514 году мы опять видим Леонардо в Риме; он окружен своими зеркалами, тиглями, горнами и лепит из воска и ртуты замечательные игрушки, казавшиеся живыми. Дух нерешительности, преследовавший его всю жизнь и словно наложивший на него заклятие, здесь угнетал его с двойной силой. Никто не проявил более глубокого политического индифферентизма, чем Леонардо, ибо он всегда придерживался правила: «убегать от бури». Он то за, то против Сфорца, смотря по тому, куда склоняются весы их фортуны. Но теперь в политических кругах Рима он навлек на себя подозрение в тайных симпатиях к Франции. Перспектива жить в сонме врагов испугала его, и он окончательно предался Франции, давно уже за ним ухаживавшей.

Франция готова была стать еще более итальянской, чем сама Италия. Франциск Первый, как до него Людовик Двенадцатый, был пленен утонченностью Леонардова искусства; «Джоконда» находилась уже в его кабинете, и он предложил художнику небольшой Chateau de Clou, с его виноградниками и лугами в очаровательной долине Массы за стенами города Амбуаза, где двор часто останавливался, особенно во время охоты. «Месье Леонардо, королевскому живописцу, в Амбуазе», — так гласил заголовок письма Франциска Первого. Оно открывает одну из любопытнейших перспектив в истории искусства, где живопись Италии угасает на французской почве, как экзотическое растение в особенно туманной атмосфере.

Для ревностных антиквариев в связи со смертью Леонардо остается еще два вопроса — вопрос о том, каковы были, в сущности, его религиозные взгляды, и вопрос о том, присутствовал ли Франциск Первый при его кончине. Оба эти вопроса равно мало важны для оценки гения Леонардо. Мы забываем о них, размышляя о том, как человек, всю свою жизнь любивший красоту, но всегда жаждавший видеть ее в таких определенных и осязаемых формах, как руки, цветы или волосы, — как этот человек глядел вперед, в туманную, неведомую даль, утоляя свою последнюю любознательность.

Подготовка к печати АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

РАДА ПОЛИЩУК

ЛЮБИТЬ ХОЧЕТСЯ

132

Виолетта давным-давно переждала все свои ожидания. Перекисла в них, перебродила. И не то чтобы ничего не дождалась. О Господи — если бы! Тогда все было бы очень просто — не судьба. Даже нет, не так: не судьба-с. И руки в легком недоумении развести, и ножкой чуть вперед шаркнуть, и головку слегка вбок наклонить.

Не судьба-с.

Кто такой приговор оспорить осмелится? Разве что бунтарь-одиночка какой-нибудь или умалишенный. А всякий другой за неизбежность примет, как за смерть: хлебом-солью встречать не пристало, но и со двора гнать негоже. Настигла — принимай.

У кого нормальный жизненный расклад, у того все по полочкам разложено. Нравится, нет ли, — но какой-никакой порядок сложился.

А у Виолетты — сплошной бедлам и кавардак. Сам черт голову сломит, не поймет — было или не было: мужья, любовники, любимые, да и сама Виолетта в том числе. Есть тут, над чем призадуматься. И от чего с ума сойти — тоже есть.

Муж № 1 у Виолетты жив, женат теперь уже не на ней, прекрасный семьянин (неожиданно впоследствии выяснилось), троих детей пестует (не своих и не Виолеттиных, между прочим, а неизвестно чьих) и жену новую старательно обихаживает, которая невеста от кого родила, а от него почему-то не захотела — боится, видите ли (а он вполне здоровый мужик, никаких отклонений от нормы). Виолетте даже обидно за него. Она ведь потому только от него ушла, что не любила. Такая вот неуважительная

причина. Ей и в загсе при разводе сказали: неуважительная, дескать, причина. Несерьезно, даже по-детски: люблю — не люблю. А она в ответ: ну что ж, несерьезная я — мне любить хочется. С вызовом и чуть-чуть нахально.

Но ведь правда же, истинная правда: любить хочется!

Мужа № 2 Виолетта любила до безумия. Просто обожала. Иногда готова была проглотить целиком, чтоб от постороннего взгляда схоронить; так ревновала, думала, в психбольницу попадет. Потом и в самом деле попала, когда схоронила его по-настоящему. А ведь как глупо получилось! Стыдно вспомнить и рассказывать стыдно: задохнулся во сне в ее объятиях, только-только любовью заниматься кончили. Слюна не в то горло попала, или спазм какой-то — чушь, одним словом. Она до сих пор поверить не может. У нормальных людей такое не случается. И она орала в беспамяත්стве: это я, я его убила, убийца я! Он не раз говорил — ты, Ветточка, меня задушишь своей любовью, я задохнусь когда-нибудь в твоих объятиях, Ветточка, — такая мне уготована прекрасная смерть.

И на тебе — сбьлось.

Писаного красавца похоронила, сладенького, как карамелька. Больше ей такого не отыскать. И этот по ошибке достался, по какому-то недоразумению, странному и страшному. Потому страшному, что такой конец получился. Для него конец, а для Виолетты самая мука после конца началась, чуть погодя. Она тогда еще в психушке положенный срок отбывала и думала, что у нее осложнения начались, побочные действия от лекарств психотропных: некоторые собственный язык жуют, другие заикаются, иные заговариваются и даже галлюцинируют. И ее вдруг не суда повело: вместо отчаянного горя и тоски тоскучей да сухоты сухотучей возликовала тихонько, сначала от себя самой таясь, а после удержу не стало — радость рвалась наружу. Виолетта, если честно сказать, с детства терпеть не могла карамельки — приторные, красивые, липучие, ее от них тошнило. Ей чего-нибудь остренького подавай, чтоб обожгло до слез, до боли, до потери сознания. А после и чего-нибудь приторно-сладкого глотнуть можно, капельку, самую малость. И так чередовать.

Чере-до-вать. Вот чего Виолетта хотела. О чем грезила. Чередовать. Чтоб не наскучило. Чтоб не мумия сушеная, как муж № 1 — не рассмешить, не разозлить, не распалить его, хоть что твори, но и не котенок игривый, глупый, как муж № 2 — ласкай его или пинай, гладь или гони прочь, все будет мордочкой тыкаться и руки благодарно лизать. Порою Виолетте ревмя реветь хотелось от досады — так ей скучно с ним было. Но ласкала исправно: в объятиях тискала, сюсюкала непрерывно и с головы до пят обцеловывала. И тут вдруг подумала, что муж № 2 тоже, поди, от скуки умер, не выдержал — утомила она его, залюбила до смерти.

И что самое непоправимое — ведь нисколько не любила, просто думала: другого никогда уже не будет. Все твердила себе: любви, любви, не привередничай. И втянулась — как будто так и надо, как будто все у них по-настоящему. Несколько месяцев кряду оплакивала свою безвременно почившую любовь, заходясь

от слез. И вдруг это убийственное открытие: а никакой любви-то и не было. Опять не было.

А любить так хочется!

Виолетта стала подумывать о новых претендентах. Как мираж в пустыне, замаячил на горизонте нечеткий силуэт мужа № 3. Виолетта вглядывалась в него до рези в глазах, до головной боли. Но мираж — обманчивое видение: то появится, то исчезнет. А живому, во плоти, претенденту — откуда ему взяться? Виолетта старалась как можно меньше смотреть в зеркало, не думать о возрасте, ее переполняла жажда любви — щеки пылали, губы были приоткрыты, готовые к поцелую, сердце, неугомонное Виолеттино сердце, рвалось и рвалось куда-то, в горле трепетало так, что дыхание прерывалось, и она судорожно ловила ртом воздух, оглушительно стучало в висках, словно предупреждая — вот, вот, сейчас, не пропусти, или обрывалось в бездонную глубь. Тревожно и сладко делалось, будто уже сбылось наконец, будто любит и любима, будто не зря родилась, есть и в ней какой-то смысл — она любит, она любима.

И претенденты появились. Сразу двое. Что называется, объявились, откуда ни возьмись. Ежели со стороны посмотреть, конечно же, кому, ну кому в самом деле может понадобиться (и главное — для чего!) не первой уже (да и не второй) молодости женщина, хоть и моложавая и миловидная. Да что такое — моложавая, миловидная, как не унижительный, утешительный приз, символизирующий окончательное и полное поражение. Никогда не стала бы Виолетта спорить со столь очевидными, прописными истинами. Но любовь, ее неутоленная, неумная любовь своим беспримерным ожиданием прорвала кольцо блокады: время, пространство, вечность, миг, телесная старость, бессмертие души — все перемешалось и кубарем понеслось с обледеневшей вершины застывших надежд к цветущим полянам оживших желаний.

В конечном итоге не было для Виолетты ничего удивительного в том, что претенденты все же нашлись. Иначе бы ей просто не жить; но и умереть, не отлюбив, она не могла. Не имела права. Любовь была Виолеттиной религией, она поклонялась любви, обожествляла ее и с благодарностью воспринимала все, что возникало на этом пути.

И претендентов, безусловно, приняла сразу. Обоих. Несмотря на их полную несхожесть друг с другом. Они были посланы ей в паре, и, не чувствуя за собой права выбирать, она готова была любить каждого.

Один был неправдоподобно огромного роста, и силища в нем угадывалась недюжинная. Он походил на джинна, выпущенного из бутылки, и казалось, прикажи — все-все исполнит, даже то, чего быть не может, плотью и кровью облечет и явит: бери, владей, все твое. Но это в Виолеттином воображении. А так — тих и нерешителен был, как суслик в норке. Плюхнет на диван так, что тот трещит, того и гляди рухнет, ручки на груди скрестит и, часами не двигаясь с места, а порою кажется — и не дыша, отлеживает каждое ее движение. Для чего, спрашивается? А ни для чего. Виолетта поначалу смущалась и замирала — ой, что сейчас будет! И мысленно торопила его — скорей, ну, скорее же, милень-

кий. Хватит сидеть сложа руки, жизнь ведь проходит. Каждого даром прожитого мгновения жалко. А он сидит себе сиднем, и что у него на уме — поди разбери. Скала, да и только. Ледяная глыба. Торос.

Зато другой — совсем наоборот: худенький, как недокормленный подросток, с бороденкой и в очечках, но с бешеным напором атакующего танка. Шел напролом — не удержать. Овладел ею, можно сказать, на полном ходу. Виолетта ничего толком и не поняла, так стремителен был его натиск. Только удивлялась, поначалу даже с невольным оттенком восхищения: ну дает, Малыш!

Малышом претендент назывался исключительно за то, что был по всем параметрам меньше Большого. Только пройденный им отрезок жизненного пути был длиннее. Здесь он превзошел и Большого, и Виолетту. И этим печальным, в сущности, обстоятельством очень гордился, даже кичился. То и дело вскрикивая: «Проживешь с мое, все поймешь», — он бесконечно долго и нудно объяснял Большому, что именно откроется тому, когда доживет он до его, Малыша, возраста. Вероятно, таким образом Малыш желал унизить Большого перед Виолеттой, возможно, даже рассчитывал избавиться от соперника, надеясь, что с его помощью Виолетта поймет наконец, кому следует отдать предпочтение — ему, настоящему мужчине с жизненным опытом, или этому мальчишке, у которого всех достоинств-то: ножищи — во! Ручищи — во! И все прочее неправдоподобного размера и объема. А толку что? Мал, как говорят, золотник, да дорог. Это Виолетта должна понимать, рассуждал Малыш, не девочка, чтобы с ума сходить от одного внешнего вида.

А Виолетта меж тем была совершенно счастлива. Она легко привыкала к хорошему. И к Малышу с Большим привыкла сразу, к обоим, в паре. Они ведь и налетели на нее в первый раз одновременно, только с разных сторон — случайное столкновение на перекрестке. Виолетта сумку выронила от испуга, в сумке что-то разбилось и забулькало. Они кинулись подбирать, извинялись хором, сами чуть не подрались, а ей старались угодить наперегонки: пока Большой своим платком кефирные пятна на ее юбке промокал, Малыш складывал в сумку вывалившиеся продукты. Так и пошли провожать ее вдвоем.

Виолетта разволновалась, конечно, но и радовалась от души: вот счастливый случай, двоих мужиков сразу подцепила, расскажешь кому-нибудь — не поверят. И сразу прикидывать стала, кого же из них выбрать. На первый взгляд никаких проблем: Большого, разумеется, — и молодой, и красивый, и почему-то показалось, что есть у него какая-то тайна. А ей всегда нравились загадочные мужчины. Но и Малыш чем-то привлекал Виолетту: такой живчик, что рядом с ним попрыгать на одной ножке хочется, позабыв о возрасте, поскандалить, покрушить что-нибудь, чтобы груди черепков вокруг и горло саднило от крика, глаза чтоб вспухли от слез, а после — распить бутылочку за перемирие, чуточку с перебором, чтобы немного навеселе, чтобы спеть захотелось на два голоса: она — запевала, а Малыш — подголосок, только без слов, одну мелодию — Гимн любви называется.

Виолетта сама сочинила и Мальшпа научит подпевать, ей почему-то казалось, что у него должно хорошо получиться. Ей хотелось, чтобы у него получилось.

А в общем, выбирать не придется, само собой все образуется. И пока шли к ее дому, гадала, как у нее с Мальшом и Большим сложится. А что обязательно как-нибудь сложится — нисколько не сомневалась. Поэтому решила все взять в свои руки. Хоть раз в жизни проявить активность. Хватит самотеком плыть. Плыла, плыла, и в результате в болото вонючее, стоячее занесло, почти на самое дно затянуло. А тут вдруг, откуда ни возьмись, — Мальш да Большой. Как в сказке. А Виолетте-то известно, что ей любить хочется. И чередовать.

А они тут как тут: Мальш да Большой. Голубчики, миленькие, ненаглядненькие. Оба — миленькие и ненаглядненькие.

Возле своего дома Виолетта разволновалась еще сильнее, засуетилась и стала радушно и искренне, слегка смущаясь (чтоб плохо о ней не подумали: мол, к случайным уличным знакомствам привычная, знаем таких, и как себя с ними вести — знаем), в гости приглашать. Не зайдете ли, дескать, на минуточку, я вдовству уже полгода (скорбную гримасу изобразила для достоверности), мужа моего покойного помянем, может, кое-что прибить-починить сможете. Ой, это к слову, не подумайте, что навязываюсь, просто одиноко очень, особенно вечерами. Скороговоркой весь этот текст пробормотала Виолетта, зардевшись, а в душе даже и испугаться успела — чужие ведь совсем.

Однако ее искренность пришлась по душе и Мальшпу, и Большому, они послушно пошли за ней, как щенята на одном поводке. И Виолетта как-то вдруг успокоилась: ничего дурного случится не может, она ведь любить хочет — за это Бог не наказывает.

Ура, ура, — ликовала она, — первая победа! Ура! — рвалось из груди. Однако старалась не показывать виду: люди зашли в гости, что ж тут особенного, обычное дело. Сдержанно и скромно принимала нежданных гостей, желая понравиться обоим. И все же нервничала, собирая кое-что на стол для первого, на скорую руку, угощения. Нервничала и ликовала. А еще говорят — мужики на улице не валяются, в переносном, конечно, смысле. Но вот же они сидят, голубчики, — стало быть, найти можно. Было бы терпение и желание. Потому — кто ищет, тот всегда... ля-ля!..

Ой, это чтоб не сглазить, и про себя не стоит проговаривать. Тьфу, тьфу и ля-ля!..

Но все так хорошо складывалось, что Виолетта не выдержала и всем, кому могла, рассказала, как ей повезло. Оба приходят, ухаживают. А она выбирает. Ну, разумеется, выбирает, только неспешно, чтобы не ошибиться.

С Мальшом у них сразу установились близкие отношения, в том смысле, что она с ним спит, точнее, сожительствоует. А еще точнее — он с ней занимается любовью. Именно так — он с ней, а не она с ним. Причем начал он в первый же вечер: вышел за ней на кухню, обхватил сзади одной рукой за талию, да так, будто железным обручем к себе приковал, другой рукой юбку задрал и кое-какой беспорядок в нижнем белье произвел. Это она почему-то помнит, помнит также, что оторваться от него хотела, в лицо

взглянуть — да тщетно. А дальше как будто бы ничего и не было, только услышала, как он вскрикнул, вздрогнул, отпустил ее и, вытирая пот со лба, «извиняюсь» прошептал.

Так с тех пор и продолжается, причем настолько быстро, что она даже подготовиться к наслаждению не успевает. Вообще-то противно, какая уж тут любовь. Опять одна тошнота. Неужели женщиной ей так и не быть?

Любить хочется. Любить!

Иногда по ночам Виолетта подвывала от отчаянной тоски. Вся надежда теперь была на Большого. Ну же, миленький, мысленно молила его, люби меня, люби, а то ведь так и умру, не дождавшись твоей ласки, я чувствую, я знаю, что умру, я столько раз умирала без любви. Столько раз умирала.

А Большой сидел, скрестив на груди ручки огромные, сопровождал глазами каждое ее движение и улыбался. Странно и немного страшно.

Большой! Ну, Большой же!

Виолетта начала сдаваться. Не покорить ей Большого, он недоступен ее чарам, как звезда в небе или смерть в конце пути. Их охмурить нельзя — ни позвать, когда приспичит, ни за порог выгнать за ненадобностью. Они сами по себе. И являются по своему собственному желанию. А если подчинятся чьей-то воле, то Воле, а не ничтожной Виолеттиной прихоти.

Подумаешь — любить хочется. Сказано же было однажды: неуважительная причина.

Неуважительная.

Причина.

Или следствие причины.

Неуважительное следствие неуважительной причины.

Виолетта бьется-бьется. Вся изнутри посинела от натуги. А что в итоге? Большой? Он есть, он живой, он невыдуманный. Его даже ущипнуть можно. Врос в диван — и днем, и ночью сидит как изваяние. Шедевр неизвестного зодчего, неуместное украшение, вроде канделябра в собачьей конуре. Излишество. Но покуда он есть, Виолетта не теряет надежду.

У нее, если бы она откровенно кому призналась, своя тайная задумка имеется — всех несчастных и сырых на земле любовью спасти, отдать себя каждому, в жертву себя принести, только бы помочь. Убереечь. Как мать дитя. Другими словами, Виолетта желает стать матерью. Не родить, конечно, нет, возраст у нее категорически недетородный. Сорок девять стукнуло. Еще пять лет назад она тайком высчитывала, прикидывала, что если в сорок пять родить успеет, то в шестьдесят у нее будет вполне взрослая и самостоятельная дочь. Виолетта так давно мечтала о ребенке, что порою кажется, родилась с этой мечтой: походить с большим тяжелым пузом, прожить заново весь девятимесячный цикл, отсюда, снаружи, вспоминая, что все это с ней уже было однажды, там, внутри.

Но не дал ей Бог.

Виолетте раньше казалось, что она забеременеет от одного только прикосновения к ней любящего мужчины — так велико было ее желание зачать. Но то ли никто из тех мужчин, с кото-

рыми сводила судьба, не любил ее, то ли на нее кто-то порчу навел.

Лишь год назад довелось ей пережить нечто подобное ожидаемому: случилась у нее задержка, и врачи определили срок — пять недель. Виолетта понятия не имела, откуда свалилось на нее это счастье-беда. Счастье, запоздавшее на целую жизнь так и не рожденного ею ребенка. Беда — потому что не в силах была убить дитя. И в толк не могла взять, зачем Бог послал ей такое испытание? За что?

Виолеттина душа раскололась на две половинки: одна металась в безысходном отчаянии, а другая была покойна и счастлива — она несла в себе новую жизнь, о чем более мечтать? Возможно ли сожаление? И даже после операции, когда молодой хирург, едва взглянув на нее, небрежно бросил: «Не убивайтесь так, мамаша, не было у вас никакой беременности, с быстрорастущей миомой перепутали», — Виолетта, конечно же, не поверила ни единому его слову. Как это не беременность, когда дочка ножкой в бок стучала — потерпи, дескать, чуть-чуть, скоро встретимся. «Я вам не мамаша, — только и сумела тогда сказать Виолетта. — Сама разберусь, что было, а чего не было». И уж совсем неожиданно грубо добавила: «Не твое это дело».

Глупо, конечно, и стыдно. Но никто не смел отнимать у нее пережитое. Она не могла этого допустить. И разбираться тут не в чем. У нее, как всегда: было — не было? Все под вопросом, никаких доказательств, никаких следов пребывания. Ей и про первого-второго мужа никто не верит, да и сама Виолетта подчас сомневается — может, их и не было вовсе, а просто она за давностью времен что-то напутала, навдумывала, со снами перемешала, накрутила подробностей, начинку из грез состряпала — и что тут правда, что вымысел? Да и важно ли это?

Было бы, что вспомнить.

И Виолетта старается, нисколько не заботясь при этом о документальной точности восстанавливаемых событий. Напротив, с импровизированной легкостью кладет новые сочные мазки на старые, выцветшие картинки да еще и рамки соответствующие подбирает.

Она и Мальша в рамку вставила. Не на помойку же его выбрасывать. Хотя, по правде сказать, он ей ужасно надоел со своими наскоками. Ни уму, ни сердцу никакой радости от него, ни другому месту удовольствия, плюс — брюзга, плюс — жадный, плюс — писклявый и слюнявый (это если целоваться вздумает), плюс — женат трижды и дважды в разводе, плюс — детей куча и внуков не счесть, и все его гонят, никому он не нужен. Он в Виолетту вцепился, сразу раскусил — дурочка попалась, жалостливая и любвеобильная. Он ей, недолго думая, все карты свои и раскрыл — жениться, мол, на тебе не могу, а ходить буду, устраиваешь ты меня, пава такая (это у него ласковое прозвище было для женщин). А бросить меня вздумает, заявил, повешусь вот на этой люстре. И подпрыгнул солдатиком, и голову свесил, и язык высунул — вроде уже повесился.

У Виолетты воображение разыграло, представила себе: лежит Мальш в гробу посреди ее комнаты, а вокруг его жены, дети,

внуки толпятся, все к нему руки тянут, друг дружку отталкивая. Каждый свое право на покойника заявляет, хоть что-нибудь отщипнуть от него норовит. Виолетта в уголочке сидит, никем не замеченная, и с ужасом думает, что так от Мальша ничего не останется, и хоронить-то нечего будет. Сказать пытается — оставьте, зачем он вам? Ведь вы его не любите. Давайте по-людски похороним, целенького.

Загалдели все, зататорили — кто такая, самозванка бессовестная? А один мальчуган, точь-в-точь копия Мальша, ткнул ее пальцем прямо в живот и пропищал: «Пава такая» (только это у него ругательством вышло).

Виолетта опять за свое: ведь вы не любите его, а я любить хотела. Оставьте его мне.

Что тут началось! Слово «любовь» камнем летало по комнате, круша все на своем пути. Вот уже одни осколки остались, и в гробу пусто, и у Виолеттиных ног что-то валяется, маленькое и сморщенное. Она не сразу поняла, а поняв, вздрогнула, сердце сжалось от жалости — такой он был беспомощный и махонький. Подобрав с пола, Виолетта, уже не глядя, завернула в платочек то, что осталось от Мальша, положила в пустой гроб и сама заколотила крышку.

С тех пор в ней поселилась тихая и беспричинная жалость к Мальшу, и ей легче стало переносить его присутствие.

Мальшу она про свое видение не рассказала — он только обиделся бы, ничего не поняв, и, не приведи Бог, повесился бы, решив, что она таким образом хочет от него избавиться.

Зато Большой слушал ее, затаив дыхание. Он не отрывал глаз от ее губ, будто ему мало слышать, а еще и видеть нужно каждый произнесенный ею звук. Его взгляд пугал Виолетту и одновременно вдохновлял — рассказ о видении получился ярче и страшнее, чем само видение. Виолетта с новой силой пережила уже пережитое и, замирая, ждала реакции Большого — его жалости, сочувствия, его любви, наконец.

Они никогда еще не сидели так близко друг к другу, так долго и так близко — их бедра соприкасались, его плечо прижималось к ее плечу, а губы были возле самых ее губ.

Виолетта невольно прикрыла глаза, язык и небо пересохли от волнения. От него исходил такой жар, что Виолетту затрясло, как при ожоге — ах, Большой, ах, миленький мой, ну, что же ты молчишь, ну, что же...

— Сука, — услышала она и тотчас почувствовала страшную боль в затылке.

Большой ударил ее несколько раз по лицу своей огромной ручищей, от которой она так ждала ласки. Виолетте показалось, что голова раскололась на части.

— Грязная тварь, такая же тварь, как и все вы... Только моя мать, моя чистая, непорочная мать...

«Ну как же непорочная, ведь от кого-то она тебя зачала», — слабо возразила про себя Виолетта.

Большой задыхался от переполнявшего его негодования. Вио-

летта ничего не понимала, только видела, что ей удалось-таки вывести его из равновесия, расшевелить. Наконец его рука коснулась ее. Первая ласка. И ничего, что больно, она потерпит.

— Я так долго искал тебя, — вскрикнул Большой. — А ты... там, на кухне, с этим... тварь... грязная тварь. — И он снова ударил ее. — Я думал, ты будешь моей женщиной... моей матерью... а ты...

«Я буду, буду твоей матерью, — жалобно и неслышно простонала Виолетта. — Я хочу, я буду твоей женщиной».

Она попыталась поймать его руку, чтобы поглядить или поцеловать-остановить. Но новый удар отбросил ее голову назад так, что хрустнули позвонки. Виолетта потеряла сознание и полетела в черный колодез, стены были гладкими — не ухватиться, высоко вверху и далеко внизу разливалось чудное золотистое сияние. Виолетта подумала: как хорошо там, но где начало? Где конец? И где же в конце концов любовь? Она не может, не хочет пропасть, не узнав этого.

Чьи-то большие нежные руки подхватили ее, она доверчиво свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку. Тепло и уютно ей стало, как в материнском чреве. Всюду влажное, обволакивающее, вечное — и сверкнула догадка: неужто любовь?..

Голос Большого вырвал ее из блаженства. Он осторожно, обеими руками держал ее голову и шептал:

— Жена моя... Я молился на нее, стихи ей писал, боялся дотронуться, а она... Она со всеми моими друзьями уже переспала, а когда до меня дело дошло, все потешалась, прихорхатывала: у тебя такая замечательная штука, тебе не стишки писать, а... нужно... дурачок... И спала с каждым случайным мужчиной... У меня с тех пор никаких сексуальных претензий к женщинам не было...

«Как смешно он это сказал — сексуальных претензий. Но я буду, буду твоей женщиной, мой мальчик», — закричала Виолетта что было сил, но не услышала своего голоса.

Виолеттиной голове хорошо было в его больших и сильных руках, так бы и лежала. Но страх еще не отпустил ее, она знала — Большой может ее убить.

Любить или убить. Она всецело в его власти; какой выбор он сделает — такова будет ее судьба. И Виолетта тихо радовалась — наконец ей ничего не надо решать, наконец кто-то взял ее судьбу в свои руки. И, быть может, наконец все это скоро кончится — сама бы она никогда не решилась.

Пусть Большой убьет ее. Она готова.

Любить — убить. Все едино, ведь есть то влажное, обволакивающее, вечное, — она его вспомнила и больше не забудет.

«Я буду, буду твоей матерью, мой миленький, мой маленький».

Большой отпустил Виолеттину голову, и голова бессильно свесилась на грудь.

Виолетта теряла сознание, но уже не боялась этого, там ее ждало то влажное, вечное...

Руки Большого забегали по ее телу, неумело и нервно дергая крючки и пуговицы.

— Ну же, помоги мне, помоги, ты видишь, как я хочу тебя, — возбужденно шептал он.

«Сейчас, сейчас, миленький, я помогу, конечно, я буду любить тебя, и я не умру», — сдилась успокоить его Виолетта.

Сознание покидало ее, но она еще слышала голос Большого:

— Ну, сделай же что-нибудь, у меня ничего не получается, люби меня, — требовал он.

«Да, да, конечно, — засуетилась Виолетта и, собрав последние силы, прошептала: — Я буду, буду любить тебя, мой миленький, мой маленький, я люблю тебя».

Но Большой не услышал ее.

— Ну, люби же меня, сука, — проговорил он в яростном бессилии. — Люби!

Ах, как любить хочется.

ИСКУШЕНИЕ

1

Все из листвы: растения ли, платья...
Все из листвы! — когда-то опадет,
И мир вздохнет опавшей белой гладью,
И в красоте начнется забытье.

И в летописи прошлых листопадов
Хранятся вечно белые листья.
Спадает мрак, качается лампада
В косых лучах Рождественской звезды.

Все из листвы, я в трауре осеннем,
Век продолжает медленно расти,
И бледный Бог, похожий на спасенье,
Зовет к себе и требует... спасти.

2

Здесь день прошел,
и дождь прошел,
и я прошел,
и жизнь бежала...

Здесь снег спадал
с тебя, как шелк.

И, обнаженная, лежала
у ног прекрасная Онега.

Касание горячих тел.
И я хотел,

хотел,
хотел —
побольше снега,
снега,
снега —
на побережье алых губ,
на лебедя с глазами Зевса,
на серый бархатный лоскут,
прожженный заходящим сердцем.

3

Плывут по тающей реке
большие льдины.
За Туголесьем — вдалеке —
снега, седины.

Ты замерзаешь, ты дрожишь,
ты хочешь сжаться.
А я молю тебя, как жизнь, —
не уменьшаться.

Не уменьшаться ни на шаг,
чтоб, шаря в доме,
не мог ты место,
где — душа,
накрыть ладонью.

Тянулось время, влочась,
теряя звуки,
таким казался пятый час
одной разлуки.

Фосфорический солнечный след
Привыкал к луговому ковру.
Это здесь на прекрасном осле
Насреддин проезжал в Бухару.
Это здесь сладким голосом дынь
Пел церковное хор райских птах,
И пред римлянкой меркла латынь
На любых просвещенных устах.

Это здесь, в предыстории Млет,
В дождь, спугнувший над городом серн,
Красотой обреченный поэт
На бессмертье позвал Анну Керн.
Это здесь, где-то рядом с душой,
Нежным персиком вылился факт...

Не зови мою музу ханжой.
В наше время все было не так.
Или мы были где-то не там,
Или чувства пеклись не о том,
Но земные черты наших дам
Не сливались с чертами мадонн.

Это там, уходящее в ил, время,
Плеск карасевых хвостов,
И начало строки: «Я Вас бил...»
И красивая подпись — Рубцов.
Это там, где-то в мире ином,
Где из музыки делают плеть,
Где стихи заливают вином,
Где труднее понять, чем раздеть.

Только, в спину врезаясь, смешки
Подгоняют кровавой вожжой.

*Я ношу под глазами мешки —
Это там, где-то рядом с душой.
Это там, где был солнечный след,
Разорвав заколдованный круг,
Я, трясясь на последнем осле,
Триумфально въезжал в Бухару.*

*Я налью Вам из мутной реки —
Заблуждают незримые взвеси,
От любви оторвались грехи —
Так бывает со всем, что не весит.*

*Так бывает со всем, что жило
Разлученно, темно и порочно...
Дождь прошел по земле тяжело,
Значит, в небе опять все не прочно.*

*Вам великая жажда дана
В наказание за дерзкие жесты.
Я как муть поднимаюсь со дна —
В круглом зеркале с профилем женским.*

*Так бывает, наверно, в гостях —
Вы одна, Вас на всех разменяли.
День убит! — но убицу простят.
Вечер смят! — но не Вы же его смяли?!*

*Ночь текла, и река не спала,
А в бокале вся суть ее сжалась.
Так бывает — я бью зеркала,
На которых любовь отражалась.*

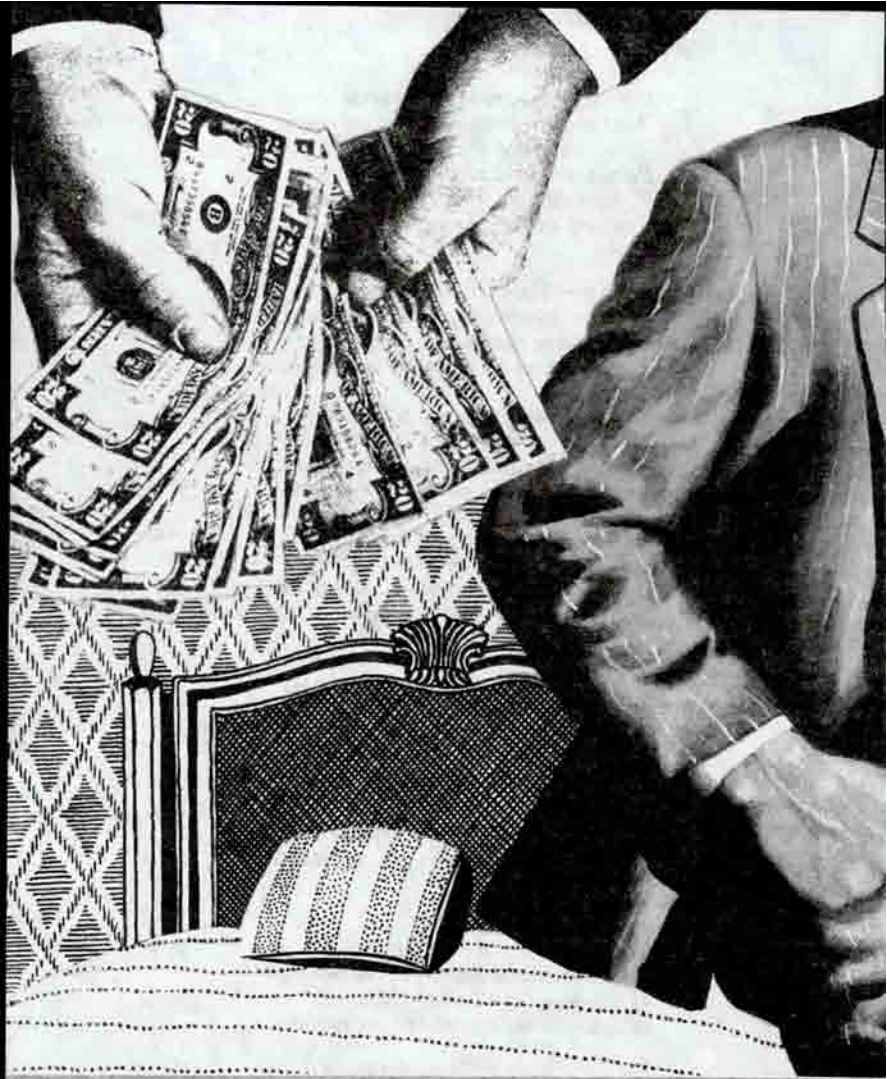
АЛКОНОСТ

*Ты утешь ее, Боже, утешь
Ренессансным мазком Леонардо,
И святое семейство надежд
Намалюй на ступенях ломбарда.*

*После яркой лубочной мазни,
После жизни под спудом и в рострах,
После глупой семейной грызни,
Дай ей Бог подстрелить алконоста.*

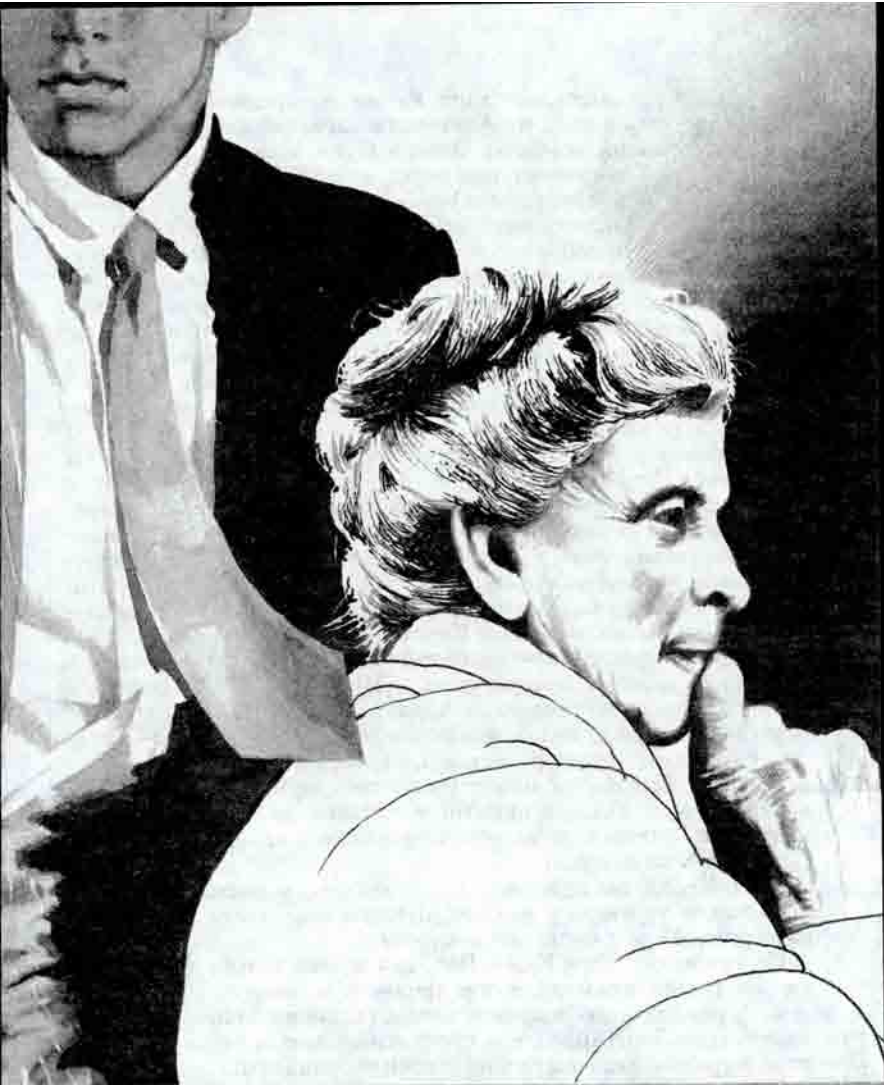
*Дай удачной охоты на миф,
Чтобы, грудь раздирая когтями,
Был поэтом ей падальщик-гриф,
И судьбою — инопланетянин.*

*Ты убей ее, Боже, убей,
Чтоб не знала любви потаскухи,
Чтобы память не стала тупей,
А душа не издохла от скуки.*

ЭЛЛЕРИ КУИН

СЕМЬ

КОТОР

Рисунок
АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

Н ад дверью магазина мисс Керли по продаже комнатных животных и птиц на Амстердам-авеню мелодично звякнул колокольчик, и мистер Эллери Куин, сморщив нос, вошел внутрь. Едва переступив порог, он возблагодарил судьбу за то, что она не наградила его большим носом, и за то, что он, проявив элементарную предосторожность, успел сморщить его. По разнообразию и силе запахов, наполнявших помещение, оно вполне могло соперничать даже с нью-йоркским зоопарком. Это тем более удивительно, что здесь, как мог убедиться мистер Куин, были собраны лишь очень небольшие животные. Тем не менее его появление вызвало такую какофонию звуков — визг, лай, рычание, писк, кошачьи вопли, чириканье и шипение, что поистине удивительно, как только потолок не рухнул.

— Добрый день, — услышал он чистый, звонкий голос. — Я мисс Керли. Что вам угодно?

И посреди этого беснующегося бедлама Куин увидел устремленную на него пару прелестных живых глаз. Разумеется, заметил он не только глаза, у девушки была точеная фигурка и очаровательные ямочки на щеках, личико ее обрамляла масса золотисто-каштановых волос, но именно глаза привлекли особое внимание Эллери. Покраснев, мисс Керли повторила свой вопрос.

— Прощу прощения, — поспешно ответил Эллери, переходя к делу, ради которого пришел сюда. — Насколько я могу судить, в этом царстве четвероногих и пернатых не существует прямой зависимости между силой легких его обитателей и их э-э... запахом, с одной стороны, и размерами, с другой. Ну что же, век живи, век учись! Мисс Керли, не мог бы я приобрести у вас не слишком шумного, обладающего приятным запахом песика с вьющейся шерсткой, чуткими полустоячими ушками и характерно изогнутыми задними лапами?

Мисс Керли нахмурилась. К сожалению, в настоящее время ирландских терьеров у нее нет. Щенков последнего помета уже разобрали. Может быть, шотландский...

Но тут нахмурился Куин. Нет, ему нужен только ирландский терьер. Никакая замена, к сожалению, невозможна.

— Я предполагаю получить завтра сведения из псарен, расположенных в Лонг-Айленде, — профессиональным тоном сообщила мисс Керли. — Если вы оставите свои координаты...

Продолжая глядеть в глаза молодой женщине, Куин заявил, что сделает это с превеликим удовольствием. Получив блокнот и карандаш, он поспешил записать свое имя и адрес.

Едва мисс Керли увидела имя своего посетителя, как маска деловой женщины исчезла с ее лица.

— Неужели вы тот самый мистер Эллери Куин! — воскликнула она с восторгом. — Боже, я столько слышала о вас. И живете вы совсем рядом, прямо за углом на Восемьдесят седьмой улице. Просто потрясающе. Я и думать не могла, что встречу...

— Я тоже, — пробормотал мистер Куин. — Я тоже.

Мисс Керли снова покраснела и машинально поправила прическу.

— Одна из моих лучших клиенток живет прямо напротив вас,

мистер Куин. Можно сказать, моя постоянная клиентка. Возможно, вы знакомы с ней. Некая мисс Таркл, Юфимия Таркл. Она живет в том большом многоквартирном доме, знаете?

— Не имею чести, — рассеянно проговорил Куин. — Какие у вас удивительные глаза! Так вы говорите... Юфимия Таркл? Да, наш мир полон удивительных совпадений. Эта дама так же нелепа, как и ее имя?

— О, вы несправедливы, — строго произнесла мисс Керли. — Хотя бедная старушка в самом деле весьма странное создание. Старушка с личиком белочки, к тому же она парализована, бедняжка. Маленькая, худенькая, весьма странная старушка. Можно даже сказать, немного чокнутая.

— Должно быть, держит каких-нибудь домашних животных, — предположил Куин, беря с прилавка свою трость. — Кошек, наверно?

— Как вы догадались, мистер Куин?

— Да уж эти кошки повсюду, — мрачно ответил Куин. — Буквально повсюду.

— Я уверена, что она вас заинтересует, — горячо произнесла мисс Керли.

— А почему именно меня, Диана?

— Меня зовут Мэри, — застенчиво ответила мисс Керли. — Дело в том, что она весьма странный человек, а, насколько я понимаю, странные люди как раз вас и интересуют.

— В настоящее время, — поспешил заявить Куин, тверже сжимая свою трость, — я наслаждаюсь приятным ничегонеделанием.

— Но известно ли вам, в чем заключается странность ее поведения, странность, которая едва ли не граничит с безумием?

— Не имею ни малейшего понятия, — чистосердечно признался Куин.

— Уже в течение многих недель она покупает у меня кошек, по одной в неделю!

Куин вздохнул.

— Не вижу в этом ничего особенно подозрительного. Больная, старая дама, страсть к кошкам... о, это не такой уж редкий случай, уверяю вас. У меня самого была тетушка, которая обожала кошек.

— Но самое странное здесь заключается в том, что она не любит кошек! — с торжеством в голосе воскликнула мисс Керли.

Куин дважды мигнул и посмотрел на небольшой изящный носик мисс Керли. Потом снова рассеянно опустил трость на прилавок.

— А откуда вам это, извините, известно?

Мисс Керли просияла.

— Мне рассказала об этом ее сестра. Замолчи, Рыжик! Видите ли, мисс Таркл совершенно беспомощна, поэтому хозяйство в доме ведет ее сестра Сара-Энн. Они приблизительно одного возраста и очень похожи. Сухонькие старушки с одинаковыми мелкими чертами лица. Обе очень напоминают белочек. Так вот, мистер Куин, примерно около года назад ко мне в магазин пришла Сара-Энн и купила черного кота. Денег у нее было немного, и потому она не могла купить дорогое породистое живот-

ное. Ну я и подобрала для нее совершенно обычного кота.

— Она просила у вас именно черного кота?

— Нет, просто кошку, она их всех любила. Буквально через несколько дней она снова пришла сюда. Хотела узнать, может ли вернуть кота и получить назад свои деньги. Объяснила это тем, что ее сестра Юфимия не выносит кошек. Юфимия просто терпеть не может кошек, сказала она мне со вздохом, а так как она живет у Юфимии, то, естественно, должна считаться с ее капризами. Мне стало ее жалко, и я согласилась взять кота назад, но она, судя по всему, передумала или, возможно, передумала ее сестра, так как Сара-Энн Таркл больше ко мне не пришла. Именно так я и узнала, что мисс Юфимия не любит кошек.

Куин задумчиво почесал подбородок.

— Странно,— пробормотал он.— Чрезвычайно странно. Вы говорите, что Юфимия покупает у вас последнее время по одному коту в неделю? А что это за коты, мисс Керли?

Молодая женщина вздохнула.

— Самые заурядные. Так как денег у Юфимии куры не клюют, по крайней мере так утверждала Сара-Энн, я попробовала продать ей ангорскую кошечку, у меня была одна, просто красавица, и мальтийскую — она получила приз на выставке. Но мисс Юфимия отказалась. Ей нужны были совершенно обыкновенные коты, такие, как тот, которого купила ее сестра. Черные.

— Черные?.. А возможно, что... она...

— О, мне кажется, она абсолютно не суеверна, мистер Куин. Но она, безусловно, очень странная старая особа. Представьте, черные коты с зелеными глазами, и все одного размера. Разве это не удивительно?

Ноздри Куина затрепетали, но виной тому был отнюдь не запах, наполнявший помещение магазина. Его явно заинтересовала старая больная дама, которая еженедельно приобретала котов с зелеными глазами.

— Действительно, чрезвычайно странно,— пробормотал он, и его серые глаза сузились.

— Ага, вы в самом деле заинтересовались? Это продолжается уже пять недель, мистер Куин. Я сама буквально на днях отвезла ей шестого.

— Сами? Значит, она парализована?

— О, да. Она не встает с постели, ни шага не может сделать. Она сообщила мне, что больна уже десять лет. И все это время, с тех пор как с ней случился удар, Сара-Энн живет вместе с ней. Ведь Юфимия совершенно беспомощна. Она полностью зависит от сестры — та готовит еду, купает ее, меняет бе... словом, ведет все хозяйство.

— Так почему же она не присылала сестру за кошками? — поинтересовался Элери.

Мисс Керли отвела в сторону глаза.

— Не знаю. Иногда мне становится страшно. Она всегда звонила мне по телефону, когда хотела, чтобы я привезла ей очередного кота, — аппарат стоит на столике рядом с постелью, а руками она более или менее владеет. И всегда заказ был один и тот же — черный кот с зелеными глазами, того же размера, что и прежде, и

как можно дешевле. — Приятные черты лица мисс Керли исказила легкая гримаска. — Надо сказать, мисс Юфимия Таркл весьма прижимистая особа.

— Это фантастично, — задумчиво произнес Куин, — просто фантастично. Боюсь, как бы здесь... А скажите мне, как реагировала ее сестра, когда вы привозили котов?

— Тихо, Рыжик. На этот вопрос я не могу вам ответить, мистер Куин, потому что ее в то время дома не было.

Эллери вздрогнул.

— Не было? Но как же так? По-моему, вы мне говорили, что Юфимия беспомощна...

— Это действительно так, но каждый день Сара-Энн выходит из дома немного прогуляться или в кино, как я понимаю, так что ее сестра на несколько часов остается одна. Видимо, в это время она мне и звонила. Опять же она всякий раз говорила мне, когда я должна к ней приехать, и так как я ни разу не видела Сару-Энн, полагаю, Юфимия сохраняла покупки втайне от нее. Я могла войти в квартиру, так как Сара-Энн, отправляясь на прогулку, оставляла дверь незапертой. Юфимия неоднократно предупреждала меня, чтобы о котах я не сообщала ни одной живой душе.

Эллери снял пенсне и стал протирать блестящие линзы, что всегда являлось неоспоримым признаком волнения.

— Дело становится все более запутанным, — пробормотал он. — Мисс Керли, я боюсь, что все это действительно весьма серьезно.

Мисс Керли побледнела.

— Вы думаете...

— Что-то уже случилось? Да, я так думаю. А как иначе вы сможете объяснить тот факт, что Юфимия надеялась сохранить в тайне от сестры приобретение котов? Ведь Сара-Энн отнюдь не слепая?

— Слепая? Разумеется, нет. И у Юфимии со зрением все в порядке.

— Да нет, я просто пошутил. Так вот, мисс Керли, все это в самом деле крайне любопытно.

— Ну вот, наконец-то и мне удалось задать загадку знаменитому мистеру Куину... Я позвоню вам, как только получу сведения об ирланд...

Эллери Куин снова надел пенсне, расправил широкие плечи и взял в руки трость.

— Дело в том, мисс Керли, что я обожаю совать нос в дела других людей. В этом смысле я совершенно неисправим. Может быть, вы составите мне компанию, и мы займемся делом сестер Таркл вместе?

Мисс Керли густо покраснела.

— Вы не шутите? — воскликнула она.

— Ничуть.

— Конечно же, я согласна! Что я должна делать?

— Для начала отведите меня к сестрам Таркл и представьте как своего клиента. Предположим, вы скажете Юфимии, что на днях по ошибке продали ей кота, который был предназначен для меня, а я, как истый любитель кошек, не согласен взять никакое другое животное. Так что вы хотите забрать у нее этого кота, а

взамен доставите ей другого. Можете придумать что угодно, лишь бы я получил возможность увидеть ее и поговорить с нею. Сейчас как раз полдень, так что, возможно, Сара-Энн сидит в каком-нибудь кинотеатре и тихо млеет, созерцая на экране Кларка Гейбла. Что вы на это скажете?

Мисс Керли одарила его восхитительной улыбкой.

— Я просто поверить не могу, что мне так повезло. Подождите, пожалуйста, минуту, я только попудрюсь и распорядюсь, чтобы кто-нибудь подменил меня в магазине. Я ни за что не соглашусь пропустить такое приключение!

Несколько минут спустя они уже стояли перед дверью в квартиру 5-с в довольно обветшавшем здании на Восемьдесят седьмой улице и молча смотрели на две большие бутылки молока, оставленные рассыльным в коридоре. На лице мисс Керли была написана тревога. Куин нагнулся. Когда он выпрямился, на лице у него тоже промелькнуло беспокойство.

— Вчерашнее и сегодняшнее, — пробормотал он и, подойдя к двери, повернул ручку. Дверь была заперта. — Мне показалось, вы сказали, что, уходя, Сара-Энн всегда оставляет дверь незапертой?

— Может быть, она там, в квартире, — неуверенно проговорила мисс Керли, — или, если ушла, то случайно захлопнула дверь?

Эллери нажал на кнопку звонка. Никто не отозвался. Он позвонил еще раз. Потом громко позвал:

— Мисс Таркл, вы здесь?

— Непонятно, — с нервным смешком заметила мисс Керли. — Она не может не слышать вас. В квартире всего три комнаты, а спальня и гостиная расположены прямо по обеим сторонам маленькой прихожей, сразу за дверью. И до кухни всего несколько шагов.

Эллери позвал снова, на этот раз во весь голос. Потом прижался ухом к дверной панели. Холл, в котором они находились, уже давно нуждался в ремонте, краска на двери облупилась.

Необыкновенные глаза мисс Керли выражали неподдельный ужас.

— О Боже, мистер Куин, по-моему случилось что-то ужасное!

— Давайте поищем зрителя, — тихо сказал Эллери.

На одной из дверей нижнего этажа висела металлическая табличка, на которой было написано «Поттер, смотритель».

Мисс Керли взволнованно дышала приоткрытым ртом. Эллери нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла толстая женщина. Ее голые мощные длани были покрыты мыльной пеной. Она вытерла красные руки о грязный фартук, поправила выбившуюся седую прядь.

— Слушаю вас, — нетерпеливо произнесла она.

— Миссис Поттер?

— Она самая. У нас нет свободных квартир. Если бы вы спросили привратника, он бы...

Мисс Керли покраснела. Эллери поспешно произнес:

— Мы не ищем квартиру, миссис Поттер. Ваш муж дома?

— Нет, его нет, — ответила она, разглядывая их с недоумением. — Он подня на химическом заводе в Лонг-Айленд Сити

работает и никогда не приходит домой раньше трех часов. А что вы хотите?

— Я уверен, вы тоже сумеете нам помочь, миссис Поттер. Эта молодая дама и я никак не можем достучаться в квартиру 5-с. Дело в том, что мы пришли навестить мисс Таркл.

Женщина нахмурилась.

— А разве дверь не открыта? Обычно в это время она никогда не запирается. Та, что пряткая, наверное, ускакала, но парализованная...

— Дверь заперта, миссис Поттер, а на звонки и наши крики никто не отвечает.

— Странно,— пронзительным голосом заговорила женщина, рассматривая мисс Керли.— Просто непонятно... ведь мисс Юфимия калека, она никогда не выходит из дому. Может быть, бедняжка в обмороке?

— Будем надеяться, что нет. Когда вы в последний раз видели мисс Сару-Энн?

— Пряткую-то? Дайте-ка вспомнить. Ну да, два дня назад. Кстати, и парализованную я тоже уже два дня не видела.

— Боже,— прошептала мисс Керли, вспомнив о двух бутылках молока.— Целых два дня!

— Но время от времени вы видите мисс Юфимию?

— Да, сэр.— Красные руки миссис Поттер проделывали такие движения, будто она продолжала выжимать белье над корытом.— Иногда днем, когда ее сестры нет дома, она звонит мне по телефону, если ей надо вынести что-то в мусоросжигательную печь или еще что-нибудь понадобится. Вот на днях я отправила письмо, которое она мне передала. Мне... мне иногда перепадает от нее кое-что. Но вот уже два дня...

Эллери сунул руку в карман и, зажав какой-то предмет в ладони, поднес его к усталым глазам женщины.

— Миссис Поттер,— сурово произнес он,— мне необходимо попасть в эту квартиру. Там произошло что-то неладное. Дайте мне ваш ключ.

— П-п-полиция! — выдохнула она, заикаясь и испуганно глядя на полицейский значок, зажатый в ладони Эллери.— О Боже, как бы я хотела, чтобы мистер Поттер был здесь! — плаксивым голосом воскликнула она.— Вы же не...

— И никому ни слова о том, что произошло, миссис Поттер.

Они оставили перепуганную женщину стоять с широко открытым ртом и снова поднялись на лифте на пятый этаж. От волнения у мисс Керли побледнели даже губы.

— Быть может, вам лучше не входить туда вместе со мной? — вставляя ключ в замочную скважину, любезно произнес Эллери.— Мы можем застать там не очень приятную картину.— Я...— Внезапно он замолчал и опустил ся на корточки.

За дверью определенно кто-то был.

Послышался шум шагов и какое-то шуршание, будто что-то тащили по полу. Эллери повернул ключ, а потом быстро крутанул ручку двери, мисс Керли тяжело дышала за его плечом. Дверь приоткрылась примерно на полдюйма, но дальше не пошла. Шаги удалялись.

— Забаррикадировали дверь,— пробормотал Эллери.— Отойдите-ка немного назад, мисс Керли.— Он отступил на шаг и с силой налег плечом на дверь. Раздался громкий треск, дверь распахнулась, и сломанное кресло повалилось на пол.

— Опоздали...

— Пожарная лестница! — вскрикнула мисс Керли.— В спальне. Налево!

Эллери вбежал в просторную комнату, где стояли две двуспальные кровати, и бросился к открытому окну. Но на пожарной лестнице никого не было. Он посмотрел вверх, железная лестница изгибалась и исчезала в нескольких футах над окном.

— Кто бы это ни был, боюсь, он уже на крыше,— сказал Эллери, отходя от окна и закуривая сигарету.— Хотите закурить? А теперь давайте-ка все осмотрим. Заметили что-нибудь интересное?

Мисс Керли указала дрожащим пальцем:

— Это ее... ее постель. Та, что смята. Но где она сама?

Другая кровать была аккуратно застелена кружевным покрывалом, постель же мисс Юфимии Таркл находилась в полном беспорядке — простыни сорваны, матрац распорот, подушки изорваны. Мисс Юфимия исчезла, лишь в центре матраца, где она лежала, осталось углубление.

Эллери неподвижно стоял, разглядывая кровать. Потом он обошел спальню, раскрывая двери шкафов, заглядывая внутрь и вновь закрывая их. Затем в сопровождении мисс Керли, которая не отставала от него ни на шаг и все время боязливо оглядывалась через плечо, заглянул в гостиную, на кухню, в ванную. Кроме них, в квартире не было ни души. И за исключением постели мисс Таркл, все было в полном порядке. Тем не менее на каждом предмете лежал какой-то мрачный отпечаток. Зловещую атмосферу еще больше подчеркивала поистине кладбищенская тишина, царившая в квартире. На полу, почти под кроватью, стоял поднос с остатками пищи, на нем же лежала посуда и приборы.

Мисс Керли зябко поежилась и придвинулась ближе к Эллери.

— Здесь так... так неудобно,— сказала она, облизывая губы.— Где же мисс Юфимия и ее сестра? И кто был тот... тот человек, который забаррикадировал дверь?

— Но что еще интереснее,— тихо произнес Эллери, глядя на поднос с едой,— где же семь черных котов?

— Се...

— Красавец, которого приобрела Сара-Энн, и шесть котов, купленных Юфимией. Где же они?

— Может быть, они выскочили из окна, когда этот тип...

— Может быть. Тем не менее пока мы не можем с уверенностью утверждать, что это был мужчина.— Он угрюмо оглядел комнату.— Если котики и выскочили, то произошло это буквально минуту назад, потому что оконный шпингалет сломан, а это значит, что до сих пор окно было закрыто и, следовательно, коты не могли...— Внезапно он замолчал и воскликнул, резко поворачиваясь:

— Кто там?

— Это я, — ответил робкий голос, и в прихожую неуверенно вошла миссис Поттер. Ее глаза были полны страха и любопытства. — А где?..

— Исчезли. — Эллери внимательно посмотрел на неряшливо одетую женщину. — Вы уверены, что не видели сегодня мисс Юфимию и ее сестру?

— Уверена. Я и вчера их не видела. Я...

— Последние два дня сюда не приезжала машина «скорой помощи»?

— О нет, сэр! Я понять не могу, как она отсюда исчезла. Она же шагу сама сделать не может. Если бы ее отсюда вынесли, кто-нибудь наверняка бы заметил. Уж привратник, во всяком случае. Я только что спрашивала его. Но никто ничего не видел...

— Мог ли ваш муж видеть кого-нибудь из них или их обеих в эти последние два дня?

— Нет, Поттер не мог. Он видел их позавчера вечером. Видите ли, сэр, Гарри немного подрабатывает, выполняя кое-какую работу в доме. Мисс Юфимия разговаривала с владельцем дома по поводу небольшого ремонта в ее квартире — оклейка, кое-какая малярная и плотницкая работа, но тот отказался. И вот примерно месяц назад она обратилась с предложением к Гарри. Мол, не согласится ли он потихонечку, втайне от владельца, сам выполнить эту работу. Правда, заплатить она обещала меньше, чем профессионалу. Поэтому теперь в свободное время, обычно вечерами, он работает у нее. Он у меня мастеровитый мужик, Поттер, и почти закончил работу. Красивые обои, правда? Поэтому он и видел мисс Юфимию позавчера вечером. — Внезапно в голову ей, судя по всему, пришла какая-то ужасная мысль. Она выпучила глаза и негромко вскрикнула.

— Я только что подумала... если с этой старухой что-нибудь случилось, нам же никто не заплатит... Вся эта работа... А потом еще домовладелец...

— Да, да, — нетерпеливо произнес Эллери. — А скажите мне, миссис Поттер, есть у вас в доме мыши или крысы?

Обе женщины были в явном недоумении.

— Ни тех, ни других нет, — медленно начала миссис Поттер. — К нам время от времени приезжают морить всякую гадость... — Тут все внезапно повернулись, услышав какой-то звук в прихожей.

— Войдите, — резко произнес Эллери и шагнул вперед. В дверях спальни показалось смущенное лицо какого-то молодого человека.

— Извините, — произнес незнакомец, неуверенно глядя на Эллери и обеих женщин. — Должно быть, я ошибся квартирой. Скажите, здесь живет мисс Юфимия Таркл?

Молодой человек был высок и худ как жердь. В лице у него было что-то лошадиное, волосы густые и рыжеватые. На нем был поношенный старомодного покроя костюм, в руках небольшой чемодан.

— Вы не ошиблись, — дружелюбно улыбнулся Эллери, — входите, входите. Могу я узнать ваше имя?

Молодой человек заморгал.

— Но где тетя Юфимия? Я Элиас Мортон-младший. Ее здесь нет? — Он озадаченно перевел взгляд своих небольших красноватых глазок с Эллери на мисс Керли.

— Вы сказали «тетя» Юфимия, мистер Мортон?

— Я ее племянник. Приехал сюда из Олбани. А где...

— Неожиданный визит, мистер Мортон? — вкрадчиво спросил Эллери.

Молодой человек снова заморгал. Он все еще держал в руках свой чемоданчик. Потом опустил его на пол и начал рыться в карманах. Наконец извлек оттуда довольно помятое и засаленное письмо.

— Я получил это несколько дней тому назад, — запинаясь, произнес он. — Я приехал бы раньше, но мой отец исчез куда-то, у него... Я не понимаю, в чем дело.

Эллери выхватил письмо из его вялых пальцев. Оно было нацарапано на листке обычной оберточной бумаги и вложено в дешевый конверт.

Бессильная старческая рука вывела кривые карандашные строчки. Эллери прочитал:

«Дорогой Элиас!

Я страшно давно не писала тебе, но теперь ты мне очень нужен, дорогой мальчик, ведь ты единственный мой родственник, к которому я могу обратиться в эту тяжелую минуту. Мне грозит смертельная опасность. Ты должен помочь своей бедной, больной и беспомощной тетке.

Приезжай немедленно! Ничего не говори своему отцу, да и вообще никому ничего не говори. Когда приедешь сюда, сделай вид, что это обычный визит. Прошу тебя, умоляю, не подведи меня. Пожалуйста, помоги мне!

Твоя любящая тетя Юфимия».

— Довольно примечательное послание, — нахмурился Эллери. — Написано человеком, явно находящимся в стрессовой ситуации, как вы считаете, мисс Керли? Настоящий крик души — «никому ничего не говори», а? Да, мистер Мортон, боюсь, что вы опоздали.

— Опозд... но... — Лошадиное лицо молодого человека побледнело. — Я пытался выехать сразу же, как только получил это, но мой отец исчез куда-то... у него, знаете ли, начался... очередной запой, и я не мог его найти. Боже, подумать только... — Зубы у него стучали.

— Это почерк вашей тетушки?

— Да, да, без сомнения.

— Ваш отец, насколько я понимаю, не является братом сестер Таркл?

— Нет, сэр. Моя бедная мама была их сестрой. — Мортон дрожащей рукой придвинул к себе стул. — Тетя Юфимия у-умерла? А где тетя Сара-Энн?

— Они обе исчезли. — Эллери коротко рассказал молодому человеку то, что ему удалось узнать. Тот был так потрясен, что, казалось, едва держался на ногах.

— Я... хм, расследую это дело в неофициальном порядке,

мистер Мортон. Не могли бы вы рассказать мне все, что знаете о ваших тетушках?

— Я знаю о них не очень м-много, — пробормотал Мортон. — Не видел их почти пятнадцать лет, я был тогда еще ребенком. Тетя Сара-Энн изредка писала мне, а от тети Юфимии я за все время получил всего два письма. Они никогда... Я не думал... Мне известно, что после инсульта у тети Юфимии появились какие-то странности. Тетя Сара-Энн писала мне об этом. У нее были деньги. Не знаю точно, сколько... их оставил ей мой дедушка, и тетя Сара-Энн писала, что она превратилась в настоящую скрягу. У тети Сары-Энн ничего не было, и ей пришлось жить вместе с тетей Юфимией и взять все заботы о ней на себя. Банкам тетя Юфимия не доверяла и, по словам тети Сары-Энн, прятала деньги где-то в доме, та даже не знала где: после удара она сделалась такой жадной, что даже докторов не вызывала. Тетя Сара-Энн писала мне, что они не ладят, постоянно ссорятся, и тетя Юфимия все время обвиняет ее в том, что она хочет украсть ее деньги. Ей приходилось очень несладко. Вот и все, что мне известно, сэр.

— Бедняжки, — пробормотала мисс Керли, на глаза ее навернулись слезы. — Какая жуткая жизнь! Я уверена, что мисс Таркл не могла...

— Скажите мне, мистер Мортон, — медленно протянул Эллери, — правда, что ваша тетушка Юфимия терпеть не могла кошек?

У молодого человека даже челюсть отвисла от удивления.

— Откуда вам это известно? Она их просто ненавидит. Тетя Сара-Энн много раз писала мне об этом. Это причиняло ей массу огорчений, потому что сама она просто обожает их, в своей кошке буквально души не чает, а это тетю Юфимию жутко раздражает, она сердится, ревнует. Думаю, они просто не ладили... не ладят между собой.

— Мне кажется, вы слишком нервничаете, мистер Мортон, — сказал Эллери. — Не исключено, что ваши тетушки отправились куда-то на отдых или, быть может, с визитом. — Однако блеск в его глазах не исчезал. — Почему бы вам не остановиться пока где-нибудь в отеле неподалеку отсюда? Я буду держать вас в курсе событий. — На листке, вырванном из записной книжки, он написал название и адрес отеля, расположенного на Семидесятой улице, и сунул его во влажную ладонь Мортон. — Не волнуйтесь. Я дам вам знать. — И он подтолкнул ошарашенного молодого человека к дверям. Несколькими секундами позже они услышали лягз закрывающейся металлической двери лифта. — Классический образец провинциального племянника, — произнес Эллери. — Мисс Керли, позвольте мне еще раз полюбоваться вашим прелестным личиком теперь, когда вы успокоились. Нет, все-таки вы непозволительно хороши. — Он потрепал ее по щеке, нахмурился, поколебался мгновение и направился в ванную. Мисс Керли снова покраснела и быстро последовала за ним, бросив еще один опасливый взгляд через плечо.

— В чем дело? — услышала она резкий окрик Эллери. — Миссис Поттер, перестаньте... Боже всевышний!

— Что случилось? — вскрикнула мисс Керли, устремляясь в ванную.

Миссис Поттер с широко открытым ртом стояла перед ванной. Ее мощные длани были покрыты гусиной кожей. Издавая какие-то нечленораздельные звуки, она закатила глаза, а потом неожиданно выскочила из квартиры.

— О Боже, — произнесла мисс Керли и прижала руку к груди. — Это... это просто чудовищно!

— Чудовищно, — мрачно подтвердил Эллери, — чудовищно, но зато кое-что начинает проясняться. Когда я первый раз заглянул сюда, я не догадался посмотреть ванну. Думаю... — Он нагнулся над ванной. В его голосе и глазах больше не было иронии, лишь какая-то мрачная настороженность. Оба они замолчали. Вид любой смерти настраивает человека на минорный лад. В ванне, в луже собственной крови, безвольно раскинув лапки, лежал черный кот. Это было довольно крупное животное с блестящей шерсткой и зелеными глазами. Вне всяких сомнений, он был мертв. Голова его была разможена, кости в нескольких местах переломаны. На стенках ванны засохли сгустки крови. Орудие, которое использовала чья-то безжалостная рука, лежало тут же — щетка для чистки ванной с тяжелой ручкой, запятнанной кровью.

— Итак, загадка исчезновения по крайней мере одного из семи котов решена, — пробормотал Эллери, выпрямляясь. — Забит до смерти щеткой. Судя по всему, произошло это не так уж давно, самое позднее вчера. Мисс Керли, мы имеем дело с очень опасным преступлением.

У мисс Керли, однако, первый шок от увиденного уступил место гневу, и она вскрикнула:

— Человек, который мог так зверски убить бедную киску, просто зверь, настоящий зверь! — Ее прекрасные глаза полыхали праведным гневом. — Эта ужасная старуха...

— Не забывайте, — вздохнул Эллери, — что она не может сделать и шагу. — Так, — произнес он немного спустя, откладывая в сторону свой изящный, но вместительный карманный набор необходимых ему инструментов. — Дело становится все более любопытным, мисс Керли. Как вы думаете, что я здесь обнаружил?

Они снова вернулись в спальню и стояли, наклонившись над подносом, который Эллери установил на ночном столике, находившемся между кроватями сестер. Мисс Керли вспомнила, что во время предыдущих визитов она видела этот поднос на постели мисс Таркл или на столике. Парализованная старуха, едва шевеля бледными губами, объяснила ей, что в последнее время она стала есть одна. Теперь было ясно, что отчуждение между нею и Сарой-Энн достигло той стадии, когда примирение невозможно.

— Я видела, как вы возились с каким-то порошком и...

— Я снимал отпечатки пальцев. — Эллери загадочно посмотрел на нож, вилку и ложку, лежавшие на подносе. — Мой набор иногда здорово выручает меня. Вы видели, как я проводил дактилоскопическую экспертизу столового серебра. Как вам кажется, Юфимия пользовалась этими приборами во время своей трапезы?

— Разумеется, — нахмурила брови мисс Керли. — Вы же видите, к ножу и вилке пристали засохшие остатки пищи.

— Именно. И как вы заметили, ручки ножа, вилки и ложки не покрыты гравировкой — просто гладкая серебристая поверхность. На них должны были остаться отпечатки пальцев. — Он пожал плечами. — Между тем их нет.

— Но как же, мистер Куин? Как это может быть?

— Кто-то стер с приборов отпечатки пальцев. Странно, да? — Эллери рассеянно закурил сигарету. — Но попробуем поразмыслить. Это поднос Юфимии Таркл, это ее еда, ее тарелки, ее столовые приборы. Известно, что она ест в постели и в одиночестве. Но если приборами пользовалась одна лишь Юфимия, то кто же стер отпечатки пальцев? Она сама? Но зачем ей это понадобилось? Кто-то другой? Но зачем этому человеку понадобилось стирать отпечатки пальцев Юфимии? Ведь то, что они там находились, вполне естественно. Значит, кроме отпечатков Юфимии, там были еще чьи-то отпечатки, именно потому-то приборы и протерли. Следовательно, кто-то еще прикасался к приборам Юфимии. С какой целью? Я начинаю кое о чем догадываться, — крайне мрачно произнес Эллери. — Мисс Керли, не согласитесь ли вы оказать услугу Правосудию?

Заволнованная мисс Керли сумела лишь кивнуть. Эллери стал заворачивать в бумагу остатки еды с подноса.

— Отвезите это доктору Сэмюэлу Праути. Вот его адрес. И попросите сделать для меня анализ остатков пищи. Подождите, пока он не даст письменное заключение, а потом возвращайтесь сюда. Попытайтесь пройти незамеченной.

— Значит, пища!

— Пища.

— Вы полагаете, что она была...

— Времени для предположений у нас почти не осталось, — ровным голосом ответил Куин.

Когда мисс Керли ушла, он в последний раз внимательно осмотрел комнату, даже в пустые шкафы заглянул, потом, решительно сжав губы, запер за собой входную дверь, положил ключ, который дала ему миссис Поттер, в карман, спустился на первый этаж и позвонил в звонок над дверью квартиры Поттеров.

Дверь открыл невысокий коренастый человек с грубыми чертами мясистого лица; он был в шляпе, сдвинутой на затылок. За ним Эллери увидел физиономию возбужденной миссис Поттер.

— Это полицейский! — пронзительно вскрикнула миссис Поттер. — Гарри, прошу тебя, не вмешивайся в это дело...

— А, так вы детектив, — проворчал хозяин, не обращая внимания на жену. — Я здесь смотрителем, меня зовут Гарри Поттер. Я только что вернулся с завода, и жена мне сказала, что в квартире сестер Таркл произошло что-то неладное. Бога ради, что же там случилось?

— Ну-ну, не волнуйтесь, Поттер, оснований для паники нет никаких, — произнес Эллери. — Но я рад, что застал вас дома. Мне крайне необходима кое-какая информация. Возможно, вы сумеете мне ее предоставить. Скажите, в последнее время вы или ваша жена не находили в доме или поблизости мертвых кошек?

У Поттера отвисла челюсть, а жена его даже закудахтала от удивления.

— Это чертовски странно, но мы действительно находили. Миссис Поттер сейчас рассказала мне, что убитую кошку нашли в квартире 5-с... Мне и в голову не приходило, что старые дамы могли...

— Где вы их обнаружили и сколько их было? — резко спросил Эллери.

— В подвале, в мусоросжигательной печи.

Эллери хлопнул себя по ляжке.

— Ну, конечно, какой же я идиот! Теперь все понятно. Значит, в мусоросжигательной печи? Их было шесть, Поттер, верно?

Поттер открыл рот от изумления.

— Откуда вам это известно, скажите мне, Бога ради?

— Мусоросжигательная печь, — пробормотал Эллери, покусывая нижнюю губу. — Значит, остались кости, черепа?

— Да, — ответил все еще озадаченный Поттер. — Я сам их обнаружил. Я ведь каждое утро чищу эту печь, выгребая оттуда пепел. Шесть кошачьих черепов и целая куча мелких костей. Я скандалил с жильцами, пытался узнать, какой идиот спустил их в мусоропровод, но никто, конечно, не сознался. Все это случилось не в один день, конечно. Тянулось, наверное, недели четыре-пять. Я обнаруживал по одной кошке приблизительно в неделю. Паршивые кретины. Попались бы они мне...

— Вы уверены, что их было именно шесть?

— Уверен.

— И больше ничего подозрительного?

— Нет, сэр, ничего.

— Благодарю вас. Не думаю, что у вас будут еще какие-нибудь неприятности. Полагаю, вам лучше всего забыть об этом происшествии. — Эллери сунул в руку смотрителю банкноту и вышел в вестибюль. Оттуда направился по ступенькам вниз в подвал. Пять минут спустя он уже вновь тихонько открывал дверь квартиры 5-с.

Когда к концу дня мисс Керли подошла к дверям квартиры 5-с, они были заперты. За дверью она услышала негромкий голос Эллери, потом щелчок телефонного аппарата. Успокоившись, она нажала на кнопку звонка. Эллери сразу же открыл дверь, втянул ее внутрь, снова бесшумно запер дверь и провел ее в спальню, где она устало опустилась на стул палисандрового дерева с выражением горького разочарования на хорошеньком личике.

— Ну, коллега, как успехи? — улыбнулся он.

— Вы будете жутко разочарованы, — хмуро ответила мисс Керли. — Мне очень жаль, что я не смогла быть вам полезной...

— Что сказал доктор Праути?

— Ничего обнадеживающего. Мне понравился ваш доктор Праути, хотя он и именуется судебным медицинским экспертом или чем-то в этом роде и носит жуткую маленькую шапочку в присутствии дамы, но его заключение меня разочаровало. Он утверждает, что не обнаружил ничего особенного в остатках пищи, которые вы ему прислали для анализа. Она немного испорчена в результате долгого хранения, но в основном совершенно доброкачественна.

— Ай-ай-ай, какое несчастье! — весело воскликнул Эл-лери. — Выше голову! Лучших известий вы мне принести не могли.

— Лучших изве... — удивленно начала мисс Керли.

— Все это отлично вписывается в мою теорию. Подходит тютелька в тютельку, как лифчик, спитый на заказ для Мэрилин Монро. — Он пододвинул мисс Керли стул и сел сам, повернувшись к ней лицом.

— Кстати, никто не видел, как вы сюда вернулись?

— Я потихоньку проскользнула в подвал и оттуда поднялась на лифте. Уверена, что никто меня не видел. Но я не понимаю...

— В высшей степени похвально. Полагаю, что у нас есть немного времени для беседы, и могу поделиться с вами своими соображениями. Пока вас здесь не было, я предался размышлениям и, думаю, пришел к весьма интересным выводам. — Эллери закурил и лениво скрестил ноги. — Мисс Керли, я уверен, что вы обладаете здравым смыслом и свойственной женщинам способностью проникать в чувства других людей. Скажите мне, зачем понадобилось состоятельной, почти полностью парализованной даме тайком за пять недель приобрести целых шесть котом?

Мисс Керли пожала плечами.

— Я же говорила вам, что не могу понять. Для меня это полная загадка.

— Ну, не может быть, чтобы у вас совсем уж не было никаких догадок. Хорошо, попробую вам кое-что подсказать. Ну, к примеру, если какая-то эксцентричная особа приобретает такое количество кошек за столь короткое время, естественно предположить, что она занимается вивисекцией, то есть опытами над животными. Но сестер Таркл вряд ли можно отнести к разряду ученых. Значит, это отпадает. Вам понятен ход моей мысли?

— О, да, — напряженно глядя на него, ответила мисс Керли. — Я понимаю, что вы имеете в виду. Кошки не нужны были Юфимии также и для компании, ведь она ненавидит их, верно?

— Совершенно верно. Может быть, она приобрела их для борьбы с мышами? Тоже нет, ибо миссис Поттер утверждает, что в этом доме не водятся ни мыши, ни крысы. Для спаривания? Едва ли: ведь у Сары-Энн был кот, и Юфимия тоже приобретала одних котом. Кроме того, у них не было родословных, а какой же смысл разводить беспородных животных?

— Может быть, она покупала их, чтобы подарить кому-нибудь? — нахмурилась мисс Керли. — Это вполне возможно.

— Возможно, но я полагаю, что это не так, — сухо ответил Эллери. — Я опираюсь на факты. Итак, смотритель обнаружил скелеты шести кошек в пепле мусоросжигательной печи, а еще одного мертвого кота мы нашли здесь в ванной. Мы перебрали с вами все более или менее вероятные варианты. Может быть, у вас есть какие-нибудь другие, более необычные и фантастичные?

Мисс Керли побледнела.

— Не из-за их меха?

— Bravo! — со смехом воскликнул Эллери. — Это достаточно фантастичная догадка. Но нет, не из-за меха. Я не обнаружил в квартире никаких шкур. И, кроме того, кто бы ни убил кота,

который лежит в ванне, шкуру с него никто не содрал. Думаю также, что мы можем исключить и еще более фантастичную теорию, согласно которой эти коты были предназначены в пищу, среди цивилизованных людей такие случаи крайне редки. Может быть, Юфимия желала напугать свою сестру? Едва ли. Ведь Сара-Энн привыкла к кошкам и любит их. Для того, чтобы она зацарапала ее до смерти? Но в этом случае у нее должны быть отравленные когти, к тому же она с таким же успехом могла оцарапать и саму Юфимию. И зачем шесть кошек? Быть может, она хотела использовать их как, э-э... ну, что ли, проводников в вечной тьме? Но Юфимия ведь не слепая, кроме того, она же не встает с постели. Ну, можете вы предположить что-нибудь еще?

— Но ведь все, что вы сейчас перечислили, совершенно неправдоподобно и просто смехотворно!

— Зачем же так пренебрежительно относиться к моим логическим построениям? Быть может, эти версии и смехотворны, однако не следует пренебрегать рассмотрением даже самых абсурдных вариантов, хотя бы лишь для того, чтобы их исключить.

— У меня есть еще одна версия, которую вряд ли можно назвать абсурдной, — вдруг сказала мисс Керли. — Обычная ненависть. Юфимия ненавидела кошек. После того, как тронулась рассудком, она, я полагаю, покупала их лишь с садистской целью уничтожить.

— Исключительно черных котов одного размера с зелеными глазами? — Элери покачал головой. — Вряд ли ее мания носила столь избирательный характер. Кроме того, она ненавидела кошек и до того, как Сара-Энн купила у вас кота. Нет, мисс Керли, на мой взгляд, здесь есть лишь один возможный вариант. — Элери вскочил со стула и принялся мерить комнату быстрыми шагами. — И этот единственный вариант подтверждается фактами... Юфимия приобретала кошек с целью защиты.

— Защиты? — Мисс Керли широко раскрыла глаза. — Но, мистер Куин, как это может быть? Для защиты обычно приобретают собак, а не кошек.

— Я имею в виду не такую защиту, — нетерпеливо произнес Элери. — В данном случае речь идет о попытке сохранить свою жизнь с помощью животных, к которым эта особа испытывала инстинктивную неприязнь и потому ничуть их не жалела. Это действительно жуткое дело, Мэри. Со всех точек зрения. Юфимия Таркл испытывала страх. Чего она боялась? Что ее убьют с целью завладеть ее деньгами. Это явствует из письма племяннику, Мортону. Опасения подкрепляются и такими факторами, как неоспоримая жадность, недоверие к банкам и неприязнь к собственной сестре. Каким образом кошка могла служить защитой против предполагавшегося убийства?

— Яд! — воскликнула мисс Керли.

— Именно. Она использовала кошку для того, чтобы узнавать, есть ли в поданной ей пище яд. Вот вам и возвращение в средние века! Есть ли у нас какие-нибудь доказательства, подтверждающие это? Их множество. Последнее время Юфимия ела в одиночестве, это свидетельство того, что ей необходимо было что-то сде-

лать тайком от всех. Затем за короткий срок она приобрела у вас пять кошек. Почему? Очевидно, потому, что каждая приобретенная кошка выполнила ту функцию, ради которой и была приобретена. Все они отведали пищу, предназначенную для их хозяйки, и все приказали долго жить. Все были отравлены. Поэтому ей и приходилось каждый раз заказывать новую кошку. Конечный итог — шесть кошачьих скелетов в мусоросжигательной печи.

— Но она ведь не могла ходить, — запротестовала мисс Керли. — Как же она сумела избавиться от трупов животных?

— Думаю, это делала для нее ничего не подозревавшая миссис Поттер. Если вы помните, она рассказывала, что Юфимия довольно часто в отсутствие Сары-Энн просила ее забирать у нее мусор и сжигать его в печи. Я полагаю, что завернутый «мусор» каждый раз был не чем иным, как трупом очередного кота.

— Но почему все они были черными с зелеными глазами и одного размера?

— Почему? Ну, об этом нетрудно догадаться. Очевидно, для того, чтобы ввести в заблуждение Сару-Энн. Та купила у вас черного кота с зелеными глазами, поэтому Юфимия и заказывала точно таких же животных. Ей нужно было, чтобы Сара-Энн считала черного кота, в данный момент находящегося в квартире, своим, купленным ею самой. Естественно, это предполагает, что первым котом, которым Юфимия воспользовалась для своих целей, был кот, принесенный Сарой-Энн. Он и стал первой жертвой. После его гибели Юфимия втайне от сестры купила у вас другого. Разумеется, как именно узнала Юфимия о том, что ее собираются отравить, мы никогда не узнаем. Возможно, это было простое совпадение или случай интуитивного озарения. Эти немного тронутые старые дамы — существа в высшей степени странные и загадочные.

— Но если она пыталась ввести в заблуждение Сару-Энн относительно котов, — в ужасе прошептала мисс Керли, — значит, она подозревала...

— Именно так. Она подозревала свою сестру в том, что та хочет отравить ее.

Мисс Керли прикусила губу.

— Не могли бы вы дать мне си-сигарету? Я... — Эллери молча выполнил ее просьбу. — Это самая жуткая история, которую я когда-либо слышала. Две старые женщины, сестры, практически одни в целом мире. Обе зависят друг от друга — у одной нет средств к существованию, другая — беспомощный инвалид, и в то же время обе не доверяют друг другу... Беспомощная больная не в силах защитить себя от... — Она зябло повела плечами. — Что же случилось с этой несчастной старухой, мистер Куин?

— Давайте поразмышляем. Юфимия исчезла. Мы знаем, что имело место по крайней мере шесть попыток отравить ее, и все они провалились. Логично предположить, что была и седьмая попытка. И, судя по тому, что Юфимия исчезла при таинственных обстоятельствах, эта седьмая попытка увенчалась успехом.

— Но откуда вам известно, что она... Что она умерла?

— А где она? — сухо спросил Эллери. — Есть еще одна вероятность. Она могла бежать. Но ведь она беспомощна, не может

ходить, даже встать с постели без посторонней помощи. Кто бы помог ей? Только Сара-Энн, которую она подозревала в желании отравить себя. Письмо племяннику доказывает, что она ни за что не обратилась бы за помощью к Саре-Энн. Следовательно, бегство невозможно, а так как она исчезла, то, следовательно, мертва. Теперь следите за ходом моих рассуждений. Юфимии было известно, что ее хотят отравить, подсунув яд в пищу, и она пыталась принять свои меры предосторожности. Как же отравителю удалось преодолеть ее последний бастион защиты? Я имею в виду седьмого кота. Мы можем предположить, что Юфимия заставила седьмого кота попробовать еду с подноса, который мы обнаружили. Из отчета доктора Праути мы знаем, что пища эта не была отравлена. Кот не умер от отравленной пищи, это подтверждает и тот факт, что он был забит до смерти. Но если кот не погиб от отравленной пищи, значит, не умерла и Юфимия. Тем не менее все указывает на то, что она умерла от отравления. Следовательно, ответ может быть лишь один — она скончалась от отравления не едой, а в процессе еды.

— Я вас не понимаю, — недоуменно произнесла мисс Керли.

— Столовые приборы! — воскликнул Эллери. — Я уже говорил вам сегодня, что кто-то еще, кроме Юфимии, трогал ее нож, вилку и ложку. Не означает ли это, что на сей раз преступник отравил столовое серебро? Если, к примеру, покрыть вилку тонким слоем бесцветного отравляющего вещества, которое затем высохнет, то заметить это практически невозможно. Следовательно, кот, которому рукой бросали кусочки пищи, ведь кошки не пользуются столовыми приборами, останется жив, а Юфимия, пользовавшаяся ножом и вилкой, отойдет в мир иной. С психологической точки зрения это тоже вероятно и правдоподобно. Ведь вполне естественно, что преступник, предпринявший шесть неудачных попыток, в седьмой раз попытается применить несколько иную схему. Эта схема сработала, и наша дорогая Юфимия отправилась к праотцам.

— Но ее тело... Где...

Внезапно выражение лица Эллери изменилось, он молниеносно и бесшумно повернулся к двери. Какое-то мгновение постоял в напряженной позе, прислушиваясь, затем, не говоря ни слова, опустил свою сильную руку на плечо окаменевшей мисс Керли и быстро втолкнул ее в один из стальных шкафов в спальне. Мисс Керли, едва не задохнувшись от запахов старой женской одежды, затаила дыхание. Она услышала легкое поскребывание металла о металл за входной дверью. Если мистер Куин действовал с такой быстротой, значит, это был убийца, отравитель. «Зачем он вернулся? — судорожно размышляла она. — Сейчас он решил воспользоваться дубликатом ключа. Днем, когда они спугнули его и он забаррикадировал дверь, он, должно быть, проник в квартиру по крыше и по пожарной лестнице через окно, так как не рискнул воспользоваться ключом, ведь кто-то мог находиться в холле».

Она едва подавила крик, услышав громкий резкий голос. Потом до нее донеслись звуки борьбы, треск ломающейся мебели... В комнате шла схватка!

Мисс Керли ощутила прилив боевого духа. Распахнув дверцу шкафа, она выбралась наружу и увидела на полу два сплетенных в клубок тела, искаженное лицо Эллери, а потом занесенную руку с ножом... Мисс Керли подскочила и, не успев даже подумать, что делает, нанесла сильный удар ногой по этой руке. Что-то громко хрустнуло, она испуганно отскочила назад, а нож выпал из сломанной руки.

— Мисс Керли... дверь! — задыхаясь, крикнул Эллери, сильным движением колена придавливая своего противника к полу. Сквозь гул в ушах мисс Керли услышала сильный стук в дверь и на подгибающихся ногах побежала в прихожую. Последнее, что она увидела, перед тем как упасть в обморок, были фигуры полицейских, мгновенно заполнивших прихожую и ринувшихся в спальню.

— Ну, теперь все в порядке, — словно издали донесся чей-то голос, и мисс Керли, открыв глаза, увидела наклонившегося над нею безукоризненно аккуратного и спокойного Эллери Куина. Она с трудом приподняла голову.

— Не бойтесь, Мэри, — улыбнулся Куин. — Это не похищение. Вы в полной безопасности. Все закончилось. Вы на диване у меня в квартире.

— Ой! — Мисс Керли нетвердо спустила ноги на пол. — Я... я, должно быть, ужасно выгляжу. Что случилось?

— Преступник задержан. Вы заслужили отдых, моя дорогая. Сейчас я принесу чаю...

— Глупости, — резко возразила мисс Керли. — Я хочу знать, как вы совершили это чудо. Расскажите, не томите меня!

— Повинуюсь. Что именно вы хотите знать?

— Вы знали, что этот жуткий тип вернется?

Эллери пожал плечами.

— Это было вполне возможно. Юфимия отравлена явно из-за денег, которые были спрятаны где-то в ее квартире. Убили ее скорее всего вчера, помните бутылку вчерашнего молока? Или, быть может, позавчера ночью. Нашел ли отравитель деньги после того, как убил ее? И кто был тот человек, которого мы спугнули днем и который сбежал через окно, забаррикадировав дверь? Это мог быть убийца. Но если он снова вернулся сюда, значит, не нашел деньги сразу после того, как совершил преступление. Возможно, у него было тогда слишком много хлопот, и он не успел обыскать помещение. Во всяком случае, думаю, мы спугнули его сразу же после того, как он распотрошил постель. Было весьма вероятно, что он так и не нашел деньги. А если это так, я знал, что он вернется еще раз, ведь в конце концов ради этих денег он и совершил преступление. Так оно и случилось. Пока вы были у доктора Праути, я позвонил в полицию, вызвав подкрепление.

— Вы знали, кто убийца?

— О, да. Это было не так уж сложно. Прежде всего этот человек должен был иметь доступ к Юфимии. Иными словами, для того, чтобы иметь возможность предпринять несколько попыток отравить ее, он должен был находиться поблизости от Юфимии или от ее пищи в течение по крайней мере пяти последних недель, когда началась серия покушений. Явное подозрение вызывала сестра.

У Сары-Энн имелись мотивы для преступления — ненависть, а быть может, и алчность. Возможности у нее тоже, безусловно, были. Ведь именно она готовила еду. Но Сару-Энн я исключил сразу же, и основания у меня для этого довольно веские.

Кто так зверски убил седьмого черного кота? Очевидно, либо жертва, либо сам отравитель. Юфимия этого сделать не могла, так как кот убит в ванной, а парализованная женщина находилась в спальне и не в силах была сделать и шага без посторонней помощи. Значит, кота убил отравитель. Но если отравительница Сара-Энн, разве способна она была забить до смерти кота? Ведь она так любила этих животных. Абсолютно исключено. Следовательно, Сара-Энн невиновна.

— Тогда что...

— Понимаю вас. Что случилось с Сарой-Энн? — Эллери нахмурился. — Боюсь, что Сара-Энн разделила судьбу своей сестры и кота. Судя по всему, у отравителя был план убить Юфимию таким образом, чтобы подозрение пало на Сару-Энн. Таким образом Сара-Энн, казалось бы, не должна была покидать сцену. Но она исчезла. Ее исчезновение, как мне кажется, и, я полагаю, следствие подтвердит мою догадку, говорит о том, что она случайно стала свидетельницей убийства и была убита отравителем, боявшимся разоблачения. Иначе он вряд ли убил бы ее.

— Вы нашли деньги?

— Да. Лежали почти на виду, — Эллери пожал плечами, — между страницами Библии, которая всегда находилась на постели Юфимии.

— А тела... — дрожащим голосом спросила мисс Керли.

— Конечно же, печь, — ответил Эллери. — Самый надежный способ избавиться от улики. Пламя уничтожает все. А кости, которые оставались, можно... Но зачем вдаваться в подробности, вы понимаете, что я хочу сказать...

— Но это означает... Кто же был тот злодей на полу? Я не видела его. Может быть, это о-отец мистера Мортонга?

— О, нет. — Эллери поднял брови. — Это был не он. Дело в том, мисс Керли, что...

— Вы уже называли меня Мэри, — застенчиво перебила она.

Эллери поспешно произнес:

— В квартире жили лишь Юфимия и Сара-Энн, тем не менее отравитель более месяца имел доступ к еде, приготовленной для больной, и, судя по всему, никакого подозрения это не вызывало. Кто это мог быть? Только один человек. Человек, который работал на химическом заводе, лучше, чем кто бы то ни было другой, знал различные яды и мог достать их, человек, в обязанности которого входило наблюдение за работой мусоросжигательной печи, и потому он мог легко и незаметно избавиться от костей своих человеческих жертв. Короче, — подвел итог Эллери, — это был не кто иной, как смотритель дома Гарри Поттер.

"КРЫША" В КРЫМУ!

ее вам обеспечит фирма "Консоль"

Конечно, вы не против жить у моря. Не однажды мечтали проснуться под шум черноморского прибоя и прямо из окна увидеть лазурный залив, паруса и пальмы. Эти фантастические грезы так близки к реальности, как вам и не снилось.

Наберите номер телефона крымской строительной фирмы «Консоль», и мечта станет реальностью.

До сих пор вам казалось, что главной проблемой на пути к осуществлению этой мечты — жить у моря — являются деньги. Точнее, большие деньги. Вы полагали, что купить квартиру у моря вам просто не по карману. И ошибались.

Вы можете это сделать! Сначала вас удивят цены, которые просит фирма «Консоль», — они невероятно низкие. Затем вы будете поражены комфортом, который за эти деньги предложат вам в Крыму, — он необыкновенно высок.

В Ялте квадратный метр жилья обойдется вам в 500 американских долларов.

В Керчи — 180–200 долларов. В Севастополе — 300 долларов.

При этом вы сами выбираете и площадь будущей квартиры, и ее отделку. Если вы не претендуете на особые условия, то уже сегодня можете заказать квартиру-«Студио» (одно-, двух-, трехкомнатную) стоимостью от 3500 до 7500 долларов. Тот, кто в состоянии позволить себе настоящую роскошь, может заказать жилище свыше пяти комнат. Есть в «Консоли» и просто невероятных объемов квартиры, великолепно отделанные апартаменты площадью свыше 300 квадратных метров. Например, гранд-квартира

из девяти комнат стоимостью около 70 тысяч долларов США.

В большинстве же своем квартиры, которые строит «Консоль», стоят в среднем не выше 25 тысяч долларов.

Платить за жилье в Крыму можно по-разному. Если вы вносите все деньги сразу, то получаете скидку — 10 процентов. При долевых отношениях с фирмой «Консоль» квартиры обходятся заказчику на 30–50 процентов дешевле своей полной стоимости. Заплатив первый взнос, остальную сумму вы будете выплачивать без всяких процентов. Кстати, те, кто уже получил трехкомнатные квартиры, внесли 3 года назад всего лишь 3500 долларов.

Почему так дешево? Еще и потому, что фирма «Консоль» строит сама.

Ежегодно она сдает свыше 400 000 квадратных метров жилья.

И еще об одном вы готовы спросить: может ли гражданин России иметь жилье в Крыму? Может! Это право гарантируют статьи 11, 13 Закона Украины «О собственности», Конституция Крыма и международные юридические нормы, а также репутация фирмы «Консоль».

...Итак, вы просыпаетесь утром в собственной квартире на берегу моря, идете на пляж под лазурное небо с ласковым солнцем — и прохожие улыбаются и приветствуют вас!

Телефоны фирмы «Консоль»:

(0652) 25-24-45, 25-22-96

Факс: (0652) 25-12-47

Адрес: 333038, г. Симферополь, ул. Донская, 41.

Софи

Фото ВАЛЕРИЯ ГЕНДЕ-РОТЕ

Лицо ее растиражировано в миллионах экземпляров. Глаза, жест, улыбка — на фотографиях по всему миру. И все же каждое фото по-своему уникально — это секундный слепок красоты, таланта, очарования жизни...

Первый снимок Софи Лорен Валерий Генде-Роте сделал, стоя около трапа самолета. Было это тридцать лет назад — актриса впервые прилетела в Россию, в Москву на кинофестиваль. Всего трое суток была в столице итальянская кинозвезда.

Итог работы фотомастера за эти дни — 230 негативов, двести тридцать остановившихся мгновений, освещенных божественной Софи.

Она разная на снимках, в окружении разных людей. Но, взглядываясь в эти фотографии, вдруг начинаешь ощущать единство времени и пространства, связанных присутствием этой великолепной женщины.

Сам Генде-Роте вспоминает:

— Софи Лорен оказалась проще, человечнее, чем представлялась нам по материалам прессы. Она поразила всех нас теплотой, демократичностью общения. Мне было радостно снимать ее — она понимала и уважала работу фотографа...

Без малого тридцать лет (последние снимки датированы началом девяностых...) фотографировал Софи Лорен Генде-Роте.

В Москве и Париже, в обстановке чопорного официоза и в кругу друзей, близких. В толпе и отстраненную от житейской суеты. И везде лицо ее будто освещало пространство, согревало сам воздух.

Божественная Софи — что тут скажешь!

«Смена» представляет читателям некоторые итоги этой огромной работы; не торопитесь пролистнуть страницы — их нельзя разглядывать мельком. Исчезнет главное: обаяние личности. А нам ведь в нынешние дни так не хватает этого...

ВАЛЕРИЙ ЛОКТЕВ

В самой длинной очереди.

В метро.

Москва, Кремль.

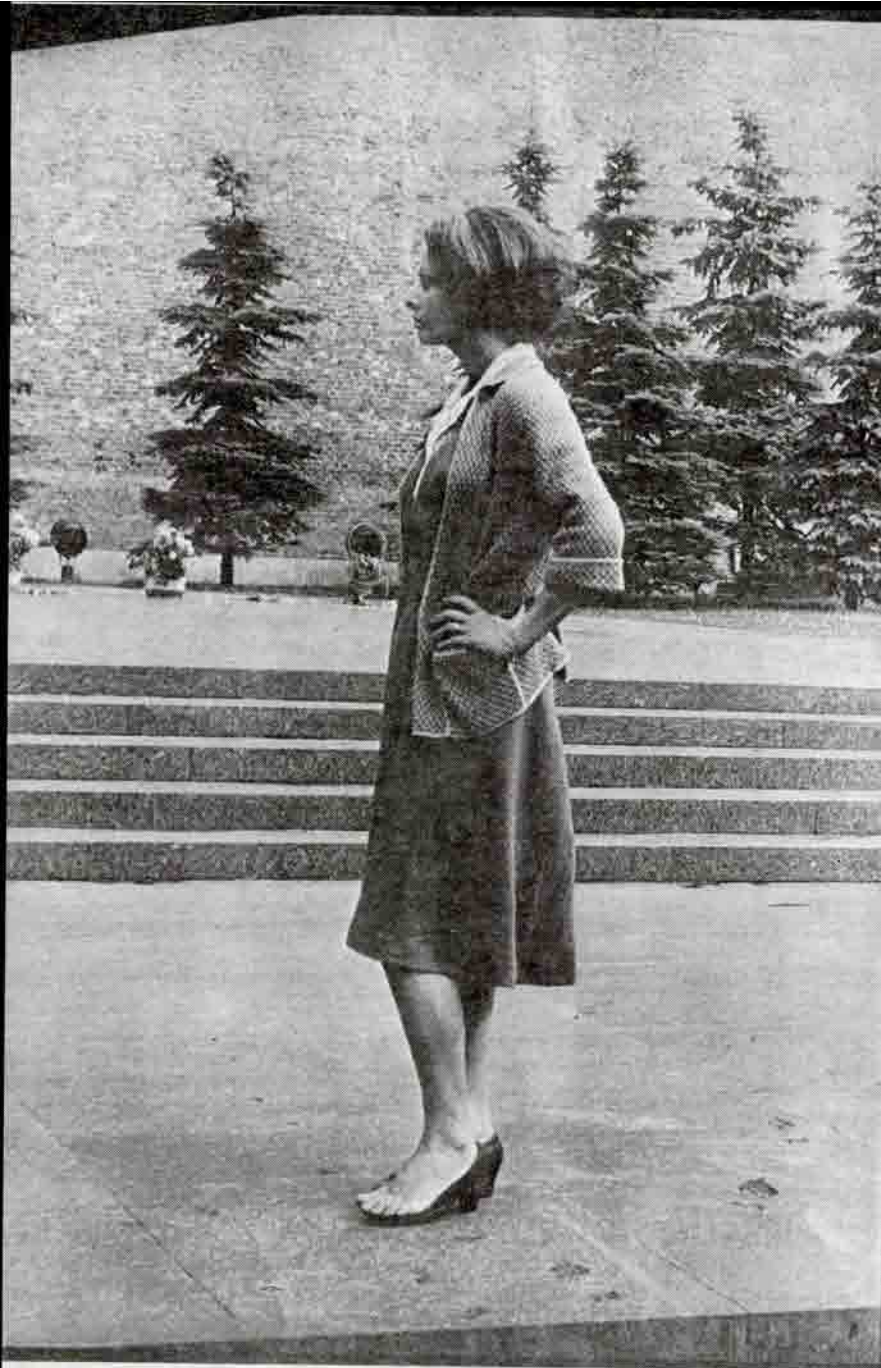
1965 год, первый визит в Москву.

На Новдевичьем у могилы А. П. Чехова.

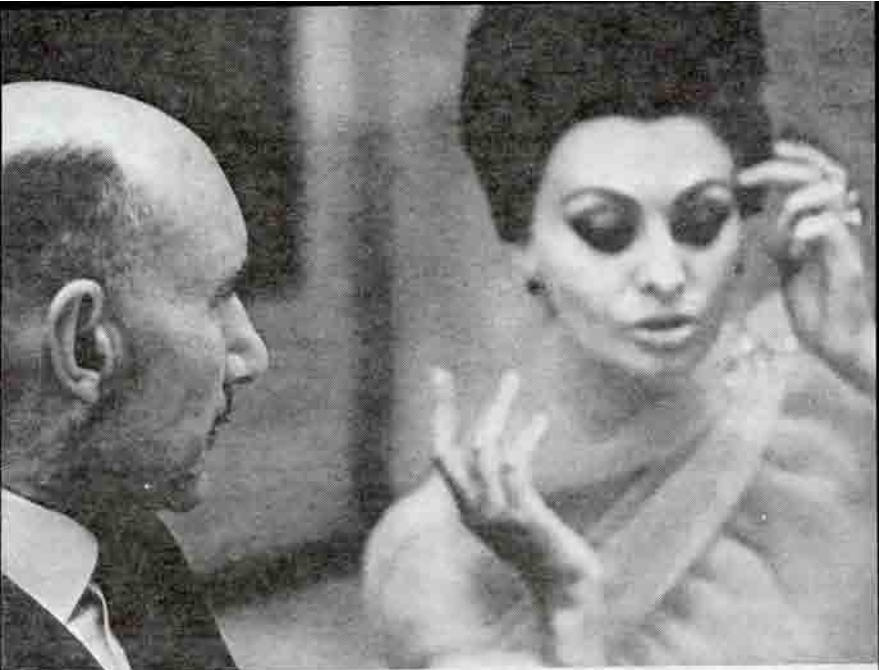

Софи Лорен и Карло Ponti на съемках фильма «Подсолнухи».

Устала.

Софи Лорен и Сергей Герасимов.

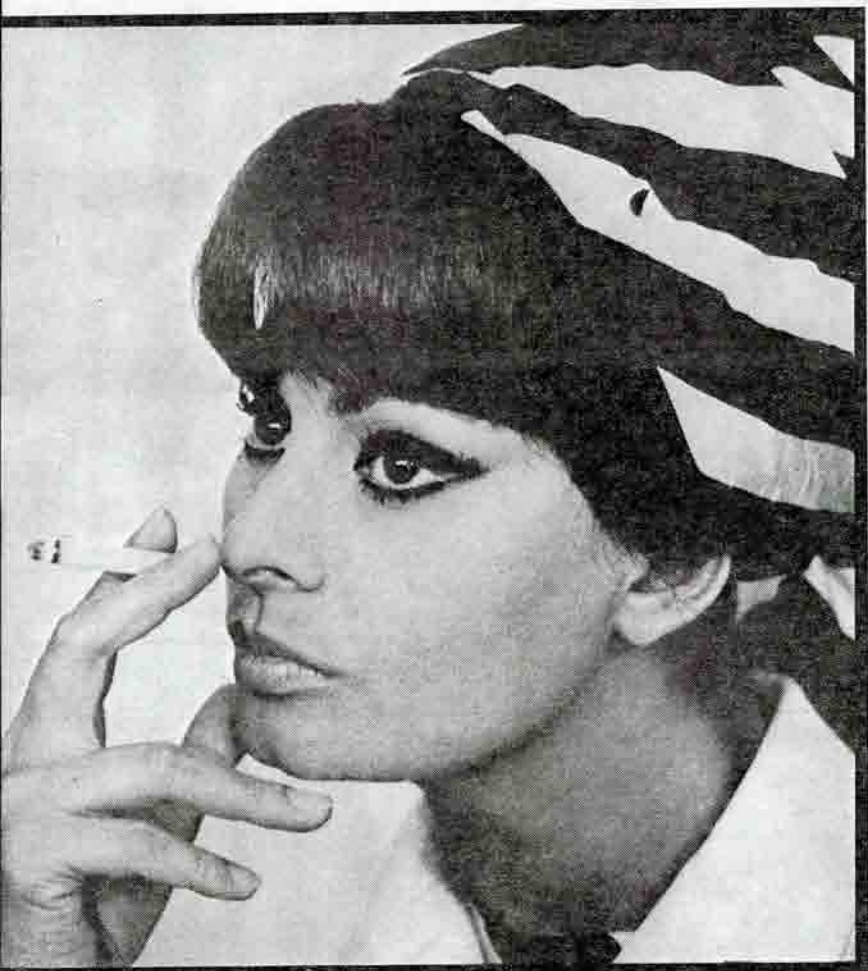

Софи Лорен и Марчелло Мастроянни в Лужниках.

В кругу коллег: Роман Кармен, Ирина Скобцева, Сергей Бондарчук, Софи Лорен, Шакен Айманов.

Ожидание.

На Ленинских горах с Серго Закариадзе.

Семейное интервью: Софи с сыном.

1991 год.

"ХАББАРДИ"

СВЕТЛАНА КОЛОСОВСКАЯ

Душа наизнанку

Мне позвонил знакомый психиатр и спросил, не хочу ли я встретиться с девушкой, сбежавшей из секты сайентологов. Ее там так шарахнули, сказал он.

Лене 26 лет. Родом она с Поволжья. Ладно сложена, красивые волнистые волосы. Если бы только не эта седина, широкими прядями падающая по обе стороны пробора; если бы только не глаза — смо-

ЗАЩИТА" ВСЕЙ СТРАНЫ

треть в них не хватает сил.

— Вас, конечно, сейчас больше всего мой вид интересует. Впечатление сильное, да?.. В центр «диагностики», как иначе называют секту, вместе со своими друзьями я попала, честно говоря, от безделья. Сочиняла стихи, которые никто не печатал; не могла, как говорится, найти себе места в жизни. И еще — этот общий развал в стране... А сайентология на первый взгляд весьма привлекательна: показав-

лось, что тренинги общения действительно раскрепощают, освобождают от неуверенности.

Как сотрудник центра (стала им потому, что платить за «учебу» было нечем) я прошла психологическое тестирование, прослушала некоторые курсы — например, «Преодоление подъемов и спадов», занималась психологическими упражнениями и, постепенно вникая в эту систему, поняла: здесь играют в опасные игры, кото-

рые называются глубоким психоанализом. (К тому времени я закончила три курса психологического факультета университета и кое-что могла оценить.) Я прекрасно знаю, что психоаналитик, гипнолог, практикующий с психикой человека, учится этому делу лет пятнадцать. А основатель сайентологии Рон Хаббард утверждает, будто премудрость эту любой дурак освоит за 72 часа. Такие вот «специалисты» — их здесь называют «одитрами» — и довели меня, так сказать, до ручки.

Я не стану утомлять вас псевдонаучной терминологией — «отключение аналитического ума», «отключение реактивного» и тому подобное, — расскажу о своих ощущениях (их уже никогда не забуду). Я видела отчетливый сон наяву... Мне двадцать лет, иду по улице средневекового испанского города, знаю, это моя какая-то прошлая жизнь... Меня и еще троих монахов хватает инквизиция. Их сжигают на костре, а мне стали выкалывать глаза... Дальше — провал. Позже мои друзья, которые присутствовали при этом «эксперименте», рассказывали, что я вдруг заговорила на непонятном языке. Они поняли: происходит что-то неладное, но ни знаний, ни способностей справиться с ситуацией у них не было. Минут сорок не могли вывести меня из этого состояния. Сообразили, правда, включить диктофон... Запись мы показали лингвистам. Они сказали, что это староиспанский язык, которым я, конечно, не владею... Поседела я буквально на глазах у моих друзей.

— Чтобы вы поняли дальнейшего, — продолжала Лена, — должна сказать, что воспитана я в православной вере. Без веры моего внутреннего мира просто нет. Чем бы ни занималась, всегда возвращалась к богословским книгам. Читала их и в университете...

После того, что произошло, тесты подтвердили, что я обладаю высоким уровнем интеллекта, причем выше, чем у кого-либо в нашей группе. И, так как я к тому же свободно владею английским, руководители городского отделения секты решили послать меня учиться в Москву по системе сайентологии. И это — несмотря на все происшедшее со мной! Мне предстояло стать «этико-офицером», носить красивую форму, похожую на морскую... Не знаю, почему я согласилась... В сайентологическом гуманитарном центре в Москве первым делом я должна была снова пройти тестирование — ответить на двести вопросов анкеты на английском языке.

Тут-то и произошло главное. Сидевший напротив меня человек заметил, что я «споткнулась» на одном вопросе — отношении к религиям.

— Вы верующая? — спросил он.

— Я православная, верую в Христа.

— Но вы действительно хотите у нас работать?

— Да.

— Тогда эту «энграмму» из вашего сознания мы сотрем. У вас появится другой хозяин... Был тут у нас один католик. Об этой дури он уже забыл...

Я сделала вид, что продолжаю отвечать на вопросы, а когда он вышел, собрала анкеты и сбежала. У меня уже не было сомнений в том, что это за организация — они могли сделать со мной все что угодно, впустить в мою душу вместо Христа хоть дьявола. Я бежала так, будто за мной кто-то гнался, сворачивала и сворачивала в какие-то переулки; наконец устала, пришла в себя, позвонила своим православным друзьям.

Они отвели меня к отцу Алексею, у которого я и прожила неделю три...

Человек, который во многом «превзошел» Иисуса Христа

Американец Рон Хаббард был контужен во время второй мировой войны; демобилизовавшись, он стал зарабатывать себе на жизнь, сочиняя научную фантастику. Однако вскоре понял, что есть иные, более быстрые пути к богатству. В 1949 году, выступая на съезде писателей-фантастов в Нью-Джерси, Хаббард заявил: «Писать, чтобы получать пенс за слово, смешно. Если ты действительно хочешь получить миллион долларов, то лучший способ — это основать свою собственную религию». Через год Хаббард выпустил книгу «Дианетика — наука душевного здоровья» — кое-какие сведения из области психологии, обильные одобренные информацией из второсортных пособий по оккультизму и черной магии. А еще через четыре года, в 54-м, предприимчивый сочинитель зарегистрировал церковь сайентологии (буквально: наука о знании) в Калифорнии.

Не все шло гладко в истории этой «церкви». Она выдержала больше судебных разбирательств, чем любая другая новая религия. История судебных исков к деятелям сайентологии может составить целую книгу. Приведем лишь самую скандальную историю, которая произошла в июне 1977 года, когда руководители Опекунского управления (высшего органа сайентологии в то время) были уличены в планировании операции по проникновению в некоторые правительственные учреждения с целью похищения документов, принадлежащих армии, флоту, таможенной службе США, ЦРУ, Судебной палате. Все это более пристало мастерам международного шпионажа

или мафии, чем религиозным деятелям. Доказательств оказалось достаточно для того, чтобы приговорить к различным срокам тюремного заключения одиннадцать руководителей секты, в том числе Мэри Сью Хаббард — жену основателя сайентологии.

Сам Хаббард продолжал публиковать том за томом свои изыскания и откровения. Однако его личная жизнь оставалась тайной и служила источником для различных слухов и домыслов. Позже сын фантаста рассказал, что значительная часть «научных откровений» его отца была «создана» в состоянии глубокого наркотического опьянения. Другая же часть учения Хаббарда является чистым плагиатом, в частности, из писаний Алистера Кроули — одного из самых известных сатанистов XX века. По словам сына, Хаббард, предававшийся различным сексуальным извращениям, долгие годы страдал от венерических заболеваний и душевных болезней. Глава сайентологии был вовлечен в самые отталкивающие формы оккультизма и в конце жизни пришел к убеждению, что он является не кем иным, как зверем из Откровения св. Иоанна Богослова (Апокалипсис), обладающим властью над всем человечеством.

Религия ли это?

По отношению к сайентологии ответить на этот вопрос не так просто: никакого иного божества, кроме Хаббарда, найти в этой «церкви», в этой «религии» нельзя.

Несмотря на то, что религиозная подоплека с первого взгляда не видна, Хаббард создавал именно религиозную систему. Главное понятие в сайентологии — энграмма, то есть бессознательное болезненное впечатление из прошлого опы-

та. Все наши комплексы, преступления, 70 процентов физических недугов вызваны энграммами. В них причина наших проблем, поэтому от них следует избавиться. Но сделать это можно, только овладев техникой, которую придумал Хаббард. А что такое «прошлый опыт»? Это тринадцать наших прежних воплощений, и избавляться от энграмм приходится очень долго — до тринадцатого колена.

Для этого нужно последовательно посещать одни сайентологические курсы за другими. А стоит каждый следующий курс все дороже и дороже. Но как же заставить человека выкладывать большие деньги? Как правило, уже после первого посещения «курсов», после бесплатного психологического тестирования (определяются ваши способности и возможные способы их раскрытия) человеком овладевает чувство гипнотической эйфории — создается это ощущение искусными психологическими манипуляциями.

Сайентология сегодня

Это мощная международная финансовая империя, построенная по образцу спецслужб. Западные эксперты считают, что работает она более эффективно, чем ЦРУ и бывший КГБ. (Когда мы будем рассматривать способы внедрения сайентологов в России, мы увидим, что утверждение это не так уж и голословно.) Сайентология — единственная из всех сект, которая в новой стране работает на условиях самоокупаемости. Ориентируется она главным образом на богатых. Так, для того, чтобы пройти через все «курсы» последовательно, вам придется выложить 250 тысяч долларов.

Руководители секты понимают, что в России они из простых людей

много не выжмут, поэтому предел их вождения — «новые русские» и высшие государственные структуры. За «новыми русскими» секта, например, охотится с помощью своих членов, работающих в туристической фирме «Рондо», которая устраивает вояжи наших новоявленных богачей за рубеж. Вербуют в секту главным образом во время путешествий. Небезопасными для кошелька и психики «новых русских» оказываются и бывшие кремлевские санатории, куда они направляются для лечения и отдыха. В стремлении выкачать как можно больше денег, сайентологи обратили внимание на журналистов, высшую управленческую элиту, руководителей промышленных предприятий, страховых компаний — тех, кто ответствен за принятие решений и использование финансов.

В сайентологии все решает организация. Вернее, система организаций. По крайней мере страноведы, организаторы приходят на новую территорию первыми. Они готовят «почву». Обращает на себя внимание большое число различных по профилю и названиям самостоятельных, отдельно зарегистрированных сайентологических отделений: «Центр дианетики», «Церковь сайентологии», «Хаббард-колледж по управлению», «Международная гуманитарная служба», «Международная служба детоксикации человека», «Наркон»... Зачем же так много — ведь все это сайентология? — спросит досужий читатель. А дело в том, что здесь просматривается дальний, стратегический прицел. Японская секта «Аум Сенрикё», вся структура которой существовала в России лишь как Российский, а затем Московский филиал, решением муниципального народного суда Москвы в марте 1995 года была поставлена вне закона. Такое невозможно проделать с сай-

ентологией: если будет запрещена одна организация, например, медицинского профиля, финансы и кадры просто перетекут в туристическое агентство или в «гуманитарную службу».

Секта и пресса

Появившись в 1992 году на российском рынке, сайентологи решили установить контакты с прессой и устремились в цитадель «четвертой власти» — на факультет журналистики МГУ.

После недолгих переговоров с руководством журфака сайентологи финансировали ремонт его старейшего читального зала, но с условием, что он будет носить имя Рона Хаббарда. Условие было принято. Вскоре было устроено пышное открытие: на новеньких стеллажах красовались произведения Хаббарда, пропагандистские аудио- и видеокассеты. Были учреждены довольно значительные премии журналистам, освещавшим это событие.

Шел 1992 год — вот, пожалуй, единственное оправдание тому, что произошло на факультете: все мы были тогда достаточно наивны, в Запад веровали беспредельно. А уж о том, что представляют собой современные секты, да еще такие интеллектуализированные, как сайентология, и понятия не имели! Ну а сектанты прекрасно разумеют — такой шанс упускать нельзя!

Так или иначе, но с 1992-го по 1994 год перед входом в читальный зал старейшего здания МГУ красовалась доска с барельефом Хаббарда. Более того, передо мной два любопытных документа: почетный диплом МГУ, выданный кафедрой зарубежной и русской литературы журфака Р. Хаббарду посмертно (Хаббард умер в 1986 году)

«за значительные достижения в литературе и философии и за выдающуюся гуманитарную деятельность», и распоряжение по факультету о присвоении читальному залу имени Р. Хаббарда, написанное нетрадиционно, явно по подсказке сайентологов. Есть там такие перлы: «...поскольку Р. Хаббард является одним из наиболее известных и широко читаемых авторов всех времен...», «...является одним из наиболее известных гуманистов и философов, бесценные работы которого освобождают человека от уз рабства...».

Только в 1994 году, после того, как Международный форум «Тоталитарные секты в России», проходивший в Москве, обратился, выразив свою озабоченность, к ректору МГУ, то есть после международного позора, доска почета Рона Хаббарда из МГУ была убрана. Но одновременно с факультета был уволен профессор А. Дворкин, один из организаторов этого форума, за то, что вынес сор из избы...

Технология власти

Осенью 1994 года в одной из московских газет я прочла, что сайентологи через свой «Хаббард-колледж по управлению» проникли не только в структуры управления ряда московских предприятий, но и на уровень высшей власти: «...только в нашей стране Хаббард-колледж мог обнаглеть до такой степени, чтобы предложить сотрудничество властным структурам (о подобных прецедентах на Западе даже не слышали!)... В настоящее время его представители договорились о долгосрочных контактах с Госкомитетом по имуществу (намечается совместная подготовка арбитражных директоров для убыточных предприятий) и департаментом промышленности

правительства Москвы. В департаменте у хаббардистов особый интерес, так как политика секты предусматривает планомерную атаку на каждую отрасль экономики в отдельности».

Для того, чтобы читателю было ясно, что скрывается под такими респектабельными и где-то даже научными словосочетаниями, как «Хаббард-колледж по управлению», «Административная технология Р. Хаббарда» (а «технология» эта действительно имеет хождение на ряде московских предприятий), я изложу кратко, как год назад, еще при старом руководстве, она нашла практическое применение на московском вентиляторном заводе «МОВЕН». В приватной беседе руководителю предприятия (фирмы, газеты) обещают полный контроль над подчиненными, финансами и всей системой организации, баснословные прибыли и бесконтрольное распоряжение ими. Если руководитель на это соглашается, как это произошло на АО «МОВЕН», начинается перекачка государственных средств или средств предприятия на счет секты. В данном случае перечислялись средства из кассы завода.

Сначала президент АО «МОВЕН» перечислил шесть тысяч долларов за собственное двухнедельное обучение этой «технологии» в Швеции, затем еще 100 миллионов рублей за обучение своих заместителей. Позже сайентологической организации, занимающейся распространением Хаббард-технологии, было перечислено еще 200 миллионов.

Как же достигали тотального контроля над подчиненными? А вот как... Ввели систему обязательного написания «рапортов об уведомлении», то есть доносов — и на себя, и на других; причем в этих «рапортах» необходимо сообщать

об интимных подробностях жизни. Рапорта эти читали руководители предприятия, а затем обсуждали их на «этическом суде» (нечто вроде проработки на суде товарищеском, нами несколько подзабытом). За ненаписание рапорта, то есть за отказ «стучать», тоже вызывали «на суд». В этой системе доносов и самодоносов на «МОВЕНЕ» было занято столько же сотрудников, сколько и в производстве.

Стали увольняться квалифицированные работники. Чтобы заставить опытные кадры смириться с Хаббард-технологией, тогдашний президент АО «МОВЕН» Мионов попытался ввести систему секретности, предполагающую невозможность для уволившегося сотрудника работать по специальности шесть лет.

(После трагической гибели Мионова в начале прошлого года предприятие постепенно отказалось от услуг секты.)

Сайентологи много говорят о всемирной известности, всемирном признании своей технологии. Но истина в том, что известность эта всюду скандальна. Солидная шведская фирма отказалась от выгодного обеим сторонам сотрудничества после того, как узнала, что на «МОВЕНе» используется Хаббард-технология.

Упомянувший выше профессор Дворкин, решив проверить саморекламу сайентологов, связался с руководством «Вольво» и поинтересовался, действительно ли они используют Хаббард-технология. Шведы оскорбились и спросили, где это напечатано, намереваясь подать на сайентологов в суд. Так же обстоит дело и с «Дженерал моторс» — ни одно уважающее себя предприятие на Западе, в особенности крупное, не рискнет замараться использованием «технологии».

Технология блефа

Сайентологи частенько выдают желаемое за действительное. Да, они прилагают немалые усилия для того, чтобы сблизиться с властью. И делается это, надо сказать, с нахальством, которое, казалось бы, должно одинаково гипнотизировать как властные структуры (там ведь тоже живые люди!), так и общественность. Мне было небезынтересно проследить, как же в этом случае «работают» сайентологи.

В конце августа 1994 года в адрес московского департамента промышленности поступил факс, в котором, в частности, сообщалось, что «по просьбе Москомимущества» (эту фразу мы еще вспомним) Хаббард-колледж зарезервировал 50 мест для руководителей московских предприятий на борту теплохода «Георгий Чичерин» (Москва — Углич — Москва), где будет проводиться семинар «Административная технология Рона Хаббарда в России». Далее содержалась просьба «рассмотреть возможность участия». Нехитрый оборот «по просьбе Москомимущества» предполагал, что Хаббард-колледж, даже если о нем в департаменте и не знают, — это нечто уже принятое, нечто «свое» в московских властных структурах.

В приложении на все лады рекламировалась эта самая «технология» — и всемирно признанная, и всемирно известная, и донельзя эффективная. Аппарату департамента, то есть высшему звену управления промышленностью Москвы, должно было льстить, что семинар этот — «для руководящей элиты», «для прогрессивно мыслящих руководителей», что «впервые в России», и к тому же сразу после подобной «встречи на Западе».

Количество мест на теплоходе было, конечно же, «ограничено»,

поэтому рекомендовалось «потопиться» с оплатой своего участия. Цены соответствовали «уровню приглашенных» — миллион с одного участника за три дня «содержательной» прогулки на теплоходе. Была также настоятельная просьба, чтобы в семинаре принял участие кто-то из управления департамента. (Как раз на этот случай предусматривались одно-два бесплатных места.) До начала семинара оставалось дней пять-шесть, поэтому было предложено произвести оплату прямо на теплоходе.

Хотя авторитет Москомимущества сработал, хотя десяткам руководителей предприятий успели передать приглашение, но дефицит отпущенного сайентологами времени сработал не на них. А выкладывать собственную наличность (миллион рублей!) неизвестно за что желающих почти не нашлось. И все-таки для ознакомления с «новой прогрессивной» технологией на семинар поехал специалист по теории управления департамента промышленности Владимир Новожилов.

— Ничего нового из области теории управления я для себя не открыл, — рассказывал мне Владимир Александрович, — хотя имею специальное образование. Поразило меня вот что: выступления тех, кто уже использует Хаббард-технологию, — президента АО «МОВЕН» Миронова и представителя страховой компании «АСКО». Они говорили с неестественным жаром и энергией, агитируя за эту «технологию». Повторюсь: конкретное содержание «технологии» не давало пищи для такой энергии. В голове мелькнуло: куда я попал?

— Как развивались ваши отношения с Хаббард-колледжем дальше? Продолжились ли контакты, существуют ли какие-то договоренности о сотрудничестве?

— Нет-нет, что вы! В этом просто нет смысла...

В Москомимущество представители Хаббард-колледжа действительно наведывались, когда там формировалась группа специалистов по работе с несостоятельными (убыточными) предприятиями. Сайентологи представились специалистами в данной области и, сославшись на свои связи с федеральным управлением по делам о несостоятельности предприятий, попросили подобрать аудиторию для семинара по управлению.

— Честно говоря, — вспоминает руководитель группы, — мы тогда были очень заняты, какой там семинар! Едва выслушав пришедших, я сказал: «Ну, мы же не департамент промышленности правительства Москвы, это в их ведомстве промышленные предприятия... Вы не по адресу. Простите, у нас работа».

Этой обмолвки оказалось достаточно: так родилось обращение в департамент промышленности «по просьбе Москомимущества».

Блеф чистой воды! Но ведь сработал!

Что же касается «федералов», то есть Госкомимущества, на которых сослались сайентологи, то здесь об их визите никто и вспомнить не мог. Когда я изложила суть дела советнику по внешнеэкономическим связям Госкомимущества А. Б. Рыльскому, он улыбнулся:

— Что тут скажешь — эти сайентологи умеют работать. Мы действительно готовим арбитражных директоров для несостоятельных предприятий, но пользуемся услугами в первую очередь отечественных институтов. Есть у нас и зарубежные партнеры, но вот Хаббард-колледжа по управлению или иного института сайентологии среди них нет...

Однако не все так радужно: если верить данным Хаббард-кол-

леджа, более тысячи руководителей предприятий уже прошли обучение по системе «Административной технологии Р. Хаббарда». Возможно, многие из них, как это делал и покойный президент АО «МОВЕН» г-н Миронов, еще будут перечислять средства своих предприятий на счета сайентологов.

К тому же эта «тысяча» уже «на крючке», в психологической зависимости. В докладе ФСК, опубликованном в прессе в прошлом году, Хаббард-колледж был уличен в психологическом тестировании сотрудников «энского» предприятия города Обнинска (Калужская область), осведомленных в государственной тайне.

Ну, конечно, что тут удивительного — ведь на «Георгии Чичерине» вояжировал генеральный директор Обнинского АО «ЛИМА».

Покоренный Минздрав

Если в департаменте промышленности правительства Москвы, Государственном комитете по имуществу сектанты встретили критически мыслящих профессионалов, то наши медицинские руководители элементарно слотнули наживку. Не удосужившись тщательно проверить сайентологические методики (а они, методики эти, уже оскандалились за рубежом), Министерство здравоохранения и медицинской промышленности выдало лицензию на лечебную деятельность двум ловким англичанам — Давиду и Шейле Гейманам, которые не имеют даже элементарного медицинского образования.

Демарш сайентологов в российскую медицину впечатляет: на все про все — обращение в высокие инстанции, «тщательное рассмотрение», сбор отзывов, регистрацию, лицензирование, благословение программы «внедрения» самим

заместителем министра В. К. Агатовым — у секты ушло два месяца. В то время как минимальное время прохождения подобной процедуры в Москве — полгода. Высокий темп не случаен. Подзадержались бы сайентологи на каком-либо этапе, смотришь, в Минздраве и узнали, кто такой Хаббард и чем он занимался всю жизнь. Узнали бы и о секте, о том, что современные шарлатаны, особенно западного образца, могут иметь вполне respectable вид, а семейную фирму называть «Международной гуманитарной службой»...

Супружеская пара Гейманов повязала участием в своих делах и руководство Загородной больницы в Кубинке, что относится к Управлению делами Президента. Лечащиеся здесь «коммерческие» больные, те самые «новые русские», соблазнились, конечно, не сладкими речами сайентологов, но авторитетом президентской больницы. По тысяче долларов за сеанс выкладывали они... Более того, секта «рекрутировала» за это время не менее десяти врачей из числа медицинского персонала. Эти врачи являются как бы «пятой колонной» секты в Кубинке. Кто теперь будет оплачивать и проводить психологическую реабилитацию тех больных, кого заморочила секта, — может быть, Минздрав?

Безответственность руководства Минздрава поразительна: центром сайентологической «медицины» стал детский санаторий «Васильевское», находящийся в зоне подмосковных кремлевских здравниц.

Что же произошло в «Васильевском»?

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта сектантская вакхана-

лия в Кубинке, если бы не взбунтовались педиатры. Обратившись в редакцию, они сообщили, что находившиеся на лечении в санатории черныбыльские дети были подвергнуты сайентологами процедуре, нигде в мире до этого не апробированной. Несмотря на то, что у детей начались осложнения, резко изменилась психология поведения, в присутствии высоких чиновников из Минздрава было объявлено, что эксперимент удался. Если не произойдет ничего экстраординарного, заявили врачи, эксперименты над детьми продолжатся: в кремлевских здравницах секта уже свила гнездо.

Но восстановим последовательность событий.

В начале прошлого года по решению руководства детского санатория в Загородную больницу «на учебу» по «очень интересной английской программе» была направлена ничего не подозревающая врач лечебной физкультуры Е. Н. Рубцова. Вернувшись через месяц, она рассказала коллегам о сути программы детоксикации по Р. Хаббарду, через которую была проведена сама. На первый взгляд она вполне безобидна — ежедневная сауна в сочетании с бегом и приемом витаминов — полное очищение организма от токсинов. Однако «маленькое уточнение»: в сауне человек в течение месяца ежедневно проводит по пять часов, а дозы витаминов превышают норму в 10—15 раз.

Из заключения Комиссии по психическому здоровью штата Оклахома (США, дек. 1991 г.), на основании которого сайентологам было отказано в выдаче лицензии.

«— не существует никакой достоверной медицинской информации, подтверждающей свойство ниацина (набор витаминов) выводить радиацию из тела человека. Напротив, существует ряд меди-

цинских свидетельств, говорящих об обратном.

— большие опасения вызывает многочасовой стресс от сверхдлительного воздействия высоких температур в сауне, что в сочетании с приемом сверхдоз витаминов может способствовать возникновению новых образований в мозгу и теле человека.

— потенциально опасны для здоровья большие дозы витаминов. Сверхдозы витамина В₁ вызывают «эффект смещенного пространства», галлюцинации, схожие с воздействием некоторых наркотиков. Сверхдозы витамина В₃ в форме ниацина могут вызвать нарушение функций печени.

— пациенты, проходящие «программу» в сауне, почти нигде не наблюдаются врачами-профессионалами, между тем зарегистрированы случаи, когда во время соответствующих процедур в Англии, США, Нидерландах люди умирали...».

К выводам Комиссии добавим следующее. Предшественником «ниацина» был набор витаминов — «дианазин», также использовавшийся сайентологами в «очистительных марафонах» в сауне. По приказу министерства пищевой и медицинской промышленности США огромный груз с таблетками «дианазина» был конфискован и уничтожен как наносящий вред здоровью.

Вернемся в «Васильевское». Через «программу» было проведено 30 детей с признаками лучевой болезни — нуклидами в цитовидной железе и костных тканях. «Программа» длилась две недели. У ребят проявилось ярко выраженное предпочтение сайентологам и полное неприятие лечащих врачей. Все дети во время процедур видели одну и ту же картинку, ассоциировавшуюся у них с образом счастья. Ее-то они и описали в своих

сочинениях-отчетах: невероятно зеленая травка, очень яркое солнце, голубое-голубое небо и прекрасно поющие райские птички.

А вот что рассказал о своих ощущениях в сауне мальчик из Брянской области педиатру, сумевшему-таки его разговорить: «Сначала-то очень тяжело, жарко... Ну а потом, когда съешь всю эту горсть витаминов... Такое, скажу вам, апофигение, такой кайф, сроду со мной такого не было!»

Вторая группа детей провела в сауне всего неделю. Почему были прекращены процедуры, никому не говорили, однако, когда у детей появились огромные фурункулы, — все стало ясно... Тем не менее сайентологи провели в санатории «Васильевское» помпезную конференцию «по успешному проведению программы детоксикации по Р. Хаббарду», на которой присутствовали высокие чиновники из Минздрава, а также руководители других санаториев. Поток хвалебных речей не было конца, но главное сказал сам Дэвид Гейман: «Я не могу опомниться от счастья, я просто вне себя от радости! То, что нам удалось осуществить в «Васильевском», — это ведь впервые в мире! Нигде больше нам не предоставляли детей!» Как отмечают родители, дети после санатория изменились неузнаваемо — стали агрессивными, замкнутыми, неконтактными.

Привезли, оказывается, с собой таблетки, которые давали врач-сайентологи. Говорить о том, что происходило в сауне, отказывались наотрез...

История с внедрением сайентологов в кремлевские здравницы Кубинки еще не закончилась, но огласка в прессе сделала свое дело. Я пишу эту статью в ноябре 1995 года, когда Генеральная прокуратура России проверяет законность

деятельности Минздрава в связи с сектой сайентологов.

Есть иной закон жизни

В последнее время на Западе (а кое-кто, к сожалению, и здесь!) говорят о нашей стране как об удобном месте для сброса и захоронения радиоактивных и химических отходов.

Но Россия, увы, становится свалкой и «религиозных отходов». Всевозможные секты и учения, запрещенные у себя на родине или подвергающиеся постоянным судебным преследованиям за нарушения законодательных норм, у нас почему-то действуют практически безнаказанно. Приезжающие миссионеры щедро раздают несбыточные обещания — от экономического процветания до душевного комфорта, от знания своей мистической родословной в прежних воплощениях до умения при помощи взгляда управлять людьми. Тонкие и изощренные посулы психологической помощи и самопомощи находят, к сожалению, в России благоприятную почву.

Нынче большое число людей духовно потерялось. Люди не знают, к чему прислониться, во что верить, как и где найти себя. Насильственно лишенные собственных духовных корней, мы безгранично уверовали в западную цивилизацию, практически не зная ее. Уверовали в западного «просветителя», который рисовался нам и культурнее, и образованнее, и честнее нашего соотечественника, не имея истинной информации, мы в массе своей дали неоправданно высокий аванс всему зарубежному. Собственно, за этот беспочвенный идеализм мы сейчас и расплачиваемся.

Россия настежь открыла свои двери Западу. Но как доверчиво и необдуманно! Предполагал ли кто,

что первыми с этого Запада в нее ворвутся шарлатаны, воры и авантюристы, готовые воспользоваться чужой бедой, слабостью и неосведомленностью? Расчетливые люди прекрасно видели: в России есть что взять. Страна так богата материально, а народ в ней наделен способностью безгранично верить...

И последнее: в книге Джина Ричи «Тайный мир культов» приводятся цифры — сколько времени необходимо человеку, вышедшему из тоталитарной секты, чтобы полностью освободиться от ее психологического воздействия. Например, бывшему кришнаиту потребуется не меньше 11 месяцев, бывшему муниту — 16 месяцев, а сайентологу — 25,5 месяца.

ГОЛОС САМОЦВЕТНЫЙ

Не часто судьба бывает так щедра, отдав одному человеку и красоту, и обаяние, и талант. Наградив голосом, в котором — и задушевность, и чистота, и поразительное слияние с родными корнями. Когда поет Татьяна Петрова, кажется, возвращаются к нам давно прошедшие времена, времена лихих ямщиков, вечернего звона, плывущего в бескрайней деревенской тиши, горячей лучины в избе... Удивительно — вроде бы слова те же, мелодия не изменена под «нынешнее звучание», а воспринимается старинная песня так, будто сейчас написана, специально для Татьяны Петровой. И в этом, пожалуй, еще один дар, отпущенный ей природой. То, что волновало в песне когда-то давным-давно, наполняло ее печалью, тревогой, надеждой и любовью, находит сегодня отзвук в душе, когда слушаешь Татьяну. Секрет ее необычности в том, что она не копирует старинные напевы или «чистый» фольклор, а по-своему переосмысливает народную песню, поразительно точно находя нужную интонацию.

Татьяна с детства любила петь. Ее родная деревушка со странным названием Лягушино, что на Урале, славилась своими голосами на всю округу. В летние вечера молодежь собиралась за околицей, и до поздней ночи далеко-далеко разносились чистые, звонкие голоса. Татьяне тогда казалось, что не пере-

193

Музыкальная антенна

петь, не «переголосить» заливи-
стых молодух и девчонок. И все-
таки после окончания школы она
рискнула принять участие в кон-
курсе, который проводил Ураль-
ский народный хор. Как отважи-
лась на такой шаг, до сих пор объ-
яснить не может. Конкурс прошла
на удивление легко. И сейчас вспо-
минает то время как самое сча-
стливое, безмятежное, полное на-
дежд на будущее. В Уральском
хоре судьба свела ее с прекрасной
певицей Еленой Андреевной Сапо-
говой. Она и стала первым учите-
лем Татьяны. Но настал момент,
когда и работа в хоре ей уже не
казалась пределом мечтаний. Ре-
шив продолжить музыкальное об-
разование, она поступила в учили-
ще Ипполитова-Иванова. Затем
были учеба в институте имени Гне-
синых, аспирантура и постоянные
разъезды с концертами. Сегодня
она сама преподает в теперь уже
Российской музыкальной академии
им. Гнесиных на отделении сольно-
го пения. Подготовила два выпу-
ска, и среди ее учеников много та-
лантливых, преданных русской
песне...

Татьяна Петрова объехала с
концертами почти весь мир. Только
в Японии побывала пять раз, вот и
недавно вернулась оттуда. Каждая
поездка убеждает ее, что русскую
песню за границей любят и понима-
ют едва ли не больше, чем в самой
России, где и эфир, и эстрада отда-
ют предпочтение совсем другой му-
зыке. Только один факт: в обяза-
тельной программе обычной япон-
ской школы — десять русских
песен.

Хотя ни радио, ни телевидение
не балуют певицу своим внимани-
ем, Татьяну Петрову знают и лю-
бят. Казалось бы, откуда? Она мно-
го гастролирует, и в какой бы город
или село ни приехала, залы на ее
концертах всегда переполнены. Та-
тьяна никогда не отказывается от

выступлений, хотя они нередко бы-
вают бесплатными.

Недавно на фирме «Саунд» вы-
шел ее компакт-диск «Вы деньки
мои — голуби белые...» (продюсер
Виктор Кузин при содействии
Александра Дубовицкого). Боль-
шая часть песен записана в сопро-
вождении оркестра народных ин-
струментов под управлением на-
родного артиста СССР, профессо-
ра Николая Некрасова. Кстати, это
первый компакт-диск певицы в
России, предыдущие выходили
только за рубежом.

«Уже сама природа наделила
Татьяну Петрову двумя замеча-
тельными дарами — русской кра-
сотой и поющим самоцветным голо-
сом. Самой природой ей был запо-
ведан репертуар — русская песня
и романс от древности до нынеш-
них дней. Другой песне ее душа не
ответила бы с таким простодуши-
ем, радостью и искренностью...» К
этим словам Валентина Распутина
трудно что-либо добавить.

ВАЛЕНТИНА ТЕРСКАЯ

ГРЕХ СПАДЕНИЕ

ИГОРЬ ГАМАЮНОВ

География явления такова. В Ростове-на-Дону осужден следователь милиции на 8 лет: за взятку прекратил дело, которое и без того подлежало прекращению. В Черняховске Калининградской области старший следователь прокуратуры вынудил своего подследственного, сидящего в тюрьме, продать квартиру, пообещав за вознаграждение не лишать свободы... В Москве следователь Генеральной прокуратуры и районный прокурор уличены в мошенничестве и взяточничестве... В Сочи старший следователь районной прокуратуры, обещая прекратить дело, вымогал взятку в 10 миллионов рублей, а попавшись с поличным, отрицал свою вину и накануне оглашения приговора бежал из зала суда... Что заставляет их, стражей закона, хорошо понимающих, чем они рискуют, идти на преступление?

Судьба сочинского следователя особенно драматична. Молод (не было 30), незадолго до этой истории получил квартиру в центре города. Сыну 3 года.

Сколько времени теперь сын будет спрашивать маму, почему отец не возвращается из длительной командировки, неизвестно. Суд не успел вынести приговор из-за исчезновения подсудимого. (Именно потому, что приговора по делу следователя еще нет, я вынужден изме-

нить в очерке имена некоторых действующих лиц. — И. Г.) Когда найдет его Федеральный розыск? Через два-три года? В момент тайного свидания с семьей? И сколько лет потом придется ему провести в неволе?

По отзывам коллег, он не был склонен к авантюризму. Слыл трудягой. Вел дела охотно и напористо. «Сутками мог работать! — говорит о нем прокурор Центрального района Сочи Александр Казими-

ров. — Знаете, с таким азартным блеском в глазах... А у нас, как у врачей и учителей, если нет во взгляде живого интереса, надо уходить. С людьми же работаем, а не с безгласной бумагой. И однажды я заметил — взгляд у него уже другой...»

Это случилось после того, как старший следователь Виктор Простьян пришел к прокурору Казимирову с рапортом на увольнение... Позади были новоселье в новой квартире, повышение в должности, поощрение краевого прокурора за действительно самоотверженную работу... Устал? Пора в отпуск? Или в семье нелады?..

Из диктофонной записи беседы с прокурором Александром Казимировым:

«...Ну, про нынешний режим нашей работы вы знаете: нагрузки такие, что если с полной самоотдачей, то работа для нас больше, чем семья. И хорошо, если жена — твой единомышленник, все понимает. А если — нет? У Виктора возникло дома непонимание. Мол, вкальываешь от зари до зари, а купить мебель не на что, в гости сходить некогда, одежды модной нет. Я зову Виктора с его женой в гости. В застольном разговоре — только про себя, да про свою жену, да про материальные нехватки... Ну, в самом деле, если наш быт сравнить с тем, как он устроен у нынешних предпринимателей, конечно, мы проигрываем: и мебель не модная, и своих автомобилей нет, и не забита квартира японской аппаратурой. Может, это и неправильно, что прокурорские работники резко отстают в материальном обеспечении от среднего уровня. Иной раз действительно досадно: 18-летние «палаточники» на собственных «Жигулях» раскатывают, а ты, прокурор, ждешь, когда твою служебную «Волгу» в очередной раз из ремонта выпустят... Но главное-то в

нашей жизни все-таки сама работа!.. Показалось мне: после той встречи у Виктора дома вроде наступило равновесие. Но — не надолго. Через какое-то время приходит ко мне с рапортом на увольнение...»

Казимиров знал, куда собрался трудоустроиться его старший следователь. Известно: самая «хлебная» служба для знающего юриста — адвокатская. Дорого стоят нынче дельные советы людей, умеющих разобраться в запутанном клубке новых законов. А Виктор Простьян был юристом знающим.

Реакция прокурора на этот рапорт была шумной. Казимиров в таких ситуациях не очень-то обуздывает свой темперамент. «...Равно сильно предательству!» — говорил он Простьяну. «...Ты здесь, после студенческой скамьи, сформировался как юрист», — напоминал. «...Мы же тебе недавно квартиру дали!» — упрекал. «Да, нелегко, профессионалов у нас не хватает, нагрузка не маленькая, но ты же мужчина!» — убеждал.

Убедил. Забрал Простьян рапорт. А спустя несколько месяцев написал новый. И снова — бурное объяснение в кабинете Казиминова. И опять забирает Простьян свой рапорт.

Вот тогда-то заметил Казимиров: взгляд у Виктора стал другим, затаенным. Словно бы обращенным в себя самого.

В тот вечер, 16 июля, Простьяну выпало дежурить по прокуратуре. Ничего серьезного в тот день по Центральному району города Сочи зарегистрировано не было, и только ближе к полуночи явилась в друг в милицию девушка с подругой. Принесла заявление. В нем — об изнасиловании. О том, как заманил ее на ночной пляж мужчина по имени Алексей, завел в помещение,

где стоят спортивные тренажеры, усадил, а потом уложил на кушетку и надругался, применив силу.

Подробности изложены в общем-то убедительно. Правда, ни осадин, ни порванного белья пострадавшая предъявить не смогла, но, может, насильник применил болевой прием, сделавший жертву неспособной к сопротивлению? Словом, все было достаточно традиционно, кроме одной странной детали: расставаясь, насильник зачем-то назвал жертве (назовем ее здесь Валей Ванеевой) свой домашний адрес по улице Роз. И вот Ванеева пришла в милицию с этим адресом и со своей дальней родственницей Марией Спеховой, чтобы власти немедленно наказали паршивца.

Власти в лице милицейского начальника, с благословения старшего следователя прокуратуры Виктора Простыяна, на всякий случай послали на улицу Роз машину, будучи уверенными, что адрес ложный. Оказалось — подлинный. Алексей был дома и, когда его привезли к следователю на допрос, сразу признался: случился грех. Да, в зале с тренажерами, на кушетке. Но — без насилия. Как говорится, по обоюдному согласию, с условием, что еще встретятся. А иначе зачем бы он дал Ванеевой свой адрес?!

Стало ясно: любовный этот сюжет судебной перспективы не имеет. Да и сама Ванеева, видимо, рассчитывала на другое, зная, что Алексей женат и не захочет шумной огласки своего приключения, а скорее всего возместит ей «моральный ущерб» приличной суммой.

Правда, эту мысль высказала не она сама, а ее энергичная родственница Спехова. И... следователь Простыян оставил неудачливого ловеласа ночевать в дежурной части милиции.

Потом он скажет, что хотел лишь помочь уладить конфликтную ситуацию мирным путем. Что ни о каких деньгах не помышлял. Что послал своих людей вместе со Спеховой на переговоры о материальной компенсации отнюдь не из-за претензий на половину суммы, а для защиты Спеховой от возможных силовых эксцессов со стороны жены Алексея Лукина, который, кстати, содержался под стражей трое суток.

Помогал же Виктор Простыян улаживать конфликт весьма своеобразно: предложил мнимой пострадавшей написать новое заявление, где она признавалась, что никакого насилия не было и потому отказывается от претензий к Лукину. Ванеева с задачей справилась, предварительно уточнив:

— Что я с этого буду иметь?

— Половину суммы, — пообещал следователь.

— А вся сумма какая? — не унималась Ванеева, подбадриваемая неугомонной родственницей Спеховой.

— Десять миллионов...

Тогда, летом 94-го, это были деньги немалые. И «улаживание конфликта» началось.

Бойкая Спехова позвонила жене Алексея Лукина:

— Хотите выручить своего мужа? Готовьте денежки.

Договорились о встрече. Место выбрали изысканное: в зале гостиницы «Приморской», в салоне женской парикмахерской, где в небольшом фойе, оборудованном под элементарный бар, дамы и их спутники пьют за столиками черный кофе с французским коньяком и прочие дорогие напитки. Мария Спехова, работавшая до этой истории официанткой, считала себя опытной физиономисткой, поэтому, увидев настороженно-встревоженное лицо Лукиной, решила: «Ну, из этой-то тюхи мы денежки, конечно,

выбьем...» И сильно ошиблась.

Лукину волновал не столько сам ход переговоров, сколько качество записи разговора на пленку диктофона, бесшумно работавшего в ее сумочке, поставленной на стол возле чашек с кофе. Она сразу согласилась на 10 миллионов, но долго допытывалась: а каковы гарантии? С простодушием человека, привыкшего делить левые деньги, Спехова ей в конце концов сказала:

— Так ведь половина денег следователю пойдет.

Спехова торопила, и Лукина пообещала собрать деньги к завтрашнему вечеру.

К этому вечеру Простьян тщательно готовился. Виктор понимал: ему невозможно было присутствовать при передаче денег, и в то же время он твердо знал — без присмотра все миллионы могут, минуя его карман, исчезнуть вместе с бойкой Спеховой.

Он назначил Спеховой свидание на набережной реки Сочинки, в кафе «Палуба», примерно за полчаса до ее встречи с Лукиной. И познакомил там со своим приятелем Пырьевым, приехавшим в Сочи отдохнуть и остановившимся у него, Простьяна. Проинструктировал обоих: держаться неподалеку друг от друга, делая вид, будто незнакомы. Пырьев слегка удивился, не зная сути дела, но следователь разъярился:

— Сочи — город неожиданностей, а тебе нужно выполнить что-то вроде охранной функции... Поэтому будь настороже!..

Спехова, конечно, смекнула, что Пырьев приставлен к ней, чтоб не слиняла с деньгами. Взяли такси. Пересекли центр города, подъехали к тому же салону. Простьян вышел из такси чуть раньше, сказав: «Я тут подожду». Там, где он вышел, вдоль бровки тянулась вечно-

зеленая поросль довольно высоких кустов, и Спехова снова оценила предусмотрительность следователя: в любой момент может оказаться ни при чем, если дело примет скандальный оборот.

Но дело срывалось само по себе. Пришедшая в салон совершенно расстроенная Лукина сообщила, что деньги собрать не удалось, и предложила Спеховой взять пока в залог ее собственный товар, которым она торгует, — спортивные костюмы в упаковке, импортные, на ту же сумму. Спехова, заподозрив неладное, наотрез отказалась: или, как говорится, деньги на бочку, или муж будет трубить семь лет в тюрьме. Кажется, подействовало. Лукина попросила небольшой отсрочки — всего на час, «посоветоваться с адвокатом». Этот час Спехова ей дала, и Лукина тут же куда-то уехала. Простьян, узнав о неожиданном осложнении, распырился:

— Оставайтесь, а я вас буду ждать в том же кафе.

Он уехал и прождал их в кафе «Палуба» до полуночи. Был заметно взволнован, когда они приехали ни с чем: Лукина, вернувшись от адвоката, вновь предложила им товар в залог на несколько дней, пока не соберет нужную сумму, и Спехова пообещала подумать.

— Надо брать, что дают, — решил Простьян. — И не завтра, а сейчас. Завтра уже могут ничего не дать...

И Спехова, позвонив приятелю, у которого была машина, помчалась с ним в первом часу ночи на улицу Роз, в дом Лукиной, объявлять ей свое решение. Этой же ночью они вместе с Лукиной ездили к какому-то ее знакомому, хранившему дефицитный товар, грузили его в багажник, перевозили в дом подруги Спеховой, живущей на Учительской улице, куда на следующий же день приехал и следо-

ватель Простьян — убедиться: Лукина не обманула, вон они, упаковки с костюмами, лежат ровными стопками под кроватью.

Именно в этот день он, пригласив в прокуратуру всех троих — Лукину, Спехову и Ванееву, заставил мнимую пострадавшую демонстративно написать еще одно заявление, прощающее Алексея Лукина, которого, кстати говоря, буквально через полчаса выпустили из изолятора временного содержания.

Простьяну казалось: операция в общем-то завершена, остался пустяк — обменять товар на деньги, это Лукина твердо обещала сделать через два дня, все там же, у гостиницы «Приморской». И вымогатели слегка расслабились. Они не подозревали, какой именно обмен им готовят...

Из диктофонной записи беседы с прокурором Александром Казимировым:

— Судя по действиям Простьяна, можно подумать, что он не новичок в таких делах. Как он мог, будучи толковым следователем, юристом-профессионалом, пойти на преступление?

— Для меня самого это перерождение Виктора было шоком. Да, я видел, что работать он стал без прежнего напора... Подумывал уже, не напрасно ли я не подписал ему рапорт на увольнение?.. Но предположить, что он станет вымогателем, не мог...

— Сейчас, после суда и его бегства, что вы думаете о причинах его перерождения?

— Сломался человек... Видимо, изначально стержень был не очень крепок... Есть такая порода людей пылких, напористых, но недостаточно твердых в своих убеждениях. Это первое. Второе: соблазн больших денег для человека, соприкасающегося с преступным миром, постоянен, особенно сейчас, в наше время, и не все, видимо, спо-

собны его выдержать. И, наконец, третье, возможно, самое главное: сизифов труд работников правоохранительных органов... Мы задерживаем преступников, расследуем их деяния, доказываем их вину, в общем, тратим гигантские усилия. А суд, по разным причинам отменяя две трети наших доказательств, дает им символическое наказание. Преступники через каких-то полгода уже на воле — раскатывают на своих «мерседесах». И посмеиваются над нами.

Эта последняя встреча была назначена на 16.00. Там же, в баре парикмахерской № 7. За одним из столиков.

К ней готовилось немало людей. В Сочинском отделении РУОПа (регионального управления по борьбе с организованной преступностью) по заявлению Лукиной о вымогательстве шла подготовительная работа: на принесенные ею купюры 250 тысяч рублей и 625 долларов делали спецчернилами бесцветные пометки, которые при просвечивании проступили синей надписью: «РУОП. ВЗЯТКА». Саму Лукину снабдили специальным звукозаписывающим устройством, одновременно передающим запись ее разговора из помещения на улицу — в автомобиль с группой захвата.

Готовился к встрече и следователь Виктор Простьян. На этот раз у него «функцию охраны» должен был осуществить другой его приятель — Сергей Колоницын, который на своих «Жигулях» подвез Виктора к перекрестку улиц Орджоникидзе и Соколова. Остановились они возле тех самых высоких кустов, за которыми прохаживался в прошлый раз Простьян.

На часах было 15.50, когда к порогу салона подошла молодая женщина, стрельнувшая в их сторону понимающим взглядом.

— Это Маша Спехова, — объяснил Простьян сидевшему за рулем Сергею. — Ей сейчас передадут для меня долг, ты там побудь за соседним столиком. Мало ли кто ее обидеть может.

Сергей, хлопнув дверцей, не очень охотно пошел за Спеховой в салон, зная, что передача долгов через третьих лиц — дело сомнительное. На его взгляд, оправдывало Виктора лишь то, что в Сочи, городе небольшом, многие знают друг друга в лицо, а старшего следователя прокуратуры тем более и любое житейское дело могли бы истолковать по-своему.

Сел Сергей, как велено, за соседний столик, не глядя на Спехову. К ней тут же подошла другая женщина, четко проговорившая:

— Я принесла деньги. — Она придвинула к ней упакованный в бумагу пакет. — Здесь часть в рублях, часть в долларах. Будете считать?

— Да ну, что вы! Я вам верю...

Женщина ушла, и Спехова, положив пакет в сумочку, поднялась. Она чувствовала спиной взгляд Сергея, зная, что другого пути, кроме как к «Жигулям», где на заднем сиденье, скрытый затемненными стеклами, ждал Простьян, у нее не было. И пересекла перекресток.

Она успела открыть переднюю правую дверцу и протянуть увесистый пакет через сиденье, в руки Простьяну, когда автомобиль вдруг оказался окруженным людьми в штатском.

Был ли Виктор Простьян в шоке, когда его везли на первый допрос? Ругал себя за то, что поддался соблазну? Проклинал за неосторожность? Трудно сказать. Его ответы, зафиксированные в протоколе, говорят о том, что он скорее всего и к такому повороту событий был готов. Он не отрицал своего участия в «возмещении морального ущерба». Объяснял это желанием по-

скорее прекратить уголовное дело и уйти в отпуск. Поэтому «обеспечивал» безопасность Спеховой, давал ей некоторые советы и даже ездил на улицу Учительскую, чтобы на глазок оценить, стоят ли 10 миллионов упаковки с костюмами.

Единственно, что он отрицал категорически, — это получение денег. Потому что успел, когда дверцы автомобиля были распахнуты оперативниками РУОПа, отбросить переданный Спеховой пакет на переднее сиденье.

Защищался Простьян мастерски, со знанием дела, точно определяя те или иные несоответствия в показаниях своей вины. Он недолго пробыл в следственном изоляторе, добился — выпустили на волю по подписке о невыезде, что дало ему возможность общаться с участниками всей этой истории. Но толку от такого общения было мало — следствие уже записало их показания на видеокассету, и изменить их было трудно. Во всяком случае, никто из участников, в том числе и обвиняемая, признавшая себя виновной только в пособничестве получения взятки, не отважился что-либо менять в своих прежних показаниях.

И на судебные заседания Простьян являлся из дому, все-таки надеясь: не докажут его вину. Но, когда начались прения сторон и Простьян понял, что все доказано и от тюрьмы ему не уйти, решил бежать. В день, когда ему должны были дать последнее слово, на суд пришла его жена и заявила, что он исчез.

Коллеги бывшего следователя Виктора Простьяна не без удивления говорят: мог же исчезнуть раньше! Нет, прошел всю судебную процедуру, дойдя до последнего круга.

Этот последний круг окончательно вывел его за черту законности. Где он скрывается? Под каким

именем? Чем зарабатывает на хлеб? Далеко ли уехал от родного города Сочи, где каждый день в сквер, что возле его дома, выходит гулять женщина с трехлетним мальчиком, сыном Виктора, которого он, по общему мнению, фанатично любит? Долго ли сможет Простьян быть в разлуке с ним? Или будет видеться тайком, пока однажды его не выследят и не схватят?

Из диктофонной записи беседы с прокурором Александром Казимировым:

— Я понимаю: человек, испачкавший мундир, должен отбыть наказание в соответствии с законом. Хотя, конечно, Простьяна по-человечески жаль. Особенно — его семью, сына его... Но нужно и уроки извлечь из этой истории — для всей системы в целом. Ведь вы посмотрите: в разных регионах — похожие преступления, совершаемые работниками прокуратуры. И без того авторитет органов прокуратуры в последние годы был по разным причинам невысок, а сейчас — тем более. Уже не рвется юридическая молодежь в следователи. Я с трудом заполнил вакансии двумя студентами-заочниками юрфака. Сдавать сессию отпускаю по очереди. В милиции — тоже острая нехватка именно следственных работников... Пока не поднимем престиж следователей прокуратуры и милиции, не прекратим это нелепое сизифово выкатывание камней на гору, с которой они регулярно скатываются, особенно после чистых амнистий, законность в России не укрепить...

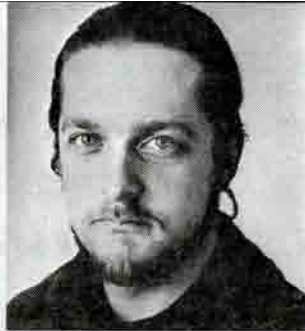
Говорил мне Казимиров об обещанном, но так и не осуществленном повышении зарплаты. О ненужной загрузке следователя черновой работой (например, расшифровкой текста кассет с видеозаписью). О том, что работники прокуратуры, осуществляющие контроль

за законностью в стране, должны быть обеспечены, пусть казенным, но хорошим жильем, дачами и транспортом, чтобы даже не думать об этом! Их головы должны быть заняты работой. Заботиться же им нужно лишь об одном — о незапятнанной профессиональной чести. А то ведь до чего дошло — о профессиональной чести сейчас уже и не вспоминают.

...Да, разумеется, прав прокурор Казимиров, в целом нужно решать проблему. Я слушал его, но мешала мне возникшая в моем воображении сцена: зеленый сквер возле дома, где живет семья Простьяна, сумеречный вечер, по аллее идут двое — женщина и мальчик трех небольших лет, к ним выходит человек в надвинутой на глаза кепке — отец мальчика, пришедший на тайное свидание, а из-за кустов профессиональным броском кидаются на него тренированные оперативники... Сбивают с ног... Заламывают руки, защелкивая наручниками... Волокут, оглушенного, к дороге, где уже рокочет мотором милицейский газик с зарешеченным окошком в задней дверце. И мальчишка, который потом все поймет и на всю жизнь это запомнит, будет недоуменно спрашивать мать: «Это кто был, папа? А зачем с ним так?»

Постскриптум. О том, как и чем закончится этот судебный сюжет, я обещаю рассказать читателю сразу, как только узнаю о его завершении.

И. Г.

В гостях у нас БАЛАБАС

Виктор Балабас считает себя комсомольцем.

Во-первых, комсомол, полагает он, — это прежде всего возраст, а ему еще нет двадцати восьми. И никто не освобождал его от той клятвы, которую он давал в школьном комитете ВЛКСМ крымского села Укромное. И, наконец, работает он в газете «Комсомольская правда»...

Вряд ли Виктор думал, что столь далеко заведет его страсть рисовать карикатуры для школьной стенгазеты. Тем более что начало его самостоятельной жизни ничего подобного не предвещало: после восьмилетки он поступил в симферопольский пищевой техникум. Однако художественность в его натуре возобладала — так над «хлебной» специальностью, и Виктор, бросив техникум пищевой, поступил в училище художественное. Тогда же он начал рассылать карикатуры по редакциям, отдавая предпочтение своей нынешней alma mater.

Затем были отделение станковой графики в Харьковском художественно-промышленном

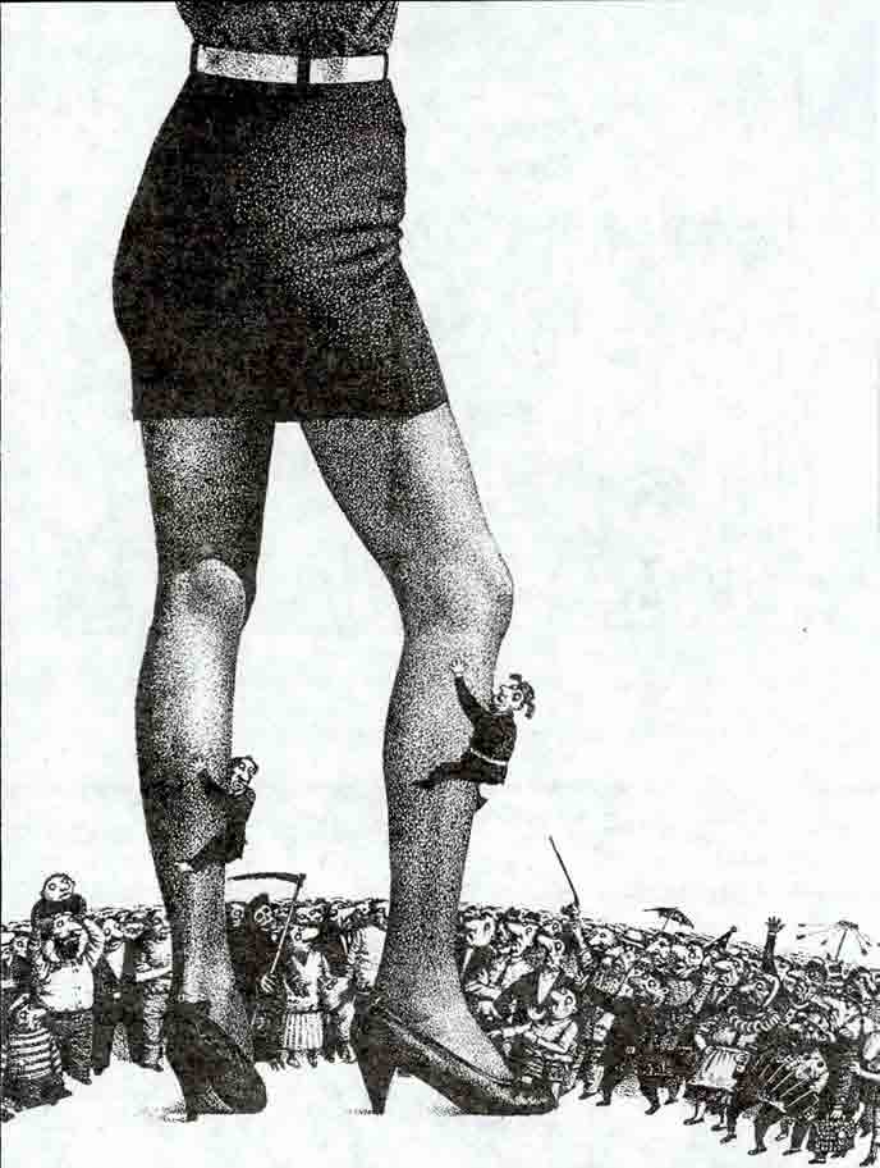
институте, комната в общежитии на четверых, рисование карикатур, отправка их в столицу и ежемесячные визиты в библиотеку: что же напечатано? Печатали много, год назад пригласили на конкурс в Италию — а когда он, с дипломом победителя, возвращался через Москву домой, его позвали в штат «Комсомолки».

Редакция оплачивает Виктору двухкомнатную квартиру на окраине столицы. Он купил мебель и раскладушку — для друзей, зачавших из Харькова и Симферополя. Круто переменялась жизнь харьковского студента! Взамен приходится много рисовать — «балабасить». В день по две-три карикатуры. И, как вы можете убедиться, он с этим справляется успешно.

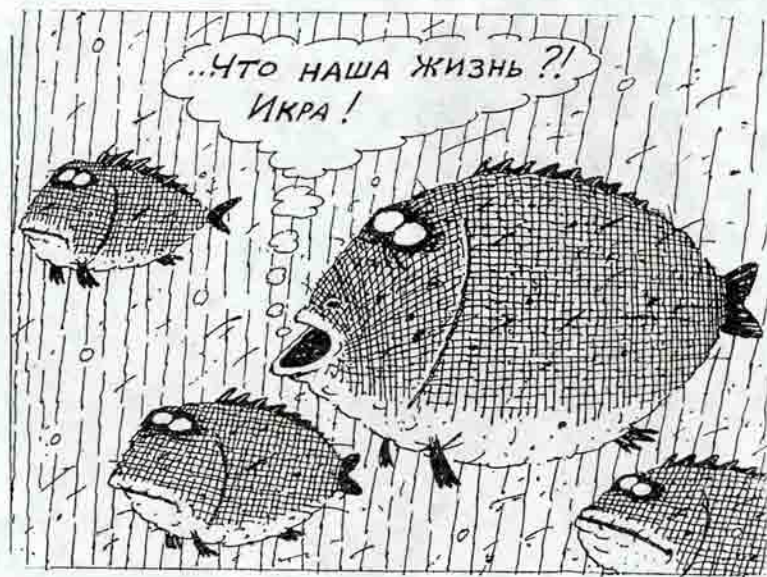
Неплохой старт для двадцатисемилетнего художника. А у Балабаса еще, как пелось в комсомольской песне времен его отрочества, вся жизнь впереди.

А значит, у нас впереди — очередные «балабасы»...

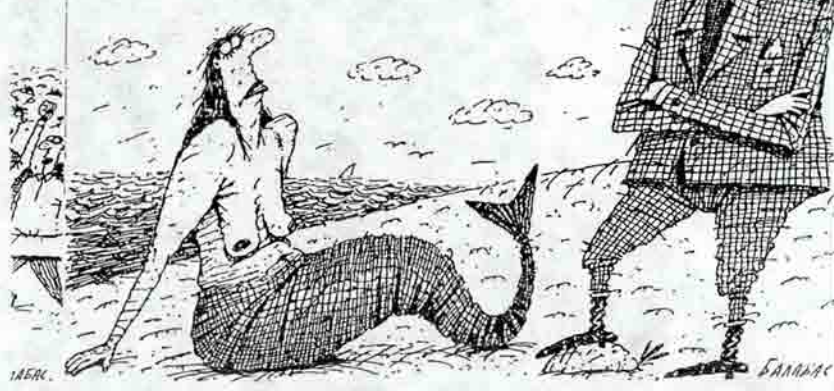
СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

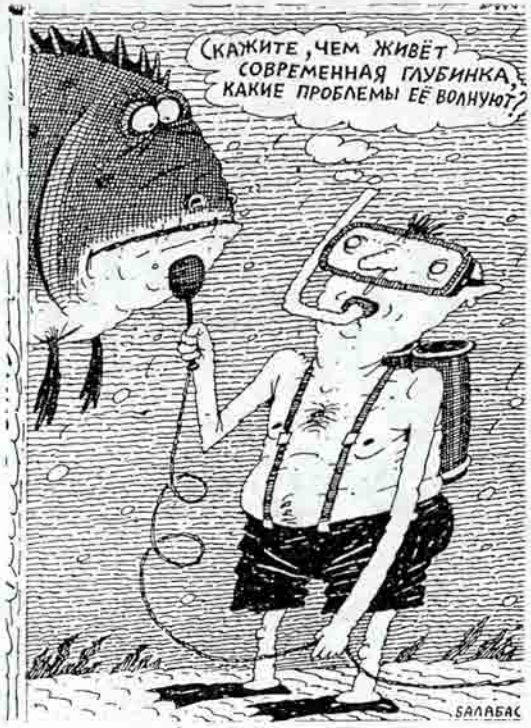
• BALABAS •

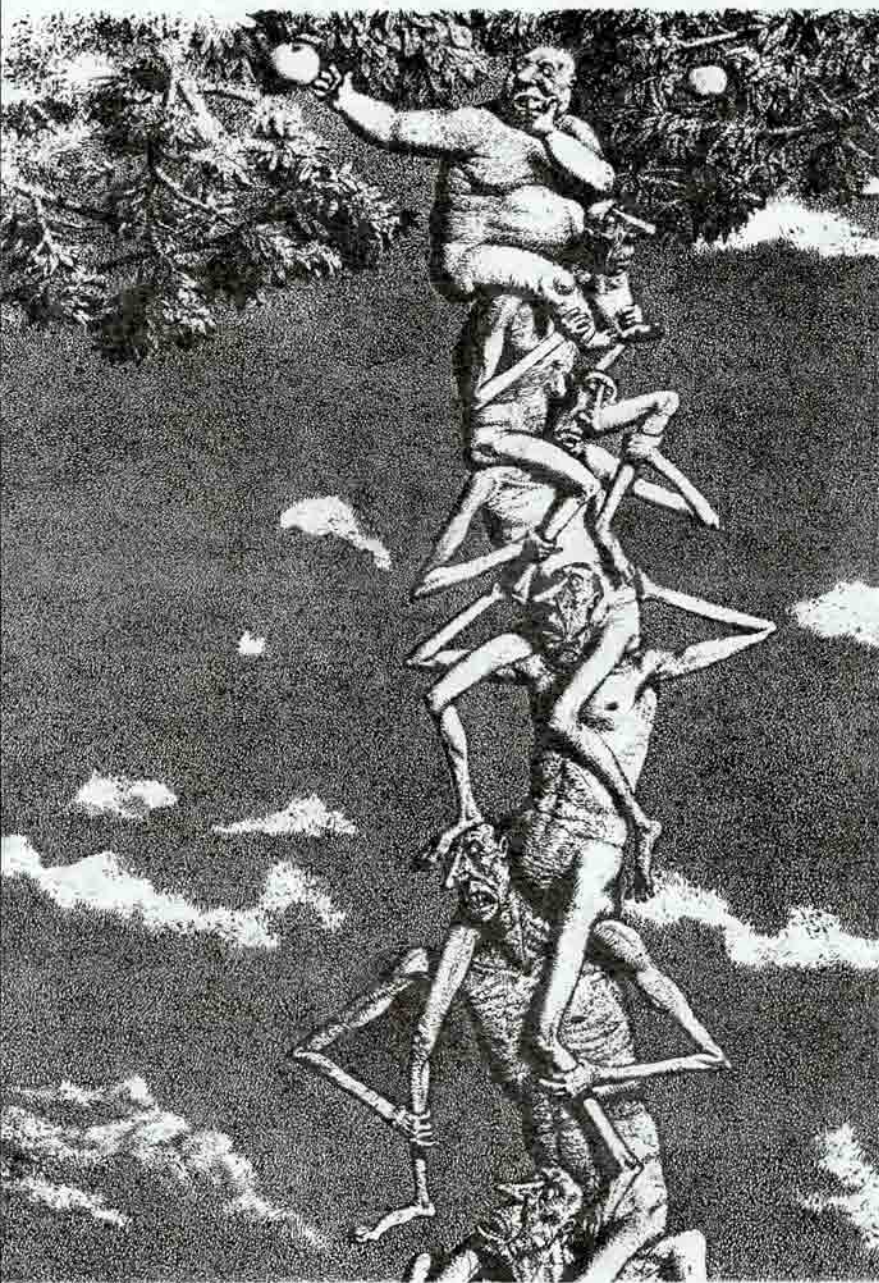
СЛЫШЬ-КА, А ПРАВДУ ГОВОРЯТ,
БУДТО РЫБА ИЩЕТ ГДЕ ГЛУБЖЕ,
А ЧЕЛОВЕК ГДЕ ЛУЧШЕ ?..

СКАЖИТЕ, ЧЕМ ЖИВЕТ
СОВРЕМЕННАЯ ГЛУБИНКА,
КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ВОЛНЮТ?

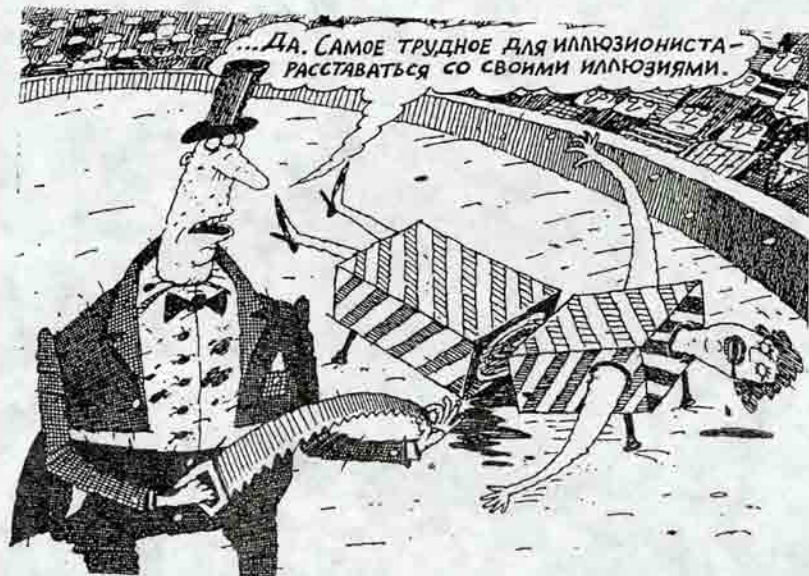

...ГУБИТ ЛЮДЕЙ НЕ ПИВО,
ГУБИТ ЛЮДЕЙ ВОДА!

...ДА. САМОЕ ТРУДНОЕ ДЛЯ ИЛЛЮЗИОНИСТА -
РАССТАВАТЬСЯ СО СВОИМИ ИЛЛЮЗИЯМИ.

ИВАН КОКОРЕВ

ВЕСЕЛКАМЪНЪА

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Видно, всегда была Москва лакомым кусочком, и разного рода российский люд тянулся в нее издавна. Целыми колониями жилали в Москве далекие и ближние пришельцы, не чиня неудобств и неудовольствий коренным ее жителям; каждому полезного ремесла пришельцу находилось в Москве свое собственное, у другого не отнятое, но исключительно по трудам и заслугам определенное место. Что говорить, приятно вспомнить и, что скрывать, горько сознавать, что нынешняя Москва стонет от пришельцев... как бы это выразиться, нетрадиционных, что ли, но становящихся, увы, привычными профессий. Вот и поди осуди москвичей, что не обнаруживают они сегодня прежнего гостеприимства...

В те времена, о которых пойдет речь — а это 40-е годы прошлого века, — Москва, напротив, принимала разномастных пришельцев охотно, как добавок к ее собственному стилю, и добавок этот становился даже своего рода изыском, отличавшим Москву от других российских и иноземных городов. Об этом, собственно, и рассказывается в очерках, которыми мы пополним историческую рубрику, потеснив привычных ее персонажей — императоров, министров, генералов, сановников, — и нынешний экскурс в прошлое пройдет не через дворцовые анфилады или поля сражений, а по кривым московским улицам и переулкам, воскрешая, кстати сказать, забытый, однако весьма популярный в русской литературе жанр — «сцены народного быта».

Хотя речь пойдет о такой прозаической материи, как уличная торговля и мелкий извозный промысел, нынешний читатель почувствует, что и в этом отнюдь не романтическом роде человеческой деятельности была своя поэзия, неповторимая эстетика и, главное, та самая человечность в общении друг с другом, которой стране нашей недостает сегодня в таких изрядных дозах, что ностальгия по старому доброму русскому быту становится одной из потребностей времени.

Но, кроме очевидного историко-познавательного значения публикуемых очерков, современный читатель, несомненно, отметит и великолепный, богатый, во всей красе своей русский язык — не выхолощенный и не испорченный губительным «новоязом» последних десятилетий. Это, впрочем, совсем не случайность.

Дело в том, что автор очерков — московский бытописатель Иван Тимофеевич Кокорев (1826—1853) — принадлежал к так называемой группе «молодой редакции «Москвитянина», объединявшейся вокруг А. Н. Островского (А. А. Григорьев, Л. А. Мей, П. И. Якушкин, С. В. Максимов), «почвенников», по определению Достоевского, для которых простонародный русский язык был так же важен, как и сама жизнь народных низов, с такой любовью ими изображаемая, в чем, как нам кажется, читатель имеет возможность убедиться.

ЯРОСЛАВЦЫ В МОСКВЕ

В царстве, где солнце не знает заката, земли столько, что, будь в нем народа вдвое, втрое более, чем теперь, переходит в него сколько хочет Европа, для всех станет места. Но и при этом раздолье у нас в иных местах тесно, то есть, впрочем, только для нашей охоты до простора, а вершковому немцу как раз было бы по мерке. Да вдобавок и земля-то иногда не мать родная, а хуже мачехи, не дает никаких угодьев. Что тут делать, как быть? Перешел бы на другое место, разумеется, если есть на то закон: да легко сказать — покинь свою сторону! Здесь я родился, здесь привел бы Бог и кости в землю сложить, на том же погосте, где лежат мои кровные; здесь я вырос, знаю, почитай, всю округу как свои пять пальцев; везде у меня есть люди близкие, свои — кто сват, кто названный брат, кто просто дружище... А там, на чуже, ну что я буду? От одного берега не отстану, к другому не пристану. Засядешь как курица на насесте. Мне еще мила своя изба. Бог не без милости; авось промаячимся и на старом, насиженном гнезде. Я не без рук, здоровья и сил не занимать статью. Коли здесь нет работы, поищем ее; земля не клином сошлась.

— Слушай, батюшка! Благослови меня идти на чужую сторону, в Москву али в Питер, на заработки; там много нашего брата живет, а я из твоей воли не выйду нигде. На подмогу тебе останется брат, Ванюшка мой подрастает; да и я, по силе, по мочи, стану присылать, что заработаю. Отпусти, родной.

— С Богом, сынок; на дурное не благословлю, а на хорошее сам Бог велит. Да смотри: Питер бока повытер, а в Москве толсто звонят, да тонко едят, говаривали старики; так ты глаз-то не распускай, не ошибись как-нибудь.

И пошел мужичок примерно к нам в Белокаменную, пошел с одной котомкой да с тою смышленостью и умением принаравливать всюду, куда ни поверни, — этими двумя способностями, которым мы сами в себе не надивимся. Таким гостям всегда есть место в Москве. Владимирец принялся за плотничество, в офени* или в кулаки** пошел, а то «по ягоду, по клюкву», стал распевать; ярославец сделался каменщиком, разносчиком, сидельцем в гостином дворе и, наконец, трактирщиком; ростовец поступил на огорода; тверитянин с рязанцем явились как простые чернорабочие, поденщики; туляк принес с собой ремесло коновала, а костромич и галичанин — бондарное мастерство или кровельное со стескольным; корчевец начал тачать сапоги; подмосковный — искусник на все руки: и в извозе ездить, и с лотком на голове ходить; коломенец, сверх того, печет калачи и на барки нанимается;

* Офени — торговцы в разноску и в развозку галантерейным товаром, лубочными книгами, картинками и пр.

** Слово «кулак» употреблено здесь в том значении, как объясняет его словарь Даля: «кулак — бойкий и ловкий человек; перекупщик, переторговщик, маклак, просол, сводчик, особенно в хлебной торговле на пристанях и базарах, сам безденежный, живет обчетом, обмером».

можаец с звенигородцем — летом мостовщики, а зимою ледовозы, пыльщики, древоколы. Из широких степных губерний, где человеку только что в пору управиться с благодатною землею, к нам не ходит никто. С недавних пор стали похаживать белорусские крестьяне, да и они большею частью работают на чугунке*, так поэтому и нейдет им быть в счете московских пришельцев.

Но ни в Москве, ни в Петербурге нет гостей многочисленнее ярославцев, и никто так сразу не бросается в глаза, как они. Не подумайте, однако, чтобы их выказывало высокое «о», на которое усердно напирал ярославец у себя дома; нет, благодаря своей переимчивости он, живя в Питере, сумеет объясниться и с чужною, и с немцем; а свести понемногу, как пообживется, свое родное «о» на московское «а» ему уж нетрудно. Отличие его совсем не то.

Взгляните на этого парня: кудрерусый, кровь с молоком, смотрит таким молодцом, что хоть бы сейчас поздравить его гвардейцем; повернется, пройдет — все суставы говорят; скажет слово — рублем подарит; а одет — точно как будто про него сложена песня: «По мосту, мосту, по калиновому», — и кафтан синего сукна, и кушак алый, и красная александрийская рубашка, и шелковый платок на шее, а другой в кармане, и шляпа поярковая набекрень, и сапоги козловые со скрипом. Так бы и обнял подобного представителя славянской красоты! Это и есть ярославец белотельный, потомок тех самых людей, которые три пуда мыла извели, заботясь смыть родимое пятнышко.

Да вот вопрос: откуда же взялась у него, конечно, не молодецкая выправка, с которою он, зная, родился, а та щеголевая одежда, что далеко не по карману и обычаю крестьянскому? А вот откуда. Между всеми столичными пришельцами и с огнем не найдешь никого смысленнее ярославца. Примется он, положим, за розничную торговлю с единственным рублем в кармане, поторгует месяц, много два, серым товаром, а потом у него заведутся и деньжонки, и кредит, и пойдет он разношивать «пельсины, лимоны хороши, коврижки сахарны, игрушки детски, семгу малосольну, икру паксу, арбузы моздокские, виноград астраханский» — товар все благородный, от которого и барыш не копеечный. Найдется ли ярославец в сидельцы, и тут он умеет зашибить копейку, не пренебрегая, впрочем, выгодами своего хозяина. А что за ловкость у него в обращении с покупателями, что за умение всучить вещь, которая или не показалась вам, или нужна не к спеху, но к которой вы попробовали прицениться! Что за вид простосердечия в божбах и истины в уверениях насчет доброты товара! Какое мастерство в знании, с кого можно взять лишнее, кому следует уступить, с кем необходимо поторговаться до упаду! Как раз применяется к нему поговорка: «Ласковое телятко две матки сосет». Прошу не считать эти похвалы преувеличенными: ярославец мне не сродни, взток я с него не брал и говорю чистую правду. Не угодно ли сравнить его с любимым разносчиком, вот хоть с этим яблочником, которого по ухватке сейчас видно, что не ярославской породы.

* Т. е. на железной дороге.

— Почем за десяток? — спрашиваете вы у мешковатого продавца.

Он объявляет цену, вы торгуетесь, он поддается упрямо, как медведь, цедит слова сквозь зубы, чуть-чуть не грубит; настоящий мужичина.

— Пропадай ты с яблоками! — говорите вы в заключение, не поладив с разносчиком.

— Сами, барин, дорого очень покупали, — отвечает он в свое оправдание, которого, разумеется, вы и знать не хотите, желая вопреки пословице купить *дешево и мило*. Этими качествами всегда готов услужить ярославец.

Подходит к нему покупатель мало-мальски почище одетый, он и шапку долой, и благородием повеличает, если не довольно ходячего «сударя». Запросит он бессовестно, но зато можете торговаться с ним сколько душе угодно. У него на все есть резоны.

— Сами изволите видеть, какой товар. Дадите дороже, такого не купите. Во рту тает словно ананас, хоть бы королю на стол. Закушайте, сударь, опробуйте, и денег не возьму, коли не одобрите.

— Хороши, да дороги...

— Поверьте честному слову, один грош на десяток наживаю. Как перед Богом, сударь, торговля такая стала, хоть в деревню ступай... А уж каких яблок отберу я для вашей милости, что ни на есть самых лучших. Только лишь для почина, не за продажею дело стало.

Неловко не купить у такого славного парня. А «почин, который дороже денег», и уважение к вашей милости продолжают у ярославца целый день; под исход же товара он начинает продавать «для вечера». И благодаря своей догадливости он всякий день возвращается домой с порожним лотком, между тем как нерасторопный его сотоварищ, который виноват лишь тем, что природа отказала ему в даре слова и лисичьей натуре, приходит на ночлег усталый, нагруженный — только не деньгами, а нераспроданным товаром.

Тайна превосходства ярославца заключается главнейше в том, что он вполне смекнул торговую аксиому: «Отнюдь не должно упускать покупателя, если навернулся он». Поэтому он чрезвычайно учтив и низкопоклонен не с одними «сударями», но и со всяким, даже со своим братом, серокафтанником. Он кланяется не кафтану, а карману. Одного он чувствует «купцом» (преимущественно дородных покупателей), другого «почтеннейшим», третьего «добрым молодцем»; покупательницы у него — кто «умница», кто «красавица» и уж никак не ниже «тётенки». Политичный человек наш ярославец!

. Нередко выручает его и прибаутка. Послушайте присказку блинника, звонко выкрикивающего свой товар:

*С самого жару,
По грошу за пару!
Вались, народ,
От всех ворот,
Обирай блины,
Вынимай мошны!*

И народ окружает весельчака предпочтительно перед другими разносчиками, потому что для рабочего человека случай посмеяться от души стóит в иную пору рюмки водки; клюква и патока любезны ему не столько сами по себе, как потому, что всегда сопровождаются песнями и прибаутками.

Не гневайтесь, читатель, что я осмеливаюсь занимать ваше внимание таким ничтожным человеком, как блинник, который и сам, чувствуя свое незавидное положение, не дерзает показываться в порядочном уличном обществе. Не знаю, случится ли вам когда услышать, что в старинные годы один ярославец, начавший свое торговое поприще с блинным лотком, передал наследникам до полумиллиона рублей капитала, а другой, торговавший сперва яблоками-мякушками, добился под конец своей жизни до трех тысяч годового дохода; для меня же эти два факта служат лучшим оправданием и дают законное право продолжать беседу о ярославцах.

Конечно, не всякому так прытко повезет судьба: кому какая линия. Уж если на роду написано тебе ходить день-деньской с лотком, гранить мостовую, распевать что есть мочи, грех еже-часно брать на душу кривой божбой, то и в гроб пойдешь с этим. Но и тут не следует Бога гневить: большому кораблю большое и плавание и простор совсем другой требуется, а ты маленький человек и должен мотать себе на ус поговорку: «Всяк сверчок знай свой шесток». Ведь тоже живешь, по милости Создателя, не хуже людей: сыт и без разносолов; чай в складчину с товарищами пьешь, почешь, всякий день; и рюмку нашему брату позволительно хватить в праздник, лишь бы дела она не портила; на гуляньях на всех бываешь даром; на ночлег придешь не куда-нибудь в нехорошее место, а на свою фатеру; сочтешь торговлю, смекнешь барыш, да и за ужин, а стряпает тебе кухарка, на то и нанимаем ее всюю артелью. Денежка про черный день тоже не переводится у тебя; оброк с подушными платишь как следует да, кроме того, домой, в семью, рублей с полсотни перешлешь. Все слава Богу!.. Эх, братцы-землячки! Подхватывай дружно:

*Распрекрасная сторонка
Ты, наш город Ярославль!..*

Хорошая песня, да некогда слушать ее. До сих пор мы только вполонину познакомились с ярославцем, видели его лишь на улицах; взглянем же теперь на блистательнейшую сторону его деятельности — на ярославца-трактирщика.

Здесь прежде всего поражает следующий замечательный факт: между разносчиками встретите многих и не с ярославской стороны, но трактирщики все оттуда. Трактирщик не ярославец — явление странное, существо подозрительное. И не в одной Москве, а в целой России с незапамятных времен белотельцы присвоили себе эту монополию. Где есть заведение для распивания чаю, там непременно найдутся и ярославцы, и, наоборот, куда бы ни занесло их желание заработать деньгу, везде норовят они завести хоть *растеряцью*, коли не трактир. Не диво, что при таком сочувствии к чаю в Ярославской губернии найдется множество семейств, в которых от подростка до старика с бороδοю — все трактирщики; не диво, что иной ярославец три четверти жизни

своей проведет в трактире: мальчугой он поступит в *заведение*, сперва на кухню, для присмотра за кубом, за чисткою посуды, и в это время ходит чрезвычайным замарашкой, в ущерб своему лицу белому; потом, за выслугу лет, за расторопность, переводится в залу, где приучается к исполнению многосложных обязанностей полового, бегаёт на посылках, и, наконец, после пятилетнего, или более, искуса делается полным *молодцом*; возмужалый, он нередко повышается в звание буфетчика, а на закате дней отправляет важную службу приказчика — и часто все в одном трактире. Зато уж каким мастером своего дела становится он и как кипит это дело у него в руках! Разносчик часто из корыстных видов умастивает покупателя, озабочиваясь сбытом своего товара; напротив, побуждения трактирщика к услуге гостю гораздо благороднее. В заведении на все существует определенная цена, запросов нет, всякий приходит с непререваемым желанием подкрепить чем-нибудь силы; следовательно, половому остается лишь оправдать доверие, оказанное его заведению гостем, прислужить вам — если не всегда верою и правдою, то по крайней мере усердно и ловко. Если гость почетный, ярославец ведет его чуть-чуть не под руки на избранное место: «что прикажете, чего изволите, слушаю-с, сударь» — не сходит у него с языка при выслушивании распоряжений посетителя. Воля ваша исполняется в мгновение ока, и ярославец отходит на почтительное расстояние или спешит встречать новых гостей, готовый, однако, живо явиться на первый ваш призыв. И надобно иметь такие же зоркие глаза и слухменные уши, как у него, чтобы среди говора посетителей, звона чашек и нередко звуков музыкальной машины отличить призывный стук или повелительное — *челлаэк*, произносимое известного рода гостями; надо обладать его ловкостью, достойной учителя гимнастики, чтобы снова со скоростью семи верст в час и взад, и вперед, то по зале, то к буфету, то на кухню, снова среди беспрестанно входящих и выходящих гостей и не задеть ни за кого.

Ярославец, когда он несет на отлете грузный поднос в одной руке и пару чайников в другой, несет, едва касаясь ногами до пола, так что не шелохнется ни одна чашка, — потом, когда бросает (ставит — тяжелое для него слово) этот поднос на стол и заставляет вас бояться за целость чашек, — он в эти минуты достоин кисти Теньера...

Впрочем, доскональная причина чрезвычайного усердия ярославского полового, если раскусить его хорошенько, окажется не так бескорыстною, как показалось с первого разу, при сравнении его с разносчиком. Предположим, что вы почитатель народности, рады всякому случаю ознакомиться с подробностями быта простолюдинов: очень естественно, что приятно изумленные ловкостью мужичка, взятого от сохи, но который понатерус до того, что заткнет за пояс любого официанта, вы не проминуете потолковать с ним. Расспросите, откуда он, чей, женат ли и проч.; слово за словом, дойдете и до вопроса: «Как идут дела?»

— Да что, сударь, — ответит ярославец, — дела как сажа бела. Жалованье небольшое, туда-сюда все изойдет, еле-еле натянешь концы с концами: оброк надобно заплатить, в деревню что-нибудь

послать, на сапогах да на рубашках сколько пронесишь — сами изволите знать, что с нас чистота спрашивается. Сказать правду, живешь в этой должности больше по одной привычке. Не что как в городе, у Бубнова, у Морозова, у Печкина*, — там нашему брату житье разлюли. Хозяева солидные, двадцать лет у одного прослужишь, и за услугу он всегда тебя наградит; на волю скольких откупают. Жалованье вдвое супротив здешнего, а дохода втрое супротив жалованья. Народ ходит все первый сорт, на чай дают по малости полтинник; городские купцы ситцами, материями дарят служителей. Вот это житье, и умирать не надобно... А здесь голо, голо да посинело. Какие гости ходят? Трое три пары спрашивают, чайников шесть воды выдуют, да еще норовят своего сахара принести, чтоб и четвертому было что пить. Все голь перекатная, мастеровщина, или выжиги-торговцы — кто пыль в проходном ряду продает, кто колоннальные товары — капусту да свеклу — развозит. Тут взятки гладки; на масленице разве на пряник что-нибудь из глотки вырвешь. Только слава лишь одна, что заведение стоит на бою: а рынок как есть рынок. Хорошие господа, примерно как вы, очень редко ходят. Вот, сударь, к слову пришлось: на чай бы, если милость будет, ярославцам пожаловали; напились бы мы за ваше здоровье...

Расцедритесь, посетитель, примите во внимание покорную просьбу пологого: право, не раскаетесь. Ведь он не протранжирит пожалованных денег, а запишет их в дележную книжку и употребит на дело; чай хозяйский и без того он пьет два раза в день. Сухая ложка рот дерет, а как смажете ее, то встречать и провожать вас станут с поклонами и прислуживать будут вдвое усерднее, и трубку Жукова** подадут даром, и Пчелку*** на дне моря отыщут, и сливок принесут с пенками; мало того: если вас посетит безденежье, благодарный ярославец поручится за вашу добросовестность перед хозяином, примет трактирный долг на себя. И хотя при этом он часто делается жертвою обмана, но деликатность его в отношении к хорошему гостю все-таки не прекращается.

Число ярославцев, временно живущих в Москве, можно определить приблизительно: трактирных заведений в ней считается более 300; следовательно, полагая кругом по десяти человек служителей на каждое, выйдет с лишком три тысячи одних трактирщиков; да, наверно, столько же наберется разносчиков и лавочников. Эти шесть тысяч человек составляют здесь промышленную колонию, и как ни привольна жизнь в столице, а все дома лучше. И ярославец как можно чаще навещает свою родину — разносчик každогодно, а трактирщик, смотря по обстоятельствам, через два-три года. Приезжают они домой в рабочую пору и сгоряча, в охотку работают на славу; привозят с собою и гостинцев, и денег, и разные прихоти цивилизованного быта, к которым приучились в

* Трактиры Бубнова, Морозова и Печкина пользовались большой популярностью в старой Москве: Бубнова — среди купечества, Печкина — у актеров и писателей.

** Жуков табак — трубочный табак фабрики В. Г. Жукова.

*** Пчелка — так называли тогда газету «Северная Пчела», издаваемую Булгариним и Гречем.

Москве; поживут себе как гости, да и возвращаются опять наживать копейку. И наживают они ее до седых волос, а все кажется мало, и все не знают они, когда пойдут на окончательный отдых в дедовскую избу да станут, полеживая на теплых полатях, вспоминать старину и учить внуков, как следует вести себя в матушке-Москве...

Впрочем, не одни ярославцы, все мы, даром что временные жильцы на сем свете, а хлопочем и волнуемся до гробовой доски, не ведая и не предвидя, когда начнем приготовляться к отъезду на вечную квартиру.

ИЗВОЗЧИКИ-ЛИХАЧИ И ВАНЬКИ

«Ну, гнедко, пора и ко дворам! Вон и лавочки запирают. Сколько ни стой, ничего не выстоишь. Вишь, какую Бог послал погоду и сверху, и снизу. А хоть бы плохой седок навернулся: съездить на пятачок, так и будет ровно три четвертака. Что ж, и за это надо благодарить Бога! Вчера выездил и больше, до целкового, почесть, не хватало, да деньгам-то поклонился. Надо же быть такому греху. Кажись, на что лучше седока: двугривенный в час, и езда недалняя, и на водку тебе будет, коли хорошо поедешь. «Уж заслужу, сударь, — говорю я, — прокачу вашу милость, то есть так, что хоть бы на лаковых санках не стыдно». «Ладно». Едем мы. Посадил я его на Плющихе, окружили мы Арбат, Тверскую, Петровку. «Стой здесь». — «Слушаю-с». — «Тебе следует за три часа, так ли?» — «Сами изволите знать, — говорю я, — не обидите нашего брата». «А водку пьешь?» «Грешный, — говорю, — человек, употребляю». «Ну, сейчас вышло деньги, и водки тебе принесут». А сами и шмыг в трактир. Жду; этак и с час уже и прошло, а я все стою да жду. Кой прах! Уж не запомнил ли барин про меня? Дай наведуясь. Вхожу — глядь туда-сюда — нет моего седока. «Что тебе, погонялка?» — спрашивают половые. Да что, мол, вот так и так, братцы. «Ну, — говорят зубоскалы, — здесь такого и не сидело: прозевал ты, ворона, ясного сокола, барин-то твой, видно, жулик, улизнул задним ходом на другую улицу». Что тут делать? Подумал, подумал, плюнул да и поехал. Подавись ты, разбойник, моей трудовой копейкой; коли много тебе надо, не разбогатеешь, чтоб тебе ни дна ни покрышки, а уж когда-нибудь наскочишь. «Простофиля ты, — толкует Серега, — настоящего седока сейчас видно по ухватке». Да, поди-кась, влезь ему в душу. На лбу, что ли, у него написано, какой он есть человек: барский ли барин, заправский ли или просто шишимора? Одет важнительно, с усами, шуба какая, часы, и говорит, как следует барину... Эх, житье, житье ты разбедовое!.. Ну, гнедко, двигайся, овсеца прибавлю...»

Так беседует сам с собою злополучный *ванька* * (он же «бесколodный» и «ночник»), колеся Москву, рыская по улицам и закоул-

* Васька — по словарю Даля: «зимний легковой извозчик на крестьянской лошаденке и с плохой упряжкой, который не стоит на бирже, а стережет ездовых по улицам».

кам, радушно предлагая свои услуги встречному и поперечному, терпеливо вынося насмешливые ответы многих прохожих: «Куда тебе, не довезешь!» А, сказать правду, вовсе не заслуженно терпит он такое презрение. Конечно, лошаденка у него взята из-под сохи, сани — самодельщина, сбруя наполовину из веревок, кафтанишка плохой, шапка с нахлобучкой; сам он мешок такой, редко дорос до казенной меры*; сидит увальнем, скорчившись в три погибели; едет нога за ногу, трух-трух, беспрестанно понуждая нерьяного своего коня и словом, и делом, вожжами и кнутом; среди улицы, в виду всей честной, зевающей публики, к невыразимому стыду своего седока, вдруг остановится поправлять шлею или убеждать гнедка, чтобы не артачился и не забывал своей обязанности: случится где ехать в гору, ванька, жалея своего кормильца, слезет с саней и, хоть раскричись седок, пойдет пеший, вожжи в руках, пока минуется трудный путь... Все это так известно и известно москвичам; но обращали ли они должное внимание на добрые качества бедного возницы? Нет, тысячу раз нет! Пусть же свидетельствуют за него сами факты.

Ранним утром, когда половине человечества — самый сладкий сон, а другой — забот полная охапка, кто в эту пору появляется на помощь людям, созданным на правах пешего хождения по свету, и ускоряет ход их дел? Ванька. А в глубокою полночь, у театров, у клубов и прочих приютов веселья, среди карет, колясок, саней с медвежьею полостью кто предлагает свои дешевые услуги скромным весельчакам, у которых весь экипаж, как говорят они, заключается в калошах, кто развозит их по ночлегам? Ванька. А в слякоть, в метель у кого находит успокоение усталый, продрогший пешеход, вызванный на улицу безотступною нуждою? У ваньки. Поздним вечером кто шажком плетется по малолюдной улице, по глухому переулку, как будто чуя, что здесь в одном доме справляется вечеринка, запоздалые гости собираются домой, опасаясь, однако, и вечерней поры, и дальней дороги, и не знают, где найти извозчика? Кто точно из-под земли вырастает в ту решительную минуту, когда радушный хозяин сбирается уже сам провожать гостей? Ванька. Усаживает он многолюдную семью в сани, семилетнего сынка берет к себе на руки и едет не спеша, потому что тише едешь, дальше будешь, — дорогою разутешает ребенка, позволяя ему править лошадью, и подобру-поздорову, без всяких приключений достигает до места.

А сколько таких пешеходов, которым нужна не скорая езда, а спокойствие да возможность притащиться куда-нибудь не «на своих двоих»; сколько еще более таких, которые обязаны нагружать себя кульками и узлами пуда в полтора весом; немало, наконец, и тех людей, для которых прокатиться на извозчике — удовольствие, позволяемое себе лишь в торжественных случаях, когда в кармане шевелится лишняя копейка. Для них всегда и везде готов ванька, и от них уже редко слышатся сетования на медленную езду. Обе стороны совершенно довольны друг другом и во изъявление взаимного сочувствия заводят между собою разговор, большею частью о чем-нибудь о житейском: седок распра-

* Казенная мера — мера роста, установленная при приеме в солдаты.

пшывает про деревенские обстоятельства, про семейный быт ваньки; а этот последний допытывается, для чего строят «чугунку» и смиренно ли сидит француз. Словом, за пятак тут для обоих соединяется, по правилу Горация, приятное с полезным.

Не таков извозчик-лихач. Не кочует он по улицам порожняком, не выезжает на промысел ни свет ни заря, не морит себя, стоя до полуночи из-за гривенника. Улицы кипят народом, ванька уже успел упарить лошаденку и пробирается в укромное местечко задать ей корму; а лихач только что в эту пору выезжает на биржу. Утром он посиживал в трактире, распивая чай в складчину с товарищами и растабаривая о вчерашних похождениях; потом холил коня, снаряжался сам — времени прошло и немало. Впрочем, дело не терпит почти никакого ущерба от этого замедления, потому что седоки лихача показываются не ранее полудня. Приехал он на биржу, перекрестился, раскланялся на все четыре стороны, стал и будет стоять, не зазывая без разбора всякого прохожего, не гоняясь за дешевым наемщиком, за ездой менее рубля. Седоки наворачиваются к нему редко, да метко, и один стоит десятерых.

Вон идет барин: по осанке видно, что ноги его созданы не для ходьбы, и за делом ли, за бездельем вышел он, а следует ему взять извозчика. И лишь едва кивнул он головой — мигом встрепенулась биржа, лихачи шапки долой и обступили желанного. «Куда, ваше благородие?» — «Со мной, батюшка, с старым извозчиком, я и допрежь возил вашу милость...» — «Возьмите, сударь, рысистую». — «На иноходе прокачу, ваше сиятельство!» — «С первым, барин, со мной, с кем рядились...» — «Возьмите меня, сударь, заслужу... у меня и сани с полостью...»

Оглушенный залпом этих возгласов соперничества, наемщик может зато на выбор выбирать, что более ему по вкусу, — окладистую ли бороду, казистые ли сани или ретивого коня. Выбрал, сторговался — извольте садиться. Ну, Петруха, гляди в оба, не в один, не осрамись, валяй, качай — даст барин на чай... «Эх, голубка!» — крикнет лихач, дернет вожжами, чмокнет — и пошел. Только его и видели, пока разминался горячий рысак. Вот она, русская езда. «Дымом дымится дорога»; не едешь, а летишь; дух замирает в груди, а чувствуешь себя как-то бодрее, могучее, сознаешь свое превосходство над всем, что идет и стоит кругом, мелькая в глазах быстрее стрелы. «Поди, поди, держи правой-то! Что разинул рот, извозчик?» — кричит лихач, и, послушный повелительному голосу, смиренно жметя к стороне ванька, поспешно перебегает дорогу пешеход или, изумленный, останавливается на половине пути; а лихач все мчитя, обгоняет и пару, и четверню, даст на минутку вздохнуть разгоряченному коню, вдруг гикнет и опять погонит быстрее прежнего.

А как он сидит, как правит, как мастерски избегает столкновения со встречными экипажами, как повелительно приказывает остановиться едущему вереницей обозу! Что за расторопность в отыскании сбивчивых переулков, что за умение угодить седоку и окольным, но верным путем подобраться к его карману! «Это тебе, братец, на чай», — молвит удовлетворенный донельзя барин

при расплате. «Много довольны вашей милостью», — скажет с поклоном лихач, тряхнет кудрями и поедет — «протирать глаза» вырученным деньгам, распивать порцию чаю, если только, к счастью его кармана, не попадется на пути новый седок.

Вообще лихач хотя и не пьяница и не мот, а денежкам у него не вод; особенно если он живет не в работниках, сам по себе, и большой, и меньшей — весь тут. Впрочем, к чести его, надо сказать, что подушные редко стоят за ним, и в деревню он также посылает подмогу по силе, по мочи. Откладывать же из заработков копейку на черный день не в его характере; а если и заведется она каким-нибудь чудом, мало ли на что можно употребить ее. Хороша у лихача и суконная шапка, а еще лучше купить плюсовую с мишурным галуном; ковер мог бы, наверно, прослужить еще год-два, а мы сменим его новым, назло Терехе, который хвастается своей узорочной попоною; чем, кажись, не сани — лаковые, с резьбою, с камышовым плетеным задком, — а все не мешает приделать к ним бронзовые головки: будет показистее; полущубок как следует быть полущубку, и под синим кафтаном не видать, романовский ли он, или простой, а лихач постарается украсить его лисьей выпушкой — знай, дескать, наших!

И пускай бы только подобные улучшения соблазняли лихача; нет, нередко и сшибается он. А отчего? Седок нападет такой, что пей, ешь с ним, что твоей душе угодно; вином, и не простяком, а настойкой да шипучим, хоть залейся: пой только дорогой ухарские песни, катай во всю ивановскую да показывай кое-какие столичные диковинки. Ух! — гаркает лихач, кружась по улицам с таким молодчиком, потом закруживается и сам, оживляя воспоминания песней, что распевал с седоком:

*Как едут наши купчики
К Макарью торговать,
Приказчики-голубчики
Попить да погулять...*

Ванька, напротив, враг всякой роскоши. Удивишь, что ли, кого этими вычурами? Дома-то, небось, нужда и через ворота уж перелезла. Он временный жилец в Москве и приехал в нее не проживать, а наживать деньгу, и прихотничать ему не из чего. Не дешево обойдется ему знакомство с дистанциею огромного размера, не в один месяц намосквичится он, и, пока продолжается курс этого образования, не один раз попадет он впросак. То седок, не расплатясь, ускользнет проходным двором или городскими рядами; то, по незнанию настоящей ближайшей дороги, ванька сделает версту крюку; то иной наемщик воспользуется этим незнанием и, наняв его, например, просто на Тверскую, протянет до Триумфальных ворот или с Арбата вплоть до Смоленского рынка. А легко ли запомнить сотни названий урочищ, приходов, переулков, в которых запутается и старожил? Словом, на первых порах ванька сам не свой и плутает точно в лесу.

«Извозчик! Что возьмешь ко всем воротам?» «Да кое же это место, батюшка?» — спрашивает ванька, теряясь в недоумениях о неслыханном названии: Тверские ворота он знает, к Покровским барыньку вчера возил, у Красных земляк живет, Никольские

есть, а *Все-то* где? «Да вы натолкуйте, где ехать?» — молвит он, приготовляясь слушать объяснение дороги. «А вот, — отвечает наемщик, — сперва ступай ты на Арбат, с Арбата на Арбатец, отсюда в переулок Безыменный, из Безыменного в Безумный, здесь своротись в Пустую улицу, потом повернешь в Золотую *; а тут и пойдет прямая дорога ко всем воротам. Понял, что ли?»

Поймет ванька, что посмеиваются над ним, ругнет зубоскала прямым словом; а между тем время-то ушло, глядишь, среди баляс и седока упустил.

Случается также, что нанимают ваньку взад и вперед, с условием заехать в одно место на *минутку*; в простоте деревенского сердца, он и порядится по цене, сообразной времени, а на деле выйдет, что прождет он добрый час, прибавки не получит ни гроша и тогда смекнет, что значит московская *минутка*. Да мало ли каким проделкам подвергается он в первое зимовье свое в Москве! Надобно же чем-нибудь наверстывать недостаток опытности, непредвидимые упущения, а чем же более, как не трудом да усердием? Лихач и смотреть не хочет на рублевого седока, а ванька не прочь ехать и за гривну меди; московского хвата разве калачом выманишь со двора в непогоду, а деревенский труженик тут-то и выручает.

Чуждый прихотей не по карману, ванька выгадывает супротив лихача и в других отношениях. Постоялый двор в предместьях столицы выбирает такой, где бы он не стеснялся необходимостью брать сено с овсом у дворника и где бы плата за харчи не была накладна для его кармана. Биржевых расходов он не знает; да и на что ему колода? Лошадь не дворянка, поест и из торбы, а стоять можно на любом углу; разумеется, коли у лавочки — подчистишь кой-когда мостовую, а если близ будки — ну, поздравить кавалера в праздник.

На особенно бойких для стояния местах, например, около трактиров, у рынков, на перекрестках, ваньки составляют между собою тесную корпорацию, и извозчик, не принадлежащий к их обществу, не смей становиться здесь, под опасением различных гонений со стороны всех членов товарищества. Но и товарищи в ладах между собою только до первой кости. Дружелюбно растабаывают они, собравшись в кучку и похлопывая рукавицами, — высчитывают, кто на сколько съездил, кого возил; с хороших прибылей решаются задать себе пирушку — кличут блинника. Вдруг... все враспынную, каждый благим матом к своим саням — хлыст по лошади, и поскакали что есть духу в одну сторону.

Что же такое случилось? Гром разве ударил над ними? Нет, не гром, а на углу оказался седок. Прервана поучительная беседа, забыты узы родства и дружбы, и ваньки наперебой летят к цели. Явись в эту минуту отец родной, загорись в двух шагах дом, приходи целая армия с музыкой — ванька ничего не слышит и не видит, кроме седока. И чего ни делают, чего ни говорят сопер-

* В старой Москве: Арбатец лежал на Крутицах; Безыменных переулков два — в Грузинах и на Балкане (местность в Мещанской части, за Сухаревой башней); Безумный — на Трубе; Пустая улица — в Рогожской, а Золотая — на Бутырках.

ники, чтобы залучить к себе желанного. Но счастливец бывает, разумеется, только один, а прочие опять возвращаются к своему пристанищу — «сидеть у моря да ждать погоды».

Крепко хлопчет ванька, зато и не может пожаловаться на судьбу, вознаграждающую его хлопоты. Конечно, пробьется он зиму не в тепле и холое, но всегда сыт, хотя без разносолов; приехал с грошем, а поедет не с одним десятком рублей; и лошаденка откормится. Вот и на следующий год, чуть только запорхает снежок да пойдут морозы-морозовичи, едет он в гости к кормилице-Белокаменной, иногда и парнишку везет с собой на подмогу. Глядя на него, отправляется и сосед извозничать, и другой, и третий, и ваньки с каждым годом прибывают в Москве, и живут они до поры до времени, точно сказочные Иванушки-дурачки, в загоне у своих братьев-извозчиков да в милости у судьбы. Потребностям московских пешеходов удовлетворяют почти одиннадцать тысяч живейных * извозчиков: из этого числа не более трех тысяч постоянно живут здесь, а прочие — все ваньки.

Лихач равнодушно смотрит на это увеличение одинаковых с ним промышленников, потому что не боится никакого соперничества. Но большинство обыкновенных живейных извозчиков, которые составляют середину между лихачами и ваньками, бывают средственные и плохие, летом ездят на калибере-трясучке **, а зимою на санках средней руки, — они питают самое враждебное чувство к пришельцам, называют их «голодными воронами» и бранят на чем свет стоит, что сбивают эти «погонялки» настоящую цену.

Сколько-то лет тому назад пошло гонение на калиберные дрожки. «Это не экипаж, — кричали цивилизаторы, — а пытка; он постыдный остаток варварства, он трясет все существо человека не хуже лихорадки!» Извозчики вняли справедливим жалобам и завели пролетки.

После этого дознали они, что чужеземные наблюдатели, устаивающие приехать взглянуть на Россию, обратили на них, собственно, на них, особое внимание: записали в своих путевых впечатлениях *droschki*, и *iswostchik* ***, объявили всей Европе, что последние — люди ужасного вида, носят огромные бороды и снежные очки для предохранения от мороза; происходят по прямой линии от татар; хлопают руками (т. е. рукавицами) так, что

* Живейный — легковой извозчик на дрожках или на пролетке — в отличие от ломового.

** Калиберы (их называли еще титарами) представляли собою «нечто вроде беговых дрожек с козлами для кучера и спинкою сзади, а с боков были устроены небольшие подножки с отводами для колес. Таким образом, сидеть надо было или верхом, как на беговых дрожках, или же, если ехали двое, садиться спиною друг к другу; в обоих случаях надо было крепко держаться, чтобы не вывалиться из экипажа при толчках и на поворотах». Калиберы окончательно исчезли в 60-х годах, когда все московские экипажные мастерские получили предписание от полиции не выработывать более новых калиберов, а старых не чинить.

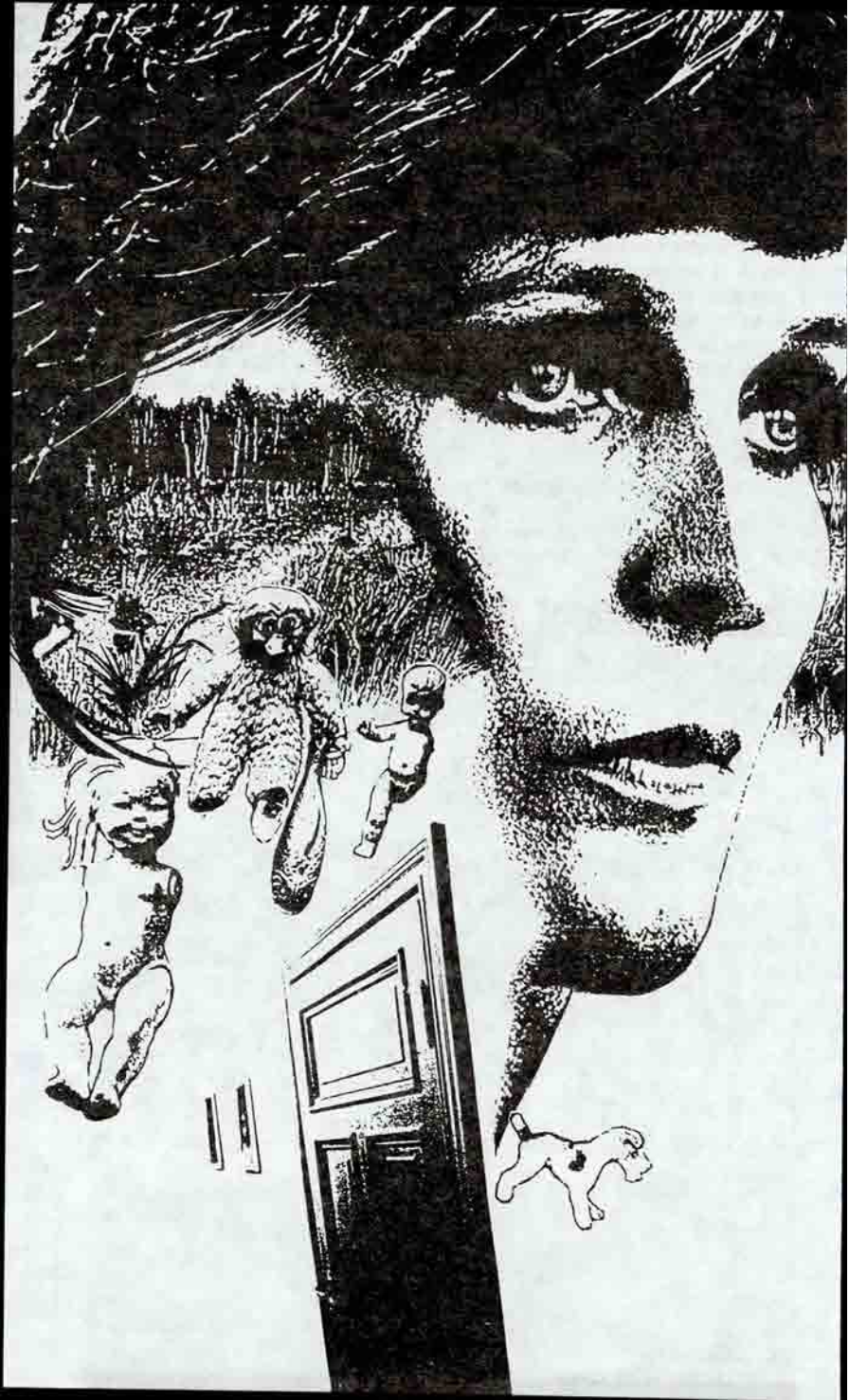
*** *Droschki* и *iswostchik* — дрожки и извозчик в той транскрипции, как записывали эти слова иностранные путешественники. Французы к слову *iswostchik* обычно делали пояснение: *cocher de fiacre* (кучер фиакра).

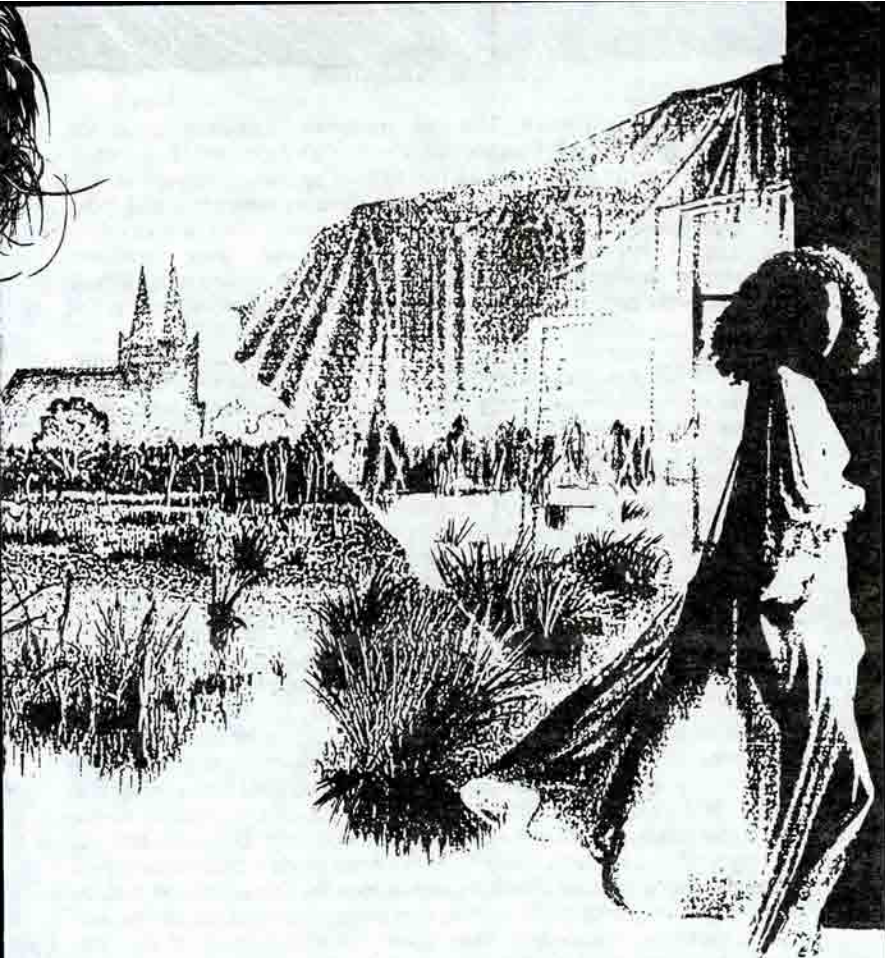
слышится звук, подобный ружейному выстрелу, и вдобавок ко всем этим диковинкам распивают шампанское по 15 франков бутылка! Извозчикам все эти слухи как с гуся вода — пусть тешатся немцы.

Наконец, в недавнем времени пошли разезжать по Москве так называемые городские линейки и кареты. Извозчики недоверчиво поглядели на неожиданных соперников их промыслу, подумали и решили, что новая машина не пойдет. Словом, все напасти извозчики переносили равнодушно или великодушно. Одни ваньки как бельмо на глазу у них, и вторжение этих «сынов природы» выводит их из себя. Поэтому назвать простого живейного извозчика-москвича ванькою — значит нанести страшную обиду его амбиции и задеть его репутацию. А ваньку «как хочешь зови, лишь хлебом корми»; он себе на уме и неспроста поет:

*Мужик я простой,
Вырос на морозе;
Летом ходил за сохой,
Зимой ездил все в извозе...*

**Предисловие, примечания и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

СЬЮЗЕН ХИЛЛ

РИСУНОК АБРАМА ДЮРСО

В моем доме Приют Монаха пробило половину десятого. Наступил канун Рождества. Выйдя из столовой, где только что закончился большой семейный ужин, за которым еще последует череда праздничных трапез предстоящей рождественской недели, я направился через холл в гостиную, где вокруг камина собралась моя семья, но у парадной двери замедлил шаг и, как это стало уже ежевечерней привычкой, подошел к входной двери и, отперев ее, ступил за порог.

Уже много лет мое душевное состояние полностью зависело от того, что творилось с погодой, и если бы не заразительно радостное возбуждение и праздничная суэта, охватившая всех остальных в доме, я бы наверняка совсем впал в мрачность и апатию, сердясь на самого себя за то, что не могу вместе со всеми радоваться так, как мне бы хотелось. Зато Эсме будто наперекор ненастной погоде с еще большим воодушевлением занялась рождественскими приготовлениями.

Я отошел на несколько шагов от дома, чтобы получше оглядеть залитое лунным светом пространство. Впервые я увидел Приют Монаха, когда однажды летом поехал с мистером Бэнтли по делам за город. В то время мистер Бэнтли был моим шефом. Только недавно я стал его полноправным партнером в адвокатской конторе, куда был в свое время определен как начинающий адвокат (каким, по правде говоря, и остался).

Итак, в тот знаменательный день я сидел в повозке рядом с мистером Бэнтли, наслаждаясь мягким пейзажем, открывавшимся по обеим сторонам дороги, обсаженной высоким боярышником. Мы ехали не спеша. Мистер Бэнтли сам управлял повозкой, и она плавно катила к его загородному дому. Выдался редкий для меня момент, когда я мог сидеть сложа руки и просто смотреть по сторонам, так как в Лондоне все время был в работе, за исключением редких свободных часов, которые я в своем кабинете уделял коллекции акварелей. Мне было тридцать пять, и вот уже двенадцать лет, как я стал вдовцом. Я не испытывал никакого желания бывать в обществе и был подвержен периодическим нервным срывам, которые возникли в результате некоторых жизненных испытаний. Говоря по правде, я стал стареть раньше времени, превращаясь в унылого бледнолицего зануду.

Мы выехали на прямой участок дороги, с которого вдруг открылся вид на длинный каменный дом, совершенный в своих пропорциях. В тот миг мной овладело что-то такое, что трудно определить словами, нет, не чувство, не желание, скорее всего уверенность, под воздействием которой я вдруг крикнул мистеру Бэнтли, чтобы он остановился, почти на ходу выскочил из повозки, взбежал на поросший травой бугорок и замер, глядя на

Английская писательница Сьюзен Хилл родилась в 1942 году. В конце 60-х вышли ее первые рассказы, повесть «Женщина в черном» («Смена» публикует ее журнальный вариант), а также романы «Джентльмены и леди», «Я — в замке король». Сьюзен Хилл — лауреат крупнейших литературных премий Англии.

дом, такой красивый, так удивительно хорошо расположенный, простой и в то же время полный достоинства. Я почувствовал, что еще вернусь сюда, что дом этот мой, он уже связан со мной невидимыми нитями.

Мистер Бэнтли с любопытством смотрел на меня из своей повозки.

— Прекрасное место! — заметил он.

Я кивнул, но, не в силах выразить охватившее меня волнение, отвернулся, прошел несколько метров вверх по холму и увидел проход в старый заросший сад позади дома, конец его уходил в высокую траву и густой кустарник. За ним проглядывалась полоска голой каменистой земли. Я вернулся к повозке, где меня дождался мистер Бэнтли, не без любопытства наблюдавший за мной все это время. Я сказал ему, что, если он когда-нибудь услышит о продаже дома, пусть непременно даст мне знать.

Прошло несколько лет, и он так и сделал. В тот же день, спустя всего несколько часов после его сообщения, я связался с агентством по продаже и стал владельцем Приюта Монаха. За несколько месяцев до этого я познакомился с Эсме Эйнли. Наша симпатия друг к другу все росла, но проклятая нерешительность во всем, что касается личных проблем и сердечных дел, мешала мне окончательно объясниться. Через неделю после того, как я вступил во владение домом, я уже ехал туда вместе с Эсме, намереваясь сделать ей предложение в старом яблоневом саду. Предложение было принято, вскоре мы поженились и тут же переехали в Приют Монаха. И вот уже четырнадцать лет он был счастливейшим местом для меня и Эсме и для ее четырех детей от первого брака с капитаном Эйнли. Первое время, как мы здесь поселились, я приезжал только на выходные и праздники, но лондонская жизнь начала все сильнее утомлять меня, и при первой же возможности я с радостью ушел на пенсию, чтобы жить здесь, за городом, постоянно.

И вот теперь у меня есть этот прекрасный дом, который мы заново отделали к Рождеству. Сейчас я открою дверь своего дома и снова услышу голоса, доносящиеся из гостиной. В тот момент я и не предполагал, что мне снова предстоит пережить, пусть даже только в своем воображении, весь ужас встречи с потусторонним миром.

Окинув напоследок взглядом морозную темноту, я кликнул собак и с довольным вздохом вошел в дом, ничего большего для себя не желая, кроме как трубки табака и стакана хорошего ячменного виски у потрескивающего камина в кругу семьи. Оливер, старший из сыновей Эсме, его сестра Изабела (она сидит сейчас рядом со своим бородатым мужем) и средний Уилл были очень друг на друга похожи. У всех открытые и простые лица, округлые щеки, светло-каштановые волосы и такие же ресницы и брови, унаследованные от матери, правда, теперь волосы Эсме покрыла седина.

Изабеле двадцать четыре года, но у нее уже трое сыновей. Весь ее облик воплощал спокойствие и уверенность матроны. Более разумной и ответственной дочери родители не могли бы и пожелать, к тому же она была ласковой и обаятельной женщиной, и,

по-видимому, в Обри Пирсе нашла для себя идеального супруга. Все же временами я ловил настороженно грустные взгляды Эсме, которые она бросала на свою старшую дочь; пару раз она мне признавалась, как бы невзначай и только наедине, что ей хотелось бы, чтобы Изабела была не такой уравновешенной и заземленной и что, наверное, было бы лучше, стань она немного легкомысленней.

Оливер Эйнли, девятнадцати лет, и его брат Уилл, на полтора года моложе, были по натуре серьезными, но в этот вечер у камина впадали порой в такое шенячье безудержное веселье, что мне начинало казаться, не слишком ли много мальчишества проявляется в Оливере, ведь он уже на первом курсе Кэмбриджа, и в будущем ему предстоит (если, конечно, он до конца последует моему совету) стать членом коллегии адвокатов. Уилл лежал на животе вблизи огня с раздумявшимся лицом, положив подбородок на сцепленные руки. Оливер сидел рядом, и время от времени их длинные ноги затевали возню, следовали пинки и удары, сопровождаемые взрывами дикого хохота, словно они снова превратились в десятилетних мальчишек.

Самый младший из детей, Эдмунд, сидел немного поодаль, по своему обыкновению держась отстраненно, но не из-за недружелюбия или нелюбимости, просто его более утонченная натура требовала уединения и сосредоточенности на себе, что всегда выделяло его среди других детей Эсме: в отличие от них он был бледнолиц, с длинным носом, черными волосами и голубыми глазами. Ему исполнилось пятнадцать. В его присутствии я чувствовал себя несколько напряженно, хотя странным образом любил его глубже, чем остальных.

Я сел в свое любимое кресло, отодвинувшись подалее от каминного жара, и принялся неторопливо набивать и раскуривать трубку. Занимаясь этим, я заметил, что с моим появлением прервался оживленный разговор у камина, и Оливеру с Уиллом не терпелось его продолжить.

— Итак, — произнес я, сделав первую затяжку. — О чем у вас тут шла речь?

Молчание затянулось, и Эсме, улынувшись, покачала головой, не отрываясь от вышивания.

Тут Оливер поднялся и стал обходить комнату, выключая свет. Он оставил лишь огоньки на рождественской елке в дальнем конце гостиной. Теперь нас освещало только пламя в камине, и Эсме с легким протестом была вынуждена отложить иголку.

— Вот так лучше, — удовлетворенно сказал Оливер.

— Ох, ну и мальчишки же вы...

— Давай, Уилл, теперь твоя очередь.

— Нет, Эдмонда.

— Разве моя? — произнес младший из братьев Эйнли странным глухим голосом. — Ну, я вам такое мог бы рассказать!

— Неужели надо было тушить весь свет? — недовольно произнесла Изабела.

— Да-да, сестренка, обязательно, иначе не будет подходящей атмосферы.

— Но, может быть, мне этого не хочется.

Оливер тихо простонал:

— Начнет кто-нибудь наконец?

Эсме, наклонившись ко мне, объяснила:

— Они рассказывают истории с привидениями.

— Да. — Голос Уилла слегка дрожал от расправившего его веселья и волнения. — В рождественскую ночь самое время их рассказывать. Это ведь давняя традиция.

— Уединенный загородный дом. В темной комнате у камина собрались тесным кружком гости. В окна бьет ветер...

И тут Одри своим добродушным, слегка вяловатым голосом произнес:

— Тогда лучше продолжать по очереди.

Что они и сделали. Оливер, Эдмунд и Уилл, изошряясь друг перед другом в леденящих душу подробностях и сопровождая их разнообразными вскриками и завываниями, начали сочинять историю. Были там и сочащиеся влагой каменные стены, заброшенные замки, обвитые плющом руины монастырей под лунным светом, потаенные комнаты и подземелья, сырые склепы и заросшие кладбища, скрип ступенек и стук в окно, и вой, и визг, и стоны, клацанье цепей; мелькали монахи под капюшонами и всадники без головы, клубился туман и вздымался ветер, бродили бесплотные тени и закутанные в простыни вампиры, попадались летучие мыши, крысы и пауки, появлялись седые всклокоченные женщины и зловеющие лунатики, исчезали трупы или наоборот появлялись где-нибудь на рассвете, нашлось место и заклятиям и проклятым наследникам. Истории становились одна другой жутче, невероятнее и глупее, и вскоре стоны и вскрики перешли в еле сдерживаемые смешки по мере того, как каждый, даже нежная Изабела, добавляли все более ужасные подробности к повествованию.

Сначала я воспринимал это занятие вполне спокойно, оно меня даже развлекало, но потом я почувствовал, что начинаю выходить из их круга и отдаляться все дальше и дальше; я пытался отрицать это тягостное ощущение и подавить овладевающие мной воспоминания.

Вдруг Эдмунд обратился ко мне со словами:

— А теперь, отчим, ваша очередь рассказывать.

Остальные тотчас его дружно поддержали, даже Эсме.

— Нет, нет, — я старался говорить шутливо. — У меня ничего не получится.

— Ну, Артур...

— Вы должны знать хотя бы одну историю с привидениями, нет человека, который бы не знал... Расскажите что-нибудь, вы же не хотите испортить нам удовольствие.

— Мне жаль вас разочаровывать, но рассказывать нечего! — Я быстро вышел из комнаты, а затем из дома.

Я понимал, что после моего ухода в доме воцарились неловкость и смятение, ведь они знали меня как спокойного человека, неспособного на эмоциональные вспышки. Почему вдруг их безобидные сказки вызвали во мне такое явное неодобрение и почему я вдруг так резко ушел — никто в семье понять не сможет. Мне сейчас надо к ним вернуться, сгладить тягостное впечатление и

постараться свести на нет последствия этого неприятного происшествия, вернуть в дом радостную атмосферу праздника. Что я совершенно определенно не смогу сделать, так это объяснить случившееся.

В глубине души я всегда знал, что мне не удастся освободиться от пережитого, что оно переплелось со всем моим существом, став неотторжимой частью прошлого, но я надеялся, что оно никогда больше не оживет в моих воспоминаниях. Подобно старой ране, оно порой давало о себе знать, но со временем это случалось все реже и реже, все менее болезненно; шли годы, и я совершенно уверился, что навсегда восстановил в душе счастливый покой и равновесие. В последнее время то давнее давало о себе знать лишь легкой рябью, смущавшей мое душевное спокойствие, это стало даже не воспоминанием, а глухим его отголоском.

И вот сегодня оно снова завладело мною, моим рассудком, вытеснив вдруг все остальные мысли и чувства. Я знал, что теперь это воспоминание не даст мне покоя, еще предстоит лежать без сна всю ночь, а в голове будут вновь и вновь прокручиваться те события и те места, где все случилось. Когда-то так происходило каждую ночь в течение многих лет.

Я принялся ходить по саду. Завтра Рождество. Неужели я не могу освободиться от этой тяжести по крайней мере на это благословенное время, неужели нет способа заглушить воспоминания и избавиться от их пагубного воздействия? Стоя среди яблоневых деревьев, серебристо-серых под лунным светом, я вспомнил, что есть один способ справиться с беспокоящими духами — это изгнать их. Я должен рассказать свою историю, но не вслух, не у камина, не ради развлечения беспечных слушателей — слишком она для этого сурова, слишком реальна. Я должен изложить ее на бумаге с предельной достоверностью, со всеми подробностями. Напишу свою собственную историю с привидениями и, может быть, тогда смогу наконец окончательно от нее освободиться и спокойно прожить оставшийся мне срок. Я полностью пришел в себя, осталась лишь некоторая напряженность, вызванная принятым мною решением. После праздника, когда все разъедутся и мы с Эсме останемся вдвоем, я сяду за написание повести.

Завтра Рождество, и я жду его с нетерпением и радостью; это время, когда в домах в кругу семьи воцарятся веселье и радость, любовь и понимание.

Когда это время пройдет, я займусь своим делом.

ЛОНДОНСКИЙ ТУМАН

Стоял ноябрь. Понедельник. Туман захватил весь город, повис над рекой, вползая в аллеи, растекаясь по переулкам, просачиваясь даже внутрь домов, используя любую щель, любую плохо притворенную дверь. Желтый, вонючий и сырой туман.

Короче, был самый неприятный месяц года, стояла мерзкая погода, от которой делалось тоскливо и мрачно на душе.

Теперь, оглядываясь назад, заманчиво было бы изобразить дело так, будто весь день мною владело какое-то предчувствие. Но в дни моей молодости я был уравновешенным, здоровым и рассуди-

тельным парнем и не испытывал никакой тревоги. Если что и портило мое обычное жизнерадостное настроение, так это туман, ноябрьская мрачность, которая давила на всех жителей Лондона.

Из всех ощущений, которые я могу сейчас достоверно припомнить, было, конечно же, любопытство или скорее профессиональный интерес к тому делу, которое поручил мне Бэнтли, а также предвкушение предстоящей поездки в отдаленную часть Англии, где я до этого никогда не был. Не надо забывать, что в то время мне было двадцать три года и я еще сохранил мальчишеское страстное влечение ко всему, что сулило путешествие по железной дороге.

И вот закрываю глаза и вижу: кеб, ползущий в тумане по городу, везет меня на вокзал Кинг Кросс.

Стоял жуткий шум: скрежетали тормоза, гудели рожки, что-то выкрикивали терявшие дорогу возницы, и те немногие прохожие, которых я мог разглядеть в тяжелом сумраке из окна кеба, походили скорее на привидения, прячущиеся под шарфами, вуалями и приподнятыми воротниками, но даже тогда, когда бедные пешеходы попадали в полосы света, это не спасало: в их глазах вспыхивали красноватые отблески огня и во всем облике появлялось нечто демоническое.

От дома до вокзала было всего около мили, но кеб тащился уже минут пятнадцать. Ничего не оставалось, как терпеливо сносить затянувшееся начало путешествия и, устроившись поудобнее, утешать себя мыслью, что дальше наверняка будет не так скучно. А пока от нечего делать я стал перебирать в памяти утренний разговор со своим шефом Бэнтли.

В то утро я не разгибаясь сидел за разбором одного нудного дела о передаче права на пользование имуществом, не замечая сгустившегося тумана, который, как громадный лохматый зверь, припал к окну за моей спиной. Неожиданно вошел Том и позвал меня к мистеру Бэнтли. Том, низенький, тоненький, как прутик, мужчина, страдал постоянными простудами, отчего чихал каждые двадцать секунд, а поспею ему отвели отдельный закуток, где он держал архивные книги и принимал посетителей с таким скорбным и унылым видом, что у последних тут же возникали мысли о завещании, какие бы иные дела ни привели их в адвокатскую контору.

Когда я вошел к мистеру Бэнтли, на его столе лежало именно завещание.

— Садитесь, Артур, садитесь, — сказал мистер Бэнтли, снимая очки, и, энергично протерев их, снова водрузил на нос, после чего откинулся в кресле с видом человека, весьма собой довольного. — Мне кажется, я никогда вам не рассказывал об одной необычной даме, миссис Дрэблоу.

Я отрицательно покачал головой. Начало разговора обещало нечто более интересное, чем просто передача прав на имущество.

— Миссис Дрэблоу, — повторил он и, взяв в руки завещание, потряс им передо мной. — Понимаете ли, миссис Дрэблоу, владелица Дома на Угровых болотах, умерла, вот так.

— Ах, вот оно что.

— Да. Дела Элис Дрэблоу перешли ко мне еще от отца. Эта

семья была связана с нашей адвокатской фирмой еще с... ох! — Тут он махнул рукой, как бы в сторону подернутых дымкой времен.

— О, понятно.

— Да, с очень давних времен, — произнес мистер Бэнтли, взмахнув документом еще раз. — Уже восемьдесят семь лет.

— Так, значит, это ее завещание? — спросил я, кивнув на бумагу в руке мистера Бэнтли.

— Миссис Дрэбл, — слегка возвысив голос, выговорил мистер Бэнтли, игнорируя мой вопрос, который не укладывался в схему его повествования. — Миссис Дрэбл была, как говорится, несколько со сдвигом.

Я понимающе кивнул. За пять лет работы в фирме Бэнтли я убедился, что большинство старых его клиентов были «со сдвигом».

— Вы когда-нибудь слышали о дамбе Девяти душ?

— Никогда.

— И об Угровых болотах в графстве N?

— Нет, сэр.

— Значит, вы ни разу не бывали в этом графстве?

— Боюсь, что нет.

— Живя там, — раздумчиво произнес мистер Бэнтли, — кто угодно свихнется.

— Смутно представляю себе, где это.

— Тогда, друг мой, идите домой, собирайте вещи и дневным поездом отправляйтесь до Крю, там переседайте до Хомерби. А из Хомерби местной линией доберетесь до небольшого городка Крайтен-Джиффорд. Там дождитесь отлива.

— Отлива?

— Дамбу можно пересечь только при отливе. Так вы доберетесь до Угровых болот, где находится дом миссис Дрэбл. — Мистер Бэнтли поднялся и отошел к окну. — Я там был очень давно. Миссис Дрэбл не очень жаловала посетителей. Она овдовела очень рано.

— А дети?

— Дети, — повторил мистер Бэнтли. — Судя по тому, что нам известно о миссис Дрэбл, у нее не было детей.

— Она владела большим количеством земли, денег? Есть какие-то сложности?

— Нет, по всей видимости, нет. Она владела домом и кое-чем в Крайтен-Джиффорде, какие-то магазины с арендаторами и еще ферма, наполовину затапливаемая водой. Она потратила деньги на осушение, но без особого результата. Кроме того, у нее были обычные небольшие вклады и ценные бумаги.

— Ну, тогда дело кажется совсем простым.

— Да, действительно.

— Но, позвольте, зачем же мне туда ехать?

— Чтобы представлять нашу фирму на похоронах.

— Ах, да, конечно.

— Я подумывал, не поехать ли мне самому. Но, говоря по правде, последнюю неделю меня стали опять беспокоить ноги. Кроме того, лорду Болтропу, возможно, понадобится со мной

встретиться. Так что, как видите, мне необходимо быть здесь.

— Ну, конечно.

— Более того, мне давно пора возложить на ваши плечи груз поответственной прежнего. Это-то вы потянете?

— Надеюсь. Конечно, я буду рад представлять нашу фирму на похоронах миссис Дрэблоу.

— Есть еще кое-что.

— Завещание?

— Да, дела, связанные с поместьем. Я дам вам в дорогу кое-какие бумаги, чтобы вы ознакомились с некоторыми деталями. Но в основном вам надо будет просмотреть архив миссис Дрэблоу, ее личные бумаги и документы, какого бы свойства они ни оказались. И где бы они ни оказались... — Тут мистер Бэнтли засопел. — Вы их привезете сюда в контору.

— Понятно.

— Миссис Дрэблоу была несколько... как бы это сказать, неорганизованна. И у вас работа займет некоторое время.

— День, два?

— По крайней мере день-два. Конечно, за это время многое могло измениться, и, возможно, я окажусь не прав. Не исключено, что все бумаги в полном порядке и вы управитесь за день. Ведь прошло очень много лет с тех пор, как я был там.

— Есть там кто-нибудь, кто мог бы помочь мне?

— Большая часть имущества наследуется внучатым племянником и племянницей. Но они в Индии, живут там уже более сорока лет. В доме всегда держали экономку... Но вы все увидите сами.

— Возможно, у нее были друзья?

— Угровые болота находятся в глуши, так что соседей нет.

— Ну, да, и друзей тоже, так как хозяйка была свихнутая.

Мистер Бэнтли хихикнул.

— Полноте, Артур, не надо так мрачно смотреть на вещи. Отнеситесь к этому делу как к небольшому развлечению. Во всяком случае, вы избавитесь дня на два вот от этого. — Он махнул рукой в сторону окна, а когда я подошел к двери, добавил: — Вы доберетесь до Крайтен-Джиффорда поздно вечером. Там есть маленькая гостиница, где вы сможете остановиться на ночь. Похороны назначены на завтра в одиннадцать утра.

— И после них мне надо будет отправиться в дом миссис Дрэблоу?

— Я обо всем договорился... Есть один человек, который всем займется... он с вами свяжется.

Выходя из конторы, я увидел унылую физиономию Томаса, который выглядывал из своего закутка. Он остановил меня и вручил толстую пачку бумаг в коричневом конверте, на котором было помечено ДРЭБЛОУ. Сунув его под мышку, я нырнул в густой лондонский туман.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР

Мистер Бэнтли был прав: как ни далек мой путь и как ни уныл повод для моей поездки, все же именно она дала возможность

вырваться из душливых объятий лондонского тумана, и что больше могло поднять мое настроение в преддверии путешествия, как не вид сверкающей огнями громады вокзала. Внутри со звоном, шумом и звоном шло приготовление к отправке поезда. Я купил несколько газет и журналов в киоске и пошел по платформе вдоль дымившего и пыхтевшего состава. Паровоз, помню, был «Сэр Бедивер».

Я нашел место у окна в пустом купе и, положив пальто, шляпу и дорожную сумку на багажную сетку, расположился в кресле.

В тишине и спокойствии мы продвигались в глубь Англии. За окном быстро стемнело, и, когда в купе опустили шторы, стало совсем уютно и удобно, словно в домашнем кабинете.

Пересадка в Крю прошла без всяких затруднений, и поезд, сделав небольшой поворот к востоку, повез теперь меня на север. В пути я прекрасно пообедал. Только сделав пересадку в Хомерби на местную линию, я начал ощущать некоторые неудобства, так как стало заметно холоднее.

До последнего момента мне казалось, что я останусь один не только в своем купе, но и во всем поезде. Однако не успел прозвучать свисток дежурного, как у барьера, отгораживающего перрон, появился какой-то мужчина. Он окинул быстрым взглядом унылый состав пустого поезда, углядел меня и с явным желанием иметь попутчика направился к моему вагону. Через минуту дверь моего купе распахнулась, и в этот момент поезд начал медленно отходить от перрона. Вместе с собой вошедший принес холодный сырой воздух, отчего в купе стало еще промозглее, и когда незнакомец начал снимать пальто, я позволил себе заметить, каким ненастным выдался вечер. Он изучающе оглядел меня, кинул взгляд на мои вещи, лежавшие на багажной полке, и лишь затем кивнул в знак согласия.

— Если вы рассчитываете скрыться здесь от туманов, то ошибаетесь. В этих местах наступает временами страшная влажная мгла, — заметил мой попутчик.

— Мгла?

— Ну да, мгла. Наползает с моря через болота. И очень быстро все погружается во мрак. Этим знамениты наши места. Но если вы остановитесь в Крайтене, то там в такое время бывает вполне сносно.

— Да, я остановлюсь в Крайтене на ночь, в гостинице «Джиффорд армз». Пробуду там все следующее утро. В сторону моря, к болотам, мне придется поехать, но позже.

В купе воцарилось молчание, и мы, углубившись каждый в свое занятие, продолжали трястись в этом отвратительном поезде, слыша только шипение паровоза и клцание стальных колес о стальные рельсы. Временами раздавались свистки и шум шквальных порывов дождя, ударявшего в окна.

Вдруг голос моего попутчика заставил меня вздрогнуть.

— Миссис Дрэблоу, — произнес он, указывая на коричневый конверт с документами, лежавший рядом со мной.

Я неохотно кивнул.

— Неужели вы ее родственник?

— Я ее адвокат.

— Ах, вон оно что! И вы должны присутствовать на похоронах?

— Да.

— Скорее всего вы один только там и будете.

Мне не терпелось получить как можно больше сведений об этом деле, и наверняка мой попутчик знал их, поэтому, не сдержавшись, я продолжил разговор.

— По всей видимости, у миссис Дрэбл не было ни друзей, ни близких родственников. Такое нередко происходит со старыми дамами. С возрастом они становятся все нелюдимей и... несколько эксцентричной. Этому, я думаю, способствует одинокий образ жизни. Да, мистер?..

— Сэмюел Дейли.

Мы поклонились друг другу, и мистер Дейли подтвердил:

— Когда человек живет в каком-нибудь уединенном месте, с ним это происходит в еще большей степени.

— Одно могу сказать, — перебил его я. — Грустно, когда у человека, дожившего до восьмидесяти семи лет, нет никого из близких, кто бы пришел к нему на похороны. — Произнеся это, я отвернулся к окну и спросил, стараясь не выдать волнения: — Далеко ли нам еще ехать?

Я ощущал какое-то неприятное беспокойство, оказавшись в столь удаленном от человеческого жилья месте, в холодном, как склеп, вагоне, среди изъеденных грязью стен, с тусклым зеркалом на двери купе. Мистер Дейли вынул часы.

— Осталось двенадцать миль. Нас задерживает встречный поезд у тоннеля Зияющая пасть. Тоннель пробит через последнюю в этой местности возвышенность. Дальше начинается сплошная низменность до самого моря. Вот куда вы попали, мистер Киппс!

— К тому же я попал в места с очень необычными названиями. Сегодня утром я впервые узнал, что существует дамба Девяти душ и есть Угревые болота, а вечером — тоннель Зияющая пасть.

— Затерянный мир, мистер Киппс, затерянный мир. Сюда редко кто приезжает.

— Наверное, потому, что тут нечего смотреть.

— В зависимости от того, что иметь в виду под «ничего». Тут есть и затонувшие церкви, и провалившиеся в болота деревни. — Мистер Дейли хихикнул. — А еще прекрасный экземпляр монастырских развалин с впечатляющим кладбищем. Разве это не будоражит воображение?

— После ваших слов мне вдруг захотелось назад в лондонский туман.

— Я уверен, что Крайтен-Джиффорд покажется вам вполне приятным городком. Мы обустроили его так, чтобы никакая непогода нас там не достала. Если вы не против, я могу подвезти вас до «Джиффорд армз». Нам по пути, так что можете доехать туда на моей машине, она ждет на вокзале.

Ему, видимо, хотелось исправить мое настроение и сгладить неприятное впечатление, которое произвели его несомненно преувеличенные описания своеобразия и мрачности здешних мест. Я поблагодарил и принял его предложение, после чего мы

снова углубились в чтение и провели так остаток тягостного пути.

ПОХОРОНЫ МИССИС ДРЭБЛОУ

Городок Крайтен-Джиффорд, размером едва ли больше какой-нибудь разросшейся деревни, с самого начала произвел на меня благоприятное впечатление. Когда мы приехали туда поздно вечером, нас ждала машина мистера Дейли. На таком шикарном автомобиле мне еще ни разу не доводилось ездить. Он быстро провез нас что-то около мили от крохотной станции до рыночной площади городка и остановился у входа в «Джиффорд армз».

Когда я собирался выходить из машины, мистер Дейли вручил мне свою визитную карточку.

— На тот случай, если вам нужна будет помощь...

Я поблагодарил, однако заметил, что такая необходимость вряд ли возникнет, так как я могу воспользоваться услугами местного агента, если с делами покойной миссис Дрэблоу возникнут какие-нибудь затруднения. Мистер Дейли задержал на мне долгий пристальный взгляд и ничего не сказал.

Как только я увидел в маленьком зале гостиницы пылающий камин и вместительное кресло подле него, а в уютном номере на верхнем этаже еще один разожженный камин, у которого я мог согреться, настроение мое резко улучшилось, и у меня возникло такое праздничное и радостное ощущение жизни, словно я приехал сюда вовсе не для того, чтобы присутствовать на похоронах и затем уныло разбирать бумаги покойной.

Хозяин гостиницы предложил глинтвейн, и япил его, сидя у камина, под мягкий шум голосов, раздававшихся из-за тяжелой двери, которая вела в бар. Жена хозяина обещала подать на ужин крепкий бульон, говяжье филе, яблочный пирог с изюмом и сливками и стилтонский сыр. Ожидая, пока позовут к столу, я принялся писать прочувствованное письмо моей невесте Стелле, намереваясь отправить его утренней почтой, а за едой, которую поглощал с превеликим удовольствием, я размышлял о том, какой домик мы сможем приобрести для нашей совместной жизни в том случае, если мистер Бэнтли намерен и впредь поручать мне ответственные дела, что позволит просить о повышении жалованья.

Отужинав и выпив напоследок кларета, я был готов отправиться спать, согретый и довольный.

— Вы, как понимаю, приехали на завтрашние торги, сэр, — спросил меня хозяин, провожая до двери, ведущей наверх в мою комнату.

— Торги? — переспросил я.

— Разве вы не собираетесь туда завтра? Будут продаваться деревни, расположенные к югу отсюда. К тому же завтра ярмарочный день.

— А где состоятся торги?

— Да здесь же, мистер Кипс, в баре, в одиннадцать. Мы всегда проводим торги в «Джиффорд армз», но на этот раз ожидается необычайно большое стечение народа. После торгов мы будем

подавать обед. В ярмарочный день у нас обедают не меньше сорока человек. А завтра будет и того больше.

— Очень жаль, но мне придется пропустить это событие. Однако, надеюсь, у меня будет возможность пройтись по ярмарке, когда закончу свои дела. В одиннадцать утра мне предстоит печальная обязанность присутствовать на похоронах миссис Дрэбл, которая жила в Доме на Угровых болотах. Возможно, вы слышали о ней?

По лицу хозяина пробежала тень... чего? Тревоги? Или подозрения? Не могу сказать наверняка, но это имя явно вызвало в нем какое-то сильное чувство, которое он старался изо всех сил не выдать.

— Да, я слышал об этой женщине, — сказал он бесстрастно.

— Мне доверено представлять адвокатскую контору, которая вела ее дела. Сам я не был с ней знаком. Но насколько знаю, она жила уединенно, по крайней мере большую часть своей жизни.

— Ничего иного ей и не оставалось, — ответил хозяин гостиницы и, резко повернувшись, добавил: — Желаю вам спокойной ночи. Завтрак подадут в любое удобное для вас время.

Когда он уходил, я чуть не окликнул его, настолько был раздосадован тем, как он, возбудив мое любопытство, оборвал наш разговор, ничего толком не объяснив. Но я чувствовал такую усталость, что не стал его останавливать.

Надо признать, что и мистер Дейли, и хозяин гостиницы производили впечатление людей здравомыслящих и уравновешенных, кроме того, никакого явного повода для тревоги они мне не давали, разве что вдруг неожиданно замолкали или появлялся какой-то странный пристальный взгляд, как только речь заходила о миссис Дрэбл. И тем не менее у меня не оставалось сомнения, что за этими мелочами кроется что-то очень важное.

Однако мне стало так хорошо после сытной домашней еды и отличного кларета, так успокаивающе действовал вид тихого огня в камине и мягкой уютной постели, что эти настораживающие обстоятельства не могли расстроить моего благодушного состояния. И мой сон в ту ночь не был ничем потревожен. До сих пор помню то ощущение счастья и покоя, с которым я, утопая в теплой постели, погружался сначала в легкую дремоту, а затем в глубокий, блаженный сон. Помню и момент пробуждения: открыв глаза, я увидел нежные лучи зимнего солнца, играющие на белом сводчатом потолке, и ко мне пришло восхитительное ощущение силы и свежести, охватившее все мое существо.

Когда я отдернул цветные занавеси на окне, солнечные лучи затопили мою комнату сильным и ярким светом позднего утра. Как не похоже это было на то, что я испытывал в заволоченном туманом Лондоне и во время своего вчерашнего путешествия сюда на север под дождем и ветром. Все-таки Дейли оказался прав, предсказав, что погода наверняка изменится.

Когда я вышел из «Джиффорд армз» после отменного завтрака, меня поразило, каким ясным, свежим и мягким был утренний воздух.

Я побродил по прямым узким улочкам, вышел на рыночную площадь с множеством торговых лотков и палаток, фургонов,

повозок, грузовичков. Со всех концов неслись голоса переговаривавшихся во время работы мужчин: кто сколачивал какие-то временные перегородки, кто натягивал над прилавками тенты, кто катил по булыжной мостовой тележки. Все было преисполнено радостной деловитости, которую я наблюдал с большим удовольствием.

В гостинице меня ждала записка от мистера Джерома, занимавшегося некоторыми делами покойной миссис Дрэблоу, он вместе со мной должен был присутствовать на похоронах. Кратко и вежливо в записке сообщалось, что мистер Джером зайдет в гостиницу в десять сорок и проводит меня в церковь.

В ожидании этого часа я сел у окна в холле «Джиффорд армз» и стал листать газеты, одновременно наблюдая через окно за приготовлениями на площади. В самой гостинице тоже царил деловая суэта, связанная, видимо, с предстоящими торгами. К десяти пятнадцати на тротуаре у входа в гостиницу стала собираться толпа солидных фермеров в твидовых костюмах; они обменивались приветствиями, пожимали друг другу руки, оживленно жестикулировали.

Мне стало грустно, что в такой день приходится быть в скрывающем черном костюме, с черной повязкой и в черном галстуке и что уже нужно отсюда уходить, так как появился мистер Джером (я его сразу определил по такой же мрачной экипировке). Мы поздоровались за руку и вышли на улицу. Он вежливо справился о том, как я доехал, как устроился в «Джиффорд армз», спросил про мистера Бэнтли и о погоде в Лондоне, затем сообщил, какой недвижимостью располагала миссис Дрэблоу в городе и округе.

— Миссис Дрэблоу, кажется, похоронят на церковном дворе? — спросил я.

Мистер Джером искоса взглянул на меня, и я обратил внимание, какие у него большие глаза, выпуклые и белесоватые.

— Да, это так, — ответил он.

— У них здесь фамильное захоронение?

— Нет. По крайней мере... не в этом церковном дворе.

— А где же?

— Оно... оно уже давно заброшено, — произнес он после некоторой заминки. — Там неподходящее место.

— Боюсь, что не совсем вас понимаю...

Но в этот момент мы подошли к церкви, и мне пришлось отложить дальнейшие расспросы о семействе Дрэблоу и месте их захоронения. Я постарался изобразить на лице такое же приличествующее событию печальное выражение, что и мистер Джером, и мы тихим шагом прошли к церковному крыльцу. Ждать пришлось не более пяти минут, в церковные ворота въехал катафалк, в этот же момент из глубины церкви возник священник, и теперь уже втроем мы смотрели, как скорбная процессия из нескольких мужчин похоронной службы, неся гроб миссис Дрэблоу, медленно приближалась к нам.

В холодной церкви состоялась небольшая церемония, на которой присутствовали только мы трое, и меня снова поразила мысль, до чего печален конец человека, прошедшего весь путь земной от рождения и детства до зрелости и глубокой старости, у

которого не оказалось ни родных, ни близких друзей, кто бы пришел почтить последний завершающий миг земного пути. Однако под конец службы я вдруг услышал легкий шорох позади, повернул голову и украдкой взглянул, откуда шел звук. Я увидел скорбную фигуру женщины, которая, вероятно, появилась в церкви уже после того, как наша маленькая похоронная процессия вошла туда. Женщина стояла за несколько рядов от нас, держалась она поразительно прямо и неподвижно, молитвенника в руках у нее не было. Одетая она была во все черное, правда, такой глубокий траур уже давно не носят, за исключением, пожалуй, самых торжественных похорон в придворных кругах. Видимо, этот траурный наряд был извлечен из какого-нибудь старинного сундука, потому что его чернота имела рыжеватый оттенок. На голове у женщины был прикрывавший лицо капор, но даже быстрого взгляда достаточно, чтобы понять, какой страшной, изнуряющей болезнью, должно быть, поражена эта женщина: ее лицо покрывала смертельная бледность, такой странный оттенок белизны не мог возникнуть из-за контраста с глубокой чернотой одеяния; кожа, туго обтягивавшая лицо, отливала какой-то необычной синевой, а глаза глубоко западали в глазницы. Руки женщины, лежавшие на спинке скамьи, имели такой же изможденный вид, как и лицо. Хотя я не имел больших познаний в медицине, однако слышал, что существуют такие болезненные состояния, которые могут вызвать подобное истощение и жуткое разрушение плоти. Я дал себе слово обязательно подойти к ней после церемонии и спросить, не нужна ли ей моя помощь. Но когда мы приготовились идти следом за священником и гробом из церкви, я вновь услышал легкий шорох одежды: женщина раньше нас выскользнула из церкви и направилась к вырытой могиле. Она встала в некотором отдалении, слегка опершись о старое, поросшее мхом надгробие.

Даже тепло осеннего солнца не оживило ее черты; облик этой женщины еще сильнее поражал своей бледностью и изможденностью.

Когда все закончилось и мы двинулись от могилы к выходу, я пропустил вперед мистера Джерома, помня о своем намерении предложить незнакомке свою помощь. Но ее нигде не было. Она исчезла так же незаметно, как и появилась.

Мистер Джером вежливо поджидал меня на дорожке, и я поспешил за ним.

— Скажите мне, кто та женщина? Надеюсь, она доберется домой сама... у нее страшно болезненный вид. Кто она?

Мистер Джером нахмурился.

— Та женщина с изможденным лицом, — настойчиво продолжал я, — она стояла в конце церкви, а затем у могилы в нескольких ярдах от нас.

Мистер Джером остановился как вкопанный и уставился на меня.

— Молодая женщина?

— Да, да, с невероятно худым лицом, кожа да кости. Тяжело было смотреть... Высокая шляпа наподобие капора... Я думаю, бедняжке не хотелось, чтобы видели ее лицо.

Мистер Джером застыл, бледный, с приоткрытым ртом, будто не в силах что-либо произнести.

— В чем дело? — спросил я. — Вам нехорошо? Что случилось?

Единственное, что ему удалось наконец сделать, это покачать головой, или, вернее, он как-то сам весь покачнулся, словно с усилием сдерживая с себя внезапное болезненное оцепенение, однако лицо его по-прежнему оставалось страшно бледным, а уголки губ приобрели синюшный оттенок.

Наконец он тихо произнес:

— Не видел никакой женщины.

Я взглянул через плечо в сторону кладбища и снова увидел женщину в черном платье и капоре. Значит, она все-таки не ушла, просто скрылась за каким-то кустом или надгробием или зашла за церковь, поджидая, когда мы уйдем, чтобы сделать то, что она делала в этот момент, стоя у края могилы, устремив взгляд вниз, туда, где теперь покоилось тело миссис Дрэблоу. Что связывало этих двух женщин, какие необычные обстоятельства могли побудить эту молодую особу скрываться, придя на похороны миссис Дрэблоу, какую бездну страданий она переживает сейчас в одиночестве?

— Посмотрите! — сказал я Джерому, показывая в ту сторону. — Вон она снова... не следует ли нам... — Я замолк, потому что мистер Джером схватил меня за запястье и отчаянно сжал его. Взглянув на его лицо, я понял, что он вот-вот упадет в обморок или с ним случится припадок.

Стоя на безлюдной дорожке, я совершенно не знал, что делать, куда идти, может быть, надо было крикнуть, позвать на помощь. Служащие из похоронного бюро ушли. Позади стояла смертельно больная женщина в душевном потрясении, а мужчина рядом со мной пребывал на грани припадка. Единственный человек, к которому я мог в данный момент обратиться, был священник, находившийся где-то в церкви, но если я пойду за ним, то буду вынужден оставить мистера Джерома одного.

— Мистер Джером, вы можете опереться на мою руку... Буду вам весьма признателен, если вы перестанете так сильно сжимать мое запястье... не могли бы вы пройти несколько шагов обратно к церкви... по тропинке... я вижу там скамейку, совсем рядом с воротами, вы там отдохнете, придете в себя, а я схожу за помощью... может быть, за машиной...

— Нет! — вскричал он.

— Но дорогой мой!

— Нет, простите... — Мистер Джером глубоко задышал, и постепенно его лицо начало приобретать естественный оттенок. — Извините... Ничего... легкое головокружение... Лучше всего, если мы вместе дойдем до моей конторы на Пенн-стрит, это недалеко от площади.

Теперь на него напало какое-то возбужденное состояние, ему хотелось поскорее уйти от церкви и вообще от этого места.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен. Пойдемте...

И он пошел вперед так быстро, что мне пришлось бегом догонять его. Таким шагом мы добрались до площади всего за пятнадцать минут. Ярмарка была в полном разгаре, и мы тотчас окуну-

лись в гам и кутерьму. Очутившись среди этого шума и толкотни, мистер Джером явно почувствовал себя лучше, и, когда мы подошли к крыльцу «Джиффорд армз», он почти совсем пришел в себя, испытывая, видимо, огромное облегчение.

— Вы собираетесь отвезти меня в Дом на Угревых болотах ближе к вечеру? — спросил я после того, как мне не удалось уговорить его со мной пообедать.

Его лицо снова приобрело непроницаемое выражение.

— Нет, я с вами не поеду. Но вы можете отправиться туда в любое время после полудня. Кеквик заедет за вами. Он всегда возит в то место, когда это необходимо. Полагаю, ключ от дома у вас есть?

Я кивнул и добавил:

— Сегодня же начну разбирать бумаги миссис Дрэблоу, но, вероятно, мне придется поехать туда и завтра, а может быть, и послезавтра. Я думаю, мистер Кеквик будет не против отвезти меня туда рано утром и забирать вечером. В доме я справлюсь сам.

— Но вам придется приноравливаться ко времени приливов. Кеквик вам объяснит, в чем дело.

— Хотя, с другой стороны, — предположил я, — если вдруг окажется, что я быстро не управлюсь, наверное, можно остановиться в том доме. Никто ведь возражать не будет. Нелепо заставлять Кеквика возить меня туда-сюда каждый день.

— Я полагаю, — осторожно произнес Джером, — что вы все-таки предпочтете остаться в гостинице.

— Да, конечно, я прекрасно устроился, еда здесь отличная. Возможно, вы и правы.

— Конечно, прав.

— Только если это не доставит никаких лишних хлопот.

— Вы увидите, мистер Кеквик человек весьма услужливый.

— Прекрасно.

— Однако не очень разговорчивый.

Мы пожали друг другу руки на прощанье, и я пошел обедать в обществе сорока или даже больше фермеров.

В обеденном зале за тремя длинными столами, накрытыми белыми скатертями, царило веселое оживление; все что-то друг другу кричали, обмениваясь замечаниями по поводу прошедших торгов, туда-сюда сновали девушки, разнося блюда с говядиной и свининой, супницы и соусницы, миски с овощами, чашки с бульоном и кружки с элем, по десять штук на одном подносе. Вокруг шел разговор о ценах и мерах, об урожае и породах, я так же мало понимал его, как если бы говорили на иностранном языке, но все равно был счастлив; обед к тому же оказался превосходен, и, когда сосед слева протянул мне огромный кусок чеширского сыра, показывая, что я должен его отведать, я решился спросить его о прошедших торгах. Мой сосед скорчил гримасу.

— Все прошло, как и ожидалось, сэр. Значит, вы тоже интересуетесь землей?

— Нет, нет. Просто хозяин гостиницы упомянул об этих торгах в разговоре со мной. Я полагаю, сделки состоялись довольно крупные?

— Продавался очень большой участок. Половина земель от Крайтена в сторону Хомерби и еще на несколько миль к востоку. Там четыре фермы. Сегодняшние торги кое-кому подпортили настроение.

— Но не вам, надо полагать?

— Нет. Я доволен тем, что имею. На покупку у меня нет денег. Кроме того, хватило ума не тягаться с таким воротилой, как тот...

— Вы имеете в виду того, кому удалась покупка?

— Вот именно.

Я посмотрел в дальний конец стола, куда он бросил свой взгляд.

— О! Так это мистер Дейли! — воскликнул я, так как увидел своего вчерашнего попутчика, который, держа в руке большую кружку пива, оглядывал зал с откровенно довольным видом.

— Вы с ним знакомы?

— Была одна короткая встреча. Он крупный землевладелец?

— О да!

— Из-за этого его недолюбливают?

Мой сосед пожал мощными плечами и ничего не ответил.

— Но если он собирается скупить почти всю округу, — предположил я, — то в конце этого года у меня могут с ним возникнуть дела. Я поверенный покойной миссис Дрэблоу из Дома на Угревых болотах. Вполне возможно, что ее владения в скором времени пойдут с торгов.

Некоторое время мой собеседник хранил молчание, намазывая толстый ломоть хлеба маслом и осторожно укладывая поверх кусище сыра. Часы на противоположной стене показывали половину второго. Мне нужно было переодеться перед приходом мистера Кеквика, поэтому я уже собрался подняться и, откланявшись, идти к себе, как вдруг мой сосед заговорил.

— Сомневаюсь, — произнес он с расстановкой, — что даже Сэмюел Дейли решится на это.

— Я не совсем вас понял. Правда, я еще не видел всех владений миссис Дрэблоу... Кажется, там есть ферма в нескольких милях от города.

— Да, Хоггеттс, — подтвердил мой собеседник. — Пятьдесят акров земли, половина которой большую часть года под водой. Хоггеттс — гиблое место. К тому же эта ферма отдана в пожизненную аренду.

— Но есть еще Дом на Угревых болотах и земля вокруг него, подходящая для фермерства.

— Нет, сэр.

— Тогда мистер Дейли, может быть, захочет купить землю, чтобы расширить свои владения, ради самого факта приобретения. Он ведь из таких людей, не так ли?

— Может, и из таких. — Фермер вытер рот салфеткой. — Но прямо скажу, вряд ли отыщется человек, который бы захотел иметь дело с этим местом. Даже Сэм Дейли.

— Но, позвольте спросить, почему?

Я сказал это довольно резко, потому что меня уже начали раздражать мрачные намеки и туманные предостережения, которые здесь делают взрослые люди при упоминании о миссис Дрэблоу и

ее владениях. Выходит, я все же был прав, считая, что в такой глуши еще живы суеверия и предрассудки, и никакой здравый смысл с ними не справится. Я резко поднялся и вышел из зала. Минут через десять, сменив траурную одежду на более удобную для дороги, я стоял у входа в гостиницу, поджидая машину мистера Кеквика.

ЧЕРЕЗ ДАМБУ

Машина все не появлялась. Зато к «Джиффорд армз» подъехала запряженная в повозку старая заезженная лошадка. Меня окликнули с повозки. Кеквик причмокнул на лошадку, и повозка покатила через запруженную рыночную площадь вверх по переулку, ведущему к церкви. Когда мы проезжали ее, я попытался разглядеть могилу миссис Дрэбл, но она оказалась совершенно скрытой кустарником. Я вспомнил молодую, болезненного вида женщину, в одиночестве стоящую там, у могилы, и реакцию мистера Джерома на мое упоминание о ней. Но через несколько минут уже не думал о похоронах и последовавших за ними событиях, так как меня полностью захватило настоящее. Было ясно и солнечно. От простой и ошеломляющей красоты, от огромности и открытости простора у меня кружилась голова. Ощущение пространства, в котором соединялись безбрежность неба и необъятность земли, заставляли учащенно биться сердце. Мы проехали около трех миль, и ни разу нам не попала ни ферма, ни домик, ни какое другое жилище. Вокруг было безлюдно. Постепенно стали пропадать из виду и изгороди. Впереди, отливая металлическим блеском, сверкала вода, и когда мы подъехали ближе, я увидел, что она подходит к самой обочине, покрывая тонким слоем волнистый песок по обе стороны. Полоса оказалась узкой дорогой, уходящей далеко вперед, до самой дельты реки. Когда мы выехали на эту дорогу, я понял, что, должно быть, она и есть та дамба под названием Девять жизней, и когда наступает прилив, она уходит под воду, и по ней уже нельзя проехать.

Глаза устали смотреть на сверканье водной глади, я поднял взгляд вверх и увидел поднимающийся будто из самой воды высокий величественный дом из серого камня под шиферной крышей, отливавшей стальным блеском. Дом возвышался, как маяк или прибрежный форт, противостоящий всему огромному пространству болот и дельты, он был суров и непреклонен в своем уединении и в то же время поразительно красив. Раздался резкий скрежет о камень, повозка въехала на подъездную дорожку к дому и остановилась. Мы прибыли в Дом на Угровых болотах.

Несколько мгновений я просто сидел и изумленно глядел вокруг. Было тихо, только над болотами слабо завывал зимний ветер да резко вскрикивала невидимая птица. Я испытывал странное ощущение восторга, смешанного с тревогой... и что-то еще, что мне трудно определить словами. Да, я ощущал одиночество, и хотя рядом со мной был молчаливый Кеквик и лохматая рыжая лошадка, все равно у меня возникло такое чувство, будто я остался один перед этим огромным пустым домом. Но страха не

было — чего бояться в этом затерянном и прекрасном уголке? Ветра? Болотных птиц? Камыша и тихой воды?

Я слез с повозки и подошел к своему вознице.

— Когда дамбу накроет прилив?

— В пять.

Не хотелось уезжать отсюда столь быстро. Я был так очарован этим местом, что мне не терпелось остаться одному, побродить спокойно, вбирая всем существом то, что здесь открывалось.

— Послушайте, — сказал я, приняв внезапное решение. — Наверное, нелепо мотаться туда-сюда каждый день. Лучше всего, если я завтра поутру, как только позволит прилив, привезу сюда свои вещи, какую-нибудь еду и останусь здесь на пару дней.

Вместо ответа Кеквик натянул вожжи и начал разворачивать повозку. Несколько минут на дамбе были видны удаляющиеся фигурки возницы, лошадки и повозки. Я подошел к двери Дома на Угровых болотах, сжимая в кармане ключ, но войти не спешил. Сначала мне хотелось вобрать в себя таинственную, мерцающую красоту, впитать странный солоноватый запах, приносимый ветром, вслушаться в легчайший шепот сухой травы и тростника. Мои чувства были обострены до предела, и я осознавал, что это необыкновенное место начинает оказывать на меня сильнейшее воздействие.

Бродя вокруг дома, я предался размышлениям о том, какая может быть здесь жизнь, и фантазировал, как в этом диком и затерянном уголке было бы хорошо вдвоем со Стеллой, однако вопрос о том, как бы я тут стал зарабатывать на жизнь и чем бы мы изо дня в день занимались, оставил в стороне.

Пребывая в романтических раздумьях, я вышел к полю за домом, пересек его и не заметил, как оказался на небольшом кладбище. Полуразрушенные стены окружали его со всех сторон, и я остановился, пораженный открывшейся картиной. На кладбище было около пятидесяти надгробий, большинство из них покосились или же совсем упали, могильные камни заросли травой и вьюнком, а некоторые совсем исчезли, сравнявшись с землей. Ни имен, ни дат разобрать было невозможно, и от всего этого места веяло запустением и распадом. Впереди, там, где стена разрушилась до основания, за грудой щебня и камней проглядывала вода дельты. Пока я стоял, замороженный этим видом, погасли последние лучи солнца, ветер сделался порывистым, зашелестела, заволновалась трава. Стало совсем жутко и пустынно, и я заспешил назад к дому, намереваясь тут же зажечь в комнатах как можно больше света и даже развести, если это возможно, огонь в камине, а уж потом приняться за предварительный разбор бумаг миссис Дрэблоу. Покидая кладбище, я оглянулся, еще раз окинув его взглядом, и вдруг увидел женщину с изможденным лицом, которая была на похоронах миссис Дрэблоу. Она стояла в дальнем углу кладбища, оперевшись на одно из надгробий. Как и тогда, она была одета во все черное, но ее капор на этот раз оказался немного сдвинут назад, и я смог разглядеть ее лицо. Оно имело страшную, отливающую матовым блеском бледность и выражало отчаянную, томящую злобу; эта женщина словно искала что-то страстно ей желанное, необходи-

мое — то, что она жаждала иметь больше, чем саму жизнь, и что было у нее отнято. Кто бы это ни сделал, на него теперь была направлена вся ее злая воля, ненависть и злоба. Сочетание необычности, уединенности этого места, внезапного появления женщины и жуткое выражение ее лица переполнили меня ужасом. Никогда в своей жизни я не оказывался до такой степени во власти страха, никогда так не дрожали колени и я не покрывался с ног до головы мурашками и не холодел всем телом, никогда меня не сковывал такой ужас и ощущение, что рядом царит зло. Меня будто парализовало.

Первой двинулась с места женщина. Она скользнула за надгробия, держась в тени стены, быстро достигла пролома и исчезла из виду.

В ту же секунду, как ее не стало, ко мне вернулось присутствие духа, способность говорить и двигаться. Я старался вообще не думать о происшедшем, а сосредоточился только на собственном беге, слыша топот собственных ног, шум своего дыхания. Назад я не оглядывался.

Весь покрытый от напряжения потом, добрался я до дома; взяв с ключом у парадной двери, дважды ронял его, так тряслись руки. Войдя, я тотчас захлопнул за собой дверь. Раздавшийся при этом стук разнесся по всем комнатам, но, когда стих последний отзвук, в доме все стало по-прежнему, и воцарилась глубокая, наполненная мглой тишина. Встряхнувшись, я решил заняться осмотром дома.

Из передней наверх вела широкая дубовая лестница, налево шел небольшой коридор, видимо, на кухню и в посудомойню. По сторонам располагалось еще несколько дверей, все они были закрыты. Я включил свет в передней, но накал оказался очень слабым, и я решил пройти по всем комнатам и раздвинуть шторы, чтобы впустить как можно больше солнечного света, пока совсем не стемнело. Обходя комнаты одну за другой, побывав в гостиной, в салоне, в кабинете, я не увидел ничего, что могло бы вызвать неприятные или мрачные ощущения, хотя, конечно, повсюду стоял затхлый, сладковато-кислый запах сырости, что обычно бывает в домах, простоявших некоторое время запертными, особенно в таком месте, как это, окруженном болотами, вблизи дельты, где постоянно сыро и холодно.

Мебель была старинная, но в хорошем состоянии, прочная, темного цвета, за ней неплохо ухаживали, хотя многими комнатами, видимо, почти не пользовались. Только одна маленькая гостиная в дальнем конце узкого коридора, ведущего из холла, имела вполне жилой вид. В каждой комнате стояли застекленные книжные шкафы, а на стенах висели картины в тяжелых рамах: невыразительные портреты и виды старинных усадеб. Сердце мое тоскливо сжалось, когда я, разобравшись со связкой ключей, которую мне вручил мистер Бэнтли, отпер ящики нескольких конторок, бюро и письменных столов и обнаружил там огромное количество связок писем (пожелтевших от времени), счетов, документов, записных книжек, скрепленных ленточками или резинками. Миссис Дрэбл за всю свою жизнь не выкинула ни одного письма, ни одной бумажки, и стало ясно, что

даже предварительный разбор всего этого потребует гораздо больше времени, чем я предполагал. Большинство бумаг скорей всего окажутся пустячными и ненужными, и тем не менее их все придется просмотреть и, отобрав те, что понадобятся мистеру Бэнтли для решения вопроса о собственности миссис Дрэбл, упаковать и отправить в Лондон. Было слишком поздно, чтобы приступить к этому делу сейчас, и, кроме того, я не чувствовал себя в состоянии после происшествия на кладбище заниматься чем-либо серьезным. До возвращения Кеквика с повозкой оставался по меньшей мере час, и я решил размяться на свежем воздухе. Хорошая быстрая ходьба должна будет взбодрить меня, поправить настроение, я нагуляю аппетит, и, если не буду мешкать, то дойду до Крайген-Джиффорда раньше, чем оттуда выедет Кеквик. Если же нет, то я смогу перехватить его по дороге. Дамба была еще видна, обратный путь шел по прямой, и мне не грозило заблудиться.

Решив так, я закрыл окна, опустил жалюзи и покинул Дом на Угровых болотах в затухающем свете ноябрьского дня.

СТУК КОПЫТ И ПОВОЗКИ

Вокруг стояла тишина, единственным звуком был шум моих собственных шагов по гравию подъездной дорожки к дому, но и они сделались едва слышными, как только я пошел по траве к дамбе. По небу пролетели на ночлег последние чайки. Раза два я оглянулся, думая вдруг увидеть позади черную фигуру женщины, следующую за мной. Но я почти убедил себя, что скорей всего с другой стороны кладбища идет резкий уклон или там есть овраг, где, вероятно, укрывается какое-то одинокое жилище, более того, в таких местах, как это, свет может сыграть со зрением любые шутки, да к тому же я по-настоящему не искал, где могла бы укрыться та женщина в черном, я просто окинул взглядом окрестности и, ничего не увидев, ушел.

На дамбе было пока сухо, но слева я видел, как вода уже начала подбираться к ней все ближе, очень тихо, очень медленно. Интересно, как глубоко уходит дорога под воду, когда бывает самый высокий прилив? Конец дороги все еще терялся в серой дымке дали. Никогда раньше я не оказывался в таком пустынном месте, никогда не чувствовал себя таким маленьким и ничтожным среди огромного пространства, и я не без удовольствия предался размышлениям, впад в философское настроение.

Несколько минут спустя я вдруг очнулся от раздумий и обнаружил, что ничего не вижу даже в нескольких шагах. Густой влажный туман надвинулся с моря и накрыл все — и болота, и меня, и дом позади, и конец дамбы, и всю округу. Туман этот был серым, липким, как паутина, легким и в то же время плотным.

Я медленно пошел вперед, решив твердо держаться дамбы, чтобы не сбиться и благополучно добраться до основной дороги. Но вскоре до меня дошло, что стоит мне хоть немного сойти в сторону, как я тут же наверняка потеряюсь и всю ночь до изнурения буду бродить в потемках. Самым разумным в данной ситуа-

ции было бы повернуть и по своим следам пройти назад те несколько сот ярдов, что успел отойти до дома, и там подождать, пока рассеется туман либо приедет за мной Кеквик.

Дорога назад была каким-то кошмаром. Я боялся сойти с дороги и очутиться в болоте, где меня мог настигнуть поднимающийся прилив, поэтому приходилось следить за каждым своим шагом, продвигаясь страшно медленно. Неожиданно в глухой мгле раздался звук, от которого у меня сделалось легче на сердце, это был далекий, но несомненный перестук копыт лошадки и позвякивание повозки. Значит, Кеквик, привыкший ездить в темноте по местным дорогам и дамбе, не испугался тумана. Я остановился и стал ждать, когда покажется свет фонаря, но вдруг понял, что туман ввел меня в заблуждение, так как звук повозки странным образом продолжал оставаться вдалеке, кроме того, раздавался он не за моей спиной, не со стороны дамбы, а откуда-то справа, с болот. В полном недоумении я замер и стал гадать, напряженно прислушиваясь. То, что я затем услышал, повергло меня в леденящий ужас, хотя я никак не мог объяснить происходящее. Стук копыт и повозки стал ослабевать и вдруг совсем замер, потом вдали на болотах раздался какой-то странный чавкающий, хлоп-пающий, захлебывающийся звук, который сопровождался резким ржанием и сипом насмерть перепуганной лошади. Затем я услышал другой крик, панический вопль и всхлипы — трудно даже определить, что это было, — одно я понял с ужасом в сердце: это был голос ребенка, маленького ребенка. Я беспомощно стоял среди клубящегося тумана, сквозь который ничего не было видно, и чуть ли не плакал от страха и бессилия. Ужасающие звуки, несущиеся с болот, издавали лошадь, впряженная в повозку, и ребенок; несомненно, там должен был быть еще один человек, взрослый, возможно, Кеквик, который вел эту повозку и сейчас отчаянно боролся за жизнь. Скорей всего они сбились с пути и попали в болото, и теперь их затыгивала трясина или накрывал поднимающийся прилив.

Я закричал и продолжал кричать до тех пор, пока не почувствовал, что мои легкие вот-вот разорвутся, потом бросился бежать. Вскоре я почувствовал под ногами сначала траву, потом шуршание гравия и почти на ощупь добрался до двери дома.

Войдя в дом, я нащупал в темноте холла стул и тотчас опустился на него, ноги меня больше не держали. Охватив голову руками, я начал горько и беспомощно рыдать, осознав полную меру ужаса того, что произошло сейчас на болотах. Сколько просидел так, не знаю. Но спустя некоторое время все же смог взять себя в руки, подняться и пройти по дому, включая все, какие возможно, лампы. После этого я начал шарить по шкафам, сервантам, в буфетах, на кухонных полках, пока наконец не нашел в самой глубине одного из шкафов нераспечатанную бутылку бренди тридцатилетней выдержки. Я открыл ее и налил себе столько, сколько требуется человеку в состоянии страшного шока, если он к тому же не имел с утра ни крошки во рту. Я больше не испытывал ни холода, ни беспокойства и позволил себе расслабиться, впасть в бездумное состояние, такое же аморфное, как туман за окном. Погрузившись в это состояние, я мог передохнуть

и обрести если не покой, то хотя бы некоторое облегчение от того, что наконец спало невыносимое душевное напряжение.

Звонок все звенел и звенел, отдаваясь в ушах. Его металлический звон звучал где-то совсем рядом и в то же время странно далеко, колокольчик раскачивался туда-сюда, и я, казалось, вместе с ним. В голове у меня гудело, во рту пересохло, ноги затекли, проспал я, может быть, несколько минут, а может, и часов. Счет времени был потерян. Я с трудом распрямылся, и тут только до меня дошло, что звонок был не частью моего кошмарного сна, он звенел на самом деле, разносясь по всему дому. Кто-то был у входной двери.

Еле держась на затекших ногах, я поднялся с дивана и проковылял в переднюю.

В двойном свете, идущем от электрической лампы из передней и полной луны на небе, на гравийной дорожке стоял Кеквик, а за ним — лошадка и повозка. Все выглядело вполне реально, не внушая никаких опасений или тревоги. Воздух был чист и холоден, небо усеяно звездами.

— Приходится переждать, когда такая непогода. По дамбе нельзя ехать в таком тумане, — спокойно произнес Кеквик. — Вам просто не повезло. А потом пришлось ждать, когда спадет прилив, — добавил он, оглядываясь вокруг. — Очень неудобное место. Вы в этом сами скоро убедитесь.

У меня достало сил вынуть часы и посмотреть на них: два часа ночи.

Прилив только начал спадать, открывая доступ на дамбу Девять жизней. Выходит, я проспал почти семь часов.

— Не ожидал увидеть вас, — смог я наконец вымолвить. — Хорошо, что вы приехали.

— Я бы никогда не оставил вас здесь на ночь, — ответил Кеквик, — никогда бы не поступил так, если бы не туман.

У меня даже слегка закружилась голова от того, что мы ведем такой простой житейский разговор. Никогда в жизни я не был так счастлив от встречи с человеком, как в этот момент.

Кеквик пристально смотрел на меня: должно быть, я имел какой-то дикий, взерошенный вид и мало походил на того молодого адвоката, подтянутого, уверенного и деловитого, каким он оставил меня в этом доме накануне днем. Затем Кеквик показал на повозку.

— Давайте-ка лучше садитесь. — Резко развернувшись, он пошел к козлам и взобрался на свое место.

— Да, непременно, только ведь...

Не говоря больше ни слова, я быстро прошел в дом, выключил свет, затем сел в повозку, и Кеквик со своей лошадкой повезли меня прочь через тихие, проникнутые какой-то жуткой красотой болота при свете плывущей над нами луны. В тот момент мне больше всего не хотелось возвращаться в Дом на Угровых болотах, надо было попытаться найти какой-то способ отойти от дальнейшего ведения дел миссис Дрэблоу. Как это сделать — найти ли какой-то благовидный для мистера Бэнтли предлог или попытаться рассказать ему всю правду, я не думал тогда.

Уже готовясь ко сну (хозяин гостиницы встретил меня с сочувствием и участием), я вдруг осознал, насколько великодушен оказался Кеквик, ведь он поехал за мной сразу же, как только туман и прилив начали спадать. На слова благодарности он, конечно, только пожал плечами и тотчас ушел, заверив, что придет за мной утром. А ведь он, должно быть, ждал всю ночь и наверняка даже не распрягал лошадь, обеспокоенный тем, что я ночью остался в том доме один. Я был ему глубоко благодарен и дал себе слово щедро вознаградить его за труды.

До рассвета оставалось еще около пяти часов. Хозяин сказал, что я могу спать сколько угодно, никто меня не побеспокоит, а завтрак мне подадут в любое время. Он, как и Кеквик, был озабочен моим состоянием, но оба они держались чрезвычайно настроенно, отгородившись от любых возможных вопросов, и у меня хватило ума не пытаться преодолеть этот барьер. Кто знает, что они сами видели или слышали, сколько знали из здешней прошлой жизни, не говоря уже о слухах, толках и суевериях, бытующих в этих местах. Но и той толики, что я сам испытал, мне было вполне достаточно, чтобы не возникало желание вдаваться в какие-либо расспросы и объяснения.

МИСТЕР ДЖЕРОМ БОИТСЯ

Когда я проснулся, перед моими глазами снова была уютная спальня, наполненная ярким зимним солнцем. Горячая ванна, после которой я окатил шею и голову холодной водой, немного освежила и взбодрила меня, и я смог собраться и спокойно обдумать предстоящий день. За завтраком, который я ел с неожиданным для самого себя аппетитом, я проигрывал в голове различные варианты поведения. Я не собирался больше возвращаться ни в Дом на Угревых болотах, ни к делам миссис Дрэбл, вместо этого решил послать телеграмму мистеру Бэнтли, переложить на мистера Джерома все обязанности и первым же поездом уехать в Лондон. Короче говоря, хотел сбежать от всего.

— Сегодня Крайтен покажется вам совсем тихим местом, — сказал хозяин гостиницы, убирая мою тарелку и подливая кофе. — В ярмарочный день сюда съезжаются со всех концов. А утром уже почти никого не осталось.

— Наверное, было бы неплохо размяться на свежем воздухе. Может быть, пройтись пешком по окрестностям, посмотреть фермы, откуда вчера приезжали на ярмарку, — задумчиво произнес я.

— Ну, вы наверняка получите удовольствие от этой прогулки. Местность наша плоская, как тарелка. Но если вы отправитесь верхом, то увидите еще больше.

— Увы, я никогда в жизни не ездил на лошади и, честно говоря, не в том состоянии, чтобы осваивать это дело сегодня.

— Ну, тогда, — хозяин расплылся в улыбке, — я могу одолжить вам хороший и надежный велосипед. Вы найдете его на заднем дворе. Берите и ездайте, если эта идея вам понравилась.

Покататься часок на велосипеде, освободиться от ощущения

сырости и затхлости, восстановить силы — чем не воодушевляющая перспектива, и я почувствовал, что мое настроение начинает улучшаться. Более того, у меня больше не возникала мысль о бегстве.

Вместо этого я решил поговорить с мистером Джеромом. Может быть, попросить его помочь разобрать бумаги миссис Дрэблоу, или же у него найдется в конторе какой-нибудь помощник, которого он бы мог мне одолжить; теперь я был уверен, что днем и в компании с каким-нибудь человеком я буду чувствовать себя достаточно сильным, чтобы снова встретиться с Домом на Угровых болотах. В город я возвращусь засветло, а работать стану как можно интенсивней и собранней. К тому заброшенному кладбищу даже близко не подойду.

Контора Горацио Джерома «Агентство по продаже земли и недвижимости» располагалась в узком переулке, соединявшемся с рыночной площадью, и занимала две тесные, с низким потолком комнаты над складом торговца зерном. Я думал, что встречу какого-нибудь клерка, через которого смогу вызвать мистера Джерома. Но там никого не оказалось. В конторе стояла тишина, в темной, грязной приемной никого не было. Потоптавшись несколько минут, я подошел к другой двери и постучал. Сначала никакого ответа не последовало, затем послышались скрип стула и быстрые шаги. Дверь открыл мистер Джером.

Сразу стало ясно, что он совсем не рад меня видеть. Я же приступил к изложению своего плана.

— Я не имел представления, какое количество разнообразных бумаг и документов скопилось у миссис Дрэблоу. Просто горы, и большая часть из них, несомненно, бесполезна, но тем не менее их все надо просмотреть. Мне необходима помощь, иначе придется на довольно продолжительное время обосноваться в Крайтен-Джиффорде.

— Боюсь, что не смогу помочь вам, мистер Киппс. Исключено.

— Я и не предполагал, что вы лично станете этим заниматься, — успокаивающе проговорил я. — Но, может быть, у вас есть какой-нибудь молодой помощник?

— Нет, помощника у меня нет. Я работаю один.

— Ну, тогда вы, может быть, посоветуете, к кому обратиться. Наверняка в городе найдется молодой человек, достаточно образованный и желающий заработать несколько фунтов. Я мог бы нанять его для этой работы.

Я заметил, что руки мистера Джерома беспрестанно двигаются, трут и сжимают подлокотники кресла, на котором он сидел.

— К сожалению, у нас маленький городок, молодые люди отсюда уезжают, новых рабочих мест нет.

— Вот я и предлагаю новое рабочее место, хотя и временное. Догадываюсь, что ваш отказ вовсе не связан с тем, что в городе или окрестностях нельзя найти ни одного человека, который мог бы помочь мне. Истинная причина вашего отказа заключается в том, что ни одна живая душа в округе не согласится и дня провести в Доме на Угровых болотах из-за страха, что там действительно происходят истории, о которых ходят слухи. Все боятся увидеть то, что я уже видел.

Наступила гробовая тишина. Руки Джерома продолжали скрести подлокотники кресла, а бледный выпуклый лоб покрылся испариной. Вдруг он резко поднялся, чуть не опрокинув кресло, и, подойдя к узкому окну, уставился сквозь запыленное стекло на соседние дома.

— Кеквик ведь заехал за вами.

— Да, и не передать, как я ему благодарен.

— О Доме на Угровых болотах Кеквик знает все.

— Потому что он иногда ездил по поручениям миссис Дрэбл?

Мистер Джером кивнул:

— Он был единственным, кого она видела. Единственным... — Он осекся.

— Единственным живым человеком, — договорил я за него.

— Ходят всякие слухи, — вяло произнес Джером. — Однако все это вздор. Басни...

— Такие места обязательно населяют всякими болотными чудищами, водяными и морочащими огоньками.

— Чепуха все это.

— Конечно. Но не все.

— Вы видели женщину на церковном дворе.

— И я видел ее еще раз. Когда гулял в окрестностях Дома на Угровых болотах. Женщина пришла на заброшенное кладбище.

— Когда-то на том островке был монастырь, задолго до того, как построили этот дом. Потом монастырь опустел и разрушился.

— А кладбище?

— Оно... Оно более позднее. Да там всего несколько могил.

— Семейства Дрэбл?

Мистер Джером внезапно обернулся и посмотрел мне в глаза. Его лицо приобрело какой-то болезненно-серый оттенок. Я понял, как сильно на него подействовал наш разговор, и решил не продолжать его, а позвонить мистеру Бэнтли в Лондон. Для этого нужно было вернуться в гостиницу.

— Ну, мистер Джером, я не собираюсь отступить из-за какого-то привидения или даже нескольких привидений. Это, конечно, было неприятно, и, признаюсь, я был бы рад найти кого-то себе в компанию. Но так или иначе дело должно быть сделано. К тому же я сомневаюсь, что та женщина в черном может быть ко мне враждебна. Интересно, кто она была? Или — есть? Я ведь даже не знаю, как к ней обратиться. Надо смело идти навстречу таким явлениям.

— И я так говорил. — Мистер Джером посмотрел на меня с сожалением. — И я так говорил... однажды.

Но его страх только укреплял мою решимость. Джером казался подавленным, но чем именно? Я знал, что, если спрошу его, он не станет отвечать, и, кроме того, я был не очень уверен, нужно ли мне выслушивать разные страшные и странные истории, произошедшие с нервическим мистером Джеромом в Доме на Угровых болотах. Поэтому решил полагаться на собственный опыт и ощущения. Даже лучше, если со мной никого не будет.

Я легко сбежал по ступенькам лестницы, оставив мистера Джерома наедине с его страхами.

Вернувшись в «Джиффорд армз», я написал мистеру Бэнтли письмо, где сообщил, что в доме миссис Дрэблоу оказалось огромное количество всевозможных бумаг и документов, и потому мне придется пробыть здесь дольше, чем я предполагал, если, конечно, мистер Бэнтли не сочтет нужным дать какие-либо иные распоряжения. Вместе с тем я как бы вскользь упомянул, что Дом на Угровых болотах имеет среди местных жителей довольно плохую репутацию, и по этой причине мне трудно найти помощника, хотя он бы мне очень пригодился.

Но все же работа будет закончена в течение недели, затем я организую отправку в Лондон всех документов, которые окажутся для нас важными.

Оставив письмо в вестибюле гостиницы, где его заберут с дневной почтой, я пошел за велосипедом. Он оказался старомодным, но вполне надежным, с большой корзиной впереди, наподобие той, что бывает у посыльных лондонских магазинов. Я сел на велосипед, доехал до площади, затем свернул в боковую улочку, оказавшись на окраине города, и покатил по ровной проселочной дороге.

СПАЙДА

254 Часа четыре спустя я возвратился в город, проделав примерно тридцать миль и восстановив во время прогулки свои душевные и физические силы. Эта поездка за город была мне просто необходима. Я чувствовал себя готовым к риску, вновь ощущал радость жизни и в таком настроении въехал в город. Вдруг на резком повороте чуть не врезался в большой автомобиль, который на малой скорости принаравливался, чтобы свернуть в узкий переулок. Я круто вырулил в сторону, нажал на тормоз и, не удержавшись, слетел с велосипеда. Тут я увидел, что в автомобиле сидит мой попутчик по поезду, тот самый, кто вчера на аукционе скупил почти все фермы, — мистер Сэмюел Дейли. Приказав своему шоферу остановиться, он открыл окно, чтобы справиться о моем состоянии после падения с велосипеда.

— Все прекрасно, — ответил я. — Возвращаюсь с отличной прогулки и жажду отдать должное своему ужину.

Мистер Дейли приподнял брови.

— А как ваши дела?

— Вы имеете в виду дела покойной миссис Дрэблоу? О, скоро все приведу в порядок. Хотя, признаюсь, на это придется потратить больше усилий, чем я предполагал.

— Вы были в том доме?

— Конечно.

— Ах, вот как.

Несколько секунд мы молча глядели друг другу в глаза, испытывая одно и то же желание избежать дальнейшего разговора на эту тему. Затем, подняв велосипед и намереваясь снова сесть на него, я небрежно проговорил:

— По правде говоря, мне здесь даже нравится. Дело становится довольно захватывающим.

— Мистер Кипс, — мистер Дейли продолжал пристально смо-

треть на меня, — вы зря так хорохоритесь. Однако позвольте угостить вас ужином, которому, как вы сами только что сказали, намерены отдать должное. Жду вас в семь часов. Хозяин гостиницы объяснит дорогу.

Вернувшись в гостиницу, я начал основательно готовиться к завтрашнему дню, и, хотя в словах мистера Дейли была определенная крупица правды, я тем не менее был настроен решительным образом, более того — совершенно готов к тому, чтобы продолжить свою работу в Доме на Угровых болотах. Я распорядился собрать мне большую корзину с провизией, а сам пошел купить еще кое-какие припасы — несколько пачек чая, кофе, сахар, пару буханок хлеба, коробку печенья, свежего трубчатого табака, спички и тому подобное. Вдобавок я приобрел большой фонарик и пару резиновых сапог. Где-то в памяти еще держалось воспоминание о хождении по болоту в тумане при наступающем приливе, и если это вдруг случится снова — хотя я всей душой молил, чтобы этого не произошло, — мне надо быть хорошо экипированным и готовым к любым непредвиденным обстоятельствам.

Когда я сказал хозяину гостиницы о своем намерении провести эту ночь в «Джиффорд армз», а две следующие в Доме на Угровых болотах, он ничего не ответил, но я прекрасно видел, что ему вспомнились мое ночное появление, когда я отчаянно колотил в дверь, и весь ужас пережитого, запечатленный на моем лице. Но я был одержим одним стремлением — идти до конца.

Убедиться в том мистер Дейли смог с первых же минут нашей встречи у него дома; он молча наблюдал за мной, предоставив мне возможность выговориться и почти не сказав ни слова за все время ужина.

Дорогу к нему я нашел без труда и сразу же был сражен открывшимся мне видом. Дом мистера Дейли окружал величественный, несколько суровый парк, в котором могло бы происходить действие какого-нибудь романа Джейн Остин. Длинная подъездная аллея вела к крытой галерее парадного входа; каменные львы и вазы украшали перила лестницы. Все вместе имело грандиозный, но не очень приветливый вид и как-то не вязалось с самим хозяином, мистером Дейли. Очевидно, он купил этот особняк потому, что большего дома в округе просто не оказалось. Но приобретя его, мистер Дейли, видимо, не очень с ним сжилась, многие комнаты пустовали, так как домашних было всего двое — его жена да он сам. Сын мистера Дейли жил со своей семьей в другом месте.

Миссис Дейли оказалась тихой, застенчивой женщиной небольшого роста. Она еще больше, чем ее муж, чувствовала себя в этом доме не в своей тарелке и за весь вечер почти ничего не сказала, иногда робко улыбалась и все время что-то вышивала.

Тем не менее они очень тепло меня принимали. После прекрасного ужина, состоявшего из жареного фазана и огромного сладкого пирога, я оттаял душой и смог наконец расслабиться. За кофе, устроенный миссис Дейли в гостиной, я выслушал историю жизни Сэмюэла Дейли, основу которой составлял рассказ о неуклонном росте его благосостояния. Будучи человеком хитрым, он в то же время оставался безукоризненно честным. Мало-помалу я

начал испытывать к нему все большее расположение и даже поведал ему о своих планах на будущее, связанных с продвижением по службе, а также о Стелле.

Причины моего пребывания в этих местах мы не касались до тех пор, пока молчаливая миссис Дейли не удалась и мы не перешли в кабинет, где на маленьком столике перед нами оказались графин с отличным портвейном и бутылка виски. Мистер Дейли щедро наполнил мой стакан и, передавая его, сказал:

— С вашей стороны было бы большой глупостью продолжать это дело.

— Вы считаете, что я вправе бросить дело, ради которого меня сюда послали, и бежать, поджав хвост?..

— Послушайте, Артур.— Он вдруг назвал меня по имени.— Я не стану забивать вашу голову всякими бабушкиными сказками. Может быть, вы уже слышали кое-что...

— Нет,— ответил я,— ничего не слышал, кроме туманных намеков мистера Джерома, от которых он сам чуть не падал в обморок.

— Но вы же были в том доме.

— Да, ездил туда, и мне довелось испытать там то, что я бы не хотел пережить вновь. Однако, признаюсь, никакого мало-мальски разумного объяснения происшедшему я найти не могу.

И тут я рассказал ему все, что со мной случилось, и о женщине с изможденным лицом на похоронах и на старом заброшенном кладбище, и о моем хождении по болотам в тумане, и о жутких звуках, которые я там слышал. Он сидел, ничем не выражая своего отношения к моему рассказу, и не прерывал меня.

— Мне кажется, мистер Дейли,— сказал я в заключение,— то, что я видел в Доме на Угровых болотах и на кладбище,— привидение. Я имею в виду женщину в черном с изможденным лицом. У меня нет никаких сомнений, что она не живое существо во плоти. Да, она не причинила мне никакого вреда, не заговаривала со мной и даже не приближалась. Но на меня отталкивающе действовал ее вид, и еще более отталкивающей была исходившая от нее сила, воздействие которой я ощущал на себе. Однако я успел убедиться, что сила эта не может ничего иного со мной сделать, как только вызвать страх. Если, поехав туда, я увижу ее снова, то, думаю, больше не испугаюсь.

— А повозка и лошадка?

Тут я ничего не мог ответить, потому что это было хуже, гораздо хуже, жутче и загадочней — ведь я только слышал, ничего не видя, и тот плач ребенка останется во мне до конца жизни.

Я покачал головой:

— Я не убегу отсюда.

Сидя у камина в доме Сэмюэла Дейли, я чувствовал себя сильным, решительным и храбрым, к тому же мне было приятно ощущать себя таким. С подобным внутренним настроением, думал я, человек идет в бой, в этом его главное оружие, оружие в борьбе с великанами.

— Вам не следует ездить туда.

— Боюсь, что я все-таки поеду.

— Вам не следует ездить туда одному.

— Я не смог найти компаньона.

— Понятно, — сказал он. — И никогда не сможете.

— Но, Бог мой, миссис Дрэблужо жила там одна — сколько же? — да, целых шестьдесят лет, и достигла вполне преклонного возраста. Должно быть, она спокойно ладила с обитающими в тех местах привидениями.

— О, да! — Произнеся это, мистер Дейли поднялся. — Вероятно, так оно и было. Ну, хорошо... Банс, мой шофер, доставит вас в гостиницу.

— Нет, спасибо, я предпочту пройти пешком. Мне нравится гулять на свежем воздухе.

Дело в том, что я приехал к мистеру Дейли на велосипеде, но, увидев, в каком грандиозном доме он обитает, спрятал велосипед в канаве у ворот, посчитав, что не очень подобает к такому особняку подъезжать на двух колесах.

В холле мы начали прощаться, и, надевая пальто, я заметил, что он что-то прокручивает у себя в голове.

— Так вы твердо решили туда ехать?

— Да.

— Тогда возьмите с собой собаку.

Я рассмеялся:

— Но у меня нет собаки.

— У меня есть.

Он вышел из дома и, спустившись по лестнице, прошел куда-то в темноту, где, по-видимому, располагались хозяйственные постройки. Обрадованный и даже тронутый его заботой, я остался ждать, несколько, правда, недоумевая, какой толк от собаки, когда приходят привидения. Но все же я был не против предложения мистера Дейли. Я любил собак, и в холодном заброшенном доме присутствие дружелюбного, теплого живого существа будет совсем не лишним.

Через несколько минут послышались ровные увесистые шаги Дейли и постукивание лап по гравиевой дорожке.

— Берите ее, — сказал он, — вернете, когда закончите свои дела.

— А она пойдет со мной?

— Она сделает то, что я ей прикажу.

Я взглянул вниз. Крепенький маленький терьер, лохматый и пятнистый, с яркими карими глазами, коротко вильнул хвостом, поприветствовав меня, но так и остался у ног хозяина.

— Как ее зовут?

— Спайда.

Собака дернула хвостиком еще раз.

— Наверное, с ней мне действительно будет лучше. Спасибо.

Я повернулся и пошел от дома по широкой подъездной аллее. Пройдя несколько метров, оглянулся и позвал: «Спайда! Давай, девочка, сюда. Спайда!» Собака не двинулась с места. Я оказался в глупом положении. Сэмюел Дейли хихикнул и, щелкнув пальцами, сказал ей что-то. Собачка тотчас помчалась ко мне и, догнав, послушно пошла рядом.

Убедившись, что меня уже не видно от двери дома, я достал из укрытия велосипед, и собачка радостно устремилась следом за

мною по тихой освещенной лунным светом дорожке к городу. Настроение заметно улучшилось. С каким-то странным нетерпением я ждал завтрашнего дня.

В ДЕТСКОЙ

Ночь я провел беспокойно, меня тревожили странные, путанные сны. Возможно, оттого, что накануне переусердствовал в еде у Дейли. Однако настроение осталось прежним. Готовясь к отъезду в Дом на Угревых болотах, я был бодр и полон решимости. Маленькая Спайда проспала всю ночь у моей кровати.

В половине десятого, уложив вещи и провизию в корзину велосипеда, я отправился из гостиницы, и Спайда вприпрыжку устремилась за мной.

Солнце поднялось уже довольно высоко, вода переливалась в его лучах, повсюду царили простор и яркость, даже воздух, словно очистившись, радовал и бодрил. Птицы то парили в вышине, то устремлялись вниз, серебристо-серые и белые на фоне ярко-голубого неба, а впереди, в конце длинной прямой дороги, высился Дом на Угревых болотах.

Добравшись туда, я примерно полчаса потратил на обустройство. В темной, мрачноватой кухне нашел фаянсовую посуду, ножи и вилки, вымыл их, протер и разложил, чтобы было удобно ими пользоваться, а в кладовой расчистил угол для своей провизии. Затем, порывшись наверху в шкафах, нашел чистое постельное белье и одеяла, развесил их около огня, который развел в камине гостиной. В другой гостиной, поменьше, и в столовой я тоже разжег огонь, и мне даже удалось после нескольких неудачных попыток растопить огромную черную топку, так что появилась реальная возможность вечером принять ванну.

Устроился я за большим письменным столом в одной из ниш комнаты, оттуда открывался самый красивый вид на болота и на воды дельты. Рядом с собой я поставил два ящика с бумагами и углубился в работу. Она была на редкость нудной, но я упорно и терпеливо развязывал связку за связкой, бегло просматривая старые бесполезные бумаги, а затем сбрасывал их в пустую коробку, которую приготовил специально для этой цели. Для более внимательного чтения я оставил только письма. Все остальное было просто бумажным хламом. Перекусил я хлебом с ветчиной да пивом, а около двух часов, позвав с собой Спайду, вышел прогуляться. Воздух был свеж и бодрящ, я обошел сухой участок земли, на котором стоял Дом на Угревых болотах. Иногда, играя со Спайдой, бросал ей палку; она радостно неслась за ней и, довольная, приносила обратно; я дышал свободно, полной грудью, и мне было хорошо. Даже хватило духу забрести на заброшенное кладбище, и там Спайда носилась туда-сюда, преследуя воображаемых, а может, и настоящих зайцев.

Некоторое время я бродил среди старых надгробий, пытаюсь разобрать имена, но ничего не получалось, пока не забрел в дальний угол кладбища, где в последний раз стояла женщина в чер-

ном. Там был камень, о который — я это очень хорошо помнил — она опиралась. На этом надгробии я смог разобрать имя Дрэблоу. Буквы были покрыты налетом соли, принесенной сюда за многие годы ветрами с дельты.

В пам...

...нет Дрэблоу

... 190...

...ой из...

...изль... лоу

Род...

В воздухе похолодало, небо начало тускнеть, так как солнце клонилось к закату, и я со Спайдой вернулся в дом.

Приготовив себе чай и разведя огонь в камине, я снова принялся за свою нудную работу, перед этим просмотрев книжные полки в гостиной и выбрав себе на ночь роман Вальтера Скотта и томик стихов Джона Клэра. Я отнес эти книги наверх и положил на тумбочку в маленькой спальне. Когда наступила темнота, я еще работал. Ворох ненужных бумаг в коробке становился все больше в отличие от небольшой стопки тех, которые я считал необходимым просмотреть более тщательно, и мне пришлось разыскать в доме еще несколько коробок, куда бы можно было складывать бумажный хлам. По моим расчетам выходило, что придется поработать весь следующий день и еще полдня. Я выпил стаканчик шерри и вкусно поужинал, разделив трапезу со Спайдой. Почувствовав, что успел уже изрядно устать, вышел наружу подышать перед сном.

Все было тихо. Я едва различал даже плеск наступающего прилива. Черные и безмолвные болота простирались от меня на многие мили.

Вернувшись в дом, я поднялся в спальню и читал что-то около получаса «Эдинбургскую темницу». Спайда лежала на коврикe в ногах кровати. Заснул я, должно быть, почти тотчас, как потушил свет, и спал довольно крепко, потому что, когда проснулся, или, вернее, когда меня что-то заставило проснуться, я был полностью обескуражен, не понимая, где нахожусь. Все вокруг было погружено в темноту, но, немного привыкнув к ней, я увидел, что от окна в комнату проникает полоска лунного света: перед сном я неплотно задернул тяжелые шторы и оставил створку слегка открытой. Лунный свет, холодный и красивый, падал на стеганое одеяло, задевал темную громаду комода и шкафчик с зеркалом; мне захотелось встать и посмотреть на болота и дельту при таком освещении.

Стояла полная тишина и покой. Я даже удивился, что же могло меня разбудить, и тут с замиранием сердца заметил, что Спайда тоже проснулась и, подойдя к двери, насторожилась. Шерсть у нее стояла дыбом, уши наострились, хвост поднялся, вся она напряглась, как перед прыжком, и издавала глубокое глухое рычание. Я же не мог двинуться с места, меня словно парализовало. Откуда-то из глубины дома, но невдалеке от комнаты, где я находился, донеслись какие-то звуки. Они были похожи на ритмичные, перемежающиеся паузами удары или постукивания. И больше ничего. Никаких шагов, никаких скрипящих половиц, ни завыва-

ний ветра. Лишь приглушенный звук ударов. Собака не отходила от двери; вся оцетинившись, она то подсовывала нос под дверь и нюхала, то, отступив, вытягивала морду вверх и напряженно, как и я, прислушивалась. И все чаще издавала яростное глухое рычание.

В конце концов я все-таки собрался с духом, открыл дверь и вышел в коридор. Спайда ринулась вперед, и ее лапы зацокали вдоль по коридору, около каждой закрытой двери она жадно принюхивалась, продолжая издавать глухое, рокошущее ворчание.

Через некоторое время странное постукивание раздалось снова. Казалось, звук идет слева, из дальнего конца коридора. Но определить, откуда именно, и на этот раз оказалось невозможным. Затаив дыхание, осторожно ступая и прислушиваясь, я осмелился сделать несколько шагов по направлению звуков. Спайда бежала впереди меня. Слева коридор вел к трем спальням, двери которых располагались по одной стороне. Я принялся открывать каждую из них и заглядывать внутрь. Ничего необычного там не было, только старая тяжелая мебель, голые матрасы на кроватях и лунный свет.

Но вот я дошел до двери в самом конце коридора. Спайда оказалась там раньше меня; напрягшись всем телом, она припала к щели под дверью, что-то там вынюхивая. Я погладил ее по загривку, и это прикосновение должно было придать уверенность не столько ей, сколько мне самому.

Перед нами была та самая дверь, в которой не было замочной скважины, и я не смог ее открыть в свой первый приезд в Дом на Угровых болотах. Я не имел представления, что за ней. Но именно оттуда раздавались непонятные звуки, от них отделяла лишь деревянная перегородка.

Вдруг Спайда начала подвывать, тоненько, жалобно, испуганно, и, попятившись от двери, прижалась к моим ногам. У меня пересохло в горле и начала бить дрожь. Что-то в той комнате было такое, до чего я не мог добраться, но даже если и был в состоянии, то вряд ли решился бы на это. Вдруг за моей спиной раздался другой неясный звук. Я отошел от двери, прислушался к этому новому отдаленному шуму и направился обратно к себе, пробираясь на ощупь вдоль стены коридора, определяя направление по полоске лунного света, шедшего из приоткрытой двери моей комнаты. Собачка семенила на полшага впереди меня. В спальне я ничего особенного не обнаружил, все там было по-прежнему, и тут я понял, что слабый шум раздавался не в самой комнате, а за окном. Я распахнул его как можно шире и выглянул. Во всю ширь пространства были видны болота, серебристо-серые и однообразные, на зеркальной глади дельты лежало перевернутое отражение луны. И больше ничего. И никого.

Ощувив что-то теплое у ног, я взглянул вниз и увидел Спайду, которая, тесно прижавшись ко мне, ласково лизала мою щиколотку. Погладив ее, я почувствовал, что она совершенно успокоилась, тельце ее расслабилось, ушки опустились. Я решил снова пройти по коридору к запертой двери. Спайда радостно побежала за мной и послушно встала рядом у двери, видимо, ожидая, что ее откроют. Я приложил ухо к деревянной створке. Ни звука. Я

потрогал дверную ручку и, немного помедлив, так как сердце начало бешено колотиться, нажал на ручку после нескольких глубоких вдохов. Но дверь не открылась, хотя от моих усилий закрипела. Я попробовал толкнуть ее плечом, но дверь не поддавалась.

Я вернулся к себе в комнату и лег в постель. Прочел еще две главы романа Скотта, почти ничего не воспринимая из прочитанного, и затем потушил лампу. Заснул я далеко не сразу.

Проснувшись на следующее утро около семи, я первым делом заметил, что погода изменилась. Воздух был пропитан сыростью, и стало гораздо холоднее. Выглянув в окно, я едва мог различить границу между землей, водой и небом, все было одинаково серым; густая облачность висела низко над болотами, и моросил дождь: этот день будто нарочно создан, чтобы приводить в уныние. Спайда радостно поскакала вниз по лестнице, и вскоре я развел огонь в камине, нагрел бак с водой, принял ванну и, позавтракав, почувствовал себя более или менее сносно. Даже поднялся наверх и прошел к запертой двери, но за ней не было слышно ни звука.

В девять я вышел из дома, взял велосипед и, усердно крутя педалями, быстро покатыл по дамбе, затем по проселочной дороге к Крайтен-Джиффорду. Спайда неслась вприпрыжку впереди, то и дело сбегаая вниз и шныряя по придорожной канаве или же пускаясь в погоню за какой-нибудь вспорхнувшей в траве птичкой.

Жена хозяина гостиницы собрала мне корзину с продовольствием, а у бакалейщика я купил кое-что еще. С ними и с мистром Джеромом, которого встретил по дороге в лавку, я поболтал немного, не упоминая о делах в Доме на Угревых болотах. При дневном свете, даже таком мрачном и тусклом, ко мне вернулось самообладание, и химеры вчерашней ночи, растворившись в свете дня, исчезли. Более того, в гостинице меня ждало нежное письмо от Стеллы, полное горячих, а потому вдвойне приятных мне сожалений по поводу моего отсутствия. Согреваемый этим письмом, я пустился в обратный путь к Дому на Угревых болотах, бодро крутя педалями и насвистывая.

Хотя еще не было и полудня, мне пришлось зажечь почти все лампы в доме, так как делалось все сумеречней и даже у самого окна было трудно работать. Выглянув в окно, я увидел, что облачность и морось стали еще гуще, вокруг простиралась сплошная пелена тумана. Тут мои нервы снова начали сдавать, и я решил, что лучше будет собраться и поехать обратно под надежное укрытие города. Я направился в парадное и вышел наружу. Со стороны дельты дул сильный, порывистый ветер, продиравший до костей. Спайда отбежала на несколько шагов и, остановившись, оглянулась на меня в нерешительности и без всякого желания бежать дальше в такую мерзкую погоду. Дорогу на дамбе полностью накрыл прилив. Вода спадет только глубокой ночью. Значит, мне полностью отрезан путь назад в Крайтен-Джиффорд.

Я свистнул собаку, она тотчас радостно ко мне подбежала, и, вернувшись вместе с ней в дом, я вновь сел за бумаги миссис Дрэблоу. Пока мне удалось обнаружить только тонкую связку

писем и документов, которые показались мне интересными, и я решил, что займусь ими для разнообразия после ужина. Оставшееся до него время я разбирал другие кипы бумаг, сердце радовалось при виде нескольких уже опустошенных ящиков, хотя от взгляда на множество других, заполненных до отказа, настроение тут же портилось.

В первой пачке, перевязанной узкой фиолетовой ленточкой, были письма, написанные одной и той же рукой шестьдесят лет назад. Сначала они приходили из поместья, находившегося, насколько я помнил по карте, милях в тридцати от Крайтен-Джиффорда, а потом письма начали приходить из какой-то маленькой деревушки в Шотландии к северу от Эдинбурга. Все они начинались с обращения «Моя дорогая» или «Любимая Элис» и подписаны большей частью «Дж.», но изредка полностью — «Дженнет». Это были короткие письма, а история, которую они поведали, была трогательной, но довольно банальной. Автор писем, молодая женщина, по видимости, родственница миссис Дрэблоу, была не замужем и имела ребенка. В начале переписки она все еще жила дома у родителей, но потом ее оттуда отослали. Почти ничего не было сказано об отце ребенка, за исключением двух-трех фраз с упоминанием «П»: «П. не вернется сюда больше» и «Я думаю, П. отправили за границу». В Шотландии у нее родился сын, и с самого начала все ее сообщения о нем были проникнуты страстной материнской привязанностью. Затем в письмах наступил перерыв, через несколько месяцев, видимо, переписка возобновилась, и первые письма были полны яростного негодования и протеста, но затем их сменила тихая смиренная горечь. Женщину вынуждали отдать ребенка для усыновления, она отказывалась, повторяя снова и снова, что она и дитя «никогда не расстанутся».

«Он мой. Почему мне надо отдавать то, что мое? Он не пойдет к чужим людям. Я скорее убью нас обоих, чем отдам его».

Затем тон писем изменился:

«Что еще мне остается? Я совершенно беспомощна. Если нет другого выхода, то для меня было бы не так ужасно, если бы я отдала его вам с М.» И опять в другом месте: «Наверное, так и надо сделать».

В конце самого последнего письма очень мелко и нервно было приписано: «Любите его, заботьтесь о нем, как о собственном ребенке. Но он мой, мой, он никогда не будет вашим. О, простите меня. Мое сердце разрывается. Дж.»

В этом же пакете находился документ, составленный нотариусом, удостоверяющий, что Натаниел Пирстен, сын Дженнет Хамфри, усыновлен Морганом Томасом Дрэблоу, владельцем Дома на Угровых болотах, Крайтен-Джиффорд, и его женой Элис. Помимо этой бумаги, лежало в пакете еще три документа. Один из них оказался рекомендательным письмом некоей леди М., Хайд Парк Гейт, гувернантке Розе Джуд.

Прочтя это письмо и отложив его в сторону, я был уже готов взять следующую, сложенную вчетверо бумагу, как вдруг, оторвав взгляд от работы, замер, услышав раздававшиеся в доме звуки.

Спайда уже стояла около двери, издавая такое же глухое рычание, как и предыдущей ночью. Присмотревшись к ней, я увидел, что шерсть у нее поднялась дыбом. В первый момент я не мог двинуться с места от ужаса. Затем заставил себя вспомнить о своем решении во что бы то ни стало встретиться с призраками Дома на Угровых болотах, так как был убежден, что, чем старательней буду избегать этой встречи, тем настойчивее они будут меня преследовать и тем больше у них будет возможности мучить меня страхом. Поэтому, отложив бумаги, я поднялся и, подойдя к двери, тихонько ее приоткрыл.

В ту же секунду Спайда бросилась из комнаты и кинулась вверх по лестнице, продолжая рычать. Я слышал, как, поспешно перебирая лапами, она понеслась по коридору второго этажа и вдруг остановилась. Она дошла до той запертой двери, и даже снизу мне были слышны странные, негромкие и ритмичные звуки: бум-бум, пауза, бум-бум, пауза, бум-бум... Твердо решив все-таки проникнуть в ту комнату и выяснить наконец, что это может быть, я направился в чулан в поисках молотка или ломика. Ничего не найдя там, я вспомнил, что в сарае для дров есть топор. Я вышел через заднюю дверь во двор, прихватив с собой фонарик, и, спотыкаясь, добрал до сарая.

Найдя там топор и захватив его с собой, я вышел наружу и тут услышал шум повозки, он раздавался очень близко, в нескольких метрах от дома. Я быстро пошел к парадному, чтобы встретить гостя. Ступив на гравийную дорожку у входа, я направил луч фонарика в темноту по направлению дамбы, где проходила дорога, так как именно оттуда доносились стук копыт, позвякивание и скрип повозки. Но ничего не увидел. Вскрикнув от ужаса, я понял: никто не ехал, по крайней мере никто из живых людей, никакой не Кеквик. Звуки начали раздаваться с другой стороны: лошадка с повозкой съехала с дамбы и понеслась по болотам.

Охваченный жутким страхом, я стоял, напряженно вглядываясь в заволоченное туманом пространство. Повозка удалялась, звук колес становился все глуше, затем раздались всплеск воды и чавканье болотной жижи, шум бьющейся в панике лошади. Все происходило так, как бывает на самом деле, когда засасывает трясина, все глубже, глубже, и вот наступает жуткий момент, когда вода уже смыкается над головой. Вдруг, перекрывая отчаянное ржание и барахтанье лошади, раздался детский плач, переходящий в вопль ужаса, потом он начал захлебываться, стихать и, наконец, смолк.

Я дрожал всем телом, во рту у меня пересохло, ладони под впившимися в них ногтями саднило, а я беспомощно стоял, выслушав от начала и до конца все звуки повторившейся на болоте трагедии, такими они тысячи раз будут впоследствии проноситься в моей голове.

У меня не оставалось ни тени сомнения, что лошадка с повозкой и плачущий ребенок не существуют в реальности, что этот роковой проезд по болоту, вплоть до исчезновения в предательской топн, произошел не сейчас, в этом я был совершенно уверен. Но в не меньшей степени я был убежден в том, что когда-то, много лет назад это ужасное происшествие действительно случилось.

здесь, на Угровых болотах. Лошадь, повозка с возницей и ехавший с ними ребенок попали в трясину и были затянута в считанные минуты. Меня лихорадило от ледяного, ночного ветра, тумана и от струящегося по всему телу холодного пота.

В этот момент Спайда, оцетинившись, отступила на пару шагов, приподнялась на задних лапках и начала выть громким, протяжным, бередящим душу воем.

Мне пришлось взять ее на руки и внести в дом, так как она не реагировала на мой голос. Я чувствовал, как оцепенело ее тельце, она была чем-то глубоко подавлена и, когда я отпустил ее, не отходила от меня ни на шаг.

Именно ее испуг заставил меня опомниться и взять себя в руки. Я чувствовал себя обязанным утешить и подбодрить ее. Но, дав себя немного погладить и поласкать, собака вырвалась из-под моей руки и бросилась к лестнице. Я быстро последовал за ней, зажигая на ходу все попадавшиеся мне лампы. Как я и ожидал, Спайда побежала в конец коридора к запертой двери, за которой я услышал знакомые, сводящие с ума постукивания.

Тяжело дыша, я добежал за Спайдой до угла коридора, сердце мое, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Но если мне и было раньше в этом доме страшно, то этот страх не шел ни в какое сравнение с тем, что я испытал, когда достиг конца коридора и увидел там то, что повергло меня в невообразимое состояние: мне казалось, я сейчас умру, потому что не может человеческое существо выдержать такие потрясения и остаться в живых, не говоря уже о том, чтобы сохранить здравый рассудок.

Дверь комнаты, в которой раздавались непонятные звуки, дверь, которая все это время была наглухо заперта, теперь была распахнута. Широко распахнута.

За ней оказалась комната, тонувшая в совершенной тьме, только небольшой кусок коричневого, матово блестящего пола около двери был освещен тусклым светом лампочки на лестничной клетке.

Не знаю, сколько я простоял там, охваченный страхом и безумным замешательством и потерявший всякое ощущение времени и реальности. В голове беспорядочно пронеслись мысли и видения, мерещились призраки и реальные во плоти грабители, в общем, ворох всевозможных ужасов, порожденных воспаленным воображением. И все это время дверь передо мной была широко распахнута. Только теперь я наконец понял, что за шум в комнате — он напоминал постукивание деревянных полозьев кресла-качалки, в котором моя няня сидела каждую ночь подле моей кровати и раскачивалась, пока я не засыпал. Иногда, если я заболел и меня лихорадило, или же я просыпался от привидевшегося во сне кошмара, няня или мама подходили ко мне, брали на руки и, сев со мной в кресло, качались в нем, пока я не успокаивался и не засыпал снова. Этот звук вызывал во мне ощущение защищенности, уюта и успокоения. Поэтому, пока я стоял в темном коридоре Дома на Угровых болотах, звук, доходивший до меня из комнаты, начал оказывать то же воздействие, что и в детстве, я почувствовал, что меня охватывает дремота и покой и что страхи и физическая напряженность начали отпускать меня.

Теперь у меня было достаточно сил войти в комнату и встретиться лицом к лицу со всем, что там ни окажись. Нащупав на стене выключатель, я нажал на него, но свет не зажегся; направив луч фонарика на потолок, я увидел, что в патроне нет лампочки, но мой фонарик горел достаточно сильно, чтобы осмотреть комнату. В углу я разглядел кровать, в такой же деревянной и низкой я когда-то спал в детстве, рядом с кроваткой раскачивалось кресло-качалка, и оно тоже было очень похоже на то, что стояло в моей детской, — с низким сиденьем и высокой плетеной спинкой. Я смотрел и смотрел до рези в глазах на эту качалку, на ее тихое раскачивание, становившееся все слабее и слабее, как будто кто-то с нее поднялся.

Но никого не было. Я быстро пробежал лучом фонарика по комнате. Камин, закрытое ставнями окно с двумя деревянными планками поперек рам, как обычно делают в детских, чтобы ребенок не вывалился из окна.

Раскачивание качалки делалось все тише и тише, затем она остановилась, и наступила полная тишина.

Детская была прекрасно обставлена, и все находилось в таком ухоженном состоянии, будто обитатели просто на день-два уехали или же вышли на прогулку. Кроватка была застелена, с полным комплектом подушек, одеял, простыней и покрывал. Рядом с кроваткой — маленький столик, а на нем крошечная деревянная лошадка и ночник с полуобгоревшей свечой, в углублении подсвечника даже была вода. В комод и гардеробе — одежда, белье, костюмчики праздничные и на каждый день, одежда для игр и для прогулок, все предназначалось мальчику шести-семи лет, красивые, добротные вещи, сшитые по той моде, которая была во времена детства моих родителей и которую я видел дома на фотографиях шестидесятилетней давности.

Огромное количество аккуратно расставленных игрушек — ряды оловянных солдатиков, миниатюрная ферма с раскрашенными сараями, заборами, копнами сена и маленькими деревянными снопами колосьев, модель корабля с мачтами и парусами, слегка пожелтевшими от времени, кожаный кнутик и блестящий волчок. На полках лежали настольные игры, фишки, шашки и шахматы, картинки-загадки с сельским пейзажем и цирком, в открытом деревянном шкафчике сидела игрушечная обезьянка из кожи, мохнатый медвежонок и кукла без волос с фарфоровой головкой и в матросском костюме. Библия и молитвенник, набор игральные костей и две колоды карт, миниатюрная труба, разрисованный музыкальный ящик и оловянный негритенок.

Я брал эти вещи в руки, гладил их и даже нюхал. Спайда спокойно сидела на коврик у детской кровати. Мне не оставалось ничего другого, как уйти, потому что я все уже осмотрел, ничему не смог найти объяснения и больше не хотел оставаться в этой печальной атмосфере. Окинув долгим взглядом комнату, я закрыл за собой дверь.

Было еще не поздно, но я не имел сил продолжать заниматься бумагами миссис Дрэбл. Поток впечатлений и моя ответная на них реакция настолько изнурили меня, что я был похож на человека, выброшенного на берег после бури.

Я выпил разбавленного горячей водой бренди, затем обошел дом, чтобы подкинуть дрова в камин и запереть все двери, прежде чем лечь в постель и почитать перед сном Вальтера Скотта.

Но до того, как пойти к себе в комнату, я прошел по коридору к детской. Дверь была закрыта, как я ее и оставил. Не было слышно ни звука. Я не стал нарушать это безмолвие и покой, а тихо отошел от двери и направился в спальню.

Ночью поднялся ветер. Проснулся я внезапно, когда над болотами уже разыгралась настоящая буря. Окна во всем доме дребезжали, в трубах завывало, свистело во всех щелях и закоулках.

Сначала меня это очень встревожило. Но потом, собравшись с мыслями, я рассудил, что Дом на Угровых болотах простоял здесь уже многие десятилетия, стойкий и прочный, как маяк. Вряд ли в эту ночь его снесет непогода. Ко мне снова пришли воспоминания детства, и я с нежной грустью припомнил, как по ночам, лежа в теплой и уютной кровати под надежной защитой детской на верхнем этаже родительского дома в Суссексе, я слушал, как ветер с львиной яростью носится вокруг дома, завывает у дверей и бьет в окна. Откинувшись на подушки, я погрузился в приятное полубессознательное состояние, чувствуя себя маленьким мальчиком.

Вдруг откуда-то издалека до моих ушей донесся крик, резко вернувший меня к действительности и развеявший все мое спокойствие.

Я напряг слух. Вой ветра, похожий на замогильные вопли привидения, стук и дребезжание окон в старых, плохо подогнанных рамах. И затем — тот, уже слышанный крик отчаяния и боли, крик ребенка о помощи, несшийся откуда-то с болот.

Никакого ребенка там нет. Я это знал. Но все же через некоторое время поднялся. Надо пойти вниз на кухню, приготовить чай, пошевелить дрова в печке, сесть подле огня и постараться отключиться от этого зывающего о помощи крика, потому что я ничего не могу сделать, и никто не был в состоянии ничего сделать в течение... скольких же лет?

И тут сквозь завывание ветра в спальню донесся какой-то шум. Боже! Как успокаивающе он подействовал на меня. Ведь это был стук копыт и повозки...

СВИСТНИ, ТЕБЯ НЕ ЗАСТАВЛЮ Я ЖДАТЬ

Я подбежал к входной двери и широко распахнул ее. Передо мной стоял Сэмюел Дейли. Он выглядел очень озабоченным.

— Я все время о вас думал, — сказал Дейли после некоторого молчания. — Мне было не по себе. Я начал беспокоиться.

— Но ведь сейчас еще рано... Мне так неловко...

— Да, довольно рано. Но я все равно не спал. Ведь я уже сказал, что все время о вас думал.

— Странно.

— Вы так считаете, а по мне, совсем не странно.

— Да, действительно. Я страшно рад видеть вас, мистер Дейли.

— Да уж, на это у вас есть причины. Хорошо бы собрать все, что нужно, и поскорее уехать отсюда.

Я сказал Дейли, что буду рад поехать вместе с ним и отдохнуть у него дома, но только очень непродолжительное время. Меня беспокоила мысль, что кому-то все же придется закончить разбор и отправку бумаг миссис Дрэбллу.

— А что вы тут нашли, мистер Киппс? Карту, по которой можно отыскать зарытые сокровища?

— Нет. Огромное количество всякой бумажной чепухи и совсем немного того, что может вызывать какой-то интерес. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что здесь найдется что-то ценное. Но так или иначе работу надо будет окончить. Это моя обязанность. Но, вообще-то говоря, будь моя воля, я не стал бы ничего из этих бумаг брать, кроме нескольких документов и писем. Их я хотел бы еще раз просмотреть. Скорее даже из личного любопытства. Пачка старых писем и еще несколько каких-то официальных бумаг. Я читал их вчера вечером. И думаю захватить с собой.

Пока мистер Дейли обходил комнаты на первом этаже, опуская жалюзи и проверяя камин, я отправился сначала в ту комнату, где работал, чтобы забрать заинтересовавшие меня письма, а потом поднялся наверх за своими вещами. Теперь я не испытывал никакого страха, потому что оставлял Дом на Угревых болотах по крайней мере на некоторое время, кроме того, рядом был внушительный, вселяющий уверенность Сэмюел Дейли. Я не знал, вернусь ли сюда еще раз, но если это произойдет, то один ни за что не приеду. Решив это, я относительно успокоился и без страха поднялся на второй этаж, в маленькую спальню. Быстро собрал сумку, закрыл окно и опустил жалюзи. Вокруг стояла тишина. С рассветом ветер успокоился, но стоило мне закрыть глаза, как я снова начинал слышать его завывания и стоны и все стуки и треск, возникавшие из-за него в старом доме. Хотя это и подогревало ночью мой страх, все же я мог прекрасно отличить естественные явления — ураган, скрипы и грохот — от тех, которые вызывались призраками и особой средой, создаваемой вокруг них. Погода могла перемениться, ветер — уняться, солнце — засиять, в Доме на Угревых болотах могли установиться тишина и спокойствие, но призраки, обитающие в доме, неизменно будут тревожить и угнетать любого, кто к ним приблизится, — это я знал теперь наверняка.

Закончив упаковывать свои вещи, я вышел из комнаты. На лестничной площадке не смог удержаться, чтобы не взглянуть с некоторой опаской в сторону детской.

Дверь была приоткрыта. Таившаяся под тонким слоем внешнего спокойствия тревога начала во мне снова подниматься, и сердце бешено заколотилось. Однако, услышав внизу шаги мистера Дейли и постукивание лапок сопровождавшей его собачки, я приободрился и, собрав все свое мужество, пошел к двери детской.

В комнате было тихо. Качалка стояла неподвижно. Медленно, очень медленно я стал приоткрывать дверь и затем сделал несколько шагов внутрь, чтобы увидеть всю комнату.

Там царил такой беспорядок, словно в комнате побывала

шайка разбойников, одержимых безумной жадой разрушения. Вместо аккуратно застеленной кровати был развороченный матрас и ворох смятых, разбросанных по полу простыней. Дверь гардероба и ящики маленького комода были раскрыты настежь, и все вещи, которые там хранились, разворочены, они свисали, как внутренности расплосованного тела. Оловянные солдатки рассыпались по полу, как сбитые кегли, игрушечные зверьки были выброшены из ящика, книги с разорванными обложками разбросаны, настольные игры свалены в кучу. У мягких игрушек оторваны лапы и содрана одежда, оловянный негритенок расплюснен, словно по нему ударили молотком. Ночной столик и маленький шкафчик опрокинуты. И среди всего этого разрушения посередине комнаты, как большая, нахохлившаяся птица, возвышалось неподвижное кресло-качалка.

Я подошел к окну посмотреть, не через него ли в комнату проникли бандиты. Рамы были прочно привинчены болтами, запоры проржавели, и деревянные планки накрепко прибиты. Никто не мог сюда проникнуть.

Все еще плохо владея собой, я начал взбираться в повозку, стоящую наготове у входа, и чуть было не упал. Дейли пришлось подхватить меня под руки и посадить в коляску. Он посмотрел на меня с настороженной пристальностью, моя бледность, видимо, окончательно его убедила, что мне пришлось только что пережить очередное потрясение. Но он ничего не сказал, только поплотнее укутал мне толстым пледом ноги, а на колени для большего тепла поместил Спайду и, причмокнув на лошадь, развернул ее.

Повозка прощуршала по гравию у дома, затем по жесткой траве выехала на дамбу и мягко покатила по ней. По сторонам тянулись подернутые дымкой однообразно унылые болота, а впереди открывался сельский пейзаж, пропитый каплями влаги, тусклый и скучный. Лошадка бежала спокойной рысью, мистер Дейли мурлыкал что-то себе под нос. А я пребывал в каком-то глубоком оцепенении.

Но когда болота остались позади и мы выехали на проселочную дорогу, я все-таки взглянул через плечо назад. Дом на Угровых болотах, темно-серый и мрачный, возвышался, как утес; окна слепо взирали на болота. Я отвернулся от ужасного места, которое, как я надеялся, видел в последний раз.

С того момента, как я сел в повозку, мистер Дейли обращался со мной очень мягко и с таким вниманием и заботой, словно я был очень болен, и его старания удвоились, когда мы приехали к нему домой. Мне была приготовлена комната, большая и тихая, с балконом, выходящим в сад. В гостиницу «Джиффорд армз» тотчас отправили слугу за остальными моими вещами, и, накормив легким завтраком, меня оставили одного в комнате, чтобы я мог еще поспать в эти утренние часы. Спайду вымыли, тщательно расчесали и принесли ко мне, «поскольку вы уже привыкли друг к другу». Собачка удовлетворенно улеглась подле моего кресла.

Наконец я смог перевести дух, но заснуть мне не удалось, в голове все еще стоял какой-то лихорадочный сумбур, нервы были напряжены. И все же я испытывал глубокую благодарность за мирную и спокойную обстановку, которую нашел в этом доме.

Самое благотворное воздействие на меня оказывало сознание того, что, хотя в комнате я был один и никто меня не тревожил, на первом этаже дома и за его стенами были люди, множество людей, занятых своими каждодневными делами, и я вновь уверился, что мир не перевернулся, все в нем идет своим чередом.

Я старался больше не думать о происшедших со мной событиях. Поэтому, решив сосредоточиться на чем-нибудь другом, написал одно письмо, короткое и сдержанное, мистеру Бэнтли, а другое, более подробное, Стелле. Однако ни в том, ни в другом я ничего не стал рассказывать о происшествии в Доме на Угровых болотах и, конечно же, не признался, в каком подавленном состоянии нахожусь.

Покончив с письмами, я вышел в сад и обошел несколько раз большую лужайку, но воздух был холодным и сырым, поэтому вскоре я вернулся в свою комнату. Мистер Дейли не появлялся. На часок я забылся беспокойным сном в кресле, и хотя пару раз нервно вздрагивал и просыпался, все же мне удалось расслабиться, и, к моему удивлению, после этого сна я даже немного взбодрился.

В час дня ко мне в комнату постучала горничная и спросила, буду ли я завтракать у себя или же предпочту спуститься в столовую.

— Передайте миссис Дейли, что я буду завтракать с ними, спасибо.

Я умылся, привел себя в порядок, кликнул собачку и пошел вниз.

Мистер и миссис Дейли были сама доброта и любезность и настаивали на том, чтобы я до отъезда в Лондон оставался у них. Я уже твердо решил вернуться: ничто на белом свете не могло заставить меня и часа пробыть в Доме на Угровых болотах.

И тем не менее я был зол, не на себя, а на того, кто, не успокоившись в потустороннем мире, появлялся в Доме на Угровых болотах, зол на дикие и бессмысленные действия этого ненормального создания, зол за то, что это помешало мне, как и любому человеку на моем месте, сделать свое дело. Быть может, я был еще зол и на здешних жителей: Джерома, Кеквика, хозяина гостиницы, Сэмюела Дейли, которые все же оказались правы насчет этого места. Я был молод и слишком самонадеян, чтобы спокойно снести поражение. И получил здесь слишком жестокий урок.

Днем, когда я снова оказался предоставлен самому себе (мистер Дейли отправился осматривать свои отдаленные владения), я достал пачку бумаг миссис Дрэблоу, которую захватил с собой; меня все еще занимала та история отношений миссис Дрэблоу и Дженнет, которую я уже начал представлять себе после первого чтения писем; теперь, чтобы как-то отвлечься, я решил продолжить разбор бумаг. Трудно было разобраться в этой истории прежде всего потому, что я не знал, кто была та молодая женщина, которая подписывалась Дж. или Дженнет, — то ли родственница миссис Дрэблоу, то ли кто-то со стороны ее мужа, то ли ее подруга.

Вероятнее всего между этими женщинами была кровная связь, так как только такие отношения, судя по письмам и документам,

могли бы позволить или, вернее, заставить такую женщину, как Дженнет, отдать своего внебрачного ребенка для усыновления другой особе.

Перечитывая короткие эмоциональные письма Дж., я чувствовал к ней жалость. Ее страстная любовь к ребенку и та отверженность, которую она из-за него испытывала, ее гнев и отчаянная борьба, а затем горькое смирение — все это переполняло меня печалью и сочувствием. Шестьдесят лет или более того назад девушка из низших слоев, живущая своим узким кругом, справилась бы с такой ситуацией гораздо легче, чем дочь высокородных родителей. Хотя в викторианскую эпоху служанок тоже часто доводили до того, что они кончали самоубийством или были вынуждены бросать своего незаконнорожденного ребенка. Дженнет по крайней мере знала, что ее сын жив и находится в хорошем доме.

Но вот я взялся за другие документы, находившиеся в одной связке с письмами. Это были три свидетельства о смерти. Первое — о смерти мальчика Натаниела Дрэблону, шести лет. Причина смерти: утонул. Следующее свидетельство, помеченное той же датой, о смерти Розы Джуд, которая тоже утонула.

Я почувствовал в животе ужасный тошнотворный холод и подумал, что меня сейчас либо вырвет, либо я задохнусь. Но не случилось ни того, ни другого. Я встал и в мрачном возбуждении прошелся по комнате, сжимая в руке два пожелтевших документа.

Потом заставил себя прочесть последний. Это тоже было свидетельство о смерти, написанное двенадцать лет спустя после двух предыдущих.

Оно подтверждало смерть Дженнет Хамфри, девицы, тридцати шести лет. О причине смерти было просто сказано: «сердечная недостаточность».

Я тяжело откинулся в кресле. Но оставаться так долго я не мог из-за сильного возбуждения и в конце концов, кликнув Спайду, вышел наружу, в сгущающиеся сумерки ноябрьского дня, и пошел, удаляясь все дальше от дома Дейли и его сада. Пройдя мимо сараев, конюшен и амбаров, я вышел к скошенным полям.

Прогулка не вывела меня из размышлений о прочитанных бумагах, я продолжал думать об истории, которую они мне поведали, теперь она стала ясней и понятней. Более или менее случайно я обнаружил ответ или же почти весь ответ на то, кто была эта женщина в черном, и еще на целый ряд других вопросов. Но мне все равно было тревожно и грустно... и даже страшно. Я уже говорил, что тогда я верил в привидения не больше, чем любой здоровый молодой человек, получивший образование в колледже, здраво мыслящий и не склонный к экзальтации. Но я же видел привидение. Ужасное, трагическое событие, которое произошло несколько десятилетий назад, каким-то образом повторялось снова и снова, происходя в каком-то ином измерении. Лошадь с повозкой, в которой ехал мальчик по имени Натаниел, приемный сын четы Дрэблону, вместе со своей няней, в густом тумане каким-то образом пошла не по той тропинке, сбившись с безопасной дороги по дамбе. Они попали в болота, где их затянула трясина. Ребенок с няней погибли, как и человек, управлявший повозкой. Теперь на том же самом болоте это событие, или же тень его, происходит снова и снова.

Из всего остального мне стало известно только то, что мать мальчика, Дженнет Хамфри, умерла от какой-то изнурительной болезни спустя двенадцать лет после смерти сына, и они оба похоронены на заброшенном кладбище около Дома на Угровых болотах. Детскую сохранили такой, какой она была при жизни мальчика, с его кроватью, одеждой и игрушками, там ничего не тронули, и именно она притягивает призрак его матери. Более того, горе, гнев и жажда мести, которые испытывает призрак женщины, обладают такой невероятной силой, что они чувствуются во всей обстановке этого места.

Сила этих страстей — вот что доставляло мне тревогу, потому что я был уверен: именно она способна причинить вред. Вред кому? Разве все, кто связан с этой трагичной историей, не умерли? Скорее всего миссис Дрэбл была самой последней.

Я почувствовал усталость и повернул назад. Хотя я не был в состоянии найти объяснение происшествиям в Доме на Угровых болотах я не мог избавиться от мыслей о нем. Они тревожили меня весь обратный путь, я размышлял над ними, уединившись в своей комнате, глядя в густеющую темноту вечера.

К тому времени, как прозвучал гонг, призывающий идти обедать, эти размышления довели меня до такого лихорадочного возбуждения, что я решил выложить мистеру Дейли все, что знаю, и потребовать, чтобы и он рассказал все, что ему известно о Доме на Угровых болотах.

Происходил наш разговор в кабинете мистера Дейли.

Он, не прерывая, слушал меня, отвернувшись в сторону. Я передавал события, происшедшие со мной в Доме на Угровых болотах с удивительным спокойствием, поделился и своими выводами, которые сделал на основе писем и свидетельств о смерти, обнаруженных среди документов миссис Дрэбл.

Некоторое время мистер Дейли ничего не говорил. Был слышен лишь стук часов. Огонь в камине горел ровно, отдавая приятное тепло. Спайда лежала перед камином на коврике.

— Да, — произнес наконец мистер Дейли, — вы пережили много с тех пор, как я встретил вас в поезде.

— Кажется, прошло лет сто. Я чувствую себя другим человеком.

— Вам, конечно, пришлось пережить события жуткие.

— Ну, теперь все уже позади.

Я заметил, что по лицу мистера Дейли пробежала тень тревоги.

— Послушайте, — сказал я, набравшись смелости, — вы же не думаете, что еще какие-то беды последуют за этим? Я туда больше не поеду. Никто не заставит меня сделать это.

— Конечно.

— Значит, все кончилось. Хотя, что же теперь будет с этим домом? Уверен, что никто из местных не захочет жить там, и трудно представить, что найдется какой-нибудь человек со стороны, который останется там, как только узнает все об этом месте.

Мистер Дейли согласно кивнул.

— Как вы думаете, — спросил я после некоторого молчания, во время которого мы оба погрузились в собственные мысли, — ту старую, несчастную женщину тоже все время преследовало при-

видение ее сестры, и ее тоже донимали все эти жуткие звуки? (Мистер Дейли в начале нашего разговора сказал мне, что эти две женщины были сестрами.) Если так, не понимаю, как она могла там жить и не сойти с ума.

— Возможно, что и сошла.

— Возможно.

У меня складывалось впечатление, и оно становилось все сильнее, что мистер Дейли что-то скрывает, вероятно, какое-то объяснение или какую-то еще информацию о Доме на Угровых болотах и семействе Дрэблоу, и я не мог успокоиться, не выяснив это, поэтому решил вынудить его рассказать все, что он знает.

— Наверное, мне что-то осталось неизвестным? Может быть, побудь я там еще, обнаружили бы какие-нибудь новые ужасные обстоятельства?

— Этого я не могу сказать.

— Но что-то все-таки можете мне сообщить?

Он вздохнул и беспокойно заерзал в кресле, избегая смотреть мне в глаза.

— Пожалуйста! — попросил я. — Мы далеко от этого дома, и я вполне уже успокоился. Никакого вреда мне это не причинит.

— Вам — нет, — сказал он. — Вам, может быть, и нет.

— Ради Бога, что вы скрываете от меня? Что так боитесь сообщить?

— Вы, Артур, — произнес он наконец, — скоро будете далеко отсюда. И, если вам повезет, никогда больше не услышите, не увидите и не узнаете ничего такого, что связано с тем проклятым местом. Мы остаемся здесь. Мы вынуждены жить с этим.

— С чем «этим»? Какие-то слухи, суеверия? Вы имеете в виду женщину в черном? Так с чем же с «этим»?

— С тем, что, несомненно, за этим происшествием последует когда-нибудь. В Крайтен-Джиффорде «это» происходит уже пятьдесят лет. Люди даже стали другими. Те, кто пострадал больше всего, молчат — Джером, Кеквик...

Сердце у меня нервно заколотилось, я ослабил воротник и отодвинул свое кресло от огня. Теперь, когда мне предстояло услышать, что скажет мистер Дейли, я уже не был уверен, что хочу этого.

— Дженнет Хамфри отдала своего сына сестре, Элис Дрэблоу и ее мужу, потому что у нее не было другого выхода. Сначала она жила далеко от них, за сотни миль, и мальчик рос как отпрыск Дрэблоу. Было решено никогда не говорить ему о его настоящей матери. Но со временем боль от разлуки с сыном не только не ослабела, а стала еще сильнее, и Дженнет вернулась в Крайтен. Ее плохо приняли в родительском доме, а отец ребенка уехал навсегда за границу. Она поселилась в городе. У нее не было денег. Тогда она занялась шитьем, стала компаньонкой у какой-то дамы. Сначала Элис Дрэблоу никак не хотела, чтобы Дженнет встретила с сыном. Но мать безумно тосковала и начала угрожать, что силой завладеет им. В конце концов сестра сдалась. Дженнет разрешили изредка приезжать, но ее никогда не оставляли наедине с сыном и никогда не говорили ему, кто она, или хотя бы то, что она имеет какое-то родственное к нему отношение.

Однако никто не предполагал, что он окажется очень похожим на нее, и что естественная их близость все-таки проявит себя. Он все больше и больше привязывался к этой женщине, все сильнее начинал любить ее, а вместе с тем его отношение к Элис Дрэблоу становилось все холоднее. И, насколько я знаю, Дженнет решила забрать его и уехать. Но перед тем, как она смогла это сделать, произошло несчастье, именно то, которое вы слышали на болотах. Мальчик, няня, повозка с лошастью и ее возница, Кеквик...

— Кеквик?

— Да. Отец вашего возницы. Была там еще маленькая собачка мальчика. Это ведь предательское место, как вы теперь сами убедились.

— Значит, они утонули.

— А Дженнет все это видела. Она была в доме, смотрела из окна второго этажа, поджидая их возвращения.

У меня перехватило дыхание от ужаса.

— Тела нашли, только повозку не вытащили, ее слишком сильно засосало. И вот с того дня Дженнет начала сходить с ума. Она обвиняла свою сестру, что та отпустила их тогда покататься, хотя в несчастье нет ничьей вины: туман наползает без предупреждения.

— Да, как гром среди ясного неба.

— Потом из-за пережитой утраты или из-за помешательства у нее развилась какая-то болезнь, и она начала страшно худеть. Тело ее начало таять, цвет сошел с лица, она выглядела ходячим скелетом. Когда шла по улице, люди от нее шарахались. Дети стали ее бояться. В конце концов она умерла. Умерла, унеся в сердце злобу и горе. Как только это случилось, начало являться привидение.

— Как, все время? С тех пор?

— Нет. Не все время. Иногда, а в последние годы совсем редко. Но все же порой ее здесь видят, а кто оказывается вблизи того места, бывает, слышит и звуки.

— Возможно, миссис Дрэблоу тоже?

— Кто знает.

— Ну, поскольку миссис Дрэблоу умерла, теперь должно все успокоиться.

Но мистер Дейли, оказывается, только подошел к самому главному в своей истории.

— И каждый раз, когда видят эту женщину, — сказал он, понизив голос, — на кладбище ли, на болотах, в городе, неважно кто, результат всегда один.

— Какой же? — прошептал я.

— При каких-то ужасных обстоятельствах погибает ребенок.

— Что?! Несчастный случай?

— Да, обычно какой-нибудь несчастный случай. Но один или два раза из-за болезни, которая убивала ребенка за день или за ночь.

— Вы хотите сказать, любого ребенка? Или ребенка, который живет в этом городе?

— Любого ребенка в этом городе. Ребенка Джерома, например.

— Но ведь... дети везде, случается, умирают.

— Да.

— И что же, вы считаете, что между этими смертями и появлением той женщины существует определенная связь, а не просто случайное совпадение?

— Вам с трудом верится. Что ж, вы имеете право сомневаться.

— Так ведь я...

Несколько секунд я смотрел на решительное и твердое выражение его лица, а затем тихо сказал:

— Я не сомневаюсь, мистер Дейли.

После этого мы молча сидели, ничего не говоря друг другу.

Я понимал, что в то утро пережил страшное потрясение, и все же не отдавал себе полностью отчета, насколько глубоко и сильно затронули эти события мое физическое и умственное состояние.

В ту ночь я пошел спать, уверенный, что уже следующую проведу далеко отсюда. Утром я собирался отправиться в Лондон первым же поездом. Когда сказал об этом мистеру Дейли, он не стал возражать.

Спал я отвратительно, просыпаясь от жутких кошмаров почти каждый час, весь покрытый потом, а когда лежал без сна, то пребывал в крайне нервном напряжении, вслушиваясь в тишину дома, вспоминая вновь и вновь все недавние события. Я задавал себе вопросы, на которые нет ответа, вопросы о жизни и смерти, о границе между ними, и горячо молился. Молитвы мои были просты и бесхитростны.

Утренний рассвет долго не наступал, а когда наконец стало светло, за окном было тускло и серо, стоял сырой, мрачный ноябрь. Я поднялся с головной болью, глаза были воспалены, ноги отяжелели, но как-то я все-таки смог одеться и дотащиться вниз к завтраку. Кусок не лез в горло, но мучила страшная жажда, и я пил чай чашку за чашкой. Мистер и миссис Дейли озабоченно на меня поглядывали, а я говорил о своем предстоящем отъезде. Мне казалось, что стоит сесть в поезд и увидеть, как Крайтен-Джиффорд начинает исчезать с глаз долой, как я тотчас почувствую себя лучше. В то же время в разговоре я старался выразить свою глубокую признательность хозяевам, они действительно были моими спасителями, благодаря им моя жизнь и рассудок теперь вне опасности.

Встав из-за стола после завтрака, я направился к двери, но она начала уходить куда-то назад, казалось, я пробираюсь к ней сквозь туман, который все плотнее меня охватывал.

Сэмюел Дейли подхватил меня, не дав упасть, и понес наверх, в спальню. Там он помог мне раздеться и, уложив, ушел.

Пролежал я пять дней, в каждый из них меня навещал заботливый и явно встревоженный моим состоянием доктор. Когда лихорадка и бред прошли, я чувствовал себя невероятно измученным и слабым и мог только сидеть в кресле в своей комнате, а спустя некоторое время внизу, в гостиной. Супруги Дейли были воплощением доброты и участия. Худшим в моей болезни оказалось не физическое нездоровье, не лихорадка, не бред, не слабость и не боли, а умственное расстройство.

Призрак женщины в черном продолжал преследовать меня и здесь. Он садился в ногах моей кровати, внезапно склонял свое лицо вплотную к моему, и я с криком ужаса просыпался. В голове звучали плач ребенка на болотах, постукивание кресла-качалки и захлебывающееся ржание лошади. Я не мог от них избавиться даже тогда, когда у меня не было бреда и ночных кошмаров, каждое слово писем и свидетельств о смерти всплывало перед моими глазами, как будто я видел эти листы перед собой.

Но в конце концов я начал поправляться, страхи мои улеглись, видения исчезли, я снова становился самим собой.

Спустя двенадцать дней я почувствовал себя почти здоровым. Стоял первый морозный день зимы. Светило солнце. Я сидел подле широких окон гостиной с пледом на коленях и смотрел на голые деревья и кустарник, застывшие в инее на фоне голубого неба. Было позднее утро. Меня оставили одного, чтобы я мог при желании вздремнуть после завтрака. Спайда лежала у моих ног, она не отходила от меня, пока я болел. Моя привязанность к этой собачке стала еще сильнее, я и не представлял, что могу так полюбить животное, нас, несомненно, связали те испытания, через которые мы вместе прошли.

Вдруг снаружи раздалась какие-то звуки, подъехал автомобиль, перед домом послышались голоса, но я не обратил на это особого внимания. Они наверняка не имеют ко мне никакого отношения, промелькнуло у меня в голове.

По коридору зазвучали шаги, они стихли у двери гостиной, где я сидел, и после некоторой паузы дверь открылась. Наверное, подумал я, уже много времени, и кто-то пришел посмотреть, как я.

— Артур!

Я обернулся, пораженный звуком голоса, затем вскочил в изумлении и восторге, не веря своим глазам. Стелла, моя дорогая Стелла шла ко мне навстречу.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

На следующее утро я уехал. Нас довезли прямо до станции на машине Сэмюэла Дейли. Я рассчитался в гостинице «Джиффорд армз» через посыльного, и мне больше не пришлось заезжать в город. Это было благоразумно, так как, по совету доктора, мне следовало избегать всего, что могло нарушить все еще хрупкое душевное равновесие. По правде говоря, мне и не хотелось видеть этот город, не было желания и столкнуться с мистером Джеромом и Кеквиком, а более всего не хотелось хотя бы случайно увидеть даже краешек тех далеких болот. Все, что я оставил позади, может теперь произойти с другим человеком. Доктор настоятельно советовал избавиться от мыслей о тех событиях, я твердо решил сделать это и делаю. Стелла была рядом со мной, и я не видел повода сомневаться, что мне это удастся.

Единственное, о чем я искренне сожалел, уезжая из этого места, — о мистере и миссис Дейли, с которыми пришлось рас-

статься. Когда мы прощались, я взял с Дейли обещание, что он обязательно посетит нас, когда приедет в Лондон, что случается раз или два в год. Кроме того, мы попросили оставить нам щенка, если когда-нибудь они появятся у Спайды. Я знал, что буду очень скучать по ней.

Был еще один, последний вопрос, с которым мне нужно было обратиться к мистеру Дейли, как бы это ни было трудно.

— Я должен знать, — решил я наконец, когда Стелла оказалась на достаточном от нас расстоянии, занятая разговором с миссис Дейли, которую сумела вывести из застенчивости со свойственной ей мягкостью и дружелюбием. — Вы сказали в тот вечер, что какой-нибудь ребенок... в Крайтен-Джиффорде всегда умирал.

— Да.

Я не мог продолжать, но все было написано на моем лице, все, чем я был в тот момент встревожен и озабочен.

— Ничего, — проговорил мистер Дейли быстро, — ничего не случилось...

Я был уверен, что он собирался добавить «пока», но он остановился, и поэтому я досказал за него. Но он только покачал головой.

— Молю Бога, чтобы ничего не случилось, чтобы цепь наконец была разорвана и сила этой женщины иссякла, чтобы она навсегда исчезла и чтобы я оказался последним, кто ее видел.

— Да, да. — Мистер Дейли успокаивающе похлопал меня по руке.

Больше всего мне хотелось, чтобы то время, которое прошло с тех пор, как я последний раз видел женщину в черном — привидение Дженнет Хамфри, оказалось достаточным, чтобы свидетельствовать: проклятие больше не властно над Крайтен-Джиффордом. Эта женщина была бедным, несчастным, сумасшедшим созданием, она умерла от горя и отчаяния, переполнявших ее ненавистью и желанием отомстить. Ее боль понятна. Злоба, заставлявшая ее отнимать детей у других женщин, потому что она потеряла своего, тоже понятна, но непростительна.

Никто не может ничем ей помочь, разве что молитвой о ее душе, подумал я. Миссис Дрэблоу, ее сестра, которую она винила в смерти своего ребенка, теперь тоже умерла и лежит в могиле; тот дом наконец опустел, и, может быть, отныне привидения не будут являться, и жуткие последствия этих явлений наконец прекратятся.

Машина уже стояла у подъезда. Я попрощался с супругами Дейли и, взяв Стеллу под руку, крепко держась за нее, сел в машину и откинулся на спинку сиденья. Со вздохом, похожим скорее на всхлип, я унесся в машине из Крайтен-Джиффорда.

Моя история почти подошла к концу. Осталось рассказать последнее. И об этом я с большим трудом заставляю себя писать. Я уже просидел за письменным столом перед листом чистой бумаги несколько дней и ночей, не в силах взяться за перо, весь дрожа и рыдая. Я вставал и выходил прогуляться в сад, затем шел дальше за пределы Приюта Монаха, поэтому приходил домой промокший

до нитки, огорчая этим Эсме. Мучило и то, что я не мог ничего сказать, а Эсме с тревогой смотрела на меня, не зная, что и думать, но была слишком деликатна, чтобы задавать мне вопросы. Когда вечерами мы сидели с ней вместе, я видел на ее лице печаль и беспокойство. Но был не в состоянии что-нибудь сказать ей, а она не могла понять, что меня терзает и почему. И не поймет, пока не прочтет мои записи, но к этому времени я уже умру, и меня не будет рядом с ней.

Но вот я собрал достаточно сил и могу теперь написать конец своей повести. Стелла и я вернулись в Лондон, и через полтора месяца мы поженились. Сначала мы планировали подождать по крайней мере до весны, но все пережитое за эти дни так сильно меня изменило, что я испытывал какое-то обостренное чувство времени и был уверен, что не следует оттягивать момент радости, наоборот, надо использовать любую возможность ее испытать, любую возможность быть счастливым и держаться за нее как можно крепче. Зачем нам ждать? Что, помимо суетных забот о деньгах и вещах, удерживает нас от женитьбы? Ничего. И мы поженились, тихо, без всяких пышных празднеств, и стали жить в моей старой квартире, присоединив еще одну комнату, которую моя хозяйка с большой охотой сдала нам. Придет время, думали мы, и у нас будет достаточно средств, чтобы купить свой собственный дом. Мы были счастливы, как только могут быть счастливы молодые муж и жена, довольные обществом друг друга, не богатые, но отнюдь и не бедные, погруженные в каждодневные дела и с уверенностью глядящие в будущее. Вскоре мистер Бэнтли возложил на меня больше обязанностей и соответственно повысил мое жалованье. О Доме на Угровых болотах и бумагах миссис Дрэблouis я настойчиво просил ничего не говорить мне, и о них никогда в моем присутствии не упоминалось.

Спустя год с небольшим после нашей свадьбы у нас родился ребенок, сын, которого назвали Джозеф Фартур Сэмюел, и мистер Сэмюел Дейли был его крестным отцом; он остался нашей единственной связью с тем местом и с тем временем. Хотя мы периодически виделись с ним в Лондоне, он никогда не упоминал о прошлом. Я действительно был настолько счастлив и доволен жизнью, что даже не вспоминал о Доме на Угровых болотах, и кошмары меня больше не терзали.

В то воскресное летнее утро, год спустя после рождения сына, я пребывал в особенно радужном и спокойном настроении. И менее всего был готов к тому, что меня ожидало.

Мы поехали погулять в парке, он находился на землях одного большого поместья, примерно в десяти милях от Лондона и летом по выходным был открыт для широкой публики. Там царил праздничная оживленная атмосфера, на озере плавали лодки, оркестр играл какие-то веселые мелодии, на лотках продавались мороженое и фрукты. Публика прогуливалась семейными группами, дети возились на траве. Стелла и я гуляли в самом радостном расположении духа, наш сын Джозеф пробовал делать первые шаги, держась за наши руки, а мы смотрели на него с такой гордостью, на какую только способны родители.

Вдруг Стелла увидела, что один из аттракционов предлагает катание на ослике или на повозке с лошадкой, на них можно было проехаться по аллее каштанов. Решив, что мальчику это доставит удовольствие, мы подвели его к смиренному серому ослику, и я попробовал посадить сына в седло. Но он с плачем отпрянул и вцепился в меня, в то же время стал пальчиком показывать на лошадку с повозкой, объясняя жестами, что ему хочется туда. Так как в повозке было место только для двоих, Стелла взяла Джозефа и села, а я остался стоять, глядя, как они весело покатали по аллее среди старых мощных деревьев с великолепной раскидистой листвой.

Завернув за поворот, они на некоторое время исчезли из виду, и я начал беспечно оглядывать парк и гуляющих. И тут совершенно неожиданно я увидел ее. Она стояла в стороне ото всех, прислонившись к стволу одного из деревьев.

Я глядел прямо на нее, а она на меня. Ошибки не было. Глаза меня не обманывали. Это была она, женщина в черном, с изможденным лицом, призрак Дженнет Хамфри. Какое-то мгновение я замер в замешательстве и недоумении, а затем меня охватил страх.

Я стоял, прикованный к месту, и весь мир вокруг меня почернел, голоса и радостные крики куда-то пропали. Я не мог отвести от нее глаз. Лицо ее ничего не выражало, но я вновь почувствовал исходящую от нее силу, силу ненависти, злобы и неистовой боли. И эта сила пронизывала меня.

В этот момент я с большим облегчением заметил, что повозка с лошадкой уже скачет назад по аллее, пересекая полосы солнечного света, падавшие сквозь ветви на траву. Моя дорогая Стелла сидела в повозке, держа на руках ребенка, который подпрыгивал, взмахивая от радости ручками, и смеялся. Они уже почти подъехали к концу аллеи, они были совсем рядом, сейчас я их возьму, и мы уйдем отсюда, потому что мне ни секунды больше не хотелось здесь оставаться. Они приблизились к остановке, но, когда оказались рядом с деревом, у которого все еще стояла женщина в черном, она вдруг быстро вышла, будто намереваясь пересечь дорожку, ее юбки зашуршали по траве. Лошадка дико шарахнулась, отступила назад, в глазах возник ужас. Затем она понеслась галопом между деревьями, издавая испуганное ржание, совершенно не управляемая. Возникло смятение, несколько людей бросились за повозкой, женщины и дети закричали. Обезумев, я бросился бежать и тут услышал отвратительный треск и стук — лошадь с повозкой врезалась в огромный ствол дерева.

Воцарилась жуткая тишина, возможно, длившаяся как-то секунды, а казалось, что годы. Подбегая к месту падения, я взглянул через плечо назад. Женщина в черном исчезла.

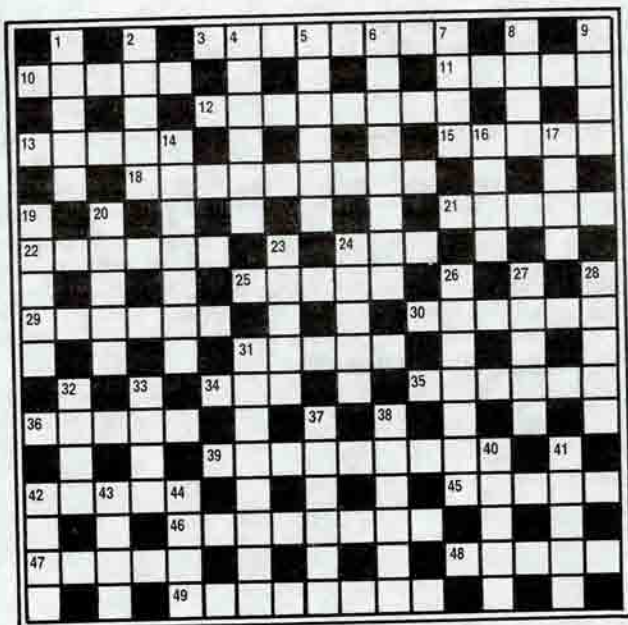
Стеллу осторожно вынули из повозки. Все ее тело было переломано, ноги разбиты, однако она была в сознании. Лошадь только получила ссадины, повозка перевернулась, вожжи запутались в копытах, поэтому лошадь не могла двинуться, лежала на земле и испуганно фыркала.

Наш маленький мальчик вылетел из повозки и ударился о другое дерево. Он лежал, весь покалеченный, на траве и был мертв.

На этот раз меня не пощадило, я не упал в обморок. Я прошел через все в полном сознании, прочувствовал сполна все, что происходило в каждую минуту после столкновения и каждый день тех долгих десяти месяцев, пока Стелла не умерла от ужасных травм.

Я видел призрак Джаннет Хамфри, и она осуществила свою месть. Меня просили рассказать свою историю. Я это сделал. С меня довольно.

Перевод с английского МАРИИ БОРОДИНОЙ.

ЗРУДИТ

По горизонтали.

3. Русский писатель, на чьей могиле лежит камень с могилы Н. Гоголя. 10. В бане много, а в притоне одна. 11. Чудовище с верблюжьей шеей в «Авесте». В каббале оно названо «летучим верблюдом». 12. Чеченский танцовщик, которому подвластны танцы всех народов мира. 13. Одежда Н. Языкова на портрете кисти А. Хрипкова. 15. Тело свое, а душа чужая. 18. Ипостась Мирабо во время Французской революции. 21. Одна из современных «азотных бомб». 22. Венесуэльский глиняный кувшин, отличающийся изяществом. 24. Английский путешественник, первым проникший в Бирму. 25. Владычица, которой в романе Ф. Достоевского кланяется на площади Раскольников и просит у нее прощения за содеянное. 29. Опушка на шапках стрелцов (зверь). 30. Таежный бубенчик на шее у вожака оленьего стада. 31. Старинный челн с толстыми пучками камыша по бокам. 34. Самое теньвыносливое из хвойных деревьев. 35. Художник, чья картина «Корабль» сорок семь дней висела в Музее современного искусства в Нью-Йорке вверх ногами. Больше миллиона зрителей этого не заметили. 36. Страна, где проблема эрозии почв самая острая в мире. 39. «Герой» повести Л. Толстого, изображенный в 1887 году Н. Сверчковым. 42. Столица мирового авангарда. 45. Картина К. Сомова, написанная как урок для современности. 46. Страна, где звание крестьянина исконно считали почетным, а поступление на службу даже к королю — позорным. 47. Денежная еди-

ница, названная в честь маршала — героя борьбы за независимость (Латинская Америка). 48. Древнегреческий архитектор, строитель храма Аполлона в Бассах. 49. Система зеркал солнечного телескопа.

По вертикали.

1. Один из двух основных врагов сахарских ящериц. 2. Иконная риза. 4. Дальневосточная река, на которой русские стали селиться с 1858 года. 5. Теплые чулки, какие в двадцатые годы носили солдаты. 6. Союз государств против Людовика XIV. 7. ...ад-Димашки — арабский поэт, работавший зазывалой на рынке. 8. «Мертвящее упоенье света» в «Евгении Онегине» А. Пушкина. 9. Древнеримская земельная мера. 14. Лаз в погреб, подвал. 16. Единица, в которой тридцать семь миллионов беккерелей. 17. В лесу родилась в доме нарядилась (загадка). 19. Логика, понимание. 20. Физик и электротехник, построивший кабельную телеграфную линию Петербург — Царское Село. 23. Круглая мужская войлочная шляпа в Древней Греции. 24. Цветок, бывший факелом Одиссея, когда он спускался в Аид. 26. Русский адмирал, в молодости служивший волонтером в Англии. 27. Химический элемент, используемый в вакуумной технике как поглотитель газов. 28. Поэт, жестоко пострадавший от герцога Феррарского из-за любви к его сестре. 31. Карьерист на государственной службе. 32. Волевой парадоксальный возврат к тому, что больше не дано. 33. Синоним женщины в средневековой Испании (по распространенному имени). 37. Самый первый в Германии экзистенциалист. 38. Приправа к битню. 40. Объект, который никогда не увидит орел. 41. Обязательный атрибут сбора ягод на грядах в «Евгении Онегине» А. Пушкина. 42. Движение руки экстра-сенса. 43. Узнать, где ... зимуют (узнать очень плохое). 44. Работник, способный собрать часть урожая с хлебного поля.

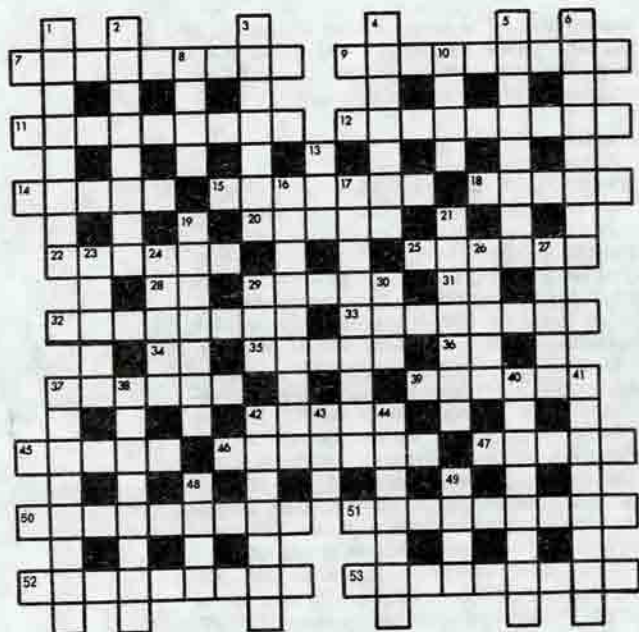
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали.

3. Охотник. 7. Чван. 10. Лопес. 12. ...преимущество... 13. Лоция. 15. Раневская. 17. Манул. 19. Жмот. 23. Лёви. 24. Зарботок. 25. Унжа. 26. Дюйм. 27. Скирканье. 28. Айва. 29. Флер. 33. Голль. 34. ...альфреско... 38. Егеря. 39. Кончаловский. 40. Бокс. 41. Хамса. 42. Грузины.

По вертикали.

1. Рогоз. 2. Целибат. 4. Хора. 5. Трифан. 6. Игумен... 8. Ватнайёкюдль. 9. Неон. 11. Серсо. 14. Русалка. 16. Джоухар. 17. Можжевательник. 18. Бисмарк. 20. Шаири. 21. Монах. 22. Кольцов. 29. Флагман. 30. Афган. 31. Ленотр. 32. Экосез. 35. Просо. 36. Якуб. 37. Пион.

КРОССВОРД
Составил
Ю. БЛЕДНОВ,
Иваново

По горизонтали.

7. Русский бальный танец. 9. Цветок, чье название связисты во время войны часто использовали как позывной. 11. Певучая мелодия. 12. Крупный индонезийский город на острове Калимантан. 14. «Отец» Мюнхгаузена. 15. Злой дух зеленого царства, от которого оберегает одежда, вывернутая наизнанку. 18. Стиль французской мебели. 20. Чистая страница в книге. 22. Одна из двух птиц, охраняющих истоки Нила (по представлениям древних египтян). 25. Музыкальное исполнение не строго в такт. 28. Чужой... не попутчик (поговорка). 29. Щит Зевса. 31. Украинский писатель, написавший роман «Хмельницкий». 32. Самый известный из солдат, закрывших своим телом амбразуру немецкого дзота. 33. Теория о наследственном здоровье человека. 34. Имя певца и актера Монтана. 35. Ро, ..., тау, испилон. 36. Народ, живущий в Китае. 37. Корректорский оттиск с печатного набора. 39. Легендарный советский летчик. 42. Немецкий шахматист, в восемьдесят лет на международном турнире в Гастингсе завоевавший приз за самую красивую партию. 45. Объект, с которого начинается «Театр» по Мозму. 46. Заплечье. 47. Племена, ставшие основой формирования грузинской нации. 50. Образование в живых клетках веществ при участии ферментов. 51. Порода собак-спасателей. 52. Князь, подавлявший новгородское и псковское восстания 1650 года. 53. Общее название добровольцев-смертников в Японии во время второй мировой войны.

По вертикали.

1. Экипаж в фильме «Веселые ребята», подраженный, чтобы провести репетицию оркестра на улицах Москвы. 2. Старинное русское холодное оружие. 3. Автор романа «Танки идут ромбом». 4. Грунт, на который первым из землян ступил американский астронавт Н. Армстронг. 5. Заморская песня, популярная у нас в тридцатые годы. 6. Кумысолечебный курорт в Башкирии. 8. Воинское подразделение. 10. Название легковой машины в стихах В. Маяковского. 13. Нижний прямой парус на передней мачте судна. 16. Пудель по темпераменту. 17. Месяц французского республиканского календаря. 19. Большая ложка с дырками. 21. Азартная игра, в которую А. Чехов «поигрывал весьма умеренно», когда лечился на юге Франции. 23. Большая античная катапульта. 24. Анатолий Курагин как родственник Пьера Безухова в романе Л. Толстого «Война и мир». 26. Русский художник и теоретик искусства, бывший в Версале как у себя дома. 27. Вид транспорта по словарю Эллочки из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. 29. У греков — ..., у римлян — Аврора. 30. Бирманское государство в XIV—XVIII веках. 37. Механик в фильме П. Тодоровского, чей путь к женитьбе на любимой женщине выложен препятствиями. 38. Летательный аппарат легче воздуха. 40. Внутреннее ухо. 41. Покойник-оборотень. 42. Одна из основных философских категорий. 43. «... предков» — повесть Д. Лондона. 44. Один из звуков Полтавской битвы в поэме А. Пушкина. 48. Бог, которого римские моряки считали своим покровителем. 49. Птица, называемая в Южной Африке трубочистом.

283

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали.

1. Агелад. 5. Призма. 10. Эсперанто. 12. Туркменка. 13. Дерн. 14. «Валькирия». 15. Уния. 18. Юмореска. 20. Натруска. 21. Чугун. 22. Арча. 24. ...уста... 25. Менухин. 26. Фуга. 27. Шанс. 29. Бочка. 31. Соловьев. 32. Цикламен. 36. Рота. 37. ...удивление. 38. Яйцо. 41. Миллиметр. 42. Джорджоне. 43. Ляпсус. 44. Анклав.

По вертикали.

2. Гипербола. 3. Лорд. 4. Дончанка. 5. Партизан. 6. Ирма. 7. Миноноска. 8. Рэндзю. 9. Халява. 11. Ольо. 12. «Таис». 16. Жемчугова. 17. Ярославль. 19. «Кукушка». 20. Нулин. 23. Белов. 26. Филателия. 28. Самойлова. 29. Берджесс. 30. Кикимора. 31. Сурьма. 33. Неоген. 34. Двор. 35. Рейд. 39. Китс. 40. Едок.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Начинаем публикацию оригинальных композиций, присланных нашими читателями на V международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр, проводимый журналом «Смена» по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки (условия конкурса см. в № 12, 1995 г.).

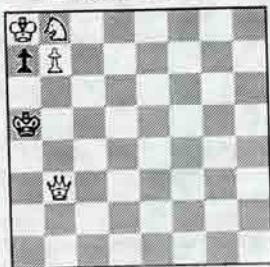
Напоминаем начинающим составителям: миниатюрами называются задачи с общим количеством фигур не более семи.

Приглашаем участвовать в конкурсе всех желающих!

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

1. В. АНТИПОВ

г. Боровичи
Новгородской обл.

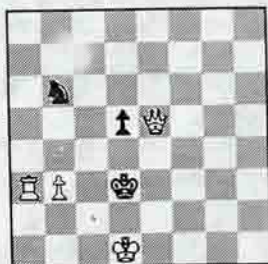

Мат в 2 хода

б) без п. 67

2. Р. ЛИНКОЛЬН

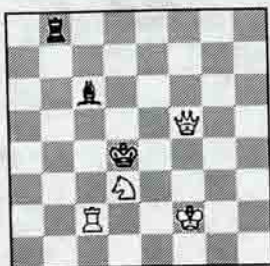
США

Мат в 2 хода

3. В. ДЯЧУК

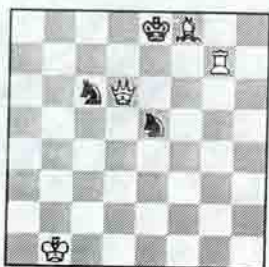
г. Мукачево, Украина

Мат в 2 хода

4. Л. ЛАРСЕН

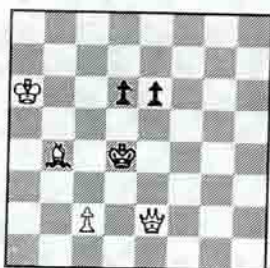
Дания

Мат в 2 хода

5. В. МАРКОВЦИЙ

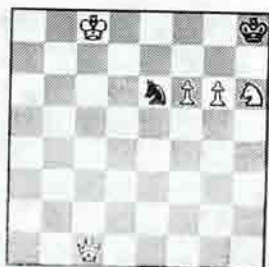
п. Ильница, Украина

Мат в 2 хода

6. Н. ЗИНОВЬЕВ

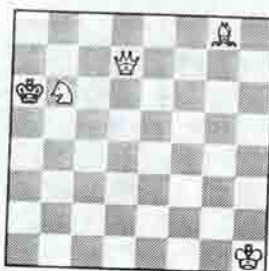
*Усть-Каменогорск
Казахстан*

Мат в 2 хода

7. С. ДЕМИДЮК

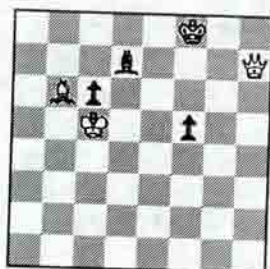
Брест, Беларусь

Мат в 3 хода

8. Н. КРАЛИН

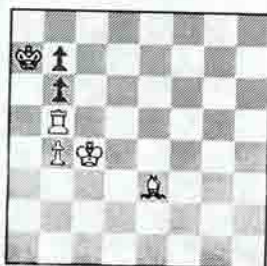
Москва

Мат в 3 хода

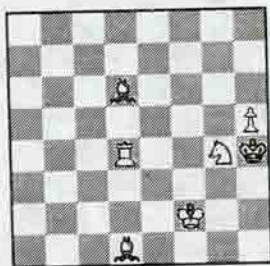
9. А. СКРИПНИК

г. Зеленоград

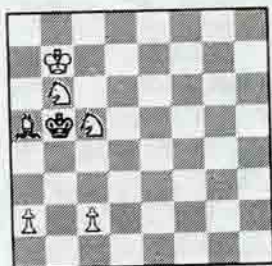
Мат в 3 хода

10. В. КОЖАКИН
Магадан

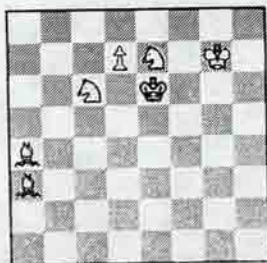
Мат в 3 хода

11. Н. ЗИНОВЬЕВ
г. Усть-Каменогорск
Казахстан

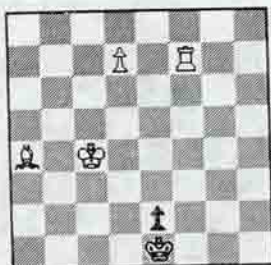
Мат в 3 хода

12. Л. ЛАРСЕН
Дания

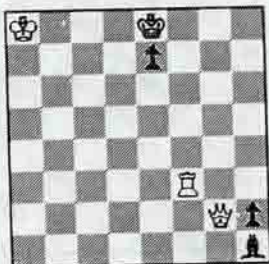
Мат в 3 хода

13. Р. УПСТРЕМ
Швеция

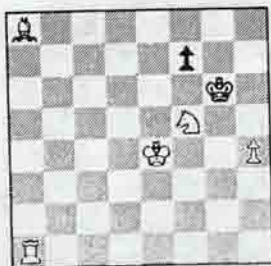
Мат в 4 хода

14. М. КОРМИЛЬЦЕВ
Екатеринбург

Мат в 4 хода

**15. Ю. ОВЧИННИКОВ и
Г. КУРБАНОВ**
г. Первоуральск

Мат в 4 хода

ИВАН МИЛЯЕВ

К Ивану Мильяеву звезды были благосклонны с самого рождения. Родился он в семье, так сказать, научно-художественной. Мать его — блистательная актриса театра «Современник», знакомая нам по многочисленным фильмам, — Людмила Иванова. Отец — доктор физико-математических наук. Однако и он, несмотря на свою «сухую» профессию, не чужд искусству. Люди старшего поколения, видимо, еще помнят барда 60-х годов Валерия Мильяева.

В доме Ивана всегда царила творческая атмосфера, и казалось, что мальчику открыта прямая дорога на сцену. И она действительно привела его в театр. Но Иван не стал ни актером, ни певцом. Звезды распорядились по-своему. Он стал театральным художником. Окончив художественно-постановочный факультет школы-студии МХАТ, несколько лет проработал в театре Российской Армии. А затем

стал свободным художником.

Живопись Ивана Мильяева спокойна и уютна. Он сознательно уходит от суетности бытия. Его не привлекают взрывные ситуации, облачная философичность, всевозможные жизненные коллизии. Напротив, все тонко, нежно и поэтично. Скорее всего это идет от его характера — созерцательность, мягкий юмор, уравновешенность в нем преобладают. Он пишет пейзажи, красочные, «вкусные» натюрморты. Страсти не бушуют ни в его душе, ни в его полотнах. Все размеренно, свободно... Старая Москва с ее эклектикой, тихими улочками, симпатичными двориками; опушка леса, освещенная утренним солнцем. А глядя на его «Заход солнца», который в жизни уже и замечать-то перестали, понимаешь — именно подобных камерных чувств — мечтательных и затаенных, пронзительных в своей глубине — нам и не хватает.

У Ивана есть интересная серия работ, посвященная японским садам. Еще с средневековья сады в этой стране были не только декоративным дополнением к архитектуре, но служили местом для размышлений, самопогружений...

Отрыв от реальности, видимо, и привлек художника. Полотна «Садов» загадочны и в то же время просты — немного мистики, немного романтизма.

Но восточная культура с ее традициями, самобытностью все же далека от художника. Его духу ближе, конечно же, Европа. В свои 33 года он исколесил ее почти всю. И из каждой поездки привозил множество рисунков, набросков, этюдов. И еще долго, уже дома, в Москве, находился под впечатлением увиденного, что и вдохновляло его на новые серии работ. Виды Италии с ее восхитительно синим небом, роскошной южной природой. Каналы Венеции с теснящимися гондолами, старинными «подбитыми» водой домами. Но особое отношение у художника к Франции. Он всегда говорит, что после Москвы второй его любимый город — Париж. И знает он его, пожалуй, так же хорошо, как и первопрестольную. Миляев пишет столицу Франции с любовью. В Жаверни под Парижем, посетив дом-музей Клода Моне (там представлен последний период творчества мастера, малоизвестный у нас), надолго попал под влияние этого художника. Вообще традиции французского импрессионизма и постимпрессионизма сыграли большую роль в становлении его творчества. Но он не копирует признанных мастеров, а переосмысливает в своем собственном видении, опираясь на школу русского реализма.

Однажды, гуляя по Парижу, Иван набрел на небольшую частную галерею, располагавшуюся на Монмартре. Познакомился с ее

хозяйном, и тот предложил Ивану выставить у него свои картины. После этой выставки уже другие галереи Парижа предложили художнику свои салоны. Два года назад прошла его персональная выставка в галерее «Ле-Ша-Паша», расположенной в одном из престижнейших кварталов Парижа.

Ни многочисленные поездки, ни постоянное участие во всевозможных выставках не мешают Ивану заниматься, как он сам считает, главным делом жизни. Когда-то, еще в детстве, родители, заметив тягу сына к рисованию, определили его в художественную школу. И здесь благосклонные к нему звезды не оставили мальчика без внимания. Школа оказалась богата талантливыми педагогами. Своих воспитанников они учили не только «единству формы и цвета», «колорита и композиции», пониманию мудреностей типа «пространственно-конструктивная целостность мира». Они прививали ребятам любовь к «просто» миру, к его красоте и неповторимости. Учили замечать тончайшие нюансы, откладывать все это в своем сердце, а затем переносить уже пережитое, осмысленное на холст.

Иван вернулся в свою старую школу, но уже как преподаватель. Как он любит повторять, его задача — «просветлять юные души», вселять в них «доброе, духовное». Он говорит ученикам, что живопись — это образ жизни и всегда следует прислушиваться к своей душе, писать то, что нравится, к чему влечет, что волнует. И только тогда возникнет ощущение просветленности, ясности, придут радость и душевный покой, к чему и должен стремиться художник в своем творчестве.

ИВАН МИЛЯЕВ. Люксембургский сад. Париж.

Загадочный перевал.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Мадонна в глоте. Деталь.